

СВЯТИТЕЛЬ
ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ

ИЗБРАННЫЕ
ПИСЬМА

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Валерий Духанин

Избранные творения.

Избранные письма

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21602154

Избранные письма/ Игнатий (Брянчанинов), святитель, епископ Черноморский и Кавказский. Сост., автор пред. свящ. В. Духанин. – М.: Сибирская Благовонница, 2016.-710, [26] с.: Сибирская Благовонница; Москва; 2016

ISBN 978-5-906793-31-7

Аннотация

Для современного человека, желающего серьезно проводить духовную жизнь, творения святителя XIX века Игнатия (Брянчанинова) являются незаменимым руководством. В них сосредоточен предшествующий опыт святоотеческой аскетической мысли, и этот опыт святитель Игнатий воплотил в собственной жизни. В его писаниях ясно раскрывается сущность правильного духовного пути, а также разъясняются те тонкости духовного делания, которые могут быть неверно истолкованы при чтении древних аскетических трактатов. Жизнь святителя стала подтверждением того духовного закона, что никакие искушения, обстоятельства времени или особенности личного положения в

обществе не могут препятствовать единению духа человеческого с Духом Божиим. Издание опирается на собрание писем, подготовленное игуменом Марком (Лозинским; † 1973), горячим почитателем святителя Игнатия и усердным тружеником на ниве собирания сведений о жизни святителя, о его литературных трудах и особенностях аскетического учения.

Содержание

Предисловие	15
Письма к монашествующим1	19
Письмо 1	20
Письмо 2	23
Письмо 3	26
Письмо 4	29
Письмо 5	38
Письмо 6	40
Письмо 7	42
Письмо 8	44
Письмо 9	46
Письмо 10	49
Письмо 11	52
Письмо 12	55
Письмо 13	58
Письмо 14	68
Письмо 15	72
Письмо 16	74
Письмо 17	75
Письмо 18	76
Письмо 19	78
Письмо 20	80
Письмо 21	86

Письмо 22	88
Письмо 23	90
Письмо 24	92
Письмо 25	94
Письмо 26	96
Письмо 27	99
Письмо 28	103
Письмо 29	106
Письмо 30	108
Письмо 31	110
Письмо 32	113
Письмо 33	116
Письмо 34	119
Письмо 35	121
Письмо 36	122
Письмо 37	123
Письмо 38	125
Письмо 39	128
Письмо 40	129
Письмо 41	135
Письмо 42	142
Письмо 43	144
Письмо 44	148
Письмо 45	151
Письмо 46	154
Письмо 47	156

Письмо 45	158
Письмо 49	159
Письмо 50	161
Письмо 51	163
Письмо 52	167
Письмо 53	169
Письмо 54	171
Письмо 55	174
Письмо 56	175
Письмо 57	177
Письмо 58	179
Письмо 59	181
Письмо 60	182
Письмо 61	183
Письмо 62	194
Письмо 63	196
Письмо 64	198
Письмо 65	200
Письмо 66	202
Письмо 67	205
Письмо 68	207
Письмо 69	215
Письмо 70	217
Письмо 71	219
Письмо 72	222
Письмо 73	225

Письмо 74	228
Письмо 75	229
Письмо 76	231
Письмо 77	236
Письмо 78	248
Письмо 79	254
Письмо 80	257
Письмо 81	258
Письмо 82	259
Письмо 83	261
Письмо 84	262
Письмо 85	264
Письмо 86	266
Письмо 87	267
Письмо 88	268
Письмо 89	269
Письмо 90	271
Письмо 91	275
Письмо 92	290
Письмо 93	300
Письмо 94	319
Письмо 95	339
Письмо 96	348
Письмо 97	353
Письмо 98	356
Письмо 99	365

Письмо 100	371
Письмо 101	376
Письмо 102	377
Письмо 103	378
Письмо 104	380
Письмо 105	382
Письма к мирянам	384
Письмо 106	385
Письмо 107	387
Письмо 108	389
Письмо 109	391
Письмо 110	393
Письмо 111	395
Письмо 112	398
Письмо 113	401
Письмо 114	405
Письмо 115	410
Письмо 116	413
Письмо 117	414
Письмо 118	416
Письмо 119	419
Письмо 120	422
Письмо 121	424
Письмо 122	426
Письмо 123	429
Письмо 124	432

Письмо 125	434
Письмо 126	436
Письмо 127	438
Письмо 128	441
Письмо 129	448
Письмо 130	459
Письмо 131	467
Письмо 132	469
Письмо 133	472
Письмо 134	475
Письмо 135	477
Письмо 136	479
Письмо 137	485
Письмо 138	487
Письмо 139	489
Письмо 140	491
Письмо 141	493
Письмо 142	496
Письмо 143	498
Письмо 144	501
Письмо 145	503
Письмо 146	509
Письмо 147	513
Письмо 148	518
Письмо 149	521
Письмо 150	526

Письмо 151	532
Письмо 152	537
Письмо 153	539
Письмо 154	542
Письмо 155	545
Письмо 156	550
Письмо 157	553
Письмо 158	561
Письмо 159	564
Письмо 160	566
Письмо 161	568
Письмо 162	571
Письмо 163	573
Письмо 164	576
Письмо 165	581
Письмо 166	584
Письмо 167	587
Письмо 168	589
Письмо 169	592
Письмо 170	594
Письмо 171	596
Письмо 172	598
Письмо 173	601
Письма к родным и друзьям	603
Письмо 174	603
Письмо 175	606

Письмо 176	609
Письмо 177	611
Письмо 178	612
Письмо 179	613
Письмо 180	614
Письмо 181	615
Письмо 182	617
Письмо 183	619
Письмо 184	622
Письмо 185	624
Письмо 186	626
Письмо 187	628
Письмо 188	630
Письмо 189	632
Письмо 190	634
Письмо 191	636
Письмо 192	639
Письмо 193	642
Письмо 194	645
Письмо 195	646
Письмо 196	648
Письмо 197	650
Письмо 198	652
Письмо 199	654
Письмо 200	656
Письмо 201	658

Письмо 202	660
Письмо 203	662
Письмо 204	663
Письмо 205	667
Письмо 206	670
Письмо 207	672
Письмо 208	674
Письмо 209	676
Письмо 210	678
Письмо 211	680
Письмо 212	681
Письмо 213	682
Письмо 214	684
Письмо 215	685
Письмо 216	687
Письмо 217	689
Письмо 218	691
27 января 1859 года	692
Письмо 220	694
Письмо 221	696
Письмо 222	698
Письмо 223	701
Письмо 224	702
Письмо 225	704
Письмо 226	706
Письмо 226	708

Письмо 227

710

Примечания

712

**Игнатий (Брянчанинов),
святитель, епископ
Черноморский
и Кавказский
Избранные письма**

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Рус-
ской Православной Церкви*

ИС Р15-531-3502

Предисловие

Вниманию читателя предлагается новое издание избранных писем святителя Игнатия (Брянчанинова; † 1867).

Уже ни для кого не секрет, что творения святителя Игнатия входят в сокровищницу лучших святоотеческих сочинений, восполняющих духовные нужды христиан нашего времени. Отдельные произведения святителя для многих стали настольными книгами и служат незаменимым руководством на пути личной духовной жизни. А сам святитель Игнатий являет собой пример и образец подлинного служения Богу среди всевозможных испытаний и невзгод мира сего.

При этом в собрании творений святителя особое место занимают его письма. В письмах раскрываются те сокровенные стороны души, которые святитель открывал далеко не каждому. Здесь мы видим те тепло и откровенность, с которыми святой угодник обращался к своим адресатам. Письмо – всегда живой голос, исходящий из непосредственных чувств сердца и обращенный к людям по поводу конкретных духовных нужд или жизненных проблем. Читая письма святителя, мы в какой-то степени тоже становимся его адресатами, а тепло и откровенность его души передаются нам.

Сам святитель Игнатий никогда не задумывался о публикации своих писем и не высказывал подобных желаний. Если все остальные его сочинения тщательно выверялись, то пись-

ма написаны более непосредственно, как выражение живого религиозного чувства и личного духовного опыта. Но именно в связи с этим, письма святителя являются прекрасным введением в его аскетическое наследие, ключом к пониманию его духовных идеалов. И может быть даже невозможно до конца понять и осмыслить «Аскетические опыты» святителя, не познакомившись предварительно с письмами. После их прочтения становится понятно, чему святитель уделял особое внимание, какие акценты делал и почему именно он так учил.

Письма, отражая конкретные переживания святителя Игнатия, приоткрывают завесу над сокровенной стороной его жизни, личных душевных исканий и духовной заботы о людях, которых Господь привел под руководство святителя. Хочется надеяться, что читатель писем святителя в какой-то степени тоже станет его учеником и духовным последователем.

В данном издании опубликованы избранные письма святителя Игнатия, наиболее относящиеся к вопросам духовной жизни, которые, как представляется, будут особенно полезны широкому кругу читателей. Издание опирается на собрание писем, подготовленное игуменом Марком (Лозинским; † 1973), горячим почитателем святителя Игнатия и усердным тружеником на ниве собирания сведений о жизни святителя, о его литературных трудах и особенностях аскетического учения.

Дай Бог, чтобы читатель приобщился к духовному богатству, обильно содержащемуся в письменном наследии святителя Игнатия (Брянчанинова), и нашел его применение в личной духовной жизни.

Священник Валерий Духанин

* * *

В 1967 году, к столетию со дня блаженной кончины епископа Игнатия (Брянчанинова) (30.05.1867 г.), в Московской духовной академии впервые было составлено «Полное собрание писем...» известного архипастыря подвижника Русской Церкви святителя Игнатия (Брянчанинова).

Это собрание состоит из трех объемистых машинописных томов общей численностью 1425 страниц и насчитывает 835 писем. В «Полное собрание...» вошли все ранее изданные письма почившего иерарха, а так же и вновь найденные (200 писем) в различных архивах.

«Полное собрание писем...» содержит множество ценных наставлений и советов в духовной жизни христианина, прекрасно отображает духовный образ великого подвижника Русской земли – преосвященного Игнатия и содержит некоторые ранее неизвестные биографические сведения, но при всех этих достоинствах оно очень громоздко и не может быть доступно для почитателей памяти Владыки.

Сборник – «Избранные письма епископа Игнатия (Брян-

чанинова)» составлен на основе «Полного собрания...» с исключением из него всех тех писем и отдельных мест, которые не имеют нравственно-назидательного значения. Сохранена в этом сборнике и последовательность писем «Полного собрания...» – письма к монашествующим, мирянам, родным и друзьям.

В заключение покорно прошу прощения у читателей и молитв, чтобы Господь не вменил во грех, что опустил некоторые письма, а некоторые предельно сократил, имея при этом одну цель: в возможно кратком виде представить неоцененное сокровище святителя Игнатия – его учение о духовной жизни христианина для лиц, ищущих духовной пищи.

Игумен Марк (Лозинский)

Письма к монашествующим¹

Письмо 1

К высокопреосвященнейшему митрополиту Московскому Филарету. Отказ от назначения цензором духовных книг и причины этого

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Когда имел я счастье быть у Вас и Вам благоугодно было спросить, не имею ли усердие участвовать в цензуре духовных книг, – то внезапность вопроса не позволила мне представить на благорассмотрение Вашего Высокопреосвященства удовлетворительного ответа. Сими строками хочу пополнить оный.

Нахожу должность цензора весьма для себя отяготительною и по душе и по телу. По телу: должен я по крайней мере в неделю раз ездить в Петербург, для общих совещаний с прочими членами цензурного комитета. Весьма часто должно будет мне являться для объяснений и к членам Святейшего Синода, в случае их нездоровья или отлучки должен повторить приезд. Для человека, живущего в столице и пользующегося здоровьем, сие удобно и легко; но мне при сильном расстройстве нервов, загородному жителю, – до безме-

рия отяготительно. За каждую поездку в город плачу дорого; должен лежать целые сутки, так ослабну, так заломит кости!

По душе: решился я принять монастырскую жизнь не для цели честолюбия земного, ниже для цели пострижения; напротив, должен был не без сильной душевной борьбы отказаться от честолюбивых видов и призраков, являвшихся мне во всем блеске в мирской моей жизни. Если присовокупить к сему любовь моих родителей, то могу сказать: сколько сделал я пожертвований многоценных, дабы наследовать уединенную келлию, то село, на коем скрыт бесценный бисер! Десять лет уединяясь (более или менее) в келлии и отвлекая ум мой от многообразности и многочисленности предметов – уже чувствуя, что многие воспоминания во мне замерли, – не могу без очевидного бедствия душевного вдаться в море забот внешних, суждений, прений, выездов, – в жизнь путешественника. Самым пребыванием в Сергиевой пустыне до зела отягощаюсь, – и единственно потому не утруждаю просьбою об увольнении из оной Государя Императора, чтобы не быть перед Ним до конца неблагодарным, – молчу до времени, ожидая, что перст Божий укажет мне приличное к уединению время. О сем прилежно молю Господа. Изволили также спрашивать: чем я занимаюсь? Поверьте, нет у меня лишнего времени. Не говорю уже о том, сколько оного похищает у меня слабость тела, монастырские заботы, – а паче всего выезды.

Прошу и убеждаю Ваше Высокопреосвященство: как ми-

милостивое расположение Ваше и доверенность внушили Вам мысль возложить на меня упомянутую должность, так оно же милостивое расположение и внимание к слабостям моим, к душевному направлению и к покорнейшей просьбе да убедит Вас оставить грешного Игнатия плакаться о гресех его. Довольно, предовольно для осуждения моего на Страшном Суде Христовом собственных грехов и настоятельного ига, недостойно носимого. Прошу святых молитв и прощение за многословие.

Архимандрит Игнатий.

21 декабря 1837 года

Письмо 2

К Высокопреосвященному митрополиту С.-Петербургскому Исидору. О духовном и телесном подвигах

Благосклонному и благочестивому вниманию Вашего Высокопреосвященства имею честь представить труд мой — книгу под названием «Аскетические опыты». В книге изложены понятия о духовном подвиге, которые почерпнуты мною в течение долговременного созерцания монашества как в живых представителях его, так и в писаниях святых отцов.

По настоящему положению монашества в России и вместе по состоянию общества в духовно-нравственном отношении, ближайшее ознакомление и монашества и общества с правильным образом подвижничества оказывается особенно нужным и полезным. Уважение к телесному подвигу, когда он предоставлен лишь самому себе, уважение, воздававшееся во времена простоты, миновало. Миновало оно по той весьма естественной причине, что монахи, занимающиеся исключительно телесным подвигом, не могут дать должного отчета в монашеской жизни ни себе, ни братьям своим, жи-

вущим посреди мира. Притом занятие телесным подвигом в той степени, в какой занимались им старинные монахи, ныне очень, очень ослабело по причине общего упадка сил и здоровья в человеке. Занятие это уже не воспроизводит атлетов, которые возбуждали бы удивление к себе, обнаруживая что-либо сверхъестественное.

Духовный подвиг образует истинных, сознательных монахов, и его-то вызывает, так сказать, на поприще деятельности современная образованность. Он, один он может ввести в монастыри и поддерживать в монастырях строго-нравственный порядок, доставляя братству точные, правильные, глубокие понятия о христианстве, доставляя братству разумную свободу, соединенную с разумным духовным подчинением, образуя в братстве духовную силу и связь. Он, один он может облечь монаха во всеоружие для отрешения современных, враждебных Церкви учений, сообщая монаху ощущение гармонии между евангельским учением и свойствами души человеческой. Он вводит монаха в правильное самовоззрение и истекающее из этого самовоззрения сознание своего падения и необходимости в Искупителе. Сам телесный подвиг, приведенный к нормальному значению своему подвигом духовным, действует в подвижнике с особенною благотворностью, которой он чужд, когда действует один.

Расположение и покровительство, оказываемые Вашим Высокопреосвященством монашеству, Ваше усердие и ревность к поддержанию его и возведению в преуспеяние, пред-

начертанное церковным преданием, внушили мне дерзновение предоставить взорам Вашим составленную мною книгу...

Испрашивая себе Ваше Архипастырское благословение и поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

Письмо 3
Архиепископу Херсонскому
и Таврическому Гавриилу.
Благодарность за память и
краткое описание своей жизни
и жизни своих родственников

Ваше Высокопреосвященство! Милостивейший Архипастырь!

Доселе не могу опомниться от письма Вашего: я утешен, упоен утешением! Читаю письмо Ваше, перечитываю, радуюсь, и паки к чтению письма влекусь желанием ненасытно. Как! ни дальность времени, ни перемена многих разнообразных обстоятельств, ни новые союзы дружбы не могли ослабить в Вас того милостивого, искреннего расположения, которое Вы получили к моему родителю и всему нашему семейству! Кажется, – время, истребляющее, по крайней мере весьма ослабляющее впечатление, в Вас только дало им более жизни и силы. Это чудо, восхитительное чудо, Вы пролили в сердце мое радость небесную! Да вознаградит Вас Бог за чувство сладости райской, которое Вы излили в сердце мое письмом, дышущим любовью! Спешу уведомить Вас, что письмо Ваше застало родителя моего в те минуты, как

он хотел ехать обратно в Вологду из Сергиевой пустыни, куда приезжал на две недели для свидания со мною после пятилетней разлуки. Он, прочитав письмо, рыдал о бесчисленных, разнородных чувствований, скопившихся в сердце, он просит Вашего Архипастырского благословения и молитв. Из детей я, старший, Дмитрий, который и прежде пользовался особенным Вашим расположением, о котором Вы говорили Александру Семеновичу: уступите его в монашество! Ненаглядный Сенюша с другим братом служат в Семеновском полку. Четвертый брат, по старшинству второй, есть тот, который имел счастье быть у Вас в Екатеринославе. Три сестры, две замужем, одна вдовствует. При вступлении моем в разряд послушников, спешил я в Орловскую епархию, монашеством обильную, надеясь найти в ее пастыре и покровителя и наставника. Достигаю Орловских пределов и искомого не обретаю; Промыслу угодно было малыми скорбями доставить мне малую опытность, столько нужную в жизни, особенно монашеской. Мне от роду 32 года, родителю моему 59; столько же или не многим более Павлу Алексеевичу Шитилу, которого на днях ожидают сюда. Как родитель мой, так и Павел Алексеевич Шитилов уже старцы, покрытые сединой. Шитилова Елизавета Николаевна, лишившись двух старших детей, сына, доброго и даровитого Алексея, убитого на сражении, и дочери, скончавшейся скоропостижно, крайне повредила в здравии. Одно ее утешение – единственный сын Леонид, коего едва ли Вы знае-

те. Вот малейшая часть моего отчета, которую Вам представляю; впредь надеюсь дополнить.

Сто крат повторяю мою благодарность за столь нежную память Вашу. Поручаю себя

Вашим молитвам и благословению, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейший послушник (на подлинном подпись)

Архимандрит Игнатий.

15 февраля 1839 года

Письмо 4

Некоторому архиепископу, присутствовавшему в Святейшем Синоде (Курскому Илиодору)

Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую, сердечную признательность за милостивое, христианское участие в моих обстоятельствах! Видя такое Ваше участие, позволяю себе беспокоить Вас этими строками; по самому участию Вашему примите их благосклонно, рассмотрите изложенное в них при свете духовного рассуждения, которым Господь одарил Вас.

В указе Консистории прописана мне следующая резолюция Преосвященного Викария Санкт-Петербургского с требованием от меня отзыва: «Консистория имеет спросить настоятеля Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия: не пожелает ли он воспользоваться временным отпуском для излечения, и в таком случае Архимандрит Игнатий в отзыве своем имеет рекомендовать то лицо, которому благонадежно может быть вверено исправление лежащих на Архимандрите обязанностей впредь до возвращения его по выздоровлении».

Каждое дело, по мнению моему, имеет свой естествен-

ный ход, от которого уклониться трудно, которому споспешествуют самые препятствия. Вы меня не осудите, если скажу, что вижу в делах человеческих невидимое, но мощное действие Промысла Божия, который, по учению преподобного Исаака Сирского, особенно бдит над оставившими суетный мир для взыскания Бога, Спаса своего. *Судьбы Твоя помогут мне*², — воспевал боговдохновенный Давид.

В резолюции Преосвященного Викария я нашел и нахожу указание, чтоб я дал именно тот отзыв, который мною дан, отзыв, согласный с прошением о увольнении меня, поданным не в минуту душевного волнения, но надуманным годами и оттого имеющим характер твердости и основательности. Тем, что предоставляется мне указать на лицо благонадежное для управления монастырем во время моего отсутствия, оставляются на мне заботы о благосостоянии монастыря и ответственность за все могущее встретиться. При назначении такого лица, мне невозможно обидеть моего наместника устранением его от поручения; — невозможно устранить его, потому что он один мог бы, при благоприятных обстоятельствах, поддержать Сергиеву пустынь в том виде, в каком она теперь; невозможно указать на него по известным к нему отношениям Преосвященного викария, который может своими распоряжениями связать, исказить все его распоряжение, расстроить монастырь, а вину расстройства, им самим произведенного, возложить на наместника. По подобным распоряжениям его Преосвященства и

мне нельзя долее оставаться настоятелем Сергиевой пустыни, если б даже болезненность моя не вынуждала меня к удалению. Сказав это, останавливаюсь распространяться! Весьма рад, что болезненность моя дает мне полновесный повод к удалению и избавляет от отвратительного многословия, должествующего состоять из оправданий и обвинений, что так противно учению Христову, что мучит душу, хотя несколько вкусившую сладость мира, истекающего из соблюдения заповедей кротчайшего Господа Иисуса Христа.

Резолюция Преосвященного викария сохраняет по самому естественному ходу дела, обнаруживающему, впрочем, залог сердечный, общий характер его поведения относительно меня. Это – фигура, это – слова, из которых образуется какая-то маска, при первом, поверхностном взгляде кажущаяся чем-то. Вглядитесь в нее поближе, – увидите безжизненность, картон, белила, румяна, неблагоприятное, неблагоприятное расположение, неблагоприятное расположение. Опять оставляю распространяться. *Да не возглаголют уста моя дел человеческих*³, да не пресмыкается мысль моя в земном прахе, да не блуждает в соображениях человеческих, темных и производящих одно смущение, «да помянет она чудеса Божии и судьбы уст Его, яко той Бог наш, по всей земли судьбы Его».

Скажу Вашему Высокопреосвященству просто и прямо: болезненность моя требует совершенного удаления моего из Сергиевой пустыни навсегда. Обстоятельства содействуют удалению. Вижу в этом судьбы Божии, вижу благодетель-

ствующую мне руку Божию, ведущую меня в уединение, – *да узрю грех мой и попекуся о нем*⁴. В глазах моих люди в стороне. Действует Промысл Божий, в деснице которого люди – орудия, орудия слепые, когда благоволят о слепоте своей. От зрения

Промысла Божия сердце мое сохраняет глубокий мир к обстоятельствам и людям. А мир сердца – свидетель святой Истины!

Когда в день преподобного Сергия Вы, святой Владыка, находились в Сергиевой пустыне для священнодействия; тогда в духовной, искренней беседе я сказал Вашему Высокопреосвященству, что имею неперменное намерение уклониться от должности в безмятежное уединение. С тою целью оставил я мир, с этой постоянною целью совершаю двадцатый год в монастыре. Я всегда желал глубокого уединения, боялся его, признавая себя несозревшим к нему; боялся самочинно вступить в него. Но когда указывается оно Промыслом Божиим, то благословите меня, грядущего во имя Господне!

Как уже оставляющий настоятельство Сергиевой пустыни, могу с откровенностию сказать об отношениях сердца моего к этой обители. Четырнадцатый год провожу в ней – и ни к чему в ней не прилепилось мое сердце, ничто в ней мне не нравится. Только к некоторым братьям я питаю истинную любовь! Кажется – едва выеду из Сергиевой пустыни, – забуду ее. Я занимался устройством ее, как обязанностию; при-

нуждал себя любить Сергиеву пустынь, как в Инженерном училище принуждал себя любить математику, находить вкус в изучении ее сухих истин, переходящих нередко в замысловатый вздор. Стоящая на юру, окруженная всеми предметами разнообразного, лютого соблазна, обитель эта совершенно не соответствует потребностям монашеской жизни. Быть бы тут какому-либо богоугодному заведению и при нем белому духовенству! Не по мысли мне монастырь – Сергиева пустынь. И я ей был не по мысли: поражая меня непрестанными простудными и геморроидальными болезнями, производимыми здешними порывистыми ветрами и известковою водою, она как будто постоянно твердила мне: ты не способен быть моим жителем, – поди вон!

Всякое решение Святейшего Синода приму с благоговением и с благодарностию: уволят ли совершенно на покой, скажут ли, что увольняют впредь до выздоровления, – за все благодарен. Я мог однажды привести ее в некоторый порядок, другой раз к такому труду не способен! Нужно было образовать сердца, воспитать новых монахов из юношей, ими заменить старожилов, окостеневших в своих навыках. Для этого нужно время, нужны годы, нужны нравственные и телесные силы: они истощились, повторение такого же труда для них невозможно! Изможденное болезнями тело требует отдохновения, спокойствия; душа, насмотревшись на суету всего временного, хочет быть сама с собою; перед нею открывается вечность; она готовится в путь отцов своих,

находит нужду, крайнюю нужду к этому приготовлению; сократилось, исчезло пред нею время остальной моей жизни. В вечность! В вечность! Туда – и взоры, и мысли, и сердце!

Некоторые устрашают меня теми неудобствами, с которыми бывает сопряжена жизнь на покое не только настоятелей, но и архиереев. Отвечаю: нет рода жизни без своих скорбей; но я высмотрел жизнь монастырскую подробно, не только сверху, но и снизу, проводивши многие годы послушником. Точно, пришлось видеть некоторых настоятелей, живущих будто бы на покое, но на самой вещи на беспокойствии в полном смысле. Опять видел других настоятелей, для которых оставление должности и жительство на покое было средством к достижению сугубого спокойствия и по душе, и по телу. В пример последних могу представить почившего в Боже, известного по благочестию, отца Феофана, архимандрита Новоезерского: я имел счастье его видеть, имел счастье с ним беседовать. По моему мнению, заимствованному из учения преподобных наставников монашества, утвержденному собственными наблюдениями, настоятель, живущий на покое, если возлюбит поучаться в законе Божию, если изберет в жребий свой участь Марии, остережется от всякого участия в части Марфиной, то проведет тихо, безмятежно дни свои, особенно в монастыре пустынном и общежительном. Есть у меня советник, которого советом я руководствуюсь в моем поведении при настоящих обстоятельствах. Пленяюсь его советом, увлекаюсь им! «Блаженни, – говорит он, – пре-

поясавшиеся по чреслам своим к морю скорбей, простотою и неиспытным образом, любви ради, яже к Богу, и не давши плещи. Сии скоро к пристанищу Царствия спасаются, и почивают в селениях добре потрудившись, и утешаются от злострадания своего, и радуются во веселии надежды своея... размышляющий же много помышления, и хотящий зело быти премудрии, и предающий себе обращением помыслов и боязни, и предуготовляющийся, и предзрети хотящий вредительные вины, множайшии из сих при дверех домов своих выну сидяще обретаются. Якоже рекшии: сыны исполинов видехом тамо, и бежом пред ними яко пружи. Сии суть во время скончания своего обретающийся на пути, присно хотящий быти премудри, положите же начала отнюдь не хотяще. Невежда же плавает с первою теплотою и переплывает, попечение о теле отнюдь не творя...

Внемли себе, да не будет многость премудрости твоя поползновение души твоей и сеть пред лицом твоим: но на Бога уповая, с мужеством положи начало пути, исполненного крове, да не обрягнешися присно скуден и наг разума Божия. Бояйся же и ждый ветров, не имать сеяти... Сего ради не упремудряйся излишнее отнюдь, но даждь место вере в мысли твоей, и поминай дни оны многие, и будущие и неисповедимые веки, сущие по смерти и Суде, и не внидет некогда слабость к тебе... С мужеством начни всякое дело благо, и да не с двоедушием приступиши к нему, и да не усумнишися в сердце твоём о надежде Божией... Но веруй в сердце

твоим, яко милостив есть Господь, и взыскающим Его даст благодать яко мздовоздаятель, но не по деланию нашему, но по усердию душ наших и вере. Глаголет бо: “яко же веровал еси, буди тебе”»⁵.

Мое настоящее положение очень похоже на то, в каком я был при оставлении мирской жизни. Многие судили и рядили о нем; но редкие – при правильном взгляде на предмет. Отречение от мира может ли быть понято, истолковано теми, которые вполне пленены миром, погружены умом, сердцем, телом в наслаждение мира? Учение отцов Церкви извлекло меня из мира: оно помогало в терпении скорбей от мира: оно зовет в уединение, чтоб там всмотреться в вечность прежде вступления в ее неизмеримые области. Читаю, вижу в себе, что, побыв в уединении, сделаюсь окончательно неспособным ко всякого рода наружным должностям!.. Уединение действует как трава: умерщвляет.

Вы являете столь обильное расположение ко мне, что я считаю излишним просить Вас о чем-либо. Открывая пред Вашим Высокопреосвященством мое состояние по душе и телу, я предоставляю все прочее на Ваше рассуждение. Вы, как имеющий практические духовные сведения, столь чуждые людям одного лишь светского образования и направления, можете оказать мне существенную помощь, сообщив моим обстоятельствам направление, соответствующее моим целям, облегчить мне стремление к ним, а потому и самое достижение их. Этим сделаете мне благодетельное неземное,

благодаяние, столь достойное Святителя Христова, благодаяние, которому награда – на небеси!

Испрашивая Ваших святых молитв и Архипастырского благословения, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть и проч.

1847 год.

Письмо 5

Преосвященному Леониду (Краснопевкову), епископу Дмитровскому. О нападках на христианство и другие вопросы

Ваше Преосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Позвольте просить милостивого внимания Вашего к подателю сего письма, Алексею Петровичу Брянчанинову, моему родному племяннику, единственному сыну моего брата, здешнего Начальника Губернии. Алексей Петрович желает вступить в Московский Университет. Не откажите ему в полезных наставлениях, в которых всегда нуждались молодые люди, а теперь, при умножении соблазнов, еще более нуждаются. Мой брат – самый религиозный человек; старался воспитать сына в страхе Божиим, а теперь, отпуская из-под своего личного надзора, поручает его Богу и Божиим служителям.

Московские журналы открыли войну против монашества. Они называют его анахронизмом. Надо бы говорить откровенно, и сказать, что христианство становится анахронизмом.

Смотря на современный прогресс, нельзя не сознаться, что он во всех началах своих противоречит христианству и вступает в отношения к нему самые враждебные. Это видят на самом опыте сельские священники: положение священников, особливо благонамеренных, становится самое трудное. Все это видит Бог.

Да совершится воля Божия! Да покроет нас милость Божия.

[...] Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть.

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

4 января 1960 года.

Письмо 6

О русском переводе Священного Писания и о других вопросах

Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец! Примите мое усерднейшее поздравление с наступившею Всесвятою Пасхою, мое усерднейшее желание Вашему Преосвященству всех истинных и совершенных благ и всерадостное приветствие: Христос Воскресе!

Сегодня имел истинное удовольствие получить письмо Ваше от 30 марта и приношу Вам искреннейшую благодарность за милостивейшие заботы Ваши о моем убогом Слове. Сердечно радуюсь, что Слово Божие будет в общем употреблении на русском языке. Сего же дня получил я из Петербурга письмо от одного знакомого, который пишет, что высылает мне вновь изданное Евангелие. Слава Богу! Кажется, Дух Святой, сообщив апостолам в день Пятидесятницы знание языков, со всею ясностию указал волю Божию, состоящую в том, чтоб Слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках...

На четвертой неделе Великого поста я очень болел летучею оспою. [...] Болезнь моя была очень сильна; упадок сил — необыкновенный. Пасхальную неделю провел в постели; на ней провожу и теперь большую часть времени. Весьма бла-

годарю Вас за известие о Высокопреосвященнейшем Митрополите. Всеблагий Господь да подкрепит его силы в настоящее трудное время, в которое начинают заигрывать многочисленные бури. [...]

Поручая себя Вашим Святым Молитвам и о Господе любви, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

19 апреля 1960 года.

Письмо 7

О монашестве

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

Приношу Вам искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше обо мне и усерднейшее поздравление с наступившим праздником Рождества Христова и наступающим Новым годом, который желаю Вам препроводить в вожденном здравии и благополучии.

Спаси Вас Господи за любовь Вашу к монашеству. Многие ныне жалуются на него, видя или отыскивая в нем разные недостатки; но монашество – барометр, который, стоя в уединенной комнате, со всех сторон замкнутой, с точностью показывает состояние погоды на улице. Старые здания

должно исправлять с большою осмотрительностью и знанием дела: иначе исправление может превратиться в разрушение. Буди воля Божия!

Прося Ваших Святительских молитв в подкрепление моих немощей душевных и телесных, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

27 декабря 1865 года

Письмо 8

Состояние образованного общества и духовенства того времени

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

Вы не ошиблись, почтив меня уведомлением о предоставлении Вам Епископского сана! Я искренне порадовался этой вести и уповаю на милость Божию, что Вы будете проходить великое служение, на Вас возлагаемое, во славу Божию, для существенной пользы Святой Церкви.

На Вас лежит великая обязанность: примирять главные сословия отечества, которых разрознило европейское учение. Влиянию этого учения много подчинились и духовенство и дворянство. Я читал с ужасом январские и мартовские статьи Казанского «Православного Собеседника», в которых столкновение сословий выражено очень ярко. Церковь и духовенство пострадали, страдают и, кажется, должны пострадать от европейских учений, а не от какого-либо сословия. Я видел в Петербурге купцов, погостивших в Европе, и порадовался тому удалению, той дикости, которую они начали являть к Церкви и духовенству. Видел там детей священнических, образованных по-европейски: то же самое! Здесь я познакомился с белым духовенством гораздо более, чем был

знаком в Петербурге, и нахожу, что между ними имеются самые добрые люди, что все вообще духовенство может быть направлено прекрасно, что оно очень девственно, что его погрешности и недостатки более грубы, нежели глубоки. Воля Ваша: нужно воспитание и направление более определенные. Труды на этом поприще принадлежат Вашему Преосвященству. Вы очень близко ознакомились с духовенством и с духовным сословием: Вам ясны те средства, при помощи которых оно может быть удовлетворено и сближено с другими сословиями, что необходимо для пользы Церкви, для пользы общественной. Благодарю Бога: здешнее духовенство являет ко мне особенное расположение, но я стар, сформировался в монастыре и для монастыря, не могу проникнуть в быт духовенства так, чтобы я мог судить о нем вполне основательно.

Поручая себя Вашей братской о Господе любви Вашим святым молитвам, с искренним желанием Вам всех истинных благ, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

Письмо 9

О монашестве, духовном подвиге и об образовании юношества в духовных училищах

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

[...]

Приношу Вам искреннейшую признательность за попечения Ваши о «Слове о смерти».

Со мною часто беседуют о смерти мои недуги. Наизидательна эта беседа! После нее мир со всеми его событиями представляется совершенно в ином виде. Око странника смотрит иначе, нежели око постоянного жителя.

Порадовали меня сведения, начертанные в письме Вашем об Угрешском монастыре. Спаси Господи отца Пимена, употребившего и употребляющего все свои способности во Славу Божию! Ныне трудно найти монастырь благоустроенный! Во многих обителях воздвигаются различные здания значительных размеров, которые дают обители вид как будто процветания. Но это обман для поверхностного взгляда. Самое монашество быстро уничтожается. Душевный подвиг почти повсеместно отвергнут; самое понятие о нем потеряно. Этого мало! Во многих обителях совершенно потеряна нрав-

ственность. Говорю так, имея под глазами самое печальное зрелище – Черноморскую пустынь, монастырь с весьма значительными средствами, расположенный на весьма уединенном месте. Имеются в здешней епархии два женских монастыря: в них нравственность хороша, но телесный труд и многопопечительность о вещественном развитии уничтожают душевное развитие.

Искренне желаю, чтоб реформы по духовным училищам достигли благих результатов. Весьма полезно воспитанников духовных училищ удалять, по возможности, от соблазнительных впечатлений мира и самому образованию дать характер более сильный и определенный, чтоб образование действовало не только на ум, но и на сердце, чтоб образованный в духовном училище воспитанник получал решительный характер православного христианина, приготовившегося служить Церкви от всей души. У нас выходит воспитанник с каким-то неопределенным направлением: он желает получить священническое место, если оно выгодно; если, по случаю, представится более выгодное место в приказных, то он нисколько не останавливается принять его. При беседах всегда слышишь на первом плане мысль о выгоде. Необходимо подробное преподавание Церковной истории, чтоб воспитанники имели понятие о характерах исторических лиц и сами формировались по характерам истинных служителей Церкви. От преподавания, действующего исключительно на ум, происходит холодность к церковному делу и является по

преимуществу материальное направление. По причине этой холодности у нас почти нет монашествующих из воспитанников семинарий. Неидут в монастыри!

Не ощутили расположения к самоотвержению, к духовному развитию. От этого монастыри в большом упадке, будучи пристанищем для одной неграмотной ревности. Если б воспитанники семинарий шли в монастыри, они были бы совсем в другом положении. Буди воля Божия! Ничего не сделаешь против попущения.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

22 июня 1859 года.

Письмо 10

Состояние духовенства и мирян того времени

Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

С сердечною радостью и благодарностию прочитал я письмо Ваше от 25-го мая, письмо уже Епископа, и пожелал Вам из глубины души моей всею полнотою моего желания истинных и вечных благ и даров, свойственных истинным рабам и ученикам Христовым. Благодарю Вас и за святую икону, которая будет мне постоянно напоминать о Вас. Не прерывайте любви Вашей ко мне: я странствую по пути земной жизни весьма одиноко.

Ныне очень трудно найти истинного слугу Божия, хотя по наружности никакое время не обиловало так в слугах Божиих, как обилует наше время, провозглашающее о своей положительности⁶. Есть много ведущих Бога и угодных Богу по свидетельству человеческого, но трудно найти засвидетельствованного Богом боговедца и богочтеца. Свидетельство Божие ясно, как солнце, но мир слеп и потому не видит свидетельства Божия; не видя свидетельства Божия, он заменяет свидетельство Божие свидетельством своим и мнит удовлетворяться. Как хорошо поступали наши древние от-

цы Церкви Православной! Они, обучившись наукам человеческим, воспринимали на себя иго Христово и на поприще самоотвержения, под руководством Креста Христова, научались Божественной премудрости, и соделывалась для них человеческая ученость уничиженною рабою, которую они употребляли в услужение Божественной премудрости для преподавания этой премудрости своим ближним.

Книжник, научившийся Царствию Небесному, может износить из себя и ветхое и новое, покорив ветхое новому и приспособив к нему; а ненаучившийся, очевидно, может износить только одно ветхое, которое есть смерть и вражда на Бога, которое производит и на ближних свойственное себе впечатление, хотя бы и говорили им о Боге, хотя бы и чесало слух души, возбуждая в ней тончайшее прелюбодейное движение страстей, признаваемое многими за действия благодати. Спаси нас, Господи! Гибнем от себя, возлюбив собственные свои учения и отвергнув или мало ценя учение, ниспосланное нам Богом.

В настоящее время совершаю путешествие по западной половине моей епархии, по Черноморию, не так растленному, как другие места. Но и сюда проникло европейское просвещение с блудом своим, а о казенных крестьянах и говорить нечего. Чиновники у них голые и голодные, кончили курс в разных университетах, веруют, кажется, в одни деньги; на корне зла вырастают все ветви зла. Что из этого будет? По всей вероятности, такие, кончившие курс в универси-

татах, вскорости сделаются правителями и руководителями всего простого народа. Вот Вам результаты, весьма скромно высказанные, практических взглядов на русскую землю.

Поручая себя снова Вашей Отеческой и братской любви, прося Ваших Святых молитв с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
Тамань.

Письмо 11

К епископу Феофану Затворнику. К вопросу о природе Ангелов и совет епископу Феофану без призвания Божия не оставлять кафедру

Ваше Преосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за откровенное письмо Ваше от 29 мая. Отвечаю на него с такою же откровенностью.

По вступлении моем в жизнь аскетическую и, потом в монастырь, хотя и случались со мною разные опыты, свойственные этому пути, но о душе и духах я имел понятие неопределенное, признавая и называя их по общему поверхностному пониманию бесплотными и невещественными; нужды входить в дальнейшее рассматривание не представлялось. Вступил я в монастырь в 1824-м году, а начал заниматься Писанием и отцами гораздо раньше, можно сказать с детства. С 1843 года, независимо от меня, необходимость заставила вникать подробнее и точнее в значение души и сотворенных духов. Справедливо сказал Антоний Великий, что это познание крайне нужно для подвижников. Особенно нуждаются

ся в нем те подвижники, которые в подвиге своем введены перстом Божиим в брань с духами. Да и для всех оно имеет существенную пользу: лучше ознакомиться с миром духов прежде смерти, нежели при наступлении смерти, как ознакомились многие к величайшему удивлению и ужасу своему, в противность понятиям, заимствованным у западных мечтателей. Опыт доказывает верность учения Отцов со всею решительностью. Темное и загадочное делается очень ясным и простым. Что ж касается до слова «эфир», то химия называет этим словом материю, совершенно отличную от газов, принадлежащих земле, несравненно тончайшую, но неопределенную, вовсе неизвестную человекам. Существование же ее признается по той необходимой причине, что пространство за земною атмосферою, как и вообще всякое пространство, не может быть чуждым материи. В собственном смысле – невеществен Один, необъемлемый пространством – Бог. Духи сотворенные бесплотны по отношению к нам. Но естество их, как и естество души, пребывает неопределенным для нас по невозможности определить его. Наука признает невозможным определение нашего тела, равно как и всех тел, имеющих органическую силу – жизнь. Мечта Декарта о независимости духов от пространства и времени – решительная нелепость. Все ограниченное по необходимости зависит от пространства.

Паства Ваша пользуется обильно назидательным словом и примером Вашим. Если Промысл Божий поставил Вас на

свещнике, — зачем сходить с него без призвания Божия? Может быть, в свое время, откроется это призвание! Может быть все обстоятельства единогласно выразят его! Тогда оставите мирно кафедру Вашу, тогда уйдете мирно в келлию — преддверие вечности. Пребывая в келлии, не будете тревожиться мыслию при келейных искушениях, что эти искушения последовали за предупреждение воли и указаний Божиих. Простите за слово любви!

Поручаю себя Вашим Святительским молитвам. Силы мои и здоровье оскудели до крайности, до невероятия; но Милосердый Господь отлагает призыв на Суд Свой, ведая мою неготовность и даруя время на покаяние. С чувствами и проч. Ваше Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.

4 июня 1865 года.

Письмо 12

К игумену Илларию, настоятелю Николо-Угрешского монастыря. Утешение о постигшем искушении

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленный о Господе Отец Игумен Илларий!

Письмо Ваше от второго октября получил, – и сердечно пожалел я Вас, – тем более, что Вы испиваете ту чашу, которую пришлось бы мне пить, если бы Промысл Божий не отклонил меня от Угрешской обители. Но, Вы сами знаете, где ни жить на земле, а искушения сносить должно. По-видимому, искушают нас человеки, но они без мановения Промыслителя и коснуться бы нас не могли. Так будем в скорбях наших предавать себя воле Творца нашего и себя почитать достойными скорбей – и почием.

Исхождение из искушения не есть переменение мест, но предание себя воле Божией и самоукорение и от сих терпение. Когда будем очень унывать от искушений и роптать на оные, то опасность та предстоит, чтоб не сделаться богоборцами, сказал один святой отец, как явно вооружающимися против попущений Промысла Божия, к нашей великой пользе и врачеванию попущающего нам искушаться. Простите, Батюшка! Я Вам, как себе, говорю: ибо я весьма часто скорб-

лю, от своих похотений и страстей влеком и прельщаем, и заченши рождаю грех ропота и малодушия и гнева, — и тогда только обретаю покой, когда предам себя всецело воле Божией. Когда же забуду славословить Господа за все благодеяния Его и предавать себя Его всесвятой воле и Промыслу, — тогда паки поднимается буря и душа опять находится в опасности потопления в волнах малодушия и боязни. Если Вы скорбите, то недалече стезя Ваша от стези угодников Божиих, кои шествуя посреди многих скорбей и окровавляя ноги свои, достигли

Града Небесного Иерусалима, в коем не слышатся воздыхания скорбящих, но раздается глас непрестанного радования Наследников Царствия Небесного, наследовавших оное скорбями многими.

Отложим, отложим, Батюшка, желание безвременного покоя на земле, дабы получить оный во время, то есть по смерти. Уготовим сердце, воспринять скорбь как от руки Божией, со благодарением и славословием. И еще потерпите в Вашей настоятельской должности, доколе будет можно. В совести Вашей Вы чувствуете, что монастырь не Вы разорили, а напротив, сколько было сил Ваших и умения поправили. Владыке, может быть, показалось точно тяжело глядеть на развалины монастыря, но он, как человек благоразумный, весьма может понять, что Вы устраивали подворье, как источник дохода, а из сего источника уже будете поправлять монастырь. И Москва не разом построилась! сказывают, будто

есть таковая пословица.

Если же увидите по самой вещи, что невозможно Вам оставаться Начальником Угрешской обители, то ворота в Сергиеву пустынь Вам отверзты и о. Петру, – если Господь потерпит грехам моим и буду еще Сергиевским Настоятелем. Но лучше мой совет и еще потерпеть, доколе можно, – и обновлением и устройением монастыря оправдать Ваше избрание. Знаю малым моим опытом, каково разоренные монастыри поправлять. И здесь в Сергиевой с первого года тысячу из собственной кружки отложил на монастырь, а последние два года, и совсем почти кружки не беру, а всаживаю в монастырь. И при всем том, куда ни посмотришь, везде гнило, да валится.

Простите, Любезнейший Батюшка, потрудитесь, ответьте мне на письмо сие, как Вы решитесь. Прося Ваших молитв Святых, имею честь быть Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

6 октября 1837 года.

Письмо 13
Настоятелю Валаамского
монастыря Игумену Дамаскину.
О своем намерении уйти
на покой и поселиться на
Валааме и о других вопросах

Ваше Высокопреподобие. Честнейший Отец Игумен Дамаскин! В сих строках продолжаю мою беседу с Вами, начатую в святой обители Вашей. По приезде моем в Санкт-Петербург, был я у Его Высокопреосвященства Митрополита Никанора. Он хотя ничего не сказал определенного относительно помещения. С моей стороны, намерение мое оставить настоятельство, к принятию которого я вынужден был необходимостью, есть намерение решительное. Остаток дней моих желал бы провести в Валаамской обители; только в случае невозможности поместиться в ней имею в виду Оптину Пустынь. Последняя представляет больше выгод в материальном отношении: там климат гораздо благорасстроен, овощи и плоды очень сильны и в большем количестве, но Валаам имеет бесценную выгоду глубокого уединения. Сверх того, сухие и теплые келлии (так как я из келлии выхожу только в хорошие летние дни, а весной, осенью и зимою почти вовсе

не выхожу) могут и в материальном отношении много облегчить для меня пребывание на Валаамском острове.

Посему предоставив Самому и Единому Господу исполнить во благих желание раба Его и устроить мою судьбу по святой Его воле, с моей стороны считаю существеннейшею необходимостью для благого начала и окончания этого дела войти в предварительное объяснение, а за объяснением и соглашением с Вами, Отец Игумен. Как лично я Вам говорил, так и теперь повторяю, что все доброе, все душеполезное, которое по милости Божией может произойти от сего начинания, вполне зависит от нашего единодушия о Господе, то есть единодушия Вашего и моего. Господь, сказавший Своим ученикам в окончательные минуты Своего земного странствования: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам*⁷, силен и нам даровать Свой мир, если мы будем учениками Его, стремясь исполнить Его волю, а не свою. На сем камени мира, который сам утверждается на камени заповедей Христовых, основываясь, имею честь представить на благоусмотрение Ваше следующие мои рассуждения.

Во-первых, скажу Вам, что из всех известных мне Настоятелей по образу мыслей и по взгляду на монашество, также по естественным способностям, более всех прочих мне нравиться Вы. К тому надо присовокупить, что по отношениям служебным как я Вам, так и Вы мне давно известны. Сверх того я убежден, что Вы не ищете никакого возвышения, соединенного, разумеется, с перемещением в другой

монастырь, но остаетесь верным Валаамской обители, доколе Сам Господь восхощет продлить дни Ваши.

Далее: как я выше сказал, по моей болезненности долговременной и сообразно ей сделанному навыку, я выхожу из келлии только в лучшие летние дни, а в сырую погоду и холодную пребываю в ней неисходно: то посему самому жительство в скиту было бы для меня более сродным и удобным. Сама тишина скита, в который навсегда воспрещен вход женскому полу, совершенно соответствует требованию моего здоровья и душевному настроению. Скит защищен отовсюду древами от ветров: это бы дало мне возможность поработывать хотя в летние дни, что существенно нужно по моему геморoidalному расположению; на ветру же я не способен трудиться, потому что при малейшем движении от крайней слабости покрываюсь испариной и подвергаюсь простуде. При Вашей опытности, Вам понятно, что вслед за помещением моим в Скит, многие захотят в оный поместиться. Следовательно, если Вам внушит Господь расположение поместить меня в Скит: то необходимо Вам снизойти немощи моей и, может быть, и других, подобных мне немощию. Испытав себя, я убедился, что одною растительною пищею я поддерживать сил моих не в состоянии, делаюсь способным только лежать в расслаблении. И Вы, конечно, замечаете, что и братия, в настоящее время живущие в Скиту, отягощаются такою малопитательною пищею, и к обеду наиболее приходят в монастырь. Удобное прежнему крепкому

поколению соделалось неудобным для настоящего немощного поколения. Поелику же Вам не безызвестно, что суббота, пост и прочие внешние подвиги и наблюдения установлены для них, то не заблагорассудите ли ввести в Скит Валаамский постановления Оптинского скита, основательность которых и благоразумная сообразность с немощию настоящего поколения доказывается тем, что Оптин Скит – изобилует избраннейшим братством, весьма много способствующим к цветущему благосостоянию скита и самого монастыря. Это избранное братство состоит из нескольких Настоятелей, живущих на покое, и из нескольких лиц образованного светского круга. Будучи слабее телосложением, нежели простолюдины, они неспособны к сильным телесным трудам и подвигам, за то способнее к подвигу душевному и к занятиям, требующим умственного развития. Вам известно, что святыми Отцами подвиг инога судится потому, что он имел в миру и к чему он перешел, вступая в монашество; по этому расчету лица вышеупомянутые, живущие в Оптином Скиту, перешли к большему лишению, нежели те, которые в монастыре имеют, пожалуй, пищу и одежду лучше, нежели какие они имели в миру. Так же Вам известно, что Отцы древнего Скита Египетского не считали уже того подвига, подвигом, о котором узнавали люди, а оставляли этот подвиг, вменяя его в грех (патерик скитский буква С в статье о Сисое Великом).

Так думали и поступали святые отцы, желая приносить себя в жертву всецело Богу, а не человекоугодию и тщеславию.

С сожалением я увидел, что некоторые журналы провозгласили печатно о строгости поста в Валаамском Скиту в решительную противоположность Евангелию, которое повелевает, чтоб пост и прочие подвиги благочестия совершались в тайне⁸, не только совершались в тайне, но и были скрываемы со всевозможною тщательностию. <...> Св. Василий Великий и, согласно с ним, другие святые Отцы утверждают, что если б нужно нам было иметь расслабленные тела, то такими сотворил бы их Бог; почему они заповедают меру поста именно таковую, какая необходима для обуздания плотских страстей, которая вместе с тем не расстроивала бы тех, но сохраняла их способными к исполнению заповедей Христовых или, проще сказать, к послушаниям и подвигам бдения, молитвы и коленопреклонений, к чему расслабленные тела окончательно не способны. Все сие предлагаю, Возлюбленнейший Отец; на рассуждение Ваше, дабы Вы и подвиглись к нисхождению моей немощи и подобных мне немощию.

Если нынешняя братия Валаамского скита, состоящая единственно из простолюдинов, не в состоянии поддерживать силы свои исключительно растительною пищею, а для укрепления сил своих стремится к трапезе монастырской, то для истощенного моего телосложения и для телосложения людей неясного воспитания, питание одною растительною пищею вполне невозможно.

Сначала и в Оптином Скиту ревность учредителей его устремлялась было к особенному строгому посту; но усмот-

рев, что при такой строгости Скит должен остаться без братии, она смягчилась и дала устав для пищи более доступный, впрочем все еще гораздо более строгий, нежели устав о пище, положенный церквию для схимника, живущего в монастыре. Однако, несмотря на таковое смягчение, мало, очень мало было охотников из многочисленного братства Оптиной Пустыни для жительства в Скиту. Когда прибыл туда старец Иеросхимонах Леонид с несколькими учениками своими и Настоятель предал ему Скит в духовное управление, – тогда скит начал населяться, и населяться преимущественно людьми некрепкого телосложения, искавшими спокойствия в уединении. Число жившей в нем братии простиралось до 30 человек.

Всему этому, то есть состоянию скита до прибытия о. Леонида и состоянию его по прибытии Старца, я был очевидцем. Старец распростер благотворное влияние на сам монастырь, поддерживая братию в расположении к настоятелю и укрепляя их в душевных бранях. Такое обилие окормления удвоило число братства в самом монастыре, а потому возвысило в нем порядок и привлекло в оный значительные пожертвования, при помощи которых монастырь отстроился и сверх того обеспечил свое. Потому говорю я Вам так подробно об Оптином Ските, что цветущее его состояние и происшедшее от него благоустройство самого монастыря суть факты, а факты составляют самое верное доказательство.

Что же касается до самого общежития, то есть самого мо-

настыря Валаамского, то я нахожу настоящее его устройство первым в России, далеко высшим знаменитых общежитий Белобережского, Площанского, Софрониевского, даже Оптинского и Саровского: потому что в этих монастырях, гораздо более близких к миру, иноки имеют несравненно более средств сноситься с миром, заводить с ним связи, иметь свое, и тем отделяться от общего тела общежития. Общежитие Валаамское должно оставаться на долго в настоящем его виде: оно необходимо для натур дебелих, долженствующих многим телесным трудом и телесным смирением, косно, как выражается святой Иоанн Пророк, ученик Великого Варсанофия, войти в духовное, или, по крайней мере, душевное делание. В материальном отношении братия Валаамского монастыря снабжены несравненно обильнее вышеупомянутых общежитий и одеждою, и пищею. В Пасху там братия не кушают такой ухи, какую кушают Валаамские иноки в обыкновенный недельный день, также и одеждою братия Валаамского общежития снабжены гораздо удовлетворительнее, нежели братия означенных общежитий.

Начертав пред Вами состояние Валаамского Монастыря и Скита, какими они представляются моим взорам – взорам, впрочем, очевидца их – я перехожу теперь к начертанию моего грешного и недостойного лица пред сими св. Обителями. Вам известна моя немощь, – мое происхождение и нежность воспитания. Для них принятие и того устава, который я Вам предлагаю по образцу Скита Оптина, есть уже великий по-

двиг и распятие. Предприятие чего-либо большего превышает мое соображение. «Да не смятении и отсечении житие твое, – говорит Преподобный Исаак Сирский в 80 слове. – И за вождение мала труда да не останешься и престанеши от всего течения твоего. Яждь умеренно, яко да не всегда еси, и да не простреши ноги твоей выше силы, да не отнюдь праздней будеши».

За сим не угодно ли будет Вам обратить внимание на главу 36-ю иноков Каллиста и Игнатия «О рассуждении»⁹, положенную ими сряду – после изложения телесных подвигов и уставопигция, подобающих безмолвствующим. Надо заметить, что овощи и плоды средней России несравненно сильнее северных, а произведения южной России столькоже сильнее среднеполосных; плоды же и овощи Цареграда и Афона, где жили Св. Каллист и Игнатий равняются питательною силою рыбе северных краев и даже превосходят ее. «Тело немощное, – сказал святой Исаак Сирский в 85 слове, – егда понудиши на дела многша силы его, помрачение на помрачение в душу твою и смущение тем паче наносиши». Все сие представляя на благоусмотрение Ваше, прошу Вас снизойти к моей немощи и единомудушных со мною братии, которым подвигов общежития не понести, и которые могут понести подвиг скитский, по растворении его благоразумною умеренностию. Тем более кажется, настоящего случая не должно упускать, что всячески, по прошествии непродолжительного времени, должно же будет учинить упомянутое снисхож-

дение и изменение в уставопищии скитском, иначе никто не будет жить в скиту. Стали немощны Батюшка! Притом, как я выше сказал, устав Оптинского Скита «о пище» строже положенного Церковию для схимника. Так, когда положено уставом употребление рыбы, она поставляется на трапезе; кажется, в течение сорока дней в году разрешается на сыр и яйца, масло скоромное и молоко. Как в Валаамском общежитии не употребляется молоко, то и в скиту не должно вводить его; а прочее все полезно бы ввести как для пользы телесной, так и для пользы душевной: ибо и св. Иоанн Лествичник вкушал от всего, дозволенного чину иноческому, с целию избежать душевных страстей тщеславия, мнения о себе, человекоугодия, тайноядения, лицемерства, лукавства, лжи, которые часто являются у подвижников по плоти и содействуют для них духовное преуспеяние решительно невозможным. Бог является простоте и смирению и нельзя соединить служение Ему со служением славе человеческой.

Чувствую себя, по приезду в свой монастырь, столько же немощным, как чувствовал в бытность мою в святой обители Вашей. Но при удалении моем от должности и при перемещении в уединение Вашего Скита, может быть по особенной милости Божией, дастся мне время на покаяние и я потяну несколько годов. В таком случае Валаамский Скит может понаселиться расположенными ко мне иноками, как населился Оптин при пришествии туда о. Леонида.

На сие письмо мое покорнейше прошу ответа Вашего, со-

образно ему буду заботиться о дальнейшем устройении сего дела. С понедельника думаю отправиться в Ладожский монастырь недели на три.

Вашего Высокопреподобия всепокорнейший послушник

Подлинное подписал *Архимандрит Игнатий*
25 сентября 1855 года.

Письмо 14

Увещание смириться с перемещением на жительство в Оптину

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Игумен Варлаам!

Честнейший отец Варлаам! Нет! не гнушаюсь я арестантами, как Вы пишете в письме Вашем, зная, что и я во узах греха нахожусь. А таковой арест, то есть греховный, есть самый поносный, – только о таковом аресте монаху и тосковать и заботиться можно и должно, яко срам его и муки его вечны, аще человек покаянием уз греховных не расторгнет заблаговременно.

Притом – Вы в Оптиной не под арестом, а в числе братства. Господь, питавший Вас на Валааме туне, и здесь питает; а возлюбленнейший брат о. Иоанникий сообщил мне, что как чаю, так и прочих потребностей Вы не лишены, и о. Игумен Моисей по свойственной ему мудрости Вами отнюдь не отягощается. Единое остается Вам – оставя все земные попечения, готовить душу ко исходу от телесной хранины в жилище Небесное. Паки изволите писать в письме Вашем: хочется узнать – на время или навсегда Вы посланы в Оптину Пустынь? Отвечаю: в Указе Синодском ничего

не сказано о времени, но за достоверное известно, что, где ни будем на земле, на Валааме ли, в Оптиной ли, повсюду гости, повсюду странники, повсюду пришельцы, повсюду на время. Оное же всегда ожидает нас в вечности; там всегдашняя радость или всегдашняя мука.

Советующие Вам опытнейшие старцы весьма здраво советуют оставить земные хлопоты и тяжбы судебные, в кои когда увидит сатана впадшего монаха, то вельми о нем радуется, яко о презрителе заповеди Христа Спасителя, Который чрез Апостола Своего вопиет: *Уже убо отнюдь вам срам есть, яко тяжбы имате между собою. Почто не паче обидами есте, почто не паче лишены бываете*¹⁰.

И тот совет самый мудрый, что Вы против воли в Оптину высшим начальством посланы, а потому благо и полезно Вам волю свою преломить и, воле Божией отдавшись, с благодарением переносить малое искушение Ваше, если только оно искушения имя заслуживает. Неужели Вы думаете, что рука человеческая, как-либо утаившись от Промысла Божия, могла что-либо с Вами сделать? Сохрани Боже от такой хульной и нечестивой мысли! Сего ради св. Петр Дамаскин противящихся находящим против воли искушениям называет Богоборцами, от чего да сохранит нас Господь. Если спросит кто от здравомыслящих, от кого пришла начальству мысль переместить Вас в Оптину? Ответствуйте: от Бога. Самые в России опытные старцы Вам теперь сожительствуют и могут Вам подать назидательный совет и обильное утешение. Сле-

довательно, кто, как не Сам Господь, мог Вас поместить к источнику спасения? Но увы! Велика слепота наша! Промысла Божия не усматриваем, и с человеками препираемся, и время драгоценное на покаяние нам данное, все изнуряем; сего ради мир и от него прозябающие духовные дарования удаляются от сердца нашего. А смертный час вблизи от нас! — ожидает нас нелицеприятный суд, на коем правды наши судимы будут. Святые присно зрят делание свое недостаточным, и, как некто из них сказал, вменяют себя не исполнителями, а сквернителями святейших заповедей Господних; сего ради, егда искушение придет, радуются, яко скорбию невольною пополняется недостаточество их деяния, и убеляются их ризы для непостыдного вшествия на брак духовный дверию смерти. Довольно, довольно о земном попеклись, довольно времени утратили, — нынешний день единонадесятый час для приготовления к вечности употребим; ропотливые и хлопотливые гласы наши изменим в гласы благодарения и хваления, яко неведомыми судьбами Господь спасение наше соделывает, и малыми скорбями, ниже имя скорби заслуживающими, смиряет нашу выю, и за единое преломление слепотствующей воли нашей и покорность Его всепремудрому Промыслу венчать нас хочет.

Помня, возлюбленный о Господе о. Варлаам, любовь Вашу и простоту, как Вы у нас пребывали в Сергиевой пустыни, сии скудные строки Вам написал в утешение, а себе в обличение; глаголю бо и не творю. Примите от меня небольшой

подарок на память, который пересылаю Вам через о. Иоанникия.

Прошу Ваших святых молитв и остаюсь навсегда с любовью преданный многогрешный

Архимандрит Игнатий.

11 февраля 1840 года.

Письмо 15
К батюшке отцу Макарию
Оптинскому. О значении
Московского Митрополита Филарета
в издательской деятельности
Оптиной пустыни и других предметах

Ваше Преподобие

Достопочтеннейший Старец о. Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне грешном и поздравление с великим Праздником Праздников, Воскресением Христовым, с которым и я Вас равномерно поздравляю, желая Вам и всей Вашей о Господе братии здоровья и спасения.

Приношу Вам благодарность за экземпляр вновь изданной книги преподобного Феодора Студита. Сообразно тому, как Вы изволите писать, Высокопреосвященнейший митрополит Московский Филарет благоволил написать мне, то он желает напечатания книги преподобного Исаака Сирского. Все монашество обязано благодарностию этому архипастырю за издание отеческих книг Оптиною пустынею. Другой на месте его никак не решился дать дозволение на такое издание, которое едва ли уже повторится. В свое время кни-

ги, изданные Вашею обителию, будут весьма дороги и редки. Я совершенно согласен с Вами, что для монашества, которое жительствоует по книгам святых Отцов необходим точный перевод с подлинников посредством лица, вполне знающего монашескую жизнь. Таковым лицом, без сомнения, был старец Паисий. Русские же переводы не имеют этого достоинства. Заклучу сии строки покорнейшею моею просьбою к Вам о разрешении Наталии Петровны выслать к нам по 12 экземпляров Феодора Студита и Симеона Нового Богослова, всего 24 экземпляра с означением цены за них.

Препроводительные при сем записочку и деньги потрудитесь передать старцу схимонаху Леониду. Поручая себя Вашей отеческой любви и испрашивая Ваших святых молитв, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

30 апреля 1853 года.

Письмо 16

О напечатании Оптиной Пустыней творений Святых Отцов

Ваше Преподобие, Достопочтенный и многолюбезный
Старец Отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за милостивое воспоминание Ваше о мне, недостойном, и за присланную книгу. Все Русское монашество обязано особенною благодарностию Оптиной пустыне за издание многих творений Святых Отцов перевода старца Паисия, столь точно передававшего отеческие мысли. И перевод на русский язык монашеских отечественных писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удовлетворительнее совершается братьями обители Вашей, нежели перевод их людьми, чуждыми этой жизни.

Отец Архимандрит Моисей благоразумием своим и терпеливым ношением немощей ближнего привлек в недра обители своей избранное иноческое общество, которому подобного нет во всей России...

Потрудитесь передать мой усердный поклон о. Архимандриту Моисею, о. Игумену Антонию, о. Ювеналию и о. Льву.
20 июля 1855 года.

Письмо 17

Желание переселиться в Оптину пустынь из Сергиевой обители и другие вопросы

Прошу Ваших святых молитв, чтобы Милосердный Господь даровал и мне исторгнуться из челюстей мира и присоединиться к Вашему Богоспасаемому стаду, если есть на то Его Святая воля. Что же касается до меня, то самый ответ и убогое мое суждение убеждают меня постоянно в величайшей пользе и даже необходимости удаления из здешнего шумного места, которое и в нравственном отношении – точно село при пути. Все иноческое уничтожается здесь рассеянностью, все посевы стаптываются мимоходящими. Здесь то же на самом деле видно событие изложенных святым Исааком в 75 слове. Вижу справедливость их и на себе и на братии...

[...]

P.S. Здесь в лесах Тихвинского уезда открыт старец, живший в лесу более 50-и лет, в великом злострадании, претерпевший биение от бесов, и, как говорил мне некоторый весьма благоговейный инок, украшенный духовными дарованиями.

Письмо 18

О библиотеке святых отцов

Христос Воскресе! Ваше Преподобие, Преподобнейший и многолюбезный Старец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим праздником и вместе с тем искреннейшую признательность за поздравление Ваше в драгоценном для меня письме Вашем от 30-го марта, так как и все письма Ваши для меня драгоценны, и при одном зрении почерка Вашего, прежде чтения самого письма уже чувствую в грешной душе моей утешение.

Желаю, чтоб мысленное серебро – библиотека святых отцов, собранная Голландом, – не лежала под спудом, но давала лихву богоприятную, обращаясь между людьми, способными заниматься ею, я рассудил лучше отдать это серебро на руки человеку, нежели приковать его к какому-либо месту, в коем оно очень легко может попасть под спуд – в шкаф и сделаться там пищею моли, мышей, без всякой пользы для людей.

Было время, когда Белые берега обиловали благонамеренными иноками, были времена, когда обиловала ими Пестуша, обиловала ими в свое время Площанская пустынь; теперь наступило время цвета для Оптиной; время цвета пройдет своей чередой, – процветут другие места, также на свое

время; почему приковать книгу к месту я счел менее надежным, нежели поручить ее человеку. Надеюсь, что о. Ювеналий, попользовавшись ею, и попользуя ею Христианство, когда достигнет седин и изнеможения, то поручит ее благонадежному иноку, который опять будет держать в обороте мысленном серебро.

[...]

Испрашивая Ваше благословение и поручая себя Вашим св. молитвам, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Ваш покорный послушник

Архимандрит Игнатий.

13 апреля 1857 года.

Письмо 19

К рясофорному послушнику Оптиной пустыни о. Петру. О достоинстве книги преподобного Георгия

Преподобный отец Петр!

Приятнейшее письмо Ваше и при оном посылку с книгами получил. Премного благодарю

за книги. Потому и беспокоил Вас покорнейшею просьбою о доставлении мне несколько экземпляров, что, прочитав присланную Вами книгу, усмотрел духовность ее и пожелал, дабы таковая душеспасительная книга была известна моему дражайшему братству. [...]

[...] Если же Вам угодно знать мое мнение о том, может ли книга писем святого Затворника получить премию, то Вам говорю мое мнение: не может, имея значительное достоинство духовное, а не имея плотского; ибо письма произнесены благодатию, не имея благоустройства человеческого слова. Слово же благодатное не может быть познано плотским человеком, который зрит только на внешность слова, и если сие внешнее слово не имеет внешнего устройства, то он всему ругается: юродство бо ему есть.

Прилагаемые при сем 50 рублей прошу принять яко ничтожную лепту для нового издания, – вместо желаемой Ва-

ми демидовской премии.

Прошу Ваших святых молитв.

7 августа 1839 года.

Письмо 20

К афонскому монаху Серафиму. О значении наставника в обучении умной молитве и о других вопросах

Ваше Высокопреподобие.

Возлюбленный о Господе отец Серафим! Сердечно благодарю Вас, что Вы на Святой Горе Афонской вспоминали о иноках, живущих близ шумной столицы, в монастыре, который тщетно называется пустынею. О постигших Вас скорбях я узнал отчасти от о. Архимандрита Иоанна, инспектора здешней Духовной академии. И кто из проплывающих житейское море не бывает орошен волнами его? Особенно если пловец – безответный инок.

Когда Вы были в Санкт-Петербурге, я сердечно желал видеть Вас наедине: потому что наедине надеялся побеседовать с Вами о глубинах монашеского жительства, вероятно, имеющего еще достойных делателей еще на Горе Афонской, несмотря на общее ослабление, которому подверглось монашество все и повсюду. Но я не сподобился сего: Вас сопровождало общество такого настроения, при котором должно, по наставлению некоторого

великого отца, скрывать таинственное монашеское сокровище. Вы молчали, потупя взор, как Израильтянин на Ре-

ках Вавилонских, а тот, кто сказал, хотя сказал и немного, увидел впоследствии, что сказал излишнее и неуместное. По сей причине, хотя я и имел счастье видеть Вас лицом к лицу, но знаю Вас единственно по прекрасной книге Вашей, и столько, сколько Вы захотели показать себя всей вообще читающей публике. Такое неудовлетворительное сближение с Вами меня огорчило; но я утешил себя мыслию, что Божий Промысл часто не допускает исполниться и таким желаниям нашим, которые по наружности кажутся благими. В заключение этого длинного предисловия, должен я сказать само собою вытекающую истину, известную всем, сколько-нибудь внимательным инокам: причина откровенности о предметах духовных – доверенность к наставляющему лицу, а доверенность к лицу внушается точным познанием лица. *Господи! К кому идем,* – говорит святой Петр Спасителю. – *Глаголы живота вечнаго имаши, и мы веровахом и познахом, яко Ты еси Христос, Сын Бога Живаго*¹¹. Напротив того: «Кому не извещается сердце, тому не открывай его», – говорит великий наставник иноков преподобный Пимен,

Египетский Пустынный. Судите ж сами: зная Вас так мало, какую могу я иметь степень доверенности к Вам? Итак, первый мой недуг, который я должен обнажить пред Вами, есть мое маловерие – маловерие не к самой умной молитве, нет! Это таинственное небо, на которое выходят одни чистые сердцем для Богозрения, видится очами ума моего, хотя и пребывает для них невидимым: оно скрывается от них чуд-

ною, прозрачною, непостижимою синевою своею, в которой они мнят видеть его. Я страдаю маловерием к Вам. Исцелите меня от этого недуга. Такое исцеление – дело возможное. Многие маловерные обратились в ревностно верующих: всемогущая истина совершила их обращение. И не обидьтесь моим признанием в маловерии к Вам! Лествичник говорит в 4-й степени: «Имуще о Господе выю свою подклонити разумом убо и словом смиренномудрия, соделаем известно спасение наше иному о Господе вверяти; прежде всхода, убо, аще кое лукавство и разум у нас есть, кормчаго онаго истязуем и испытаем, и, да тако реку, искусим: да не на корабленника яко кормчия, и на недугующаго яко на врача, и на страстеннаго яко на бесстрастна, и на пучину яко на пристанище нападше, готово обрящем себе истопление».

Если это дозволяется и советуется святыми Отцами вновь вступающему в монастырь, то тем более оно позволительно и даже необходимо для укосневшего значительное время в монашестве, к сожалению, крайне малоплодном. Опасен недостаточный наставник при обучении новоначального благим нравам и первым правилам монашеского жительства: тем опаснее он для дерзающего слышать учение о великом таинстве умной молитвы, ведущей христианина к сокровенному, вместе существенному и вполне ощутительному соединению с Богом. Имеете ли Вы, возлюбленный отец, в виду опытного Старца в обителях Святой Горы, на духовный разум которого Вы могли бы положиться? Слово

«духовный» употреблено мною здесь не слегка, как оно употребляется у новейших писателей, но в том смысле, как оно употреблялось святым апостолом Павлом, а за ним и всеми аскетическими писателями нашей Церкви, из которых Преподобный Григорий Синаит говорит: «Не всех бо есть наставити и инех, но имже дадеся Божественное разсуждение, по Апостолу, разсуждение духов, отлучающее горшее от лучшего мечем слова. Кийждо бо свой разум и разсуждение естественно или деятельно или художественно имать, а не все духовное» (смотри статьи о прелести, идеже и о иных многих предметах). Хотя мы и крайне омрачены по причине нашего слабого жительствова, но признаем и исповедуем, что ни естественное, ни деятельное, ни художественное рассуждение не могут поднять выше чина душевного разума, как бы они ни были сильны и блестящи, даже благонамеренны и благочестивы¹².

Итак, имеете ли в виду духовного старца? Вот тот вопрос, который по милостивому дозволению Вашему представляет Вам мои вопросы, считаю начальным и первым из всех вопросов. И святые отцы признают таковым этот вопрос. «Прежде всех, – говорят они, – избери себе старца с совершенным, по священному тайноучению, отречением и повиновением непритворным и совершенным, сиречь потщися обрести наставника и учителя непрелестна»¹³. То же говорят почти все аскетические православные наставники, но большая часть из них жалуется на скудность истинных наставни-

ков. В XV веке, когда жил наш преподобный Нил Сорский, посетивший Афонскую Гору и заставший там рассадник умных делателей, насажденный преподобным Григорием Синаитом: тогда уже истинный наставник умной молитвы признавался важною редкостью, что ж сказать о нашем времени? Сердца всех привлечены, как и Вы находите и чему пример Вы видели в нашей пустыни, к внешней красоте; внутренняя духовная красота, а потому филокалия, содержащая учение о приобретении сей красоты, остаются в стороне. Впрочем, некоторые монашествующие у нас в России занимаются умною молитвою, и не без успеха. Таковых случилось мне видеть и беседовать с ними. Случалось видеть – увы! – прельщающихся и прельщенных, увлекаемых с прямого и истинного пути страстями душевными и телесными. Хотя я и должен сознавать себя прельщенным, убеждаясь в таком бедственном состоянии многими во мне действующими страстями, которым, очевидно для совести моей, работаю явно делами и словами, неявно помышлениями и чувствованиями; однако признаю справедливым опасение впасть, а что еще хуже, самопроизвольно вдаться в большую прелесть. Свойственно тому, кто поражен многими болезнями, опасаться впадения в тягчайший недуг, свойственно тому, кто по шею погряз в болоте, стремиться, чтобы не уйти в него и с головою!

Затем, предложив Вам первый мой вопрос и понуждаемый самым окончанием листа к окончанию письма, про-

шу Ваших святых молитв на подкрепление многочисленных немощей моих, и – буду ожидать Ваших назидательных строк, которых не лишите Вашего покорнейшего послушника.

Сергиева пустынь.
10 июня 1851 года.

Письмо 21

К игумену Варфоломею.

Автобиографические сведения

Преподобнейший и возлюбленный о Господе Отец Варфоломей!

Приятнейшее письмо Ваше к большому моему удовольствию получил. Простите меня за мою ленность, по причине которой не отвечал я Вам на последнее письмо Ваше, ко мне в Лопотов монастырь написанное. В сей обители Вологодской местоположение низменное, атмосфера наполнена гнилыми испарениями: — все сие вместе с большим вредом действовало на мое здоровье, при слабом состоянии коего был я до избытка обременен трудами телесными. Прошлого 1833-го года в мае месяце был произведен в игумены. Между тем Государю Императору, коего был я воспитанником, угодно было приказать, чтоб разыскали и уведомили Его, где я нахожусь. В то время указом Святейшего Синода был я переведен в Московский Николаевский Угрешский Монастырь. Государь Император повелел Митрополиту вытребовать в С.-Петербург и потом дал мне Сергиевскую пустыню, в которой нахожусь и поныне. При мне живет о. Михаил, и правит должность головщика на правом крылосе. Здоровье моего тела в здешней обители немного поправилось; видно еще

Господь дает мне время на покаяние.

Затем простите, почтеннейший о. Варфоломей; поздравляю Вас с наступающими праздниками, прошу святых молитв и честь имею быть Вашим покорнейшим слугою и молитвенником

Архимандрит Игнатий.

17 апреля 1834 года.

Письмо 22
По поводу указа Синода об
увольнении отца Варфоломея,
совет прибыть в Синод для
личного объяснения и о
благодушном перенесении скорбей

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Письмо Ваше от 12-го ноября я получил. Судьбы Божии бездна многая, и истинно то, что кого Господь любит, того наказует. Я, дорогой Батюшка мой, с благоговением взираю на постигшее Вас искушение и молю Бога, да дарует Вам силы перенести его по подражанию Святым, которые наследовали Царство Небесное многими скорбями. Хотя, по-видимому, и постигла Вас скорбь от человека, но по сущности она попущена Богом для Вашего усовершеня. Я умиляюсь, смотря умными очами на скорбь Вашу и думаю сам в себе: «Каково-то я понесу искушение, если Господу Богу угодно будет послать мне оное? И какое Господь пошлет мне искушение?» – Так помышляя, соболезнаю о Вас. Я полагал, что Вы уже получили Указ о увольнении Вас, и потому написал Вам, что самые обстоятельства отвечают. Прошедше-

го не воротишь; но

Вы бы сделали гораздо лучше, если б пожаловали сами в С.-Петербург и объяснили пред Членами Святейшего Синода и пред графом Протасовым Ваше болезненное состояние. Члены Святейшего Синода – все очень добрые старцы, и граф Протасов имеет самое доброе сердце: Вы бы могли у них все испросить. Но что делать – пролитого не воротишь. Это устроилось свыше, тут рука Божия, а люди только оружие. Причину сего события надо искать в Божием Промысле о Вас: там она сокровенна. Без скорбей невозможно увенчаться венцом Евангельским. Я вполне убежден, что Вы благодумствуете и преданием себя воле Божией и благодарением Богу стираете главу змею печали, ищущему поглотить Вас.

Слава Богу за все! Слава Богу – горькими врачествами исцелившему души, прибегшие к Нему, Всесильному Врачу. Испрашивающий Ваших святых молитв.

Ваш недостойный послушник

Архимандрит Игнатий.

1 декабря 1852 года.

Письмо 23

К Антонию, игумену Череменицкому.

**О молитве трех Отроков в
пещи Вавилонской, о «сеятве
плевелов», о своем здоровье**

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший Отец Игумен Антоний!
[...]

С некоторого времени я начал часто обращаться воспоминанием к молитве святых трех Отроков в пещи Вавилонской: «Согрешихом, беззаконовахом» и проч. Какое превосходное, в этой молитве, исповедование своей греховности и частной и общественной! Какое оправдание попущения Божия и благоговение пред ним! Какой верный взгляд на современников! Точно: утешение христианина заключается в истинном духовном разуме, находящемся в тесном союзе с верою и смирением, которым плотский и душевный разум противен. Судьбы Божии привели меня быть свидетелем одной из горестных сеятив плевелов, враждебных Церкви. Эта сеятва называлась громким именем Православия,

подобно тому как и другие многие подобные действия уже облекались и прикрывались великолепными наименования-

ми Христианских добродетелей. Тогда сеятва приводила меня в ужас; я предчувствовал, что последствия должны быть ужасны.

Искренно желаю Вам, чтоб новое место послужило для Вас спокойным приютом, удобным к воздеванию спасения. Черемнецкий монастырь беднее Введенского, но климат в первом гораздо здоровее второго. Моим приютом я очень доволен, но здоровье мое расстроено в высшей степени. Время сойти с земного поприща, но неоплаканные грехи приводят к желанию побыть еще в юдоли душеполезных страданий и плача, чтоб избежать плача и страданий бесполезных и вечных. [...] Поручаю себя Вашим святым молитвам и любви о Господе. Призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

27 июня 1862 года.

Письмо 24

О своем настроении, о соблазнах и свободной воле человека

Возлюбленный о Господе, Отец Игумен Антоний!

Благодарю Вас за письмо Ваше от 15 июля. На первые строки его скажу Вам в ответ, что постепенно приближаясь к исходу из гостинницы земли, постепенно теряю сочувствие к временной расстановке в ней людей и стремлюсь соединиться духом воедино со всею о Христе братнею. Думаю, что ныне я сблизился с Вами более, нежели когда-либо.

Милость Божия даровала мне тихий, весьма удобный приют, соответствующий и потребности душевного настроения и потребности крайне расстроенного здоровья. Бабаевский монастырь гораздо уединеннее и Коневца, и Валаама. Безмолвие начинает действовать на меня благотворно, отвлекая очи ума от зрения на деющееся в мире и направляя их к созерцанию своей греховности и предстоящего суда Божия. Все совершающееся совершается под недремлющими взорами Всеблагого и Всемогущего Бога, одно – по воле Божией, другое – по попущению Божию. *Горе миру от соблазнов*, – сказал Спаситель, – *но надобно придти соблазнам*¹⁴, — предрек Спаситель же. Попущение соблазнов, как логическое следствие употребления произвольного человеками

их свободы и воли и как казнь сама собою вытекающая из злоупотребления воли (так как Богом и дана свобода воли и вместе дан закон, как употреблять ее), должно созерцать с благоговением, покорностию, исповеданием своей греховности и правосудия Божия. Очень наставительна молитва святых трех Отроков в пещи Вавилонской. Да совершается воля Божия! Да дарует милосердый Господь спасение немощным, от них же первый есмь аз, которые имеют какое-либо произволение, хотя и самое немощное, спастись. Если узнаете о Церкви, не откажитесь известить: я ни с кем переписки не имею о сем предмете, да и не всему и не всем можно доверять. Может быть, и сами Вы когда-либо захотите посетить и старинного Вашего знакомого. Я с особенною приятностию увидел бы Вас в обители святителя Николая Бабаевской.

Прозящий Ваших святых молитв недостойный

Епископ Игнатий.

22 июля 1862 года.

Письмо 25

Характеристика монашества времени епископа Игнатия

Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший Отец Игумен!

[...]

Мнение Ваше о монастырях вполне разделяю. Положение их подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых апреля: снаружи снег как снег, а под низом его повсюду едкая весенняя вода: она съест этот снег при первой вспомогательной атмосферической перемене. Важная примета кончины монашества — повсеместное оставление внутреннего делания и удовлетворения себя наружностью напоказ. Всяма часто актерскою наружностью маскируется страшная безнравственность. Истинным монахам нет житья в монастырях от монахов-актеров. За такое жительство, чуждого внутреннего делания, сего единого средства к общению с Богом, человеки делаются непотребными для Бога, как Бог объявил допотопным прогрессистам. Однако Он даровал им 120 лет на покаяние.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уваженья имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

3 января 1863 года.

Письмо 26

О монашестве, умном делании, наружном благочестии, монахе Никандре Бабаевском

Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший Отец Антоний!

О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок. Отживает оно век свой вместе с Христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить некому. Для этого нужны мужи духоносные, а ныне даже водящихся отчасти писаниями отцов, при объяснении их душевным разумом, каков был о. Макарий Оптинский, нет. Правда, и ныне некоторые разгоряченные верхогляды, даже из светских, берутся за поддержание монашества, не понимая, что оно – великая Божия тайна. Попытки таких людей лишь смешны и жалки: они обличают их глубокое неведение и судеб Божиих и дела Божия. Такие умницы и ревнители что ни сделают, все ко вреду. Заметно, что древний змий употребляет их в орудия умножения в монастырях житейской многопопечительности и подъяческого характера, чем решительно уничтожается дух монашества, исполненный святой простоты. Надо покоряться самым попускам Божиим, как это прекрасно изложено в молитве

святых трех Отроков, ввергнутых в пещь Вавилонскую.

В современном монашеском обществе потеряно правильное понятие об умном делании. Даже наружное благочинное поведение, какое введено было в Оптиной Пустыне о. Леонидом и Макарием, почти всюду оставлено. Вы правду говорите, что я в юности моей не нашел старца, который бы удовлетворил меня; но это можно еще приписать и тому, что я не искал, как должно, не умел искать, не имел достаточных средств на то. Удовлетворительнейшее лицо, с которым пришлось встретиться, был монах Никандр, просфирник Бабаевского монастыря, муж благодатный. С ним беседовал я в 1847 году. Он достиг высшего преуспевания в умной молитве, проходил этот подвиг очень просто, естественно, не был в славе у людей.

Прежде умное делание было очень распространено и между народом, еще не подвергшимся влиянию Запада. Теперь все искоренилось; осталась личина благочестия; сила иссякла. Может быть, кроется где-либо как величайшая редкость какой-либо остаток прежнего. Без истинного умного делания монашество есть тело без души. Наступила весна: не замедлят наступить лето и жатва. О монашестве о. Никандр понимал так же, как понимаю и я. Называл он монастыри пристанями, по назначению, данному им от Бога; говорил, что эти пристани обратились в пучины, в которых вредятся и гибнут душами многие такие люди, которые посреди мира проводили весьма хорошую жизнь. Некоторым, вопрошав-

шим его, советовал остеречься от вступления в монастырь. Надо знать существенно нынешнее положение монастырей, которые могут еще показаться для верхоглядов местами спасения. По крайней мере, в избрании монастыря должно быть чрезвычайно осторожным и осмотрительным.

Если вздумаете посетить меня, то привезите с собою стихотворения Ваши. Из них читал я одно. В ожидании этого приятнейшего времени, прошу памятования Вашего обо мне в святых молитвах Ваших. С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий. 21 апреля 1864 года.

Письмо 27

Благодарность за посещение, рассуждения о человеческом слове в сравнении со Словом Божиим, пожелание последовать цели Григория Богослова

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший Отец Антоний!

Искренно благодарю Вас за посещение меня, грешного; этим посещением доставлено мне сердечное утешение. Особенно признателен Вам за то, что Вы захотели познакомить меня с стихотворениями Вашими, с Вашим прекрасным талантом, которому даю всю справедливую цену. Мать Мария, по отъезде Вашем, еще прочитала мне некоторые сочинения Ваши. Все дары Бога человеку достойны уважения. Дар слова, несомненно, принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово. Слово человеческое, подобно Слову Божию, постоянно пребывает при отце своем и в отце своем – уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно. Слово человеческое ведомо одному уму, из которого оно постоянно рождается и тем выражает существование ума. Существование ума без слова

и слова без ума мы не можем представить себе. Когда ум захочет сообщиться уму ближних, употребляет для этого свое слово. Слово, чтоб приобрести способность общения, облекается в звуки или буквы. Тогда невещественное слово делается как бы вещественным, пребывая в сущности своей неизменным. И Слово Божие, чтобы вступить в общение с человеками и спасти их, вочеловечилось. При основательном взгляде на слово человеческое делается понятна и причина строгого приговора Господня, которым определено и возвещено, что человеки дадут отчет в каждом праздном слове.

Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях – наставление и спасение человеков. Какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления! Святой Григорий Богослов писал стихами с возвышенною, глубоко благочестивою целию: доставить христианскому юношеству чтение и образцы в поэзии, сделать для них ненужным изучение языческих поэтов, дышащих сладострастием и прочими страстями, дышащих богохульством. Искренно желаю и для Вас цели Богослова, находя Вас способным в известной степени удовлетворить этой цели, и мзда Ваша будет многа на земле и на небе. Возложите на себя иго этой цели, как обязанный в свое время представить отчет в данном Вам таланте Подателю его. Возложите на себя труд достигнуть этой цели. Займитесь постоянно и смиренно, устранив от себя всякое разгорячение, молитвою пока-

нения, которою Вы занимаетесь: из нее почерпайте вдохновение для писаний Ваших. Затем подвергните собственной строгой критике писания Ваши, и, при свете совести Вашей, просвященной молитвою покаяния, извергните беспощадно из Ваших сочинений все, что принадлежит к духу мира, что чуждо духу Христову. *Горе вам, смеющиеся ныне!*¹⁵ Это слова Христовы! Это определение, исшедшее от Бога! Невозможно устранить их никаким словоизвинением. Судя себя и рассматривая себя, Вы увидите, что каждое слово, сказанное и написанное в духе мира сего, кладет на душу печать свою, которою запечатлевается усвоение души миродержцу.

Необходимо в таких словах, исторгнутых увлечением и неведением, покаяние. Необходимо установить в сердце залог верности Христу, а отпадения сердца от верности, по немощи нашей, врачевать немедленно покаянием и устранением от себя действий, внушенных неверностью, соделанных под влиянием духа и духов, нам льстящих и вместе жаждущих гибели нашей.

В воображении моем уже рисуется книга стихотворений Ваших, песнопений, достойно именуемых и священными, и изящными. О, да увижу событие ожидания моего! Да возрадуюсь о нем радостью духовною! О себе не говорю Вам ничего: Вы увидели больше, нежели сколько могу сказать. И паки благодарю за труд, принятый Вами для посещения меня, призывая на Вас благословение Божие и прося Ваших святых молитв, с чувствами искреннейшей преданности и ува-

жения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

И августа 1864 года.

Письмо 28

О стихотворениях отца Антония, методе Пушкина, неудачах сборщика и о других вопросах

[...]

Несомненно то, что в стихотворениях Ваших встречается то чувство, которого нет ни в одном писателе светском, писавшем о духовных предметах, несмотря на отчетливость стиха их. Они постоянно ниспадают в свое чувственное, и святое духовное переделывают в свое чувственное. Душа не находит в них удовлетворения, пищи. Как прекрасен стих в «Аббадоне» Жуковского и как натянуто чувство! Очевидно, в душе писателя не было ни правильного понимания описываемого предмета, ни истинного сочувствия ему. По причине неимения истины он сочинил ее и для ума и для сердца написал ложную мечту, не могущую найти сочувствия в душе разумного и истинно образованного, тем более благочестивого читателя. Мне очень нравился метод Пушкина по отношению к его сочинениям. Он подвергал их самой строгой собственной критике, пользуясь охотно и замечаниями других литераторов. Затем он беспощадно вымарывал в своих сочинениях излишние слова и выражения, также слова и выражения сколько-нибудь натянутые, тяжелые, неестествен-

ные. От такой вычистки и выработки его сочинения получали необыкновенную чистоту слога и ясность смысла. Как они читаются легко! В них нет слова лишнего! От чего? от беспощадной вычистки. Почитав Ваши стихотворения, и дав в себе сформироваться впечатлению от них, нахожу, что и Вам необходим этот труд. «Как Ваши сочинения легко читаются!» – сказал Пушкину его знакомый. «От того, – отвечал Пушкин, – что пишутся и вырабатываются с великим трудом». Смею сказать, что и я стараюсь держаться этого правила.

Мой сборщик, умный монах, лет 50-ти, возвратился с Кавказа и с приволжских губерний. На Кавказе принят был очень радушно, но набирал мало по причине оскудения страны от неурожая, а паче по причине общего и быстрого охлаждения народа к Церкви. Ему говорили мои знакомые: «Только три года Владыка от нас, а ему не узнать бы теперь народа, так он переменялся». В Саратове Преосвященный подписал книгу для сбора на месяц. После этого сборщик был принят только в два дома, в каждом дали ему по 15 копеек серебром. Между тем строился в городе огромный театр, как бы некий кафедральный собор. Приезжающие сюда богомольцы из других губерний, рассказывают, что монастыри, содержащиеся подаянием, приходят в крайний упадок, по причине изменения, следовавшего в направлении всего народа. Живем в век быстрейшего прогресса.

Прося Ваших святых молитв и призывая на Вас благосло-

вение Неба, с чувствами искреннейшей преданности имею
честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

16 декабря 1864 года.

Письмо 29

О своем здоровье и патриотические мысли

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший Отец Антоний!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за письмо Ваше от 1 февраля. Удивило меня поздравление Ваше с поправлением моего здоровья, тем более что получено мною такое поздравление от многих. О, когда бы это было справедливо хотя в некоторой степени и мне дана была бы хотя некоторая деятельность келейная, келейная, не более того. [...]

Удивило меня и то, что Вы помните день моего рождения. Спаси Вас Господи! Воля Божия да совершится над нами. На земле нет прочного мира: такой мир на небе. Европейские народы всегда завидовали России и старались делать ей зло. Естественно, что и на будущее время они будут следовать той же системе. Но велик Российский Бог. Молить должно великого Бога, чтоб Он сохранил духовно-нравственную силу нашего народа – Православную веру. По крайней мере мне, при страшной немощи моей, желалось бы в покаянии закрыть глаза, доколе не умолкло в храмах Божиих слово Божие.

Прошу и Ваших святых молитв о мне, грешном, и о всем православном народе нашем. Благословение Божие да почиет над Вами и над вверенным Вам братством. С чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

13 февраля 1855 года.

P.S. В С.-Петербурге оканчивается печатанием моя книга в 2-х томах, под названием «Аскетические опыты». Из нее читан был Вам разговор старца с учеником о Иисусовой молитве. Напечатание должно окончиться в последних числах февраля или первых марта. [...]

Письмо 30

О пожаре в обители отца Антония и об упадке религиозности в народе

Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший Отец Игумен Антоний!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше обо мне. Письмо Ваше тем особенно утешило меня, что сюда долетели очень преувеличенные слухи о потере в Вашем монастыре, и я опасался за здоровье Ваше. Если же сгорела одна, известная мне гостинница, то потеря ничтожна. Заметно, что отовсюду подвигается буря на монастыри, которые, по своему существенному значению, пришли в состояние, не лучше Вашей сгоревшей гостиницы. Религия вообще в народе падает. Нигилизм проникает в мещанское общество, откуда не далеко и до крестьян. Во множестве крестьян явилось решительное равнодушие к Церкви, явилось страшное нравственное расстройство. Подрядчики, соседи здешнего монастыря, единогласно жалуются на утрату совести в мастеровых.

Преуспеяние во всем этом идет с необыкновенною быстротою.

[...]

Мы живем очень тихо, возложившись на Господа, Кото-

рый и в самые времена антихриста будет руководить рабов Своих и уготовлять им места и средства к спасению, как это засвидетельствовано в Апокалипсисе.

[...] Поручая себя Вашим святым молитвам и призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

18 февраля 1866 года.

Письмо 31

К Архимандриту Игнатию (Васильеву). Об искушениях и Промысле Божиим

1847 года, июля 12-го дня
Новгородский Юрьев монастырь

По милости Божией – путешествую благополучно. [...] ... В Юрьеве отец Архимандрит принял меня очень благо-
склонно; сегодня утром был я у ранней обедни в нижней, пе-
щерной Церкви; обедню совершал отец Владимир с учени-
ком своим иеродиаконем Виталием: они очень милы – вме-
сте. Отец Владимир служит благоговейно, – как быть стар-
цу; Виталий – с приятною простотою. После Литургии отец
архимандрит отправил соборне панихиду по почившем вос-
становителе Юрьевской обители. Вышедши из церкви, я по-
сетил отца Владимира, пил у него чай. Затем посетил мона-
стырскую библиотеку и ризницу. С колокольни посмотрел
на Новгород и его окрестности. Здесь тихо, отдыхает душа и
тело; но ничто не отзывалось во мне поэтическим вдохнове-
нием, как то было на Валааме. Когда я смотрел с колокольни
на Новгород, когда посещал в монастыре храмы, когда смот-
рел на богатство ризницы, – душа моя молчала. [...] Сегодня

суббота; скоро громкий и звучный колокол ударит ко все-нощному бдению; думаю участвовать сегодня вечером и завтра утром в богослужении, а завтра после обеда отправиться в дальнейший путь. Я и спутники мои чувствуем пользу от путешествия.

Когда вспоминаю о тебе и обители нашей, то приходит мне утешительная мысль: без воли Божией быть ничего не может. Так и с тобой и с обителью ничего не может случиться такого, чего не попустит Бог. А Он попускает тем, кого любит, искушения и вслед за искушениями дарует избавление от них. Утешаемые искуплением мы прибегаем молитвою к Богу; а, получая избавление от искушения, стяжаем веру в Бога, веру, – не мертвую, теоретическую, – но живую, практическую. Настоящее твое положение сопряжено с трудностями, но эти трудности крайне тебе полезны, необходимо нужны: они сформируют тебя. Муж неискушен, – неискусен, говорит Писание; а искушенный примет венец жизни и стяжет дар помогать искушаемым. Веруй, что власы наши изочтены у Бога, – тем более пред очами Его все случающееся с нами. Плыви и правь рулем правления обители в вере в Бога, в терпении, и в страхе Божиим. Когда стоит кто высоко, должен глядеть вверх, а не вниз; если будет глядеть вниз, то легко у него закружится голова и он упадет. Итак, верой гляди вверх, на небо, на Промысл Божий, и не закружится у тебя голова, не впадет в смущение и уныние, которые приходят от того, когда глядишь вниз, то есть когда вместо молитвы

и веры, владимся в свои рассуждения и захотим всякое дело решить одним собственным разумом. Христос с тобою. Прошу молитв твоих и всего братства.

Недостойный *Архимандрит Игнатий*.

Письмо 32

О вреде общения с братией, живущей нерадиво, о строгости нравственных правил Сергиевой пустыни

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

Милосердый Господь, от Которого всякое даяние благое да дарует тебе управлять обителию во страхе Божием, духовною мудростию, тихо, мирно и благополучно. В четверток был в Угрешской обители, которая, несмотря на близость свою к Москве, посещается богомольцами очень мало и потому – очень уединенна. С душевным утешением увидел я там некоторых монашествующих, провождающих жизнь внимательную, в страхе Божием. Они очень хранятся от монашествующих города Москвы, не презирая их, но избегая расстройства душевного, которого никто так скоро сообщить не может, как брат, живущий нерадиво. Сие соблюдали Василий Великий и Григорий Богослов, когда жили в Афинах. Сие заповедал наблюдать св. Апостол Павел. Он говорит коринфянам: *Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками; впрочем не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего. Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь бра-*

*том, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе*¹⁶. Видишь ли, как порок, когда он в брате, гораздо заразительнее и прилипчивее, нежели когда он в постороннем лице! Это оттого, что люди позволяют себе гораздо более дерзновения и свободы пред братьями, нежели пред посторонними, пред которыми они стараются скрыть порок свой. Вглядывайся в общество человеческое: в нем беспрестанные опыты свидетельствуют справедливость слов мудрого, святого, Богодухновенного Апостола. Руководствуйся сам этим нравственным апостольским преданием и сообщай его братьям в их назидание и охранение от греха.

[...] Был в монастырях: Чудове, Новоспасском, Симонове, Донском; видел прежде живших у нас иеродиакона Владимира, Евстафия, Грозного, – слышал, что здесь Булин и Черный, направляющиеся к Киеву. Скажу одно: братьям нашей Сергиевой пустыни должно благодарить Бога, что Он привел их в эту обитель, в которой довольно строго наблюдают за нравственностью, чем сохраняют молодых людей, дают им возможность усвоить себе благонравие, составляющее существенное достоинство инока. Конечно, не составляют его голос и знание ноты! Они хороши для Богослужения Церковного, когда душа не разногласит с устами. Это разногласие – когда уста произносят и воспевают хвалы Богу, а душа хулит Его своим злонравием...

Затем – Христос с тобою и со всем возлюбленным братством. Всем кланяюсь и у всех прошу святых молитв недостойный

Архимандрит Игнатий.

21 июля 1847 года.

Письмо 33

Любовь – всякое благо, о сеянии Слова Божия, совет стяжать Евангельские свойства, о трудностях времени и о своем желании уединения

Истинный друг мой Отец Игнатий! С несказанным сердечным утешением читаю твои письма и благодарю Господа Бога, что Он по неизреченной Своей милости даровал мне такового искреннего, доброго, верного и умного друга, как ты. Жизнь наша коротка. Что в ней ни приобретешь – все должно оставить при входе в вечность. Одно благо, которое пойдет с нами туда: любовь к Богу и любовь ради Бога к ближнему. Молю Бога, чтоб любовь наша была вечною. [...] Нашел в Вифанской семинарии иеромонаха Леонида (Краснопевкова), профессора и магистра, из флотских офицеров, который в Петербурге бывал у меня. В посаде живет его матушка – старушка, которую он содержит своим жалованьем. Иду из Академии к саду – встречает меня незнакомая старушка, останавливает: «Ах, батюшка, говорит, как я Вам благодарна за сына моего; направление, которое Вы дали ему в Петербурге, руководствует в пути, им избранном, так благо-

получно; я мать Леонида». Он приходил ко мне вечером и как пред духовником поверил всю жизнь свою со всею простотою и откровенностию. Этот случай, пребывание в Бородине, на Угреше, из светских в Москве Мальцевы, Назимов (ныне генерал, бывший при Наследнике флигель-адъютант) и, наконец, в Бабайках приезд одной из сестер моих меня очень тронули и утешили. Какие есть на свете души! И как чудно слово Божие!

Недаром один святой отец говорит, что сеятель сеет сряду, а не известно, которое зерно взойдет и который участок земли даст обильнейший урожай. [...]

Теперь начинаю отвечать на все пункты писем твоих. [...] Бог тебе открывает понятие о монашеской жизни, которая есть совершенство христианское. Это Божий дар: возделывай его. При естественной доброте твоего сердца, при прямоте твоего рассудка, стяжи еще доброту евангельскую и евангельский разум. Бог, Который даровал тебе прекрасные естественные свойства, да дарует и Евангельские. Точно, как ты говоришь, – ни порядка, ни благонравия, ни даже таких духовных познаний не встретишь, как в нашей обители. [...]

[...] Молитесь обо мне. Ныне мудреное время: где ни на-смотрелся – везде зло берет верх, а благонамеренные люди находятся в угнетении. Спаситель мира повелел стяжевать души свои терпением. Полагаюсь на волю Божию. Здешнее уединение показывает мне ясно, что по природным моим свойствам и по монастырскому моему образованию – быть

бы мне пустынником; а положение мое среди многолюдного, столичного города между людьми с политическим направлением, – есть вполне не натуральное, насильственное. Молитва и Слово Божие – вот занятие, единственно мне идущее. При помощи уединения могли бы эти два занятия, кажется мне, судя по опытам, – очень процвести, и желал бы я ими послужить ближним. Для прочего служения есть довольно людей, с преизбытком; а для этого ныне, просто сказать, не найти. Пытаются – и то немногие, а чтобы кто сказал истину Христову, точно – не найти! Сбывается Слово Христово: в последние времена обрящет ли Сын Божий веру на земле! Науки есть, академии есть, есть кандидаты, магистры, доктора богословия (право – смех, да и только); эти степени даются людям. К получению такой степени много может содействовать чья-нибудь б.... Случись с этим «богословом» какая напасть – и оказывается, что у него даже веры нет, не только богословия. Я встречал таких: доктор богословия, а сомневается, был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не был ли, подобная мифологической! Какого света ожидать от этой тьмы!

Христос с тобою. Всем братьям мой усерднейший поклон.
Тебе преданнейший друг, недостойный

Арх. Игнатий.

Письмо 34

Практические советы иером.

Игнатию в деле управления обителью

Истинный друг мой, Отец Игнатий! [...] Послушника Кириловского согласись принять, а также и чиновника из Опекунского совета. А плац-адъютанту Иготину скажи, что от печали не должно идти в монастырь, в который можно вступить только по призванию. Все, сколько их знаю, поступившие в монастырь по каким-либо обстоятельствам внешним, а не по призванию, бывают очень непрочны и непременно оставляют монастырь с большими неприятностями для монастыря и для себя. А потому решительно откажи. [...]

Относительно дела с Пафнутием будь осторожен и терпелив; так нужно вести себя относительно людей лукавых. Пожалуй, сделают по желанию твоему, но потом этим обстоятельством, как фактом, будут доказывать, что ты неоснователен в твоих действиях. А много ли надо, чтоб уверить дураков в чем-нибудь. Пусть Пафнутий действует как хочет и скучает как хочет, потому что он, несмотря на все мои убеждения, начал сам действовать, вопреки всем моим истинно дружеским и благонамеренным советам.

[...] Всем кланяюсь: и братии, и знакомым. Христос с Вами.

Архимандрит Игнатий.
18 сентября.

Письмо 35

О значении искушений и скорбей

Поздравляю тебя, истинный друг мой, с праздником богоспасаемой обители нашей. [...] К нашей обители есть милость Божия, потому что в ней хотя и не столько, сколько следовало бы, есть люди, имеющие намерение быть приятными Богу. Господь посылает и искушения: кому посылаются скорби, тот, значит, есть часть Божия, а кому идет все как по маслу, – тот часть диавола. А когда Господь восхощет взять его из части диаволовой, то взимает посланием скорбей. Скорби – чаша Христова на земле. Кто на земле участник чаши Христовой, – тот и на Небе будет участником этой чаши. Там она – непрестающее наслаждение. Четырнадцать лет, как мы с тобою плывем вместе по житейскому морю. Не видать, как они прошли; не увидим, как и остальная жизнь пройдет. Временная жизнь, когда в нее взглядишься, только льстит – блезир, как русские говорят, не более того.

25 сентября.

Письмо 36

Совет жить настоящим днем, а не будущими мечтами

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

...Утешаюсь вполне, что произволение твое к духовной жизни развивается. В свое время Бог устроит все. Наилучшее – предаваться Его святой воле и не думать о завтрашнем дне, когда нет особенной причины думать о нем. А то многие живут в будущем мечтами и заботами своими, а настоящее выпускают из рук. Сердечно радуюсь, что праздник провели все благополучно, в своем семейном кругу, без всякой заплаты. Так эти чуждые заплаты нейдут к нашему обществу! Всегда эти подлости чем кончаются? Прочеловекоугодничают век свой, остаются чуждыми всякого божественного чувства, предают, предают и, наконец, сами предаются смерти, сколько ни отнекиваются от нее. [...]

[...] Христос с тобою! Проволочимся как-нибудь во время этой краткой земной жизни – лишь бы Бог принял нас в вечные кровы.

Тебе преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.

Письмо 37

О формировании человека

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

[...]

[...] Предоставь воле Божией – мой приезд. Я имею намерение такое выехать отсюда, когда уверюсь, что я выздоровел и окреп совершенно, что могу пуститься в дорогу безопасно, что приехав к Вам не буду лишь лежать в праздности, но и споспешествовать общей пользе. Сознаюсь, – в последнее время у меня очень было на совести, что я мало занимался братнею, то есть назиданием их. Это занятие намереваюсь возобновить, когда милосердый Господь возвратит меня с обновленными силами. Глаза мои так поправились, что пишу свободно при одной свечке. Но все еще слаб и больше лежу.

Настоящее твое положение хотя и сопряжено с некоторыми скорбями, но оно тебя формирует, укрепляет. Я очень рад, что Бог, столько к тебе милосердый, дарует тебе способ сформироваться правильно, на пути прямом, чистом. Беда – когда человек формируется на кривых путях: во всю жизнь свою будет смахиваться в шельмовство. [...]

[...]

Христос с тобою.

Недостойный

Архимандрит Игнатий.

23 октября.

Письмо 38

Совет в терпении проходить возложенное служение; о цели своего вступления в монастырь; желание поселиться в более уединенной обители

Бесценнейший Игнатий!

К слову «бесценнейший» не прибавлю слова «мой», потому что все мы – Божии. Не желаю Божие похищать себе, а когда милосердый Господь дарует мне Свое, – «благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое Его». – А Божие да пребывает Божиим, и я буду им пользоваться, как Божиим...

Господь да подкрепит тебя в несении трудностей, которыми сопряжено твое настоящее положение, которыми образуется разум твой и душа твоя. Вижу над тобою особенный Промысл Божий: Бог полюбил тебя и ведет к Себе. А потому показывает тебе мир во всей наготе его, показывает, как в нем все тленно, все пусто; как все его занятия и хлопоты крадут у человека время и отводят от благочестивых занятий и добываемого ими блаженств вечного. Все это надо увидеть ощущением души; а в книге не вычитаешь, доколе не отвер-

зутся душевные очи. Возложись на Господа: в терпении твоём стяжешь душу твою. Терпение подается верою, а вера зависит от произволения человеческого: потому что она естественное свойство нашего ума. Кто захочет, тот тотчас может ее иметь в нужной для него мере.

Отсюда я ничего не писал тебе об уединении, хотя и очень помнил, что обещал написать пообжившись. [...] Мои мысли об этом предмете те же, что и в Сергиевой; мне нечего себя испытывать, а в мои годы и не время, образ мыслей сформировался, а годы ушли. Можно быть решительным. То, что я здесь не поскучал, можно сказать, ни на минуту, – нисколько не странно; противное было бы странно.

Пошедши в монастырь не от нужды, а по собственному избранию и увлечению, – пошедший в него не ветрено, а по предварительном, подробном рассмотрении, – сохраняя цель мою неизменною доселе, я, по естественному ходу вещей, не скучал в монастыре, не скучаю, и впредь надеюсь быть сохраненным милостию Божиего. Тот монастырь для меня приятнее, который более соответствует монашеской цели. Здесь мне нравится уединение, простота, в особенности же необыкновенно сухой и здоровый воздух, чему причина – грунт земли, состоящий из хрящу и песку. Место более уединенное можно найти, в особенности более закрытое лесом. Здесь роща с одной стороны, с прочих на десятки верст открытое место, почему ветры похожи на ветры Сергиевой пустыни, – сильны, но мягки, нежны. Я говорил, на

всякий случай, здешнему Преосвященному, чтоб нам дал не важный, но пользующийся выгодами уединения, местоположения и климата монастырек, на что он очень согласен. [...]

Затем, Христос с тобою.

Поручающий тебя милости Божией и молитвам преподобного Сергия.

Преданнейший друг

Архимандрит Игнатий

27-го ноября.

Письмо 39

О тернистости своего пути и своих последователей

Бесценный Игнатий!

Письмо твое и при нем деньги 185 р. серебром я получил. Точно, как ты и догадываешься, это очень мало, судя по требованиям, которые здесь рождаются, на мое лечение и лечение двух больных Стефана и Сисоя.

Но и за это – слава Богу! Сколько людей достойнее меня, а нужды терпят более меня. Часто думаю и о твоих средствах содержания: хотелось бы мне их улучшить... Если Господь благополучно возвратит меня в Сергиеву, мы об этом подумаем; желал бы поделиться с тобою средствами!..

Точно – путь жизни моей и тех, которые хотят сопутствовать мне, устлан тернием! Но по такому пути Господь ведет избранных и любимцев Своих! Не могут отвориться очи душевные, не могут они усмотреть благ духовных, подаваемых Христом, если человек не будет проведен по пути терний. Христос с тобой. Он да дарует крепость и мне и тебе.

Недостойный

Архимандрит Игнатий.

22 января.

Письмо 40

О взаимоотношении с иеромонахом Игнатием, его скорбях, откровенная характеристика многих знакомых, трудностях управления Сергиевой пустынью

Истинный друг мой бесценный Игнатий! Бог даровал мне, грешнику, истинное утешение: душу твою, исполненную ко мне искренним расположением христианским. По причине этого расположения душа твоя делается как бы чистым зеркалом, в котором верно отпечатываются мои чувствования и мой образ мыслей, развитые во мне монашескою жизнью. Избравший тебя Господь да воспитает тебя Святым Словом Своим и да совершит тебя Духом Своим Святым. Мне даже было жалко, что ты при многих твоих занятиях, которые при болезненности делаются вдвое обременительнее, написал мне письмо на трех листах: мне лишь бы знать о благополучии монастыря, твоём и братства; также – о главных происшествиях в обители. Ко всему прочему, то есть к скорбям от управления, к скорбям от начальства, пришли тебе и скорби от болезней, изменяющих способности не только телесные, но и душевные: такова давнишняя моя чаша.

Подобает душе и телу истончиться, как паутине, пройти сквозь огонь скорбей и воду очистительную покаяния, и войти в покой духовный – в духовный разум или мир Христов, что одно и то же.

[...]

Много наши добрые знакомые, говоря о нас доброе, сделали нам зла: потому что люди неблагонамеренные думают, что это – внушение и интриги наши. Напоминать об этом со всею любовию надо всем любящим нас. Впрочем, когда Богу угодно попустить кому искушения, то они придут, возникнут оттуда, откуда их вовсе ожидать невозможно. [...]

Относительно моего возвращения в Петербург руководствуюсь единственно прямым указанием здоровья моего, верую, что Господь в прямом образе поведения – Помощник; а лукавый политик – помощник сам себе, – Господь к нему, как к преумному, на помощь не приходит. Думаю, что раньше второй половины мая мне невозможно: потому что я очень отвык от воздуха и имею сильную испарину. Характера я не люблю наказывать, и сохрани Боже делать что-либо для наказания глупого характера; а даруй мне Господи неправильное дело мое, лишь увижу его неправильность, с раскаянием оставлять. Также на то, что скажут, не желаю обращать внимания: пусть говорят что хотят, а мне крайняя нужда подумать о будущей жизни и скором в нее переселении, обещаемом преждевременною моею старостию и слабостию, произведенными долговременными болезнями.

Мне нет возможности тянуться за людьми и угождать людям, вечным на земле, или, по крайней мере, считающих себя вечными. – От графини Шереметьевой и от графа получил уведомление, что мои письма получены ими в исправности; пишут с большим добродушием. Я жалею графиню: московские льстят ей и приводят в самодовольство, от которого я старался отклонить ее; впрочем, она чувствует, что слова мои хотя не сладки, но полезны, – и прощалась со мной, когда я отправился из Сергиевской Лавры в дальнейший путь к Бабайкам, от души, с любовью и искренностью.

[...] Преосвященный викарий не довольно умен и честен, чтоб понять прямоту твоих намерений и действий; судит о них по своим действиям, всегда – кривым, по своим целям – всегда низким, имеющим предметом своим временные выгоды, лишь собственные выгоды, и самого низкого разряду.

Поелику ж он не может постичь прямоты твоих намерений, то сочиняет в воображении своем намерения для тебя и против этих-то своего сочинения намерений или сообразно своим подозрениям действует. [...]

Поздравляю тебя с великим праздником Благовещения. Матерь Божия да примет нас под кров Свой! Да дарует нам провести земную жизнь как жизнь приуготовительную к жизни будущей. Чаша скорбей обнаруживает внутренний залог человека: Давид идет в пустыню, а Саул – к волшебнице. Бог привел тебя узнать на самом опыте, какую чашу я пил в Сергиевой пустыни в течение четырнадцати лет. Вступая

в должность настоятеля этой обители, я видел ясно: иду толочь воду, что плавание мое будет по бездне интриг; утешало меня, что это – не мое избрание. Я отдался воле Божией, которой отдаюсь и теперь. [...]

[...] Рассматривал я себя долгое время в Сергиевой пустыне; и ты мог рассмотреть себя особливо в настоящее время при непосредственном управлении этим монастырем; также и мое положение в нем сделалось тебе яснее. Я образовал себя совсем не для такого монастыря и не для такого рода жизни, долженствующей состоять из беспрестанных телесных попечений и занятий с приезжающими, по большей части пустых. Душа в таком месте по необходимости должна сделаться пустою. [...] Интриги, к которым столько удобств, потрясали благосостояние монастыря и мир его и впредь будут потрясать. Мертвость лиц, избираемых в митрополиты С.-Петербургские, лишала и будет постоянно лишать нас собственного взора и мнения нашего начальника, следовательно – всегда действующего по внушению других, но действующего с неограниченною властью, хотя бы он действовал вполне ошибочно. Зависимость от многочисленных властей второстепенных делает бесчисленные неприятности неизбежными. Ты знаешь, что в дела нашей обители входит и сам Митрополит, и Викария, и две Консистории, и секретарь Митрополита, и другие разные секретари, и камердинеры, и прачки, и тетушки Сулимы и проч., и проч. Чего тут ждать? – Надо быть аферистом, с способностью к этому, с склонно-

стию. [...] По вышеуказанным причинам имею решительное намерение, возвратясь в Петербург, просить, чтоб дано мне было местечко, соответствующее моим крайним нуждам душевным и телесным. Посему же необходимее всего иметь человека, под покровительством которого можно б было монашествовать не только мне, но и расположенным ко мне (а из опытов вижу, что с дураками и езуитами мне никак не поладить), то и избираю для этого Преосвященного Иннокентия Харьковского, который мне и лично и из собранных сведений более других нравится: в святость не лезет и на святость не претендует, а расположен более всех делать добро, более и толковее всех занимается религиею, любит истинное монашество, поймет мое хотя и грешное и вполне хромающее аскетическое направление и захочет содействовать ему. Таковы, душа моя, мысли мои относительно моего положения. Но для Сергиевой пустыни, сам можешь видеть, нет у меня ни телесных, ни душевных сил – разве сделают ее самостоятельную. Вот, истинный Друг мой, сформировавшиеся, кажется от указания самых обстоятельств, мысли мои – и тебе одному поверяю их. Плод дальнейшего нашего пребывания в Сергиевой пустыни будет не иной какой; «сделаемся окончательно калеками, и когда увидят, что мы ни к чему не способны, вытолкают куда попало, не дав куска хлеба и отняв все средства достать его». Рассмотрю основательно – и увидишь, что так. Я имею милость Государя, но эта милость только сердечная: и ее интриганы употребили в орудие сво-

ей ненависти ко мне. — Христос с тобою. [...] Подумай, друг мой, и помолись об общей нашей участи, дабы милосердый Господь устроил ее по благости Своей.

[...] Тебе преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.

24-е марта 1848 года.

Письмо 41

К некоторому священноиноку, находящемуся в скорбных обстоятельствах

Признаю себя недостойным той доверенности, которую Вы мне оказываете. Когда человек во время своей скорби обращает взоры на кого-нибудь, с доверенностью простирает к нему руки, просит помощи, это значит – предполагает в нем духовную силу. Духовной силы не имею. Я окован цепями страстей, нахожусь в порабощении у них, вижу в себе одну немощь. Но, проведши всю жизнь в страданиях, почитаю сострадание страждущим священным моим долгом. Только из этого побуждения пишу к Вам; только в этом отношении сочтите письмо мое достойным внимания Вашего; примите его как отклик души, участвующей в Вас. В одиночестве, в скорби, и ничтожное участие – приятно.

При нынешних обстоятельствах человеческие пути к вспоможению Вам заграждены. Таково мнение, не только мое, но и тех, знающих Вас и помнящих, с которыми я счел полезным посоветоваться. Нельзя уклониться ни направо, ни налево: надобно по необходимости идти путем тесным и прискорбным, который пред Вами внезапно открылся по неисповедимым судьбам Божиим.

Такое положение мне не незнакомо. Не раз я видел полное оскудение помощи человеческой, не раз был предаваем лютой тяжести тяжких обстоятельств; не раз находился во власти врагов моих. И не подумайте, чтоб затруднительное положение продолжалось какое-нибудь краткое время. Нет! так протекали годы; терялось телесное здоровье, изнемогали под тяжестью скорбного бремени душевной силы, а бремя скорбей не облегчалось. Едва проходила одна скорбь, едва начинало проясняться для меня положение мое, как налетала с другой стороны неожиданная, новая туча, – и новая скорбь ложилась тяжело на душу, на душу, уже изможденную и утонченную, подобно паутине, предшествовавшими скорбями.

Теперь считаю себя преполовившим дни жизни моей. Уже виден противоположный берег! Уже усилившаяся немощь, учащающиеся недуги возвещают близость переселения! Не знаю, какие бури еще предстоят мне, но оглядываюсь назад, и чувствую в сердце невольную радость. Видя многие волны, чрез которые преплыла душа моя, радуюсь невольно. Сильные ветры устремлялись на нее; многие подводные камни подстерегали и наветовали спасение ее, – и я еще не погиб. По соображению человеческому погибнуть надо бы давно. – Уверяюсь, что вел меня странными и трудными стезями непостижимый Промысл Божий; уверяюсь, что Он бдит надо мною и как бы держит меня за руку Своею всемогущею десницею. Ему отдаюсь! Пусть ведет меня куда хочет; пусть приводит меня, как хочет, к тихому пристанищу, «идеже несть

болезнь, ни печаль, ни воздыхание». Вижу многих, называемых счастливыми, – и без цены для сердца моего жребий их. Лежат мертвецы во гробах мраморных и деревянных с одинаково бесчувственностью, одинаково бесчувственны они как к великолепному памятнику, воздвигнутому тщеславию и неведением христианства, так и к смиренному деревянному кресту, который водрузила вера и бедность. Одинаково они жертвы тления. Очень похожи на мертвецов земные счастливы, мертвые для вечности и для всего духовного. Мертвыми нарекло их Евангелие. Возгласим славу Божию в стране и обществе живых!

Шествие к истинному знанию Бога непременно требует помощи от скорбей, непременно нужно умерщвление сердца для мира скорбями, чтоб оно могло всецело устремиться к исканию Бога. Бог, кого отделяет в ближайшее служение Себе, в сосуд духовных дарований, тому посылает скорби¹⁷. Он едва открылся Павлу, как уже определяет ему в удел страдания, возвещает о них. *Аз во скажу ему, елико, подобает ему о имени Моем пострадати*¹⁸, — говорит Господь о вновь избранном апостоле. Люди, наносящие скорбь, и скорбные обстоятельства – только орудия во всемогущей деснице Божией. Власы глав наших изочтены у Бога; ни одна из птиц бессловесных не падает без воли Творца своего; неужели без этой воли могло приблизиться к Вам искушение? Нет! Оно приблизилось к Вам по попущению Бога. Недремлющее Око Промысла постоянно бдит над Вами; всемогущая десница

да Его охраняет Вас, управляет судьбою Вашою. По попущению или мановению Бога приступили к Вам скорби, как мучители к мученику. Ваше злато ввергнуто в горнило искушений, оно выйдет оттуда чище и ценнее. Люди злодействуют в слепоте своей, а Вы соделываетесь на земле и на небе причастником Сына Божия. Сын Божий говорит Своим: *Чашу, юже Аз пию, испиете*¹⁹. Не предавайтесь печали, малодушию, безнадежию! Скажите, честнейший отец, Вашим унывающим помыслам, скажите Вашему пронзенному скорбию сердцу: *Чашу, юже даде мне Отец, не имам ли пиши от ея*²⁰, – не подает эту чашу Каиафа, не готовят ее Иуда и фарисеи; все совершает Отец! Люди, произвольно следующие внушениям своего сердца, действующие самовластно, не перестают притом быть и орудиями, слепыми орудиями Божественного Промысла, по бесконечной премудрости и всемогуществу этого Промысла. Оставим людей в стороне, точно они посторонние! Обратив взоры наши к Богу, повергнем к ногам Его воздымающиеся и мятущиеся помыслы наши, скажем с благоговейною покорностию: «Да будет воля Твоя!» Этого мало! Облобызаем крест, как знамение Христово, руководствующее ученика Христова в Царство Небесное. Был повешен на кресте разбойник, упоминаемый в Евангелии: был повешен как разбойник, а с креста переселился на Небо как исповедник. Люди побивали Стефана камнями как богохульника; а по Суду Божию ему отверзалось Небо как живому храму Святого Духа. Был принужден святитель Тихон Во-

ронежский, обвиненный в горячности нрава, перейти с престола Епископского в стены тихой обители, – обитель, пребывание в которой святого пастыря имело наружность изгнания, внушила ему посвятить себя молитвенным и другим подвигам иноческим.

Святые подвиги доставили ему нетленное и негиблущее сокровище праведности во Христе, славу от Христа на небе и на земле. Всегда поражала меня участь святителя Тихона; пример его всегда испускал утешительные и наставительные лучи в мое сердце, когда сердце мое окружал мрак, производимый скопляющимися тучами скорбей. Я убежден, что одни иноческие занятия могут с прочностью утешать человека, находящегося в горниле искушений. Рекомендую Вам сочинение святого Марка Подвижника, находящиеся в 1-й части «Добротолубия»: они доставляют духовное утешение в скорбях, а для молитвенного занятия – Исихия, Филосея и Феолипта, помещенные во 2-й части той же книги. Простите, что позволяю себе советовать Вам! Примите это, как признак участия, как признак искренности, извлекаемый из души моей состраданием к Вам. Иначе я не вверил бы Вам тайн, которые скрываю и которые должно скрывать в глубине души, чтоб драгоценные бисеры духовные не были попорчены любящими и дорого ценящими одно лишь свое болото. Изложенными в этом письме мыслями и другими, им однородными, почерпаемыми в Священном Писании и в сочинениях святых отцов, я питался и поддерживался. Без поддерж-

ки, столько сильной, мог ли бы устоять против лица скорбей, которые попускал мне всеблагий Промысл, которыми отсекал меня от любви к миру, призывал в любовь к Себе. Скорби мои, по отношению к слабым силам моим, были немалые, не сряду встречающиеся в нынешнее время. То, что они не вдруг могли меня сломить, лишь усиливало и продолжало мучения: вместо того, чтоб сломить в несколько дней или несколько часов, ломали меня многие годы. В этих скорбях вижу Божие благодеяние к себе; исповедую дар свыше, за который я должен благодарить Бога более, нежели за всякое видимое мною в других земное, мнимое счастье. И это мнимое счастье, как ни низко (оно плотское!), могло бы быть еще завидным, если б было прочно и вечно. Но оно превратно, оно мгновенно, – и как терзаются при его изменах, при потере его избалованные им. Оно непременно должно разрушиться, отняться неумолимою и неотвратимою смертию, ни с чем не сравнимо бедствие, с которым внезапно встречаются во вратах вечности воспитанники мнимого, земного счастья! Справедливо сказал святой Исаак Сирский: «Мир – блудница: он привлекает красотою своею расположенных любить его. Уловленный любовью мира и опутанный им, не сможет вырваться из рук его, доколе не лишится живота своего. Мир, когда совершенно обнажит человека, – изводит его из дому его (то есть из тела) в день его смерти. Тогда человек познает, что мир льстец и обманщик».

Дайте руку: пойдем за Христом, каждый неся крест свой,

и им и зарабатывая свое спасение.

Сергиева пустынь.

1847 год.

Письмо 42

**К иноку, терпевшему скорби в
общежитии, думавшему, что они
препятствуют его преуспеянию, и
пожелавшему глубокого уединения**

Где бы я ни был, в уединении ли или в обществе человеческого, свет и утешение изливаются в мою душу от Креста Христова.

Грех, обладающий всем существом моим, не престаёт говорить мне: «Сниди со креста».

Увы! Схожу с него, думая обрести правду вне креста, – и впадаю в душевное бедствие: волны смущения поглощают меня. Я, сошедши с креста, обретаюсь без Христа. Как помочь бедствию? Молюсь Христу, чтоб возвел меня опять на крест. Молясь, и сам стараюсь распяться, как наученный самым опытом, что не распятый – не Христов. На крест возводит вера; низводит с него лжеименный разум, исполненный неверия. Как сам поступаю, так советую поступать и братьям моим.

Что еще прибавить? Прибавлю: *блажен муж, иже претерпит искушение*²¹. *Искушен быв, может и искушаемым помогать*²². Желая, чтоб эти слова Священного Писания

сбылись над Вами. А Вы – утешьтесь! Не малодушествуйте от того, что победились бранью: это к духовному искусу, или опыту, и к смирению. Мир Вам! Еще скажу: общий путь подвижников – терпением между людьми утешать немощь чувств, узреть Промысл Божий и войти в умную молитву. Иной, по особенному смотрению Божию, вошел иначе; мы должны идти по общему пути. Прочитайте об этом 55-е слово святого Исаака к преподобному Симеону Чудотворцу. Иные находят, что уединение – ближайшее средство к духовному успеху; а другие говорят, что приводит в духовный успех – любовь к ближнему. Моему сердцу более нравится последнее, потому что любовь к ближнему – непрерывный долг каждого, а к безмолвию – способны немногие.

Письмо 43

К некоторой инокине, изменившей свое правило молитвенное: большее на меньшее, но внимательное, и ощутившей от этого пользу душевную

На Ваше благословение дня, в который Вы ощутили, что Господь явил Вам особенную Свою милость, и я отвечаю так: Благословен Бог Отец Света, от Которого *всякое даяние благо и всяк дар совершен!*²³ *Люди, сидящие во тьме... и сени смертной, свет возсия им*²⁴, то есть Христос в Его истинном учении.

И опять – начинаю славословить, благодарить Бога! Благословен Бог, облегчивший Вам переход от самочинного образа жизни к другому, который ближе к преданию святых отцов. Безмолвствующему как-то не свойственно многословие и в самом молитвенном правиле. Хотя все человеки созданы по образу Божию, но в этом отношении безмолвник есть особеннейший, точнейший образ Божий. Посмотрите, что говорит евангелист Иоанн о Боге: «от вечности Он довольствовался единым Своим Словом!...»²⁵ Утешение, которое – надеюсь на милость Божию – прозябнет из настоящего Вашего делания, подтвердит Вам эту истину. Оно будет со

временем требовать, чтобы Вы еще более стряхнули с себя листья для плодов.

К смертной памяти полезно принуждать себя, хотя бы сердце и отвращалось от нее. Она – дар Божий, а понуждение наше к ней – только свидетельство искренности нашего желания иметь этот дар. При понуждении себя нужно и молиться: «Господи, даждь ми память смертую».

Таково об этом предмете учение Макария Великого, Исаака Сирского и прочих великих отцов. Вы найдете его и в драгоценной книжке Нила Сорского. О любви к ближнему мы знаем из учения отцов, что она бывает двух родов: естественная и евангельская, или о Христе. Естественная насаждена в нас при нашем сотворении и потому непременно есть в каждом человеке. Она повреждена, как и прочие благие свойства, падением, или прародительским грехом, а потому в каждом человеке подвержена большим или меньшим, кратким или продолжительным изменениям. Христос, исцеляющий все наши недуги дивным образом, исцеляет и поврежденную любовь: заповедует Себя – Господа – любить в человеках. Этим возводит любовь на высочайшую степень горячности, дарует ей чистоту, духовность, святую, – и погашается пламенем любви о Христе нестройный, дымный пламень плотской – любви смешанной, составленной из мечтательного, несуществующего наслаждения и жестокого, убийственного мучения. Ощущение духовной любви водило пером святого Иоанна Лествичника, когда он сказал: «Лю-

бовь к Богу погашает любовь к родителям и прочим близким по плоти; говорящий, что имеет ту и другую любовь, оболыцает себя». Также он сказал в 15-й степени: «Огонь погашается огнем, то есть любовь плотская любовью Божественной»; когда мы рассмотрим себя со вниманием, то увидим с Божиею помощью (на такое видение нужна помощь Божия! такое видение – дар Божий!), что наиболее имеем любовь естественную, а Евангельскую должны еще стяжевать. Это самое разумел я, когда писал Вам, что Евангелию от Иоанна предшествует Евангелие от Матфея, Евангелие от Иоанна говорит наиболее о любви к Богу, о смотрении Божиим, ясном для одних очищенных. Очищается же человек, входит в видение Бога и любовь к Нему – любовь о Христе к ближнему, или любовь Христа в каждом ближнем, а в чуждом христианства и Христа, – любовь к образу Божию. И лишенный славы христианства не лишен славы человечества, – есть образ Божий!

Вы отнеслись ко мне ради Бога для пользы души Вашей; я – также ради Бога – располагаюсь говорить Вам то, что сочту истинным и душеполезным. Шествуя к Господу путем ума и сердца, желая встать пред величеством Его неприступной славы, лицом к лицу, не будьте разумны и многосведущи. Для Него приятнее младенческое лепетанье души, умалившейся, так сказать, от зренья множества немощей своих, нежели красноречивое витийство души, напыщенной самомнением. Апостол Павел сказал о себе: *Не судих себе водети*

*ничтоже, точною Иисуса Христа, и сего распята*²⁶. А для меня предовольно, если я познаю, что я грешник. Довольно мне будет этого знания! Оно, прикасаясь – как жезл Моисеев к камню – к моему ожесточенному сердцу, будет изводить живую струю слез. Плач мой пред Господом моим предпочитаю всей земной мудрости, – *и грех мой предо мною есть выну*\²⁷ Грех мой – первенствующий предмет моего духовного созерцания!..

В письмах Ваших ко мне не будьте умны, красноречивы, сведущи в Писании. Будьте буи! из премудрой сделайте буйною, чтобы стяжать истинную премудрость – смиренно-мудрие, в котором обилие духовного разума. И я, грешник, в ответе Вам буду произносить обнаженное, беслестное слово сердца, приятное одною искренностию и, может быть, истинною. Отселе вкусив его, познайте, что сказанное мною, сказано ради Господа.

Прошу Ваших святых молитв о глаголющем и нетворящем, чтоб произносимое мною слово послужило мне во спасение, а не во осуждение, в день Страшного Суда Христова. Аминь.

24 марта 1843 года.

Письмо 44

К той же инокине, желавшей перейти из одного монастыря в другой

Вместо всякой надписи ставлю над письмом моим изображение святого креста. Крест – это приличнейшая надпись над словом крестным, произносимым для проходящего путь крестный. И так внимайте тем словам, которые извлекаются верою Вашею из окаянного сердца моего, погруженного в молитву и слышащего дивные глаголы, произносимые благодатию в тайне душевной клетки. Глаголы эти питают меня, питают и тех, которые ради спасения души своей захотят не презреть грешных и убогих словом моим. Георгий Алексеевич, Затворник Задонский, в продолжение двух лет был беспокоиваем помыслами о выходе из Задонской обители. Ему представлялось, что место это не довольно уединенно, что в другом его будут менее беспокоить посетители: однажды, как он развлекался этими мыслями, сказывают ему, что некоторый странник желает его видеть, ибо имеет нечто сказать ему от Серафима Саровского. Затворник приглашает странника, который, вошедши к нему, говорит: «Отец Серафим велел тебе сказать, что стыдно тебе, Затворнику, дозвolyть бесовским помыслам такое долгое время беспокоить тебя. Никуда не переходи, Богу угодно, чтобы ты жил здесь».

Сказав эти слова, странник поклонился и удалился. Изумлен был Затворник этим обличением его тайных помыслов и, когда опомнился, послал келейника своего, чтобы воротить странника. Келейник напрасно искал в монастыре и за монастырем обличителя – он скрылся. Кто он был? Не будем об этом любопытствовать много, но заметим из этого события нужное нам, именно, что постоянное стужение помысла не есть еще признак его правильности. Ах! Где то желанное спокойствие, к которому влечется наше сердце, которого оно не может не жаждать и не искать?

Оно сокровенно в Кресте Христовом. Напрасно будете его искать в чем другом. Дьявол, смотрящий на лицо души человеческой и ловящий ее в погибель, видит стремление, стремление естественное нашего сердца к нерушиму покою, и по поводу этого стремления дает совет: «Перейди с места твоего жительства в другое, там найдешь желанное спокойствие». Таков его совет, под личиною которого скрыт другой: «Сниди со креста».

Святые отцы повелевают выдерживать брани, не оставляя места, в особенности если в нем нет явных поводов ко греху. Монах, оставляющий по причине душевной брани место своего жительства, никогда не возможет стяжать духовных плодов. Стойкость – одно из первых достоинств воинства и земного, и духовного. Опытные в битвах ратники почитают признаком храбрости отважное нападение на строй неприятельский, но несравненно большим – безмолвное стояние

с угрюмою твердостью под ядрами и картечью неприятельских батарей, когда этого требует общий план военачальника. На таковых-то воинов наиболее он может и положиться, на таковых воинов наиболее полагается наш Подвигоположник Иисус Христос и венчает их душевными венцами. Делание это заповедает нам Дух Святой: «Аще взыдет на тя дух сильного, то места своего не оставь»²⁸. Напротив того, Он укоряет воинов нестойких и объявляет им лишение духовных дарований: *Сынове Ефремли наляцающе и стреляюще луки, возвратишася в день брани... и отрину Господь селение Иосифово, и колено Ефремово не избра*²⁹. Этого и Вы уstraшитесь, постарайтесь принести плод, по слову Господню: «в терпении». Что Вы заметили в себе некоторые недостатки, о которых прежде думали легче, с извинением и оправданием их, — этому не удивляйтесь. Мы к тому стремимся, чтобы узреть наши грехи и омыть слезами покаяния прежде того времени, времени страшного, когда покаяние будет только мучить, а не исцелять. Если отец Пафнутий усердствует ссудить Вас книгами своими, то советую Вам сперва прочитать книгу Великого Варсонофия и, если заблагорассудите, списать ее. По Вашему состоянию книга эта будет полезнее, нежели Исаака Сирина, которою, Бог даст, займетесь в свое время... Мир Вам!

Письмо 45

**К тому же лицу. О памяти смертной;
повторение совета не переменять
местожительства; взгляд на себя,
по отношению к лицам, просящим
духовного совета; о молитвенном
правиле; о молитве за еретиков;
молитва и плач – о своем мертвеце**

Что может быть тяжелее состояния души, томимой искушениями? Это пребывание во аде, в вечных муках. Воспоминание о них облегчает здешние искушения. «Враг мой, – говорит (в Лествице) уныние, – есть память смертная». вспомните об обществе бесов во аде и – люди покажутся Вам добрыми; вспомните о муках во аде и – искушения сделаются для Вас легкими.

Если помысл Ваш отстраняет пример Затворника рукою смирения, по крайней мере таким кажущегося по наружности, то послушайте совет святого Иоанна Лествичника, говорящего в 4-й степени своей «Лествицы» так: «Легко решающиеся на прохождение с места на место вполне неискусны: ибо ничто так не делает душу бесплодною, как нетерпение...

Преходя, ты можешь потерять то искупление, которым тебя искупил Христос». Святой Григорий Синайский уподобляет преходящих с места на место пересаживаемым деревьям, при каждой пересадке находящимся в опасности погибнуть, а уж непременно теряющим значительную часть силы своей. По всему, что ощущаю из письма Вашего, и по всему, что вижу из святых отцов, не даю Вам совета к прехождению. Для отрады же души Вашей, советую съездить в Никифоровскую пустынь Олонецкой епархии к Старцу Исаии. Его беседа будет Вам отрадна, и думаю, что он подтвердит мой совет Вам и скажет Вам с откровенностью, что помыслы Ваши о прехождении нечто иное, как злохитрое советование бесовское.

Чему уподобить слово, теперь мною Вам произносимое, ради Господа к пользе души Вашей? Уподоблю Вас, и прочих желающих спастись, в числе которых, прельщая себя, думаю, что нахожусь и я, – путникам, идущим по дороге. Путь этот всегда был тесен и прискорбен, но ныне еще прибавилось на нем неудобство – недостаток в хлебе. Этот недостаток так велик, что многие, заметив в моей сумке несколько заплесневелых кусков, просят, чтобы я ими поделился. И делюсь, – а кто возвратит мне заплесневевший кусок, беру с приятностью, ибо думаю, что и принимающие такую гнусную снедь принимают по крайней нужде. Прошу Вас считать такими слова мои и не связываться ими, а если захотите быть связаны ими, то свяжитесь, и милосердный Господь, по вере Вашей, силен

извести Вас на свободу, которую ощутивши возрадуетесь об обретении сокровища некрадомого. – Если будете у отца Исаии, то прочтите ему и письма мои к Вам, как делателю, имеющему опыт, чтоб «при устах двух свидетелей стал пред вами твердым всяк глагол»³⁰, произнесенный о Господе.

Относительно правила молитвенного – знайте, что оно для Вас, а не Вы для него, но для Господа. Почему имейте свободу с рассуждением. При немощи убавляйте, при силе прибавляйте – то и другое с умеренностью и осторожностью; потому что мы крайне немощны, и окружены татями и убийцами отовсюду. Когда Вы не бываете в церкви, то читайте правило, прописанное Вами: я его одобряю, по крайней мере до времени, когда окаянному моему сердцу, в случае вопрошения Вашего, известится, что изменить.

О еретиках воспрещено молиться как бы о членах, принадлежащих к Церкви, почему и вынимать о них частицы, как изображения участия в Церкви, – не должно, молиться же об обращении их – можно. Имеющий своего мертвеца, о нем плачет, о нем молится. Заключенные в темницу преступники не могут принимать на себя ходатайства о других преступниках. Господь есть Любовь, и столько желает спасения всех, что мы и постичь не можем. Предоставим этой Любви спасение наше – и всех, а со своей стороны постараемся о том, что зависит от нас – об очищении себя. Тогда этого достигнем, когда умрем ко всему. Богу слава!

Письмо 46

К той же инокине, решительно желавшей перейти в другой монастырь, по причине усилившихся браней

Если Вы находите, что дальнейшее пребывание в Старо-Ладожском Никольском монастыре для Вас невозможно по усилившимся браням до превышение сил Ваших, то Господь, ради Которого я советовал Вам пребывание и противление браням, да благословит «исход» Ваш и «вход» в иную обитель, где бы Вы могли в мире душевном обрести «пажить» спасительную. Но исход Ваш да будет о Господе.

Он будет таковым, когда Вы совершите его со смирением, обвиняя единственно себя, приводя в причину исхода единственно свою немощь и укоряя себя, что не могли поступить так, как святые отцы признают за лучшее, то есть выдержать и победить душевные брани на месте. Тогда вход Ваш в иную обитель может привлечь на себя благословение Господа, «не уничижающего сокрушенных и смиренных сердцем», а «гордым противляющегося!»

Отец Исаия в настоящее время гостит у меня, и я утешаюсь, видя в нем обильную благодать Божию. Не вздумаете

ли проехать до Твери? Там игуменья В. – благонамеренная и имеющая духовное знание. И климат там лучше, а климат, по замечанию святых отцов, имеет сильное влияние на тех особенно, которые проводят жизнь безмолвную. И паки Бог Вас да благословит совершить намерение Ваше, если оно совершится с миром и смирением! Если же Вы желаете моего грешного благословения, то и я заочно благословлю Вас благословением от Господа, от Него же всякое даяние благо. Прошу Ваших святых молитв обо мне, недостойном.

Письмо 47

О перемене обители и келейном правиле

Письмо Ваше я получил. Вижу Ваше желание поместиться в Сяндебской обители. Хотя оно и представляется мне несбыточным, мало этого! Мне представляется, что если Вы и получите желаемое, то должны будете оставить Сяндебскую обитель: такие неожиданные Вами неприятности там встретят Вас, такие попечения, такая молва, такое беспокойство! Однако, чтоб могли Вы достовернее узнать волю Божию, советую Вам написать Преосвященному Венедикту, который, точно, самый добрый человек. Вы можете указать в письме Вашем на меня, сказать, что я Вас знаю и что Вы просите услышать ответ его чрез меня – Вы подумали, там будете хозяйкой, что обо всякой безделице Вас будут спрашивать, что все попечения обо всем вещественном лягут на Вас? Даже в минуты спокойствия и уединения, мысль Ваша будет уклоняться от Бога в размышления о вещественном. Впрочем, я не связываю Вашей свободы. Отец Исаия советует Вам путь, который он сам проходил, на котором Господь покрыл его, но который вне общего закона и на котором многие могут преткнуться. Жительство в обители Сырновской уже несравненно будет превосход-

нее этого, там попечения житейские мало Вас будут касаться. Если же Вы хотите не встречаться с людьми, то это желание неправильное. Когда об этом спрашивал преподобный Дорофей своего старца авву Иоанна Пророка, то Иоанн отвечал, что удаление от встреч с людьми весьма вредно для недостигшего совершенства, потому что скрывает от него его немощи, открываемые людьми, и по этой причине делает его бесплодным.

Относительно правила Вашего, нахожу нужным, чтоб Вы читали как кафизмы, так и каноны, равно и молитву Иисусову, произносили слова помедленнее, напрягая большое внимание, чтоб ни одно слово не было произнесено без внимания. Переходя таким образом от количества к качеству, можете из вечернего правила убавить кафизму и несколько поклонов, чтоб умножение количества не уменьшало качества. Будьте свободны, зная, что правило для человека, а не человек для правила. Мир Божий да водворится в Вас богато! Перст Божий да направит пути Ваши по премудрой и всеблагой Божественной воле! Келейнице Вашей – мое грешное благословение.

Письмо 45

К той же инокине, остановившейся от своего намерения перейти в другой монастырь

Воздадим благодарение Милосердому и Премудрому Промыслителю, остановившему Вас в перемещении Вашем из Успенской Ладожской обители! Если Вы рассмотрите мои письма к Вам, то увидите, что я был вполне против Вашего перемещения; наконец, видя непреклонное намерение Ваше переместиться, желая, чтобы Вы его совершали по крайней мере со смирением, осуждали себя. Нет ничего лучше мысли о распятии себя. Ибо таковы – Христовы! Мир Вам!

19 июля 1844 года.

Письмо 49

К некоторой инокине по случаю кончины ее ближайшего родственника

Мы, исшедшие из среды мира в недро святых обителей, этим самым предназначали нашу смерть по плоти и жизнь о Христе. Бывают кончины скоропостижные, бывают кончины при продолжительных болезнях. Мы с того времени, как оставили мир, умираем ежедневно, по свидетельству святого апостола Павла. В этой смерти видим непременно условие истинной жизни. Минута переселения нашего с земли, рождения нашего в вечность, для нас не так странна и чужда, как для тех, которые живут посреди мира, оглушены его шумом, пригвождены к нему умом и сердцем, забыли, что есть смерть, не думают о вечности, долженствующей непременно быть и их уделом.

Узнав о смерти ближнего Вашего, не предайтесь тем неутешным рыданиям, которым обыкновенно предается мир, доказывающий тем, что надежда его – только во плоти. Ваша надежда – во Христе! Прopleйте об умершем слезы молитвенные, обратитесь сердцем и мыслями к Тому, Кто один может Вас утешить, пред Которым Вы должны предстать в предназначенное Вам время. Не увлекитесь чем-ни-

будь земным, плод такого увлечения, которое – обманчивая, обольстительная мечтательность, – тление. Мир имейте в Боге, предавайтесь с полною покорностию Его святой воле. В этой воле полнота Благости и Премудрости, Ей поклонимся, припадем к стопам Ее, вручая души и тела наши Господу. Аминь.

Письмо 50

К некоторой инокине, пожелавшей вступить под духовное руководство старца

Спаситель мира, Господь Иисус Христос, простивший сына, который сперва сказал: *не иду*, потом же *раскаявся иде*³¹, да простит и Вам то, в чем просите прощения. Пишете, что по прочтении книги святого аввы Дорофея, Вы увидели, сколько отклонились Вы от пути истинного. Но это бывает со всеми, кто переходит от жизни самочинной к Хриstopодражательному послушанию. Таковой, по словам святого Иоанна Лествичника, «слеп бе и прозре». Я Вас не только не отвергаю, но и призываю: «приидите чада, послушайте мене, страху Господню научу вас», не потому, чтоб доволен сам я был по себе научить кого чему-либо, но потому, что учение мое несть мое, но заимствовано от святых отцов, пером которых водил Дух Святой. Относительно Вашего нового знакомства с М. А. да не озабочивает Вас различие характеров: единомыслие о Христе не только может двух иноков сильно соединить, но в первенствующей Церкви весь верующий народ соединило в сердце и душу едину. Вы говорите о привычках, усвоенных долгим временем. На это отвечает Лествичник: «Истинные иноки вся да оплюют! всех да отверг-

нутся, то есть пристрастий!» Хотя этого вдруг невозможно сделать, но с постепенностью можно. Бойтесь строгости! Но можем ли мы не быть строгими, когда слышим Господа, нам обещающего: *В нюже меру мерите, возмерится вам*³². Почитайте книгу святого аввы Дорофея и, если произволение Ваше шествовать по стезе отсечения воли не прекратится, но возгорится еще сильнее, и пламень небесных желаний обмет Вашу душу, то благоволите приехать, дабы пространнее услышать учение о пути этом и принять некоторые правила, которые, как стены высокие и твердые, оградят душу Вашу. Вы желаете соделаться моею дочерью? Я в восторге духа, взирая на сонм духовных чад моих, которых несмь достоин называться отцем, но рабом, – говорю душе моей: *возвеселися, неплоды, нераждающая, возгласи и возопи, нечревоболящая, яко много чада пустые паче, нежели имущия мужа*³³.

Наконец, призыванием на Вас милости Божией, оканчиваю эти строки.

10 марта 1842 года.

Письмо 51

К той же инокине. Делание покаяния приводит к плачу и смирению; молитва – оружие против помыслов; готовности на скорби

Если Вы приписываете моему грешному сердцу единственную радость в том, когда я слышу, что чада мои во истине ходят, то зачем же приписывать скорбь за молчание Ваше, за неполучение от Вас благодарственных слов, которые принадлежат Единому Богу и к Елему да возлетают на крыльях молитвы, на крыльях воздыханий сердечных. Истина – Господь наш Иисус Христос, предстоявшая в смиренном виде Пилату, вопрошавшему о Истине, смотревшему на Нее, и Ее не познавшему, как и ныне все рабы мира, видящее Ее, не видят и, слышаше Ее, не слышат, – эта Небесная Истина, сошедши на землю к падшим и немощным человекам, «ихже сердце от юности прилежит на зло»³⁴, начала учение Свое с этих слов: «покайтесь!» Доколе же каяться немощному, непрестанно падающему, если не телом, то мыслию и сердцем? Доколе он подвержен необходимо изменяемости, этому следствию падения праотеческого, даже до последнего издыхания, ибо не видно, чтобы

Истина, завещающая покаяние, положила ему на земли другой предел, или окончание, кроме естественного конца его с кончиною земной жизни человека. Итак, не дивитесь, видя в себе непрестанную изменяемость, не надейтесь избавиться от нее до смерти, или лучше не обольщайтесь этою надеждою; а иначе тревобления всегда будут заставлять Вас врасплох и потому несравненно сильнее на Вас действовать, даже ниспровергать. Подивитесь и поклонитесь Истине, Которая непрестанную изменяемость человеческую врачует заповедию непрестанного покаяния. Ложась на одр, кайтесь, и, вставая, кайтесь; как в цепи звено держится за звено, так в жизни Вашей воздыхание да следует за воздыханием. Так проводите дни, месяцы и годы. Предметом рассматривания Вашего да будут немощи Ваши. В чувстве сердца Вашего будьте подобною ввергнутой до конца жизни в темницу, подобною прокаженному, изгнанному вне стана. Тогда окончатся страдания, когда окончится жизнь: последнее стена-ние испустится с последним вздохом. Для инока утешение на земле есть плач и умиление. Что плач? Это действие благодати, данной при крещении, это ходатайство Духа, в нас вселившегося при Святом Крещении, о грешнике; потому-то святой плач неведущим Христа и еретичествующим неизвестен. Хочешь ли ощутить облегчение от борющихся тебя страстей? Хочешь ли найти умиление в твоей келлии, без которого, как ладья без якоря, мысль, восхищенная свирепым ветром, носится по волнам мечтания и низвергается в глу-

бину уныния? Хочешь ли увидеть свет от Света? Хочешь ли вкусить любовь, от Любви исходящую и в Любовь ведущую? Возьми мысль твою и повергни к ногам братии и сестер, не различая худых от добрых; скажи помыслу твоему и как можно чаще повторяй, чтоб от мысли родилось чувство: «Это Ангелы Божии, а я одна грехом и мраком подобна диаволу»... Суждено Вам найти облегчение для души Вашей у ног братии, определена для Вас молитва мытарева, а не Иисусова. Отверзает для Вас Царствие Небесное исповедание разбойника, а не святыни Иоаннова. Изъемлем из сердца и глаголем: *Слыши, дици... и приклони ухо твое*, и когда украсишься покаянием, тогда Царь царей и Господь господей *возжелает доброты твоя*³⁵, яже от покаяния.

Пишете о помыслах и желаете разбирать их и узнать, что разумеет апостол под словами: *несть наша брань*³⁶ и проч. Это для Вас не полезно и не нужно. Довольно Вам знать, что ежеминутно могут на Вас восстать и страсти собственные, и духи лукавствия, жаждущие погибели всем, что Вам, как немощнейшей, непрестанно должно вопить к Господу: «Помилуй мя, яко немощна есмь!» Господь, когда по надежде Вашей на Него будет Вашею крепостию, а по занятиям Вашим будет Вашим пением, тогда Господь будет и спасением Вашим. *Крепость моя и пение мое Господь, и бысть мне во спасение*³⁷. Тогда Вы не умрете, но живы будете покаянием и поведете дела Господни, как Он грешников изъемлет

из ада и вводит в рай. О, когда бы Господь этого сподобил! Уготовьтесь на скорби, и скорби облегчатся; откажитесь от утешения, и оно придет к тому, кто считает себя его недостойным.

Прошу святых молитв о глаголющем и не творящем.

9 октября 1842 года.

Письмо 52

К ней же. О покаянии

Господь, пришедший спасти грешников, из которых я первый, а вторая вы, да отверзет нам Отеческие объятия Свои и да примет нас, как упоминаемый в Евангелии отец принял сына, расточившего имение его. Успокоение сердца нашего да будет для нас извещением, что милосердый Отец Небесный принимает покаяние наше. Вы мне не писали пером, но писали сердцем и умом, а в книге преподобного Исаии видели ответы, мною заблаговременно Вам написанные. Говорю это потому, что, усмотрев отчасти устройство души Вашей, я Вам советовал прилепиться особенно к чтению упомянутой книги, — в которой отпечатывается душа, испытывавшая много болезней и узревшая множество немощей своих, душа, предавшаяся плачу о самой себе, ищущая отрады и пристанища в милосердии Божиим. Не смущайтесь Вашими заботами о бедных земледельцах, или крестьянах, или христианах; делайте им возможное добро до тех пор, когда Господь снимет с Вас эту заботу. Я утешился, увидевши из письма Вашего, что Вы уже не так умны, как были прежде. А что пишу к Вам так откровенно, то из этого можете видеть, как я к Вам близок сердцем моим и как искренно желаю Вам преуспевания о Господе. Мир Божий да почнет над Вами богато. Аминь.

1843 год.

Письмо 53

К ней же. По случаю кончины ее брата

Богу угодно, чтоб я был вестником пред Вами о кончине Вашего брата, последовавшей в день Богоявления. Он исповедался в полной памяти и приобщился Святых Таин, после чего через два часа лишился языка. Вот все, что сердце Ваше наиболее требует знать. Сегодня были у меня П.Н. с супругою и с Т.Н., похоронив вчера Вашего и своего брата. Они просили меня, чтоб я принял на себя написать Вам известие об этом событии, и, прежде чем они меня испросили об этом, сердце мое мне сказало, что я должен это сделать. Лейтесь токи слезные в отраду и утешение оставшимся и почившим! В слезных каплях да светится молитва, как в каплях дождя разноцветная радуга, этот образ или, правильнее, символ мира между Богом и человеками. Разными цветами в молитве да будут: исповедание, сокрушение сердца, раскаяние, умиление, радость. Сейчас, как пишу, пришло мне на мысль, что слово «радуга» происходит от радости – это радостная дуга. Такою дугою да будет Ваша молитва; один конец ее да касается Вашего сердца, а другой неба. Свет надежды и упования да светится в душе Вашей, свет от Света – Христа, Который грехи наши омыл и искупил нас от тьмы

греховной. Ему сами себя и друг друга вручаем. Ему вручаю и Вас, яко милость Его почивает над Вами. Аминь.

Письмо 54

О значении духовного совета; дело совести при принятии его; сила Божия, совершающаяся в немощи

Хотя Вы и не извещали меня, что находитесь в некотором смущении, но сердце мое мне это сказывало. Вот ответ моего грешного сердца Вашим сокровенным помыслом: Вы предо мною всегда одинаковы, потому что отношение мое к Вам – ради Господа. Мир Вам!

...Вижу в Вас плод духовный, который состоит в познании немощей своих; о них святой апостол Павел сказал: благоволю *в немощах моих, да вселится в мя сила Христова*³⁸. Хорошо бы Вам прочесть ответы Великого Варсонофия Андрею. (Эту книгу можете списать тогда, когда она в обители нашей переведется на русский язык, а это дело перешло уже за половину.) Знайте, что я не присваиваю себе никакой власти над Вами, но подавая Вам совет, предоставляю Вашей воле исполнить его или не исполнить. В том и другом случае будьте мирны. Так и относительно келейницы Вашей: я совершенно буду мирен, если Вы ее отстраните от себя, потому что в отношениях моих к Вам имею главною целью пользу души Вашей. Руководствуйтесь Вашею совестью. По прочтении этого письма рассмотрите, какое ощущение будет в ду-

ше Вашей. Если прольется в нее мир и спокойствие, то знайте, что сказанное Вам сказано о Господе; совесть Ваша будет свидетельствовать, что сказанное о Господе должно исполнить, хотя бы исполнение сопряжено было со скорбью. Святые отцы сказали, что добродетель без скорби не есть добродетель. Господь говорит в Евангелии, объясняя притчу о семени, упавшем при сеянии на различную почву: *А иже на добрей земли, сии суть, иже добрым сердцем и благим слышавшие слово, держат и плод творят в терпении*. Сказав это, Господь добавил страшными словами: *Имеяй уши слышати, да слышит*³⁹. Еще прошу – вникнуть в себя – и Вы найдете, что в Вас было сокровенное желание принести по силе Вашей душевную пользу какой-либо сестре. Судьбами Божиими это устроилось, но не тем путем, какой рисовала наша мечтательность, а путем Божиим, так что представлявшееся нам полезным осталось бесплодным, а представляющееся нам вредным и немощным принесло обильный плод, и слава в плоде принадлежит Единому Богу, а мы находимся при одних наших немощах, в долгу неопла-тимом пред Богом! Приглашаю Вас с собою: разумения нашими и сердечными ощущениями снидем в ничто, да возвеличится в нас Христос.

Умертвим себя: мертвец – без жизни и без действия. Умертвим себя, чтоб в нас жил и действовал Христос. Будьте снисходительны к душе Вашей в ее немощах; излишняя строгость отвлекает от покаяния, приводит в уныние и отча-

яние. Будьте мирны и к обстоятельствам Вашим, прилагая, впрочем, старание об окончании Вашего управления имением: этого требует от Вас заповедь Христова, уверяющая Вас живущею в ней истиною, что «вкупе невозможно работать Богу и маммоне»⁴⁰. Мир Вам. Аминь.

28 июня 1844 года.

Письмо 55

К ней же в ответ на извещение о кончине другой инокини

Так! Скончалась на руках Ваших А. В. или, правильное, окончила земное странствие и начала жителство вечное там, где нет печали и воздыхания, но радость бесконечная! Все мы такие кратковременные гости на земле! То и дело, что кто-либо отъезжает в дальнейший путь. Очень хорошо сравнивает Георгий Затворник жизнь нашу с пребыванием заключенных в темнице, из которых то тот, то другой требуются к суду и окончательному приговору. Будем приготовляться к этому суду, чтоб приговор был для нас благоприятный. Праведные представят свои правды, как жертву тучную пред Престол Судии: а мы, грешные, принесем туда хотя покаяние и слезы! Господь да благословит Вас и да подкрепит продолжать и окончить во славу Его течение Ваше. Мир Вам.

Письмо 56

К ней же. При встречающихся скорбях от ближних должно обвинять себя, а не другого

Письмо Ваше я получил и сердечно утешился, видя, с какою прямою и откровенностию Вы открыли Вашу душу мне недостойному; Господь да воздаст Вам по вере Вашей и да устроит временное жительство Ваше к пользе для жизни вечной! Я удостоверяюсь, что К. жить при Вас невозможно; Господь не дал ей того благопокорливого разума, как ее брату, при мне живущему и жительством своим назидующему себя, меня и многих. Вы ее отпустите и будьте мирны. Мы веруем, научаясь так веровать от святых отцов, что если кому Господь, по неведомым нам, а Ему Единому известным причинам, не даст уразуметь пути послушания, тот от человеков ничего не примет, и хотя бы имел пред собой самих святых апостолов, то и на них будет метать камнями. Отпустите эту девицу, должную Вам двумястами динарий, с миром, без всяких упреков, помня, что мы все должны тьмами талантов Господу, Который тогда оставит нам долг наш, когда мы оставим должникам нашим. Если же хотите пожать обильный плод духовный, то унижьте себя пред ближним в сердце Вашем и скажите сами себе: «В том, что это дело

не устроилось, я виновата по недостатку духовного разума и терпения, которыми стяжевается ближний». Помолитесь обо мне, чтоб Господь даровал мне обвинить себя, как главную причину этого беспокойства. Я винюсь и прошу Вас простить меня ради Господа, ради Которого Вы расположились внимать моему грешному слову, произносимому о Господе.

Господь да благословит Вас; будьте мирны и спокойны.

Письмо 57

К той же инокине. О смирении и самоукорении

Господь да утешит скорбящее сердце Ваше! Пока мы на пути, пока не взошли в пристанище неизменяемой вечности, мы должны ожидать в себе и в своих обстоятельствах изменений, переворотов, скорбей обыкновенных и нечаянных. Некоторый преподобный отец сказал: «За все слава Богу, — за самые немощи наши, потому что лучше быть грешником и видеть себя таковым, нежели быть по наружности праведником и почитать себя таковым». Эти слова святого отца крайне утешительны для нас, немощных и грешных, для нашего времени и племени, могущего похвалиться только немощами своими. Они не подают повода грешить произвольно, но утешают таких, которые при некотором внимании к себе ощущают, что души их находятся в невольном плену у греха.

Размышляя это и видя себя оскудевающей в делах правды, стяжите мытарево смирение, то сердце сокрушенное и смиренное, которое Господь не уничижит. Не обвиняйте в немощах Ваших никого, ни даже обстоятельства и развлечения, в которые Вы поставлены. Обвиняйте единственно себя. Царь Давид, святой пророк и боговидец Моисей, святой пророк Даниил угодили Богу среди множества разнород-

ных занятий, среди всевозможного развлечения. Преподобные общежития египетского, описанного святым Иоанном Лествичником, говорили ему: «Среди молв стяжи безмолвную мысль, что преславно». Укоряйте себя, укоряйте свое немощное произволение, потому что сила произволения и в немощных производит великое. В обвинении себя найдете утешение. Обвините себя и осудите себя, а Бог Вас оправдает и помилует. Когда Феофил, патриарх Александрийский, прибыл в Нитрийскую гору, то спросил у игумена горы, под руководством которого спасались до десяти тысяч монахов: «Что, отец, нашел ты особенно важного на пути монашеском?» – «Укорять и осуждать себя непрестанно», – отвечал святой и смиренный игумен. «Да, – сказал патриарх, – другого средства к спасению нет». И Вы стяжите это легкое дело, могущее ввести в душу Вашу смирение, а вместе с ним утешение и мир святой от Господа, в Котором почивает от сердечных трудов своих всякий, обремененный ими.

Мира, духовного утешения и спасения Вам желаю.

12 сентября 1845 года.

Письмо 58

К ней же. От самоукорения рождается сокрушение духа. О переписывании отеческих писаний

Если Вы видите в себе, что Вы только слышатель Слова Божия, а не творец, то мыслями

Вашими встаньте пред этим Словом Божиим, имеющим судить нас в Последний День, как осужденная, и постарайтесь стяжать дух сокрушен и сердце сокрушенно, а когда можно, то и поплачьте при таком размышлении, и Господь помилует Вас. Не вдавайтесь в безнадежие, но при безнадежии на себя тем тверже уповайте на Бога.

Если рассудите, что списать для пользы Вашей и для благочестивого препровождения в труде и вместе в богомыслии, то спишите. Есть у нас на русском языке Лествичник моего убогого перевода. Если угодно, то можно Вам доставить; книга эта принадлежит не мне, но одному из братии, который охотно усердствует одолжить ею Вас. Переписывание книг святых было рукоделием многих преподобных отцов, между прочими нашего преподобного Нила Сорского. Таким образом, оно есть делание, засвидетельствованное как делание угодников Божиих, и не может не быть соединено с обильною пользою.

Мир Вам!

Письмо 59

К ней же. Скорби – удел каждого последователя Христова

Письмо Ваше я получил и увидел из него, что путь жизни Вашей пролегает по теснинам и скорбям, как это обещано всем, желающим последовать Христу. Кто последует Христу, как верховный Петр и первозванный Андрей, тому предназначен крест. Кто обращается ко Христу, как разбойник, того удел – опять крест. В первом случае крест соделывается венцом, во втором он бывает лестницею. Но каковы бы ни были наши обстоятельства, к какому бы образцу мы ни подходили, – невозможно быть Христовым без креста. «Еже есть, – говорится при пострижении в монашество, – готову присно быти к подыати всякой скорби, которую Промыслитель нам попустит».

Господь да укрепит Вас.

Письмо 60

К ней же. Не требовать от себя праведности

Соедините милость с Вашею пользою. Если Вас смущает мысль, что Ваша милостыня не вполне чиста, но с примесью своекорыстия, то знайте, что хлебы Ваши и не могут быть вполне чисты. Добродетели Ваши должны непременно иметь примесь нечистоты, происходящую от немощей наших. Не должно с души своей, с своего сердца требовать больше, нежели сколько они могут дать. Если потребуете сверх сил, то они обанкротятся, а оброк умеренный могут давать до кончины Вашей; довольствуясь им, Вы будете совершать себя до смерти и не умрете с голода.

Мир Вам!

17 февраля 1847 года.

Письмо 61

К некоторому настоятелю.

О милосердии

По прибытии моем в обитель святителя Христова Николая, некоторое время

останавливался я писать к Вам. Я ожидал, чтоб развлечение, которое в таком обилии стяжала душа моя во время продолжительного путешествия, мало-помалу утихло, будучи постепенно ослабляемо уединением. Нет! Не сбылись мои надежды! Продолжаю развлекаться, теряю драгоценное, невозвратимое, улетающее время, между тем как желал бы посвятить его всецело покаянию. Должен был погостить, и долго погостить, в Костроме, должен побывать в Ярославле, должен позаботиться об устройстве своих келлий: все это развлекает, вводит в душу попечение о земле, отводит от попечения существенно необходимого, попечения о Небе. А всякое попечение о Небе, если оно не одушевлено покаянием, мертво, неистинно. *Беззаконие мое аз возведу и попекуся о гресе моем*^и, — воспевал богодухновенный Давид.

Из-за того, что не могу отторгнуться от неотвязчивого, прилипшего ко мне развлечения, несправедливо же лишать Вас письма моего, на которое Вы имеете все права, как на дань, как на долг, возложенные Вами на мое сердце, оказав

мне так много любви и доверенности. Вы и прекрасное словесное стадо Ваше часто являетесь очам души моей, являетесь так утешительно, так близко. Дух сокращает расстояние вещественное!.. Смотрю на Вас и говорю с сердечною любовью: «Господи, спаси их! Господи, благослови их! Господи, управь пути их к истинному благоугождению Тебе!»

При личном свидании нашем, Вы мне сказали, что многие упрекают Вас за милосердие Ваше к ближним, находят его излишним, чрезмерным. Вы желали слышать мое мнение об этом предмете. В то время душа моя была омрачена пагубным развлечением; сердце грубело в ожесточении и нечувствии – неизбежных свойств сердца, при отсутствии покаяния. От покаяния рождается умиление: умиление освещает клеть душевную, внося в нее свет духовный от Света Христа. Не было этого света в душе моей, – нет его и теперь. Уединение дает, по крайней мере, возможность вспомнить о его существовании. Одно воспоминание о Свете уже просвещает! При таком воспоминании скажу Вам ответ мой, который при свидании был в одном молчании или в обещании отвечать письменно из уединения. Хочу исполнить теперь мое обещание! А тогда зачем было двигать бесплодно устами и языком из одних соображений ума? В душе не было ответа.

Руководимый Евангелием, начинаю глядеть в глубины и высоты учения Христова. Приглашаю Вас: встанем на вершине горы святой, то есть погрузимся в покаяние и молитву; из них, из состояния, ими рождаемого, воззрим на чуде-

са Божии в земли *Египетстей*, на поли *Танеосе*⁴², в стране нашего изгнания и плена. Умолим Господа, чтоб Он даровал нам увидеть эти чудеса: Он отверзает очи души, тогда они видят *чудеса от закона Его*⁴³.

Рассматриваю милосердие, заповеданное Господом: вижу бездну несоглядаемую, вижу высоту, уносящуюся от взоров. Он заповедует нам: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть*⁴⁴. Чтоб исполнить эту заповедь, надобно сделаться столько милосердным, сколько милосерд бесконечно милосердый Господь. *Широка, Господи, заповедь Твоя зело!*⁴⁵ Кто возможет ее исполнить вполне самым делом? Разве тот, кто, объятый Духом Твоим Святым, оставил так свойственное младенцам хождение с трудом и крайнею медленностию по стезе заповедей Твоих, – начинает шествовать по ним исполинскими шагами, более лететь, нежели шествовать, – летать на крыльях Духа. Но я, грешник, мрачный грешник, как ни взгляну в себя, всегда вижу смешение добра со злом, доставленное человеческому роду его праотцем, дерзостно и погрешительно вкусившим от древа познание добра и зла. Кажусь я людям милосердным, но, с точностию проверив себя, исследовав себя, нахожу в себе одну глупую личину милосердия. Милосердствует во мне тщеславие; милосердствует во мне пристрастие; милосердствует во мне корысть, милосердствует во мне плоть, милосердствует во мне кровь. Но чтоб подвигла меня к милосердию заповедь

Христова, чистая, святая, — этого я не нахожу в себе. Когда же я, мрачный грешник, опомнюсь на краткое мгновение и пожелаю быть милосердным сообразно заповеди Христовой, то вижу, что должен учинить сердцу моему ужасное насилие. Обличается сердечный недуг мой святой заповедию; убеждаемый ею, признаю себя, по естеству милосердного, жестокосердным человеконенавидцем по отношению к Евангелию. Мое сердце согласно быть милосердным по движению крови, но быть милосердным по заповеди Христовой для него — распятие.

Так видя себя, сличая свое состояние с тем, которое начертано в Евангелии для ученика Христова, нахожу, что мне, имеющему естественное расположение к милосердию, не должно вверяться этому естественному расположению, должно умерщвлять его. Я обязан принуждать себя к милосердию сообразно заповедям Евангелия, хотя б это и было сопряжено с насилием сердца, носящего в себе заразу греха, общую всем человекам. Естественное милосердие, как произведение плоти и крови, не может быть богоугодною добродетелию. Мало этого! Оно враждебно заповедям евангельским! Для посещения и умерщвления его принесен на землю меч евангельский. Водимые естественным милосердием пребывают во мраке под влиянием лютого, всезлобного миродержца.

Господь, Спаситель мира, во время пребывания Своего на земле, возвещал однажды ученикам Своим, что Ему долж-

но идти во Иерусалим, там много пострадать, быть убиту и в третий день воскреснуть. Тогда верховный из апостолов, святой Петр, движимый естественным милосердием, начал противоречить Господу. *Милосерд Ты, Господи*, – говорил он, – *не имать быти Тебе сие*⁴⁶. На это изъяснение сострадания и милосердия естественных Господь отвечал святому Петру: *Иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси; яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая*⁴¹. Неужели в устах Богочеловека слово «сатано» было лишь укоризненное? Сохрани Боже допустить такое богохульство! Этим словом Господь изображает, что мысли и чувствования падшего человека находятся под властью сатаны, хотя по-видимому они и кажутся добрыми; действия человека по влечению его сердца сливаются в одно с действиями сатаны.

Так повреждено горестным падением естество наше! *Тогда*, – повествует Евангелие, – *Иисусрече ученикам Своим: аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет; иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю; и иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю*⁴⁸. Должно умертвить то милосердие, которого причина – кровь; должно снискать то милосердие, которого причина, источник – светлая и святая заповедь Христова; она – Дух, она – живот вечный.

Вот обещанный мною ответ. Советую Вам то, что признаю для себя необходимо нужным: отвергните милосердие,

действующее в Вас от крови, иначе, от чувств сердечных, вдайтесь в снискание милосердия, возвещанного Евангелием, соделавшего человека богоподобным. Пред Вами откроется необозримое поприще для подвига и течения. Какое бы Вы ни стяжали преуспеяние в милосердии, – оно покажется Вам ничтожным в сравнении с образцом милосердия, начертанным в Евангелии. Самое преуспеяние Ваше будет научать Вас смирению, приводить к нему. Таково свойство преуспеяния духовного! Напротив того, кто не отвергается себя, не погубляет души своей, действует по влечению чувств сердечных, от движения крови, тот непременно осуществляет свое «я», видит добро в своих движениях, в своих действиях оживляет собственно себя, стяжевает мало-помалу высокое о себе мнение. Таковой, думая, преуспеивает духовно, преуспеивает лишь в лютом падении. Темная прелесть овладевает его душою; чуждый духовного жительства и разума, он погружается глубже и глубже в лжеименный разум и темную прелесть. Прелесть – справедливая награда того, кто возлюбил и почитал падшее свое «я», не восхотел благочестно умертвить себя, не восхотел состояния, о котором говорит святой апостол: *Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос*⁴⁹.

Несколько слов об обители Бабаевской. Ею я очень доволен. Братии до девяноста человек; между ними есть несколько замечательных подвижников. Монастырь общежительный. Богослужение идет очень просто, чинно, благоговейно.

Пение по воскресным и праздничным дням – придворное, по прочим дням – столповое. Две церкви, холодная и теплая, поместительные; две другие – над святыми воротами и больничная – маленькие. В корпусе, составляющем и доканчиваемом башнями, тоже фас, помещаются и настоятельские келлии и трапеза со всеми ее принадлежностями. При больничной церкви есть небольшой корпус, в котором помещаются несколько престарелых и больных иноков. На двух углах, противоположных главному корпусу, стоят две башни в симметрию тех, которые находятся на оконечностях корпуса. Вне монастыря обширная гостиница для приезжающих. Все строение – каменное. Монастырь стоит на скате отлогого холма, обращен главным фасом к западу, к Волге и к впадающей в нее речке Солонице. Воздух – чудный; грунт земли – песок и «хрящ», от чего необыкновенная сухость. Здешние иноки рассказывают: у них в самую дождливую осень не бывает грязи. Это очень естественно, судя по грунту. Возле самой обители великолепная роща с роскошными дубами. И стоят тут эти великаны, эти старцы, конечно, не одно столетие. Роща дубовая пересекается в полуверсте от монастыря кустарником; за ними роща из елей темно-зеленых. Рядом с рощами тянется от монастыря по берегу Солоницы премилая поляна. Весною покрывают ее воды широко разливающейся Волги, напитывают обильною влагою. Она дает много прекрасного сена. Когда я приехал сюда, сено было уже убрано, монастырское стадо пасется на поляне, которая, пресы-

тившись весною, не перестает и теперь украшаться необыкновенно нежною зеленью. По этой милой поляне – моя прогулка. Хожу под тенью, которую утром далеко расстилает по поляне роща; мои взоры свободно и безотчетливо блуждают всюду, наслаждаются природою, которая здесь особенно мила, нежна, премилая мне по глазам и по сердцу. Люблю смотреть на воду, на обширное пространство вод, почерпать отсюда неизъяснимое вдохновение. Бывало, подолгу стаивал я на берегу Ладожского сердитого озера, и гневная волна приходила монотонно разбивать главу свою о камень у ног моих. Сматривал я на Волхов из окон Старо-Ладожского Николаевского монастыря, на угрюмый, на вечно беспокойный Волхов. Теперь из окон моей келлии смотрю на величественную Волгу. Она от монастыря не больше как в ста саженьях. Лишь начинаете подъезжать к Волге – вся окрестность радуется, смеется. Видно, что этот край благоденствует. Сама Волга необыкновенно миловидна и величественна: она царица между реками! Струи ее – какие-то кроткие, нежные, катятся плавно, но огромною массою. Самая буря на ней не представляет ничего страшного; как кратковременный гнев добрейшего человека, способного к одним благодеяниям. Но всего приличнее для Волги, когда никакой ветер не тревожит струй ее. Тогда-то они катятся с невыразимою приятностью, нежностью и вместе силою и живостью; тогда-то Волга особенно величественна и прекрасна. Ее поверхность делается подобною металлическому зеркалу, по которому места-

ми рябят мелкие струи, как серебряная чешуя. Я видел, как в это зеркало смотрелась задумчиво луна при тишине ночной, при вдохновенном ночном безмолвии. Но когда в это зеркало смотрится солнце, тогда смотреть на Волгу невозможно: она вся в лучах, в свете, в сиянии ослепительном. Посмотришь на Волгу, — так и видно, что ее назначение — кормить, обогащать людей, разливать довольство, жизнь, веселие. Не таков Волхов: глядит угрюмо из берегов своих — этот властный эшафот и вместе могила многих тысяч новгородцев, беспокойных, суровых, буйных, как их Волхов. Перед окнами моими рисуется целый ландшафт. Мирная прекрасная Волга и устье Солоницы; за рекой обширный луг, на котором стогам нет числа. За лугом начинаются отлогие горы с селами, церквами и хоротами помещиков. Видны некоторые села верстах в двадцати и тридцати. Горы, чем далее от Волги, тем выше; одна гора выглядывает из-за другой; одно село выглядывает из-за другого. Там далеко-далеко, где и леса, и горы и деревни сливаются в одну синюю полосу, пограничную к небу, еще различаются на синей полосе местами белеющие точки: это церкви. А противоположный берег речки Солоницы — как мил! Какие приятные овальные крутизны! На них каждый день выгоняет стадо из соседних деревень пастух; он часто садится на уединенной, ярко зеленоющей вершине живописного, миловидного холма при впадении Солоницы в Волгу, оттуда подолгу смотрит, как по знаменитой реке машины и другие суда несут плодородие бла-

гословенных стран России в ее Северную столицу. Против святых ворот монастыря, из горы, из крупного песка и гравия кипят тысячи ключей. Вода в них чиста, как хрусталь, холодна, как лед, вкусна, легка, сокровище для аскета, который при такой превосходной воде может удобно отказаться от всех других напитков. Святой Григорий Богослов, описывая свое уединение, благосклонно упоминает о ключевой воде, которая была его избранным единственным питием. Если придется Вам когда-либо посетить Бабаевскую обитель святителя Николая и захотите узнать мои келлии, то дам Вам верный признак: взгляните на фас монастыря, на этот длинный, двухэтажный каменный корпус, над ним два симметричных мезонина, каждый о три окна; один из этих мезонинов занимаю я... Когда монастыря еще не было, на этом месте по случаю сложено было много бабаек.

Над ними явился чудотворный образ святителя Мирликийского. Благочестие устроило монастырь на месте, освященном явлением иконы; а явление иконы над бабайками дало и иконе и обители прозвание Бабаевских...

Опять переносусь крылами мысли и любви к Вам, к овцам Вашим, этим земным Ангелам. Все они – такие открытые, страннолюбивые, братолюбивые, – Ангелы. Вы научили их быть такими! Всем скажите от меня мой усерднейший поклон. Когда некоторые из них провожали меня при отъезде моем из святой обители Вашей, зашел разговор, между прочим, о том, какому изнеможению подвергаются

крылосные от своего послушания. Я, в свою очередь, поведал, что по причине этого изнеможения установлена в нашей обители черда для утрени и вечерни. Половина крылосных становится при этих службах на крыл осе, а другая не становится. На следующий день поют отдохавшие накануне, а певшие накануне отдыхают. У этих же служб приучаются к пению те из вновь вступивших, которые имеют голос и способность к пению. К Божественной литургии и всенощным приходят все. Понравилось братьям Вашим распоряжение, сделанное в Сергиевой пустыни! Они признались мне, что некоторые из них чувствуют сильное изнеможение, даже самое расстройство в груди, за которым может последовать потеря способности петь и хронические болезни, быстро и прямо ведущие ко гробу. Этому привелось мне видеть горькие примеры. Я обещал чадам Вашим замолвить о них в письме моем к их чадолюбивому отцу, который – и мой отец. А потому я пред ним – так дерзновенен!

Письмо 62

Об истинном служении братии

Трудись с терпеливым постоянством в жребии блаженной Марфы, удостоившейся готовить и поставлять пищу для Спасителя, ожидай с верою награды от Господа. Он скажет служившим братии на Страшном Суде Своем: *Аминь глаголю вам, понеже сотвористе единому сих братии Моих меньших, Мне сотвористе*⁵⁰. И введет Господь усердно послужившего братии в вечный покой и наслаждение рая. Помни, что чаша холодной воды не лишится мзды своей на Небе, и не упускай случаев увеличить мзду твою. Имей мысль, что служишь не человекам, а Ангелам, – и усладится тебе служение твое. Оказывай любовь и услугу ближним ради

Бога, а не по сердечному чувству, влечению, избранию, тем менее пристрастию, – и очистится от нечистоты служение твое, – будет жертвою, благоприятною Богу. По расположению и доверенности твоей ко мне, грешному, сказываю тебе: настоящее послушание твое особенно способствует спасению твоему по твоим естественным свойствам. Преуспевай, мужайся в этом служении, веруй обрести посредством его спасение души своей. Остерегайся уязвлять ближнего! Преподобный Антоний Великий говорил: «От ближних – на-

ша жизнь и смерть: если упокоим брата, – Бога упокоим. А если оскорбим брата, то согрешаем против Самого Христа». Итак, убойся оскорблять братию! И услугу, и оскорбление, сделанные ближнему, принимает Христос, как бы они сделаны были Ему – Господу. Когда должно отказать в чем брату, – откажи с тихостию и вместе твердостию, объяснив невозможность исполнить его желание. Если же когда увлечешься и согрешишь в чем по свойственной всем человекам немощи, – не предавайся унынию. Напротив того, немедленно прибегай с раскаянием к Господу, моли Его, чтоб простил тебя, – и простит тебе. Христос с тобою.

Молись обо мне, многолюбящем тебя о Господе.

Письмо 63

К вновь вступившему в монастырь и подвергшемуся искушениям

Путь жизни нашей подобен плаванию чрез обширное море. На этом море иногда бывает тихо, иногда дует попутный ветер; но всего чаще — на нем буря. Видя наступление бури, видя саму бурю, не должно смущаться, приходить в уныние и отчаяние, — должно противоборствовать волнам, ветру противному. Иначе корабль душевный может подвергнуться сокрушению, даже — потоплению. Если во время бури случится чему сломаться или повредиться в корабле душевном — опять не должно унывать, не должно смущаться. Надо высмотреть благонадежную пристань, войти в нее, починить и поправить поврежденное, потом продолжать далее плавание в надежде на Всемогущего Бога. Всемогущий Бог и не оставит того, кто надеется на Него! Сами бури послужат в пользу верному рабу Христову: они соделают его искусным плавателем. Пристани, в которых чинится корабль душевный: молитва в сокрушении духа, чтение Священного Писания и отеческих книг, совет ближнего, если этот ближний способен дать совет о Господе. Успокойся: блажен человек, говорит Писание, иже претерпит искушение. Напротив того, всяк неискусен, неискусен⁵¹. Прошедшая буря пусть послу-

жит для тебя предуготовительным, опытным учением к перенесению будущих бурь. Заблаговременно рассмотри, какое должно быть при них твое поведение, — заблаговременно приготовь, изучи его. А бури последуют непременно. Премудрый Господь установил так, чтоб многими скорбями входить нам в Царствие Небесное⁵², которое мы потеряли, теряем чрез безвременное и незаконное стремление к наслаждению. Все мы, подобно нашему праотцу, склонны простирать дерзновенную руку к запрещенному плоду познания добра и зла, склонны к утешению вещественному, скоро обольщаемся обманчивым призраком духовного рассуждения и добродетели, под личиною которых прячется убивающее нас зло. Скорбь действует противоположно наслаждению, а потому противодействует нашему падению, способствует нашему восстанию. По этим свойствам своим скорбь необходима нам ко спасению. По причине необходимости ее, Спаситель повел стезею скорбей Свое святое стадо в страну блаженства вечного. Тому, кто отказывается от скорбей, Он возвещает решительно: *Иже не примет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин*⁵³.

Христос с тобою. Надеюсь увидеть тебя и сказать тебе то, что Бог даст в утверждение души твоей, исшедшей из мира для взыскания Господа. Думаю, что встречу зиму в Бабаевском монастыре; хотелось бы встретить там и весну. Впрочем, как Бог устроит. Молись обо мне.

Письмо 64

К отцу, отправляющемуся в Иерусалим. О покаянии

Итак, весть, которую я услышал о Вас, справедлива! Вы едете в Иерусалим, в те места, где было земное пребывание Христа Спасителя, в те места, о которых Он сказал жене-самарянке: *Жено, веру Ми ими, яко грядет час, егда ни в горе сей, ни во Иерусалимех поклонитесь Отцу... Но грядет час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу Духом и Истиною: ибо Отец таковых ищет поклоняющихся Ему*⁵⁴. Еще приходит мне на мысль иерусалимское обстоятельство, на которое жаловался Господу расслабленный у Вифезды: *Господи, человека не имам* А.⁵⁵ И мне хотелось бы попасть в Иерусалим! Вижу его в Евангелии. Там и ныне живет Христос, сказавший ученикам Своим: *Се, Аз с вами... до скончания века*⁵⁶. В этот Иерусалим – одни врата: покаяние! Хотелось бы попасть во врата! Хотелось бы попасть во Святой град! Не хотелось бы остаться вне. Не хотелось бы, чтоб на пути застигла ночь! Ночью вне града скитаются звери хищные! Удобно делается жертвою их запоздавший путник!.. Там была сказана притча о запоздавших юродивых девах. Они остались вне, изнутри только слышали глас: «Не

вем вас. Отыдите!..»⁵⁷

Вот мысли, который пришли мне невольно при вести о путешествии Вашем в Иерусалим. Эта весть меня опечалила. Святой Иоанн Лествичник сказал о нашем монашеском пути: «Горе единому; а где два или три собраны о Господе, там и Господь среди их». Жаль доброго спутника, отходящего в дальнюю страну! Его благое слово, благое дело, сокрытые от нас дальним расстоянием, уже не будут на нас действовать! Утешаюсь тем, что все мы во власти Божией, что Промысл Божий хранит всех, невидимо держит за руку Своих искренних служителей, наставляет их на путь Своих Святых хотений. Что Вам сказать в напутствие? То, что и себе повторяю непрестанно! Будем погружаться в покаяние, будем пребывать в нем, будем им очищать ризы наши. Сделаем свое дело; а Бог непременно сделает Свое: очищенных покаянием Он просвещает благодатию Святого Духа Своего.

Желаю Вам благополучного путешествия. Прошу не прерывать любви Вашей ко мне, грешному! Прошу Ваших святых молитв о мне, грешном!

Письмо 65

К инок, находящемуся в скорбных обстоятельствах

Опустив крыле мыслей и чувств, благоговейно стою пред Вами. Научают меня этому благоговению Ангелы, которые благоговейно взирают, по сказанию Писания, на земные страдания рабов Христовых. И в самом деле, – чудное зрелище, вынуждающее – благоговеть: плотню и кровию попираются плоть и кровь. Прошу Ваших святых молитв, потому что *близ Господь сокрушенных сердцем*⁵⁸ и *уши Его в молитву их*⁵⁹.

Увидел некогда преподобный Моисей Скитский снисшедшего на юного инок Захарию

Духа Святого и познавая, что язык Захарии соделался тростию книжника скорописца – Духа, спросил его: «Скажи мне, как мне вести себя?» Захария снял камилавку с главы своей, положил под ноги, стоптал, смял ее ногами и говорит: «Так если не сотрется человек, – не может быть монахом».

У кого пред очами смерть и вечность, – непременный, неизбежный удел каждого человека, – тот посмеивается и скорбям, и сладостям земным. У кого же враг украдет память о смерти и вечности, – пред очами того вырастает жизнь временная в вечность, вырастают скорби в неизмери-

мых, неодолимых исполинов. Лишь инок вспомнил о смерти, — пали в прах исполины; отдернулась завеса, закрывавшая от него вечность: пред ним события земные — как занятия, забавы, наказания детей!

В вечность! В вечность! Идем, мчимся путем жизни! Все, и сладкое и горькое, остается за нами. Бывшее — как бы никогда не бывало. Одно вечное не подлежит времени, не подлежит переменам, должно быть признано существенным, достойным всего внимания, всех забот, потому что остается навсегда. Дьявол старается развлекать наши взоры, чтоб из взоров наших ускользнула вечность. Она ускользнула — и человек бьется, мучается в сетях ловителя.

Духовный разум, который — смиренномудрие, рассекает эти сети. «Помни последняя твоя и во век не согресишь»⁶⁰ ни ропотом на блаженное иго Христово, ни изнеможением в вожденном и преславном иноческом подвиге. *Претерпевый же до конца, той спасен будет*⁶¹. «Кто же поколеблется, — вещает Бог, — о том не благоволит душа Моя»⁶².

И опять прошу Ваших святых молитв.

Недостойный

Архимандрит Игнатий.

12 октября.

Письмо 66

К больной старице, вступившей в монастырь с двумя дочерьми своими. Об ответственности родителей за воспитание своих детей, благодарение Бога в скорбях

Простите, что за незнанием имени Вашего смею назвать Вас «Матушкой». В приезд мой в святую обитель Спасо-Бороздинскую Вы приветствовали меня с таким сердечным радушием, как бы родного сына, – припомните, когда г-жа игуменья меня представила Вам на монастыре. Тогда Вы меня глубоко тронули! Вы мне сказали: «Мы Вас ждали и ждали сюда». Ваши слова остались в памяти моей в противность обычаю моему: я очень забавно беспамятлив.

Ублажаю Вас! Вижу над Вами какую-то ЧУДНУЮ Руку Божию! Сами Вы под крестом недуга; а дети Ваши – плод чрева Вашего – подклонили рамена свои Кресту Христову, отвергнув иго мира, как непотребное! Моя родительница много огорчалась при вступлении моем в монастырь; но на смертном одре, за несколько минут до кончины, произнесла: «Теперь, в этот час, у меня одно утешение: мой старший сын – в монастыре». Часто размышляю: какое неизъяснимое го-

ре обымет на Страшном Суде Христовом тех родителей, которых гневно и грозно обличит и осудит нелицеприятный Судия за принесение чад их в жертву миру и миродержцу! Какая ни с чем не сравнимая радость обымет тех родителей, которых этот Судия благословит и восхвалит за принесение чад их в жертву Богу, за приготовление их в жители светлого рая! Эта радость Вас ожидает! Два венца ожидают Вас: один за Ваши собственные скорби, другой за детей Ваших. Хороши венцы блаженства! Не угодно ли Вам примерить их!.. В полное владение они даются в той жизни, – а примерять их можно и здесь. Хотите ли? По милости Божией научу Вас, как ухватить (они тонки, духовны: не всякий знает, как они похищаются!) и как примерять! Положите себе за правило ежедневно благодарить Господа за Вашу чашу, то есть за недуги, за все скорби Ваши, за жребий дочерей Ваших. В особенности благодарением Богу отгоняются помыслы скорбные: при нашествии таких помыслов благодарение произносится в простых словах, со вниманием и часто, – доколе не принесется сердцу успокоение. В скорбных помыслах никакого нет толку: от скорби не избавляют, никакой помощи не приносят, только расстраивают душу и тело. Значит, они – от бесов, и надобно их отгонять от себя. Отгоняются же скорбные помыслы благодарением Богу. Благодарение сперва успокаивает сердце, потом приносит ему утешение, впоследствии принесет и небесное радование – залог, предвкушение радости вечной. Будете благодарить –

венчик примеряете. Мне бы хотелось увидеть на душе Вашей примеренный венчик Небесный, венчик радования духовного! – Благодарение из простеньких и немногих слов, а дела наделает больше, нежели сделают его тысячи умнейших книг. Благодарение – оружие, завещанное христианам Духом Святым чрез апостола. Благодарение – Апостольское, Божие учение и предание, благодарение Богу совершает чудеса и знамения! И зрятся эти знамения не очами телесными, – несравненно превосходнейшими их очами душевными – и в душевной клетке: там от Божественного прикосновения оставляет болезненный огонь скорби тещу Петрову, – она начинает услуживать Господу. Петр – образ веры, теща его – образ души, ближайшей родственницы Петру. Благодарение – сильно Богом Всесильным, Которому оно приносится! Благодарение – сильно верою, которая одна, решительно одна способна воспринять и объять неограниченную силу Божию: у веры нет границ, как нет их у Бога и у всего, что относится к Богу. Разум, как ни разумен, – ограничен: не годится для дел Божиих. Все Божие, всякое знамение он встречает отталкиванием: «как?», «неужели?», «почему?» Прочь, непотребный, отверженный Богом!.. Придите – святая вера и буйство проповеди Христовой – спасите нас!

Письмо 67

К некоторому священноиноку, духовному сыну. О болезнях и душевном ожесточении

Благодарю тебя за письмо твое и за поздравление со днем моего Ангела. Уже и тем я много утешился, что увидел твою руку. Не говорю: по любви моей к тебе (я еще не достиг любви), – по привычке моей к тебе, уже одно зрение руки, почерка твоего очень утешило меня. Я не скорбел на тебя за твое молчание: я извинял его твоею болезненностью, занятиями хлопотливой должности, помышлениями, которые больным и занятым говорят: «До следующей почты!» Эта следующая почта настала; имею твое письмо. И ты извиняй меня тем же, чем я извиняю тебя. Все это время почти никому не писал или писал не так и не столько, сколько следовало бы; а писал, поверь, до изнеможения, до боли. Кто понимает, как болезнь вертит и вяжет человека, – извинит моему молчанию.

И ты все болен! Что сделаешь! Больной не может быть вполне причислен к живым, потому что он живет полужизнию, какою-то тению жизни. Самые душевные способности его цепенеют, не действуют так, как им должно было действовать. Ныне не страдают христиане от оков и мечей; потерпим мучение от болезней и других скорбей. Всякому вре-

мении даны своего рода страдания: нашему времени даны страдания мелочные. Претерпим их. Веса и мзда у Бога.

Отчего бы быть у тебя ожесточению? *Милость и истина сретостеся; правда и мир облобызастеся*⁶³, — говорит Писание. Значит: где нет «милости», где «ожесточение», там нет «истины»; где нет «мира», там нет «правды». А состояние души, чуждое Божественных Истины и Правды, нельзя признать «состоянием от Бога». От такого состояния надо избавлять душу свою, а ввести в нее состояние, даруемое Божественною Истиною и Правдою, состояние «мира и милостыни». Успеешь в этом, если скажешь сам себе: «Не без Промысла же Божия случается со мною то, что случается. Буди имя Божие благословенно от ныне и до века!» Да не очень заглядывайся на обстоятельства жизни: не стоят они, — идут, быстро мчатся, сменяются один другим. И сами мы мчимся к пределу вечности! А кто заглядится на обстоятельства, кому они представляются недвижущимися, — удобно впадает в уныние.

Кто же видит, что все летит, и сам он летит, тому легко, весело на сердце.

Христос с тобою. Молись обо мне.

Письмо 68

К отцу, постигнутому скорбными обстоятельствами. О борьбе с помыслами

Через мрачную, глубокую пропасть скорби, внезапно открывшуюся пред Вами, перенеситесь на крыльях веры! Не испытывайте волн недоверчивую стопую размышления человеческого, идите смело по ним мужественными шагами веры – и обратятся под ногами Вашими мягкие, влажные волны в твердые мраморные или гранитные плиты. Тем более нейдут Вам робость и сомнение, при зрении моря скорбного, при зрении ветра крепкого, что призывающий Вас ходить по морю скорбей, отделяющий для такового хождение от прочей братии Вашей – Сам Господь. Это призвание есть вместе и блаженное избрание! Христос знаменует «Своих» печатью страданий! Он обрел душу Вашу благопотребною Себе и потому печатлеет ее Своею печатью! И стоит отдельно малое стадо, часть Христова, от множества прочих людей; Христовы держат в руках своих признак избрания их Христом – чашу Христову; на раменах их знамя – Христов Крест. Далеко-далеко отшатнулись от них сыны мира! Бесчисленную толпою, с шумом, в упоении странном, гонятся они за попечениями и наслаждениями временными. Время в

очах их преобразилось в вечность! Они проводят жизнь бес-
скорбную, преуспевают в тленном, забыты Богом, не возбуж-
дают против себя диавола: они угодны диаволу – часть его.
Чаша Христова отверзает вход в страну разума духовного,
состояния духовного, вшедший туда и причастившийся тра-
пезы утешения духовного соделывается мертвым миру, бес-
чувственным к временным скорбям и лишениям, начинает
совершать свое земное странствование, как бы несущийся
по воздуху превыше всего, – на крыльях веры. Оковы разу-
ма притягивают нас к земле – стране мучений; находясь на
земле, мы невольно подвергаемся и мучениям: *приложивый*
*разум приложит болезнь*⁶⁴, — говорит Писание. Вера поды-
мает с земли, освобождает от оков, изымлет из среды муче-
ний, возносит к небу, вводит в покой духовный. Вшедшие в
этот покой почивают прохладно, насладительно на роскош-
но посланных, драгоценных одрах боговидения.

Примите эти строки, произносимые от сердечного уча-
стия, которое с первого свидания с Вами возбуждено во мне
Вашею душою, носящей во глубине своей какой-то особен-
ный залог, залог таинственный, боголюбезный – залог бого-
угождения. Примите эти строки из страны страданий, в кото-
рую я поселился очень давно: Богу не было угодно, чтоб шел
я путем общим, обыкновенным! Он поставил меня на стезю
отдельную, в страну совсем особенную, – и редко встречаю
путешественника, идущего по этой стезе, посетившего эту
страну, с которым бы можно было перемолвить слово на том

языке, которым говорят в стране той и который сделался мне несколько знакомым, – утешительно звучит он для слуха души моей. В звуках его слышу что-то родное.

Что, между прочим, совершается в этой чудной стране? Там непримиримая война, там непрестанные битвы, сечи кровавые между израильтянами и народами иноплеменническими. В числе иноплеменников восстают на израильтян и исполины, сыны Енаковы – скорби, приводящие нас в страх, в расслабление, в отчаяние. Соглядатай Израиля – разум возвещает о них душе и ее силам: *Видехом исполины, сыны Енаковы, и бежом пред ними яко пружи, и тако бежом пред ними*⁶⁵. *Не можем изыти противу языку сему, яко крепльший есть паче нас*⁶⁶. Точно! Размышление, основанное на обыкновенном ходе вещей, помышления собственно и единственно человеческие приносят ужас земли, юже соглядаташа, к сыном Израилевым⁶⁷. Но истинный израильтянин, верный Богу, водится верою в Бога; он облечен во всеоружие. *Пожену враги моя, – восклицает он, – и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются: оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногами моима... И истню я яко прах пред лицем ветра, яко брение путей поглажду я*⁶⁸. Не одобряются в этой войне многие и тонкие размышления, которые силится ум, уповающий на себя, на свою силу, на число и высоту своих познаний, противопоставить напирającym толпам иноплеменников. *Сынове Ефремли наляцающе и стреляюще*

луки, – возвещает пророк, – *возвратишся в день брани*⁶⁶. Не устоять размышлению человеческому против густых полчищ иноплеменников! Собыют они его, переспорят, производят в уме возмущение, в мыслях смешение – тогда на стороне их победа!

Для верного успеха в невидимой брани с князьями воздушными, с духами злобы, темными миродержителями нужно взяться за оружие, подаемые верою, подаемые буйством проповеди Христовой. *Буде Божие премудрее человек есть, и немощное Божие крепчав человек есть*⁷⁰. Странными и страшными кажутся для плотского разума стезя и учение веры; но едва увидит человек на самом опыте, увидит внутренним душевным ощущением могущество веры, немедленно и радостно предается ее водительству, как обретший неожиданно бесценного наставника, с презрением отталкивает от себя отверженную Богом премудрость человеческую.

Вот оружия, которые святое буйство проповеди Христовой вручает рабу Христову для борьбы с сынами Енаковыми – мрачными помыслами и ощущениями печали, являющимися душе в образе страшных исполинов, готовых стереть ее, поглотить ее:

1-е – слова: «Слава Богу за все»;

2-е – слова: «Господи! предаюсь Твоей святой воле! буди со мной воля Твоя»;

3-е – слова: «Господи! Благодарю Тебя за все, что Тебе благоугодно послать на меня»;

4-е – слова: «Достойное по делам моим приемлю; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Эти краткие слова, заимствованные, как видите, из Писания⁷¹, употреблялись преподобными иноками с превосходным успехом против помыслов печали. Отцы нисколько не входили в рассуждения с являвшимися помыслами; но, только что представал пред ними иноплеменник, они хватались за оружие чудное, и им – прямо в лицо, в челюсти иноплеменника! От того они были так сильны, попрали всех врагов своих, соделались наперсниками веры, а чрез посредство веры – наперсниками благодати, мышцею благодати, совершили подвиги вышеестественные. При явлении печального помысла или тоски в сердце начинайте от всей души, от всей крепости Вашей произносить одно из вышеозначенных предложений; произносите его тихо, неспешно, не горячася, со вниманием, во услышание одних Вас, – произносите до тех пор, доколе иноплеменник не удалится совершенно, доколе не известится сердце Ваше в пришествии благодатной помощи Божией. Она является душе во вкушении утешительного, сладостного мира, мира о Господе, а не от какой другой причины. По времени иноплеменник опять начнет приближаться к Вам, но Вы опять за оружие, и, как завещал своим воинам гениальный полководец Цезарь, метьте прямо в лицо врага: ни в какую часть тела так не тяжки, так невыносимы удары, как в лицо. Не подивитесь странности, ничтожности по-видимому оружий Давида! Употребля-

те их в дело и увидите знамение! Эти оружия – палица, камень – наделают дела более, нежели все вкупе собранные, глубокомысленные суждения и изыскания богословов-теоретиков, сказателей букв – германских, испанских, английских, американских! Употребление этих орудий в дело постепенно переведет Вас со стези разума на стезю веры и этою стезею введет в необъятную, дивную страну духовного. Там трапеза манны сокровенной; к ней, по свидетельству Писания, Христос допускает одних победителей⁷². Вы введены в невидимую войну для того, чтоб иметь случай соделаться победителем и в достоинстве победителя наследовать духовные сокровища. Все же это доставляет Вам Христос, возлюбивший Вас, явственно отделяющий Вас в число «Своих». И так, уже с самого берега глядя на темное, глубокое море скорбей, на даль, где синева вод сливается с синевой небес, на эту беспредельную даль, пугающую веру, прислушиваясь к гневному говору волн, к их плесканию однообразному и бесчувственному, – не предавайтесь унынию, не впустите в душу Вашу море грустных дум. Тут гораздо более опасностей! В этом море потонуть гораздо удобнее, нежели в море скорбей наружных. Радуйтесь! – и паки реку: радуйтесь! Вы для того на берегу моря скорбей, чтоб преплыть в страну радостей: даль моря имеет противоположный берег, хотя и невидимый для очей человеческого разума. Этот берег – рай умственный, преисполненный духовных наслаждений. Достигшие этого блаженного берега забывают, в упое-

нии наслаждением, все скорби, претерпенные ими на море. Становитесь бестрепетною ногою в легкую ладью веры, носитесь, как крылатый, по влажным буграм! Скорее, нежели предполагаете, нежели можете себе представить, перенесетесь чрез море, перенесетесь в рай. Но между духовным раем и жизнью плотскою, душевною, обыкновенною, которою живут вообще все люди, положены в разграничение, – как бы обширное море, – крест и распятие. В рай нет другого пути! Кого Бог хочет возвести в рай, того начинает сперва наводить на путь к нему – на крест. «Признак избрания Божия, – сказал некоторый святой аскетический писатель, – когда пошлются непрестанные скорби человеку». Претерпим умерщвление миру скорбями, чтоб сделаться способными принять в себя существенное оживление для Бога, явственным, вполне ощутительным действием Духа. Пожертвуем тлением для Духа! Вполне отдайтесь

Богу! Киньтесь в спасительную бездну веры, как бы в море – с утеса!

Людей оставьте в стороне, как орудия Промысла! Эти орудия слепые, сами по себе не имеют никакой силы, никакого движения! *Не имаши власти ни единым на Мне*, – сказал Господь Пилату, – *аще не бы ти дано свыше*⁷³, хотя Пилат, водимый суждением человеческим, признавал и утверждал (а в этом, без всякого сомнения, согласны были с ним и все водящиеся таким суждением!), что он имеет власть распять предстоящего ему Узника и власть отпустить Его. Не озабочивай-

тесь никакими сношениями с людьми, никакими оправданиями пред ними! Такие сношения и оправдания только нарушат мир сердечный, не принесут никакой пользы. Немошные люди – цветы, являющиеся на короткое время на поверхности земной! Вы мечтаете о себе много, вы приписываете себе много, а вы – немощные люди! Вы почтены самовластием, а вместе с тем не престааете быть орудиями, слепыми орудиями, вполне орудиями! И того даже вы не видите и не ведаете, что вы орудия! Вы самовластны – так! вы не можете не принять мзды за дела Ваши! но в бесконечно мудрых судьбах Божиих эти самовластные суть действители без малейшей власти, без всякой самостоятельности.

Иисуса Назорея... – говорил святой апостол Петр иудеям, – сего нарекованным советом и проразумением Божиим предана приемше, руками беззаконных пригвоздшие, убисте⁷⁴. Бем, яко по неведению сие сотвористе, якоже и князи ваши: Бог же, яже предвозвести усты всех пророк Своих пострадаати Христу, исполни тако⁷⁵. В делах Промысла Божия люди – слепые орудия. Потому-то Господь не сподоблял людей, по-видимому облеченных полною властью, никакого ответа! Потому-то назвал Он чашу, приготовленную злоумышленниками, демонами, бесплотными и во плоти, чашею, подаваемою Отцом.

Примите эти строки как отголосок души, искренне в Вас участвующей, состраждущей скорби Вашей и усердно желающей Вам утешение от Господа.

Письмо 69

О жительстве по совету

Письмо Ваше я получил и благодарю Господа Бога, от-
верзшего ушеса сердца Вашего к принятию словес живота
вечного, кои Дух Святой нам предал, при посредстве избран-
ных сосудов Своих – отцов святых. В особенности важен
путь духовного совета, которым проходили святые иноки и
достигали сперва очищения страстей, а потом и благодатных
дарований. Горе же единому, сказал святой Иоанн Златоуст,
заимствовав слова эти у Екклезиаста. Вифсаидский расслаб-
ленный хотя и лежал посреди множества других больных, од-
нако жаловался на свое одиночество, говорил пришедшему
к нему Спасителю мира: *Человека не имам*⁷⁶. Подобно этому
и состояние тех иноков и инокинь, кои, живя посреди мно-
голюдного братства, не имеют к кому прибегнуть для совета,
во время душевной напасти. Совет же тот только может пре-
подать, кто в душевных искушениях советовался с искусным
и ощутил облегчение в душевных болезнях. Так утверждает
преподобный Кассиан Римлянин, научившись сему от вели-
ких египетских отцов. Посему, благо Вам будет, если вник-
ните в наставления святого аввы Дорофея, превосходно опи-
сывающего путь этот и доказывающего, что им шествовали
все святые иноки и что кроме него спасение крайне затруд-

нительно. К этому чтению присовокупите теплые молитвы Господу Богу, дабы путь неправды отставил от тебя и сказал тебе путь в *оньже пойдеш*⁷⁷. Позанявшись довольно книгою и понявши дух ее (а толкущему и просящему Господь дает понятливость), не худо приехать Вам сюда. Когда Богу изволяюще, приедете, тогда о том, о чем сказано Вам в малых словах, можно подробно объяснить. Если Господь влагает Вам в сердце послушаться грешного моего совета, то и я, уповая на Господа, умудряющего младенцев, не отказываюсь Вам служить, тем более что на мне лежит обязанность такового служения.

Письмо 70

К той же и о том же

Письмо Ваше от 24 апреля получил; сердечно благодарю за поздравление с Праздником праздников, взаимно поздравляю Вас, желаю Вам и себе сподобиться участия в праздновании нескончающейся Пасхи, в не вечернем дне Царствия Христова, чего сподобятся все потрудившиеся здесь воскресить души свои от греховного умерщвления животворящими евангельскими заповедями.

Буди Вам по вере Вашей! В древнем, еще христианском Египте было много женских многолюдных монастырей. В один из таких монастырей пришел разбойничий атаман, чтоб, осмотревши, привести всю свою шайку разбойничью и ограбить. Дабы удобнее было произвести осмотр, он надел монашеское платье. Игуменья и сестры, увидев старца, пригласили в гостиницу, игуменья своими руками умыла ноги разбойника, мнимого инока, и помоями окропила инокинь. Одна из инокинь была слепа. Привели и ее. Когда вода, коею омыты были ноги разбойника, коснулась очей слепой, то она немедленно прозрела. Вот сила веры. Старшина разбойников покаялся и, приняв пострижение, угодил Богу. Так Ваша вера и многих других, послужив Вам во спасение, да послужит и мне возбуждением к оставлению нерадения моего и расслабления. Почему поступайте, как ныне поступае-

те, имея на Ваш поступок свидетельство аввы Дорофея. Мы научаемся наставлением Великого Антония допускать только те поступки в круг нашей деятельности, кои имеют свидетельство от Священного Писания и святых отцов. Ваше желание послушать моих грешных советов ради Бога приемлю. И Ваше намерение, и мое да благословит Господь Иисус Христос, сказавший: *Без Мене не можете творити ничесоже*⁷⁸.

На сих днях выезжает в Ладугу нашей обители монах Иларион, мой духовный и ближний ученик. Надеюсь на милость Божию, что Вам не неприятно будет увидеть в нем, какие плоды разума и благонравия произрастают от послушания. Благословение Божие да почует над Вами. Сам Господь да отставит от Вас путь неправды и святым законом Своим да помилует Вас, заповедию Своею да просветит очи Ваши, да уразумеете чудеса от закона Его, яко заповедь Его – живот вечный есть.

Письмо 71

К ней же. О молитве вообще; о чтении книг, сочинения инославных; о милости

Милосердый Господь наш Иисус Христос, приемлющий в лице меньшей братии Своей даяния человеков, да приимет Ваше повержение к грешным стопам моим, и да благословит Вас, да подкрепит, и да наставит на путь Святых Заповедей Своих. Если Вы чувствуете, что от назначенного числа поклонов не утруждается Ваше тело, то прибавьте несколько, дабы тело ощутило некоторую усталость, которая способствует сокрушению сердца, помня и следующие слова святого Исаака Сирина: «Смотри, чтоб, желая приумножить несколько труды, тебе не остановиться вовсе и не пресечь всего течения твоего. Не простирай ноги твоей выше силы, чтоб не соделаться совершенно праздным»⁷⁹. А и следующие слова принадлежат также Исааку: «Всякая молитва, в которой не утрудится тело и не утеснится сердце, вменяется отверженною, ибо таковая молитва без души»⁸⁰. Сколько эти последние слова справедливы, столько и первые важны и основательны: они были сказаны брату, особенно занимавшемуся поклонами. Святой Исаак говорит в 40-м Слове:

«Возлюби в молитве более поклоны, нежели упражнение в стихословии», то есть в чтении псалмов и канонов. Количество поклонов пусть назначается удовлетворением цели их. Цель их согреть тело, причем разгорячается и дух. При этом хорошо вспомнить слова святителя Димитрия, сказанные им от опыта и принадлежащие к келейному пребыванию: «Лучше краткая и частая молитва, чем продолжительная с продолжительными промежутками». Вы спрашиваете, что значит телесная молитва? Это вообще молитва новоначальных, в особенности же клиросное пение, а наипаче нотное, где все внимание обращено на голос.

От этой молитвы, сопровождаемой сильною наружною ревностью, также плотскою, переходит человек к сердечному и умственному вниманию, причем ревность действует с тихостию и благообразием. Вы это можете уразуметь из Вашего сердечного опыта. Пишете, что при начале упражнения в Иисусовой молитве бороли Вас только уныние и его порождения: отчаяние, недоумение, сон и проч. Это хороший признак. «Пользу молитвы, – сказал святой Иоанн Лествичник, – можно заметить из бесовских препятствований, возникающих во время собрания», то есть молитвенного. Вы, конечно, помните, что я Вам завещал внимать умом языку, тихо произносящему молитву, отнюдь не позволяя себе самочинно вдаваться в художество, описанное в «Добротолюбии» и превосходно сокращенное святым Нилом Сорским в следующие слова: во время Иисусовой молитвы тихо дыши,

а не сильно; это способствует к собранию ума, что скажет самый опыт. Вы начали читать книгу «Брань духовная» и ее оставили. Почему оставили? Потому что ощутили в сердце сомнение, Вас беспокоившее. И я Вам завещаю довольствоваться чтением святых отцов, коих богодухновенность не подвержена никакому сомнению, а переводов с новейших языков крайне охраняться: они едва ли не все написаны духом лестным, как и апостол Павел сказал⁸¹. Читающий их сообщается сатане; ум такового и сердце прелюбодействует. К таковому относится пророческое слово: *погубиши* всякого, прелюбодействующего от Тебе⁸². Сказали отцы: «Кто хочет достичь Царствия кратким путем, тот да внедрит в сердце свое милость». Милостию преподобные отцы наши уподобились Богу и носили немощи человеческие.

Письмо 72

О келейном правиле, о страхованиях, о занятии молитвою Иисусовою

Милость и благословение Господа нашего Иисуса Христа чрез меня, недостойнейшего служителя Его, да осенит Вас, да укрепит Вас в деле благом спасения, едином на потребу! Пишете, что не всегда исполняете правило, то по слабости, то по причине посещения ближних, и потом чувствуете скорбь. На это Вам повторяю, что не человек для правила, а правило для человека. И потому, в чем согрешили по немощи тела, или души, или рассуждения, вся сия да простит Вам премилосердый Господь Бог, пред Коем и правды наши нечисты. И я, многогрешный, именем Господним Вас прощаю и разрешаю, и впредь завещаю в таких случаях держаться рассуждения, то есть когда замечаете, что немощь естественная, происходящая от занятия с посетителями или от недуга, обнаруживающегося уменьшением аппетита, бессонницею и тому подобным, тогда полезно ослабить телу, дабы оно до конца не изнемогло и не повредилось, будучи понуждено сверх сил. Тогда поклоны оставьте и, прочитав сообразно немощи сполна или не сполна вечерние молитвы, пребывайте мирны. Не дивитесь, что услышали стук; это страхование, а страхованию не должно предаваться, зная,

что диавол весь во власти Божией, и только то может сделать и делает, что Бог ему попускает для нашей пользы. Кто, бывающий на брани, бранных труб и стуку неприятельских орудий не слышит? Заслышавши их, храбрый воин веселится, ибо зрит и заключает, что близко сражение и близок конец. Некоторая девица, мне известная, шла по уединенной дороге недалеко от нашего монастыря; переходя через мост, вдруг из-под моста выскакивает разбойник с огромными усами и, приставляя пистолет к ее груди, кричит: «Убью!» Девица обнажает грудь и отвечает, знаменуясь крестным знаменiem: «Если есть на то воля Божия, – убивай». Едва она произнесла эти слова, как страшилище исчезло. Это пишу Вам, дабы Вы мужались и страхом Божиим побеждали страх бесовский. У нас, с кем случится страхование, тот приходит и рассказывает, и страхование уничтожается благодатию Божиего, покрывающею смиренных, то есть открывающихся, ибо смирение новоначального состоит в том, когда он с охотою, свободно открывает свои помыслы. Что дыхание удерживаетесь вводить по художеству, изложенному в «Добротолюбии», – хорошо делаете. Это художество превосходно сокращено преподобным Нилом Сорским в следующие слова: «Не дыши борзо, ибо сие способствует к собранию ума». Этим и Вы довольствуйтесь, то есть дышите тихо при молитве. Умиление и любовь к ближним, кои все, без изъятия, кажутся яко Ангели, суть плоды истинные и непрелестные молитвы. А встречающиеся искушения, уныние и сон служат доказательством то-

го, сколько молитва нам полезна. Предаю Вас благодати Божией: она Вас да наставит, да укрепит и да руководствует, яко *без Мене не можете творити ничесоже*⁸³, — рече Господь.

И паки! От художества о ноздренном дыхании уклонитесь! Когда Богу изволяюще, придет время, то скажу. Этим художеством, в свое время полезным, некоторые неисцельно себя повредили. Непарительность, немечтательность, умиление, любовь к ближним – вот истинные признаки истинной молитвы.

9 октября.

Письмо 73

К инокине. О любви к врагам, о начальствовании, об искушениях, об осторожных отношениях к духовному наставнику

Если б не было поношающих, оскорбляющих и гонящих нас, то мы никогда не возмogli бы прийти в любовь ко врагам, заповеданную Евангелием, составляющую высшую заповедь между заповедями, данными нам по отношению к ближнему. Отсюда входим в чистоту сердечную, которой является и которою любитя Бог. Но сколько плодovита эта заповедь, столько и трудно стяжать ее. Молитесь Господу Иисусу, и Он пошлет в Ваше сердце благодатное и разумное чувство, которым возлюбите врагов и обижающих, как орудие правосудия Божия. Ибо Он, Сын Божий, пролил за нас, бывших врагами Его, кровь Свою, предвидя притом, что и по совершении искупления редкие из нас захотят последовать Его всеcвятой воле. Успокоить игуменью, сходяв к ней, нахожу я полезным. Если примет Ваше оправдание – хорошо, если же не примет, то совесть Ваша будет мирна. Конечно, люди, судящие по наружности, почитают за великое игуменство и прочие земные приобретения, но узнавшие Хри-

стово учение считают все земные приобретения потерями, как отвлекающие от того, что едино на потребу. Я Вам не желаю игуменства, как ввергающего в земные попечения, наполняющего сердце бревнами, кирпичами, известкою, а что еще хуже – гордостью, сварами и прочим, Господу противным. И я не имел желание быть начальником, но приведен к этому обстоятельствами, и теперь как величайшее благодеяние приму от руки Божией удаление от начальнической должности, дабы принести покаяние Господу Богу и оплакать грехи мои прежде смертного часа. На искушение Ваше, пришедшее ныне, и на те, которые впредь могут прийти, не обращайтесь особенного внимания, а внимайте тому, чтоб искушение перенести с терпением и благодарением, молясь за оскорбивших и призывая их молитвы. Бояться искушений не должно, ибо Тот Бог, Который нам их попускает, Тот нас в них и хранит. К искушениям надо иметь расположение и горячность, ибо ими изображается на душах наших крест Христов, ими предохраняемся от пороков, ими сохраняемся в добродетели и при них только дается благодать. Пред сестрами излишне не оправдывайтесь, ибо и Господь, Самая Истина и Самая Правда, стоя пред иудейскими архиереями и Пилатом, не скрывал от них истины, чтоб не подать им причины к заблуждению, но, сказав ее в кратких словах, далее не оправдывался, но с молчанием переносил клеветы и мучения, нам подавая образ, как себя отвергаться и как носить крест Господень, то есть скорби, Господом посылаемые.

Желаю, чтоб Вы имели любовь к Господу Богу, любовь живейшую, а к ближним одинаковую и равную, как к образу Божию. Да сподобит Вас Господь узреть в каждом ближнем образ Божий. Святой Марк Подвижник сказал: «Егда человек человека воспользует словесы, или дела, Божию благодать да разумеют оба»⁸⁴. Это и Вам должно соблюсти и не позволять своему сердцу входить в любовь человеческую излишне, ибо многие, пренебрегши эту осторожность, отпали от любви Божией. Преосвященный Филарет митрополит Киевский, пастырь, имеющий помазание благодатное, сказал мне следующие достопримечательные слова: «Те наставники похвальны, которые приводят не к себе, а к Богу». Милость Божия да укроет Вас.

Письмо 74

Относительно умалишившейся сестры

Неведомым судьбам Божиим должно покоряться! Жалею бедную Д. Больных такого рода необходимо держать вдали от родственников и от всех тех, к которым они близки во время обыкновенного своего состояния. Когда был в подобном состоянии К., то ярость его возбуждалась наиболее против жены и родственников, коих он особенно горячо любил в здоровом состоянии.

5 октября.

Письмо 75

О том же

О случившемся искушении Вам не должно скорбеть, но отдаваться на волю Божию, которая спасает всех спасаемых многообразными скорбями. Попущенное умопомешательство Д. попущено ей на пользу, да дух ее спасется. Предоставьте ее Богу. Относительно всего, что она ни говорила и ни делала в своем припадке, Вам не должно обращать никакого внимания и не должно принимать к сердцу никаких ее слов и дел, потому что все производилось и делалось ею вне рассудка. Потому именно от таких больных отделяют всех их родственников и близких сердцу, что сумасшедший должен быть управляем холодным рассудком и холодным сердцем, чего не в состоянии вынести лица, имеющие сердечное расположение к больному. Когда возле нас жил К. в состоянии помешательства и некоторое время еще позволено было родным приезжать к нему, то после каждого приезда ему делалось хуже, потому что они все хотели его урезонить и смягчить. Бывший тут доктор из сумасшедшего дома говорил мне о действиях родственников: «Странные люди! Хотят больного урезонить, между тем как болезнь его и состоит в том, что он лишен здравого смысла». К. хватался за нож, намереваясь пронзить им жену и себя, высказывая против нее величайшие неудовольствия, между тем как в здоровом

состоянии он питал к ней величайшее расположение. Вот как надо рассуждать о больных такого рода. П. А. я советовал никак не видеться с сестрою, доколе она не выздоровеет. Я имею письмо от Д. от 24 сентября, из которого можно понимать причину случившейся с нею болезни.

Также не должно смущаться, что некоторые смутились словами и действиями Д. во время ее сумасшествия и находили им причину по своему умозаключению, а не по опытам науки, совсем иначе смотрящей на эту болезнь и ее действия. Если Бог дарует Д. выздороветь, то она будет к Вам еще более в близких отношениях. То, что она Вас поносила в сумасшествии, есть верный признак ее преданности Вам. Вам не должно скорбеть на тех, которые соблазнились положением Д., произнесли о Вас какое невыгодное слово. Это от неведения и по попущению Промысла Божия, как видно усматривающего, что Вам нужно смирение и очищение при посредстве человеческого бесчестия. Любовь имейте и мир со всеми, и с оскорбляющими Вас, без чего невозможно иметь духовного преуспевания. Воздайте славословие Богу за все случившееся и предайте себя воле Божией.

Письмо 76

Об искушениях; о страхованиях. Деятельность, предписываемая во время искушений

Путь христиан, сказали святые отцы, есть крест повседневный. Сказали они это, руководясь словами Самого Господа Иисуса Христа, Который повелел желающему совершенства взять крест свой и последовать за Ним, Господом. Крест – готовность к благодушному поднятию всякой скорби, попускаемой Промыслом Божиим. «По тому познается, что человек находится под особенным Промыслом Божиим, когда этому человеку попускаются постоянные скорби», – сказал святой Исаак. «Пей поругание на всяк час, яко воду живую, – говорит святой Иоанн Лествичник, – а кто отвергся правильного или неправильного выговора, тот отвергся своего спасения». Господь помянул Вас и послал Вам искушение для Вашего очищения и умерщвления миру, а потому для

Вашего преуспевания. Я, окаянный грешник, благоволю об искушении, Вас постигшем. Благоволят о нем Ангелы Хранители Ваши, видя в нем залог спасения Вашего. Помяните меня, грешного, в молитвах Ваших! Говорит святой Исаак Сирийский, что человек до вступления в искушение мо-

лится Богу как чужой Ему, а подвергшись ради Его искушениям, молится Ему как свой, и как бы имея Его – Бога – должником себе. Помолитесь о мне Богу, рабы Божии! Ибо мне, в моей жизни, не довелось потерпеть ни единого искушения, а что случилось противное моему гордому сердцу, то – мелочь, мелочь, мелочь... не заслуживающая никакого внимания, и если б я вздумал говорить о моих искушениях, то впал бы в одно пустословие. Вам не должно попускать страхованию овладевать Вами. Кто поддается этой страсти, над тем она возобладает, и таковой будет пугаться всяких пустяков. Прочитайте в святой «Лестнице» статью о страховании. Никаких заклинательных молитв не нужно: они прочитаны над каждой из Вас при Святом Крещении. Нужно предаться воле Божией и признать себя достойным всякого человеческого и бесовского наведения: тогда страхование пройдет само собою. Оно ни от чего так не истребляется, как от глубокого сердечного сокрушения.

Молитвы Иисусовой не оставляйте: монашествующий в числе своих обетов при пострижении дает обещание денно-нощно заниматься этою молитвою. У нас Святейший Синод постоянно занимался развитием этого делания и издавал книги святых отцов о сем предмете, а в 1857 году разослал по монастырям книгу преподобного Нила Сорского во множестве экземпляров, дав ее в руководство российским монашествующим и предписав благочинным строго наблюдать, чтоб по монастырям это исполнялось.

Не сделайте новой глупости: не вздумайте приехать в Петербург. Надо брани побеждать на их месте, а не оставлением места, от чего брани только укрепляются. Взойдите в себя, постарайтесь увидеть множество согрешений Ваших, причем умаляются в очах Ваших согрешения ближнего. Воспользуйтесь уединением и удобствами ко внимательной жизни, дарованными Вам Божиим милосердием, для плача о Ваших грехах. Поминайте в молитвах Ваших оскорбивших Вас да исцелеее от страшного недуга вражды к ближнему. Поминайте в молитвах Ваших болящую Д., которая предана судьбами Божиими сатане, да дух ее спасется. Она много содействовала к успокоению Вашему, а последним случаем к смирению и преуспеянию. В духовном отношении такое наказание Божие отнюдь не служит худым свидетельством о человеке: такому преданию сатане подвергались многие великие угодники Божии. Преподобный Кассиан описывает о преподобном Моисее Скитском, с которым беседовал о рассуждении, что Моисей подвергся сумасшествию и беснованию за некоторое противоречие своему старцу Макарию Великому Египетскому. В другом священном сочинении IV века описывается, что некоторый египетский старец по причине своей святой и чистой жизни необыкновенно обилдовал даром чудотворений, слава о нем неслась далеко. Заметив в себе начала гордости, старец начал молить Бога, чтоб ему послано было беснование, что Господь и исполнил. Старец провел в ужасном положении целых восемь месяцев, упо-

требляя даже в пищу свои собственные извержения. Мирские почитатели его, видя его в таком положении, как быть следует, соблазнились, хорошую о нем славу изменили на худую, а старец в свое время, избавившись от беса, в неизвестности и покое работал Господу и пришел в гораздо большее преуспеяние. Гораздо маловажнее беснование, нежели принятие какого-либо вражеского помысла, могущего навеки погубить душу. Что Д. Вам сердечно предана – не подлежит никакому сомнению.

На слова ее и действия при сумасшествии не должно обращать никакого внимания, и никак нельзя сравнить таких больных с пьяными, у которых отнимается только благоразумие, а не разум. Пьяный высказывает свои тайные мысли и чувства, а сумасшедший или беснующийся несет дичь, чуждую ему. Если Д. выздоровеет, примите ее, ничтоже сумняшеся. Этим исполните заповедь Божию; да и лица монастыря Вашего, соблазнившиеся словами и действиями больной, поймут, что она поносила Вас вне разума, и исцелятся и вразумятся. Я не находил нужным писать или говорить г-же игумении о Вас, полагая, что она из сожительства гораздо может больше уразуметь, нежели из моих слов. Если же ей нужен письменный мой отзыв о Вас, то я постараюсь и это исполнить. Я не раз предостерегал сестру Е., чтоб она удерживала язык свой, часто ее предающий и навлекающий неприятности, что было причиною и неприятностей Аввакира (см.: «Лествицу»), Эти неприятности должно принимать как дра-

гоценные врачества против нашего тщеславия и высокоумия.

Лозу, творящую плод, Вертоградарь осыпает и навозом, да множайший плод принесет.

Не будете побеждены злом, но добром побеждайте зло.

29 октября 1843 года.

Письмо 77

**Ученику, священноиноку
Сергиевской пустыни, письменно.**

**Обличавшему архимандрита
Игнатия в изменяемости его
расположения к окружающим
вообще и к нему в особенности.**

**Чистосердечное признание
своей греховности, терпеливом
перенесении недостатков ближних**

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Возложившись на помощь Божию и на силу Его, совершающуюся в немощных, я вознамерился на письменное твое изложение отвечать также письменно. И сие более для того, чтоб ум мой не развлекся при личной беседе и не изнемог под шумом слов, но сохранил бы в тишине и уединении келейном мирное устроение, при котором только усматривается Истина. Пред лицом Его стою и, освещаемый Его светом, смотрю на душу мою и сличаю с тем, что вижу в обличении твоём. Что ж вижу? Вижу на душе моей язвы, вижу

многочисленные ее болезни, вижу немощи, из которых одни природные, другие – следствие язв и болезней, прошедших и настоящих. Обращаюсь на протекшую жизнь мою: вижу – это цепь погрешностей, цепь падений; на каждом почти шагу я был посмеян и поруган диаволом по недостатку духовной мудрости, по избытку гордости, не склоняющейся спросить совета у ближнего. В таком положении душа моя, когда путь жизни моей уже протянулся за преполовление дней моих. Между тем тело мое ослабело, его прободают и рассекают различные недуги. Они – вестники, возвещают мне приближение разлучения души с телом. Скоро-скоро буду лежать на одре не для того, чтоб дать преутружденному телу временное отдохновение, но чтоб сложить его с себя в гробовой ковчег, в недра земли, из неяже взят есмь, до будущего общего воскресения. «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем»⁸⁵, ибо душа моя в язвах, а тело запечатлено грехом. По этому состоянию моему всего приличнее для меня было оставить все и вне всего предаться неутешному плачу; когда все утрачено, не утратить, по крайней мере, раскаяния.

Но к достижению этого состояния, которое признано для себя самым приличным, не употребляю никаких средств, кроме немощной моей молитвы, в которой прошу, чтоб совершалась надо мною воля Божия. Это прошение воли Божией внушается боязнию, чтоб не попросить чего, превышающего мои силы. Эта боязнь внушена самим опытом, ибо во всех опытах, коими испытывалась моя сила, обнаружива-

лась моя немощь; где бесы рисовали пред моим умом картину блистательных успехов, там, на самом деле, оказывался ущерб, там возникло бедствие, там прикрывалась цветами гибельная пропасть. Я познавал обман по совершении обмана; познавал прелесть, будучи обольщен и поврежден ею. Теперь боюсь предпринять что-либо особенное самовольно, хотя бы и почитал это душеполезным. Лучше, сказали святые отцы, бороться с калом, то есть с блудом и чревоугодничеством, нежели с самосмышлением, высокоумием, гордостью и презорством. Ибо эти последние страсти тонки, неприметно вкрадываются в ум, принимают вид здравых и праведных мыслей и не иначе могут быть усмотрены, как при свете благодати. Стою пред Промыслом Божиим умом моим, отложившим на эту минуту мудрование мира и правду его. Бог сотворил меня без моего желания и прошения, ибо «ничто» как могло желать, тем более – просить чего-либо? Падшего меня и погибшего Бог искупил; ценою искупления был Он Сам. Между тем как Искупителем, облеченный в смирение, не познается, несмотря на свою очевидность, умами плотскими, оставившими удивляться себе сродному духовному и погнавшимися за чуждым себе тлением, мне окаянному Он даровал познать Себя. Когда смежались очи мои, брение, смешанное с плюновением, исходящим из уст Его, исцеляло их. Крест Христов отверзает очи ума; Крест Христов сохраняет здоровье, исцеляет болезни очей этих. Вне Креста Христова нет правды Христовой. Мир и правда его

погибнут, яко от диавола суть. Стою пред Господом моим, и Промысл святой Его вижу, и долготерпению Его удивляюсь, колико милостив Он к тем погрешностям, в которые я впал от своеволия и самосмышления. Душу мою в руке Божии предаю; что Он мне дарует, то приемлю. Он ведает мою силу, ибо Он же мне дал ее. Если дает мне един талант сообразно силе моей, не ищу пяти, чтоб не изнемог под тяжестью их, чтоб дар, долженствующий служить к пользе, не послужил к большому осуждению. От грехопадений моих бегу не в затвор, не в пустыню, но в самоукорение, в исповедание грехов моих, в раскаяние. Недоумение мое, и рассуждение мое, и волю мою повергаю в пучину щедрот и Промысла Божия.

Такое зрелище представляет мне душа моя, когда при свете евангельского учения смотрю на нее умом моим. Теперь обращаюсь к словам обличения, находящимся в письме твоем. Самое естество дела показывает, что ты, смотря на наружность моего поведения, усмотрел гораздо менее недостатков, нежели сколько их находится по самой вещи. Сознываясь в большем долге, я не могу не сознаваться в меньшем, так что я и тогда бы сознался, когда бы не хотел сознаться. Остается засим со слезами просить у тебя прощения и святых молитв о моем исправлении. Если, по словам святого Исаака, словооправдание не принадлежит к жительству христианскому и нигде в учении Христовом не предписано; если Сам Господь, предстоя властям земли и водворяя пред лицом вселенной правду Креста, не удостоил правду внешнюю

никакого внимания, ни единого слова, как прах и тление, то кто, смотрящий во глубину сердца своего и видящий не ложно, осмелится противу стать обличающему? Таковой скажет замахнутому на него мечу: поражай, ибо не всуе ты поднят. Скажет бедствиям: нападите на меня и удручайте меня, ибо я того достоин. Скажет телу, изможденному болезнями и посылаемому во изгнание: иди, ибо ты согрешило. Скажет братьям своим: помолитесь обо мне, скверном,

Ангелы Божии. Припадет к ногам прелюбодеев и убийц и скажет им: помолитесь обо мне, ибо Вы праведнее меня. Вот каково мое состояние, когда очи ума моего отверсты; когда же они закроются, то состояние мое делается несравненно худшим, ибо язвы естественно остаются те же, но к болезням сердца присовокупляется слепота ума. От слепоты – нечувствие, утрата любви к ближнему, утрата умиления и утешительного плача, присовокупление язв к язвам и болезней к болезням. Словом сказать – вижу ли или ослепляюсь – состояние мое пребедственное, достойно слез и рыдания всех меня знающих и любящих. Таков мой ответ всякому обличающему и тебе. Когда же иначе отвечаю – погрешаю.

Этим должен бы я был довольствоваться, если б говорил не с своим духовным сыном, который, говоря мне обличения, приносимые его сердцу, не выдает их за решительную правду, но приносит их мне же на суд. Поэтому считаю себя обязанным продолжить мою беседу и, несмотря на то, что я немощен, заимствуя Свет от Истинного Света – Слова Бо-

зия, удовлетворить по силам моим требования письма твоего, не столько обращая внимания на наружность мыслей, заключающихся в этом письме, сколько открывая при свете евангельского учения те тайные сердечные побуждения, коих мысли эти суть плод. По мнению отцов, те люди, кои требуют от ближних совершенного устранения недостатков, имеют об этом предмете ложное понятие. Это мнение отцов находим и у апостолов: один из них (Иоанн Богослов) говорит: *Аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас*⁸⁶. Другой же (апостол Павел): *Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов*⁸⁷. Что же может породить поношение немощей ближнего, это показано Писанием над мужами самими высокими в добродетелях. Кто святее апостолов? Но мы читаем в Деяниях, что между апостолами Варнавою и Павлом произошла распря, а за распрю – и разлучение. Без всякого сомнения, это обстоятельство сказано нам Писанием с тою целию, чтоб мы, немощные, были осторожны, не увлекались мнимою ревностию, но носили тяготы друг друга. Тако исполните закон Христов! Понеси убо мои немощи, а я постараюсь понести твои, как доселе старался. Конечно, ты не скажешь, что ты без немощей. Мои немощи тяжелы более для тебя, нежели для меня, а твои ощутительны для меня, нежели для тебя. Если б тяготы были без тягости, то ношение их не имело бы никакой цены, не было бы причин заповедать оное. Но цена взаимного ношения немощей столь велика, что Писание заключило

в нем исполнение закона Христова, Иже понес на Себе грехи всего мира.

Скажу несколько слов о непостоянстве. Непостоянство, или переменяемость, по мнению святых отцов, есть постоянная и непрменная немощь человека, доколе он находится в стране своего изгнания на земле. Непременяемость есть свойство будущего устройства. Изменяемость не только свойственна нам, немощным, но и величайшие святые признавали ее в себе. Потерпи непостоянство во мне, а я потерплю его в тебе. Мое непостоянство ощутительно тебе, а твое – мне. Понесем взаимные немощи и познаем, яко благо иго Христово: если же скинем иго Христово, то какому же игу подчинимся? Весьма прекрасно сказал святой Илия Екдик: «Дом души – терпение, живет бо в нем; а пища – смирение, питается бо тем». Точно помыслы смиренномудрия удерживают душу в терпении. Если же это так, то и следующее по необходимости справедливо: ничто другое не выводит души из терпения, как помыслы гордостные. Неоднократно говорил я тебе и многим другим, которым мнилось мне сообщать душеполезные познания: когда сличаю мое устройство и поведение с писаниями святых отцов, то нахожу, что мне в древнем монашестве надлежало бы иметь место между новоначальными. А в нынешнем монашестве, где знание святых отцов и образ мыслей, несколько запечатленный этим знанием, так редки, что тот, кто преподает слушающим его учение отцов, есть величайшая редкость. С тем условием настоятель-

ствую над вами и имею вас духовными чадами, чтоб научать вас образу мыслей евангельскому, который и есть образ мыслей святых отцов. Истинно, истинно говорю вам: ныне, когда дел уже вовсе нет и духовное мудрование крайне редко, ныне диавол столько ненавидит это мудрование, что хотел бы истребить его с лица земли, дабы Евангелие оставалось у нас только для нашего осуждения, а не назидания, ибо мы будем судимы по Евангелию, как предвозвестил нам Господь Иисус Христос⁸⁸. Диавол готов нам придать вдесятеро здравого смысла и умножить тысячекратно наши практические сведения, лишь бы украсть у нас знание крестное, при коем можем стать одесную Бога. Приписывающий себе сведения и здравый смысл уподобляется диаволу, который хотел признать себя источником света. Он и есть источник мнимого света – плотского мудрования, которое не покоряется разуму Божию, носит на себе печать гордыни и заключает в себе условие всех грехопадений. «Видел ли еси кого падша? увеждь, яко себе последова», – говорит авва Дорофей. Этот святой говорил о себе, что он лучше желает погрешить в каком-либо наружном деле, поступив по совету ближнего, чем действовать самочинно. А я, в малых своих опытах, при какой-либо неудаче имею утешение, истекавшее из того, что дело сделано или предпринято не самочинно.

Поэтому хотя бы мне по недостойнству моему и приличествовало внимать одним собственным недостаткам, однако по обязанности настоятеля и духовного отца и должен тебе

сказать, что видится моим грешным очам: тебе брань творит страсть гордостная. Признание в себе практических сведений и соображений суть ее оправдания, коими она прикрывается. Охлаждение ко мне, к окружающим меня суть плоды ее, ибо за уничтожением ближнего следует иссякновение любви. И иссякновение любви есть признак принятия помыслов бесовских, так как и признак принятия семян благодати есть умножение любви к ближнему.

Страсть гордостная действует иначе, нежели страсть блудная или гневная. Эти две страсти действуют очевидно, и самые оправдания их и лукавство в оправданиях яснее. А гордость вкрадывается не приметно. Ее посевают способности, пышность, а паче похвалы человеческия.

Хотя по-видимому мы не принимаем похвал и не соглашаемся внутренне с похваляющими, но тайная печать похвал остается на уме и сердце, и когда случится уничтожение, то оно бывает тягостно, и тем тягостнее, чем более мы были напитаны похвалами. Этим самым доказывается существование печатей и тайное вселение гордости. Увы нам! Самые благодатные дарования были поводом для людей к гордости и плодам ее – падениям! Главные признаки гордости суть охлаждение к ближним и оставление исповеди. Поэтому кто какими дверьми выходит, тот ими и да входит, сказал святой Иоанн Лествичник. Положи себе за правило исповедовать помыслы твои, хотя дважды в неделю, и как душа сообразуется телу, то и поклонением тела изъяви смирение. Скажи и

повторяй своему помыслу о братиях: «Это овцы Христовы, это Ангелы Божии», – и истребится презорство к ним, еже есть гордыня. Тогда, уповаю на милость Божию, мир и любовь внидут в сердце твое и благодатным действием своим докажут тебе, что ты находишься в искушении, откроют очи твои и ты познаешь твое настоящее обольщение. Случай же этот внидет в сокровищницу твоих душевных опытов, будет доставлять тебе предосторожность на будущее время, а братии окормление. Ибо муж не искушен не искусен, а *искушен быв, может и искушаемым помощи*⁸⁹, – говорит Писание. Да сподобит тебя Господь последовать и этому наставлению святого Иоанна Лествичника: «По входе в поприще благочестия и повиновения, не ктому отнюдь добраго нашего законоположника в чесом истяжем; аще кая в нем яко в человеце еще негли и мала согрешения увидим. Аще ли же ни, то ничимже от повиновения ему истязующия пользуемся. Отнюдь нужно есть хотящим к настоятелем веру несомненную выну содержавати, исправления их в сердце неизглаждаема и приснопомнима хранить, да егда бесове в нас неверие к тем всеають, от помнимых нами заградим уста. Поелику бо вера цветет в сердце, потолику и тело спешит на службу. Но внегда же о неверие препнется, тот пал есть», то есть: «По входе в поприще благочестия и повиновения мы уже не должны ни в чем испытывать нашего благого законоположника (наставника), хотя бы в нем, как человеке, и заметили малые погрешности, иначе, то есть истязывая, не получим от по-

виновения никакой пользы. Желаящим соблюсти несомненную веру к своим наставникам необходимо хранить в сердце своем добрые дела их неизгладимыми и незабвенными, чтоб воспоминанием их заградить уста бесам, когда они будут посеивать в нас неверие. Насколько вера цветет в сердце, настолько тело преуспевает в служение. Кто преткнется о неверие, тот пал»⁹⁰.

И от окормления ближних прозябает нередко гордость, как от пшеничного зерна куколь. Поэтому святой Марк Подвижник сказал: «Егда человек человека воспользует словесы, или дела, Божию благодать да разумеют оба». *Не себя проповедаем*, – говорит святой Павел, – *но Христа Иисуса, Господа*⁹¹. Кто будет возделывать эти чувства, в том истребится пристрастие к людям, а воцарится о Христе любовь, во всех зрящая образ Божий. Когда же восхитится ум утешением любви этой, то видит человек себя как некий сосуд, исполненный смрада и мерзости и дивится, как лучи Божественного учения проходят сквозь него и исцеляют души человеческие.

Прилично мне вспомнить здесь слова святого Иоанна Лествичника, повторенные преподобным Нилом Сорским: некоторые погрязли в болото, но других предостерегли от подобного впадения, и за спасение их Господь даровал и им спасение. Ибо после тяжких язв узнал я, что признаки гордости суть уничижение или презрение ближних и нерадение о исповеди, а сама по себе гордость человеку не приметна,

будучи тончайшая страсть, обманувшая светоносного Ангела и устроившая падение на Небе. На сей держатся другие страсти, как здание на основании, скрытом под землею. Наконец, завещаю тебе сохранить письмо сие в неизвестности до кончины моей. А я тебя и себя предаю милости и благодати Божией, могущей, если мы сами не отвергнем, даровать нам спасение, хотя мы его и вполне недостойны. Аминь.

25 ноября 1842 года.

Письмо 78

**Действие духовное и действие
кровяное; различие их.**

Хранение мира душевного.

**О явлениях и видениях и
ощущениях ложных и истинных
и опасность их для неопытных**

Кто поставлен в страну духа, тот должен удвоить бдительность над собою, должен быть особенно осторожным. Дверь в ту страну – мир Божий, – превосходяй всяк ум, потопляющий все помышления человека в несказанной сладости своей. Этот мир Христов уничтожает все смущения и страхи, так сильно действующие на человека плотского; обновленный Духом начинает чувствовать в себе обновление живой веры. Бог престаёт быть для него мертвым, каковым Он представляется для умерщвленных плотским мудрованием, считающих свою смерть – жизнью, а истинную и существенную жизнь – признающих как бы не существующею. За дарованием «мира» следует, как видно из Евангелия, другое дарование: отверзается ум ученика Христова для разумения Писаний. Крест Христов делается понятным и удобоносимым, страдания начинают источать из себя сладость. Но все

совершающееся с тобою есть действие только отчасти духовное, а не вполне. Возьми свои предосторожности.

Есть действие от крови, кажущееся для неопытных действием благим, духовным, а оно не благое и не духовное, — оно из падшего естества нашего, и познается потому, что порывисто, горячо нарушает мир в себе и ближних. Действие духовное рождается из мира и рождает мир. Рассмотря себя внимательно: действия в тебе — еще смешанные: действие духовное смешано с действием кровавым. Ты их не различила и не разделила. Смотри за твоими водами (сердечными чувствами), чтоб они текли тихо, — как сказал пророк о водах Силоамских: *воды Силоамли текущие тисе*⁹². Всякое разгоряченное чувство — кровавое!

Не сочти его усердием, ревностью по благочестию, любовью к Богу и ближним. Нет, это движение души, произведенное в ней нервами, кровию. А кровь приводится в движение душевными страстями, которые — орудия и цепи миродержца, его скипетр, держава. Храни себя в глубоком мире и отвергай все, нарушающее мир, как неправильное, хотя бы оно имело наружность правильную и праведную.

Относительно ближних руководствуйся следующим наставлением преподобного Исаака Сирского: «Пусть лучше признают тебя невежею, по причине неспособности ума твоего к прекословию, а не премудрым за бесстыдство твое и дерзость. Обнищай для смирения, — но будь богат для дерзости». «Силою добродетелей твоих, а не словопрением тво-

им, обличи противоучащих тебя. Кротостию и тихостию уст твоих загради уста и принудь умолкнуть бесстыдство непокорных. Обличи невоздержных благородством жития твоего, и разрешенных чувствами – стыдливостью очей твоих», – учит Божественное слово, учит и Божественное молчание.

Относительно гласов и явлений, нужна еще большая осторожность: здесь ближе и зловреднее прелесть бесовская. Многие из святых и искусных отцов были обмануты бесами, хитро скрывающими и обличающими свою ложь и тьму призраками истины и света, тем удобнее могут быть обмануты ныне... Нужно долгим временем и опытом приучить ум и сердце к отличению добра от зла, под какую бы личиною ни маскировалось зло. Поэтому святые отцы заповедали, чтоб новоначальные не вверялись никаким гласам и явлениям, но отвергали их и не принимали их, предоставляя дело суду и воле Божией, а для себя признавая смирение более нужным всякого гласа и явления. Глас Христов – Евангелие; будем вслушиваться в него и ему повиноваться.

Истинные духовные видения и ощущения принадлежат тому веку, вполне невещественны, не могут быть объяснены в стране чувств, словом вещественным; таков верный признак истинно Духовного. Глас Духа – невещественен; он вполне явствен и вполне невеществен; он – умственный глас. Также все духовные ощущения – невещественны, безвидны, не могут быть истолкованы, ясно переданы человеческим вещественным словом, и вместе с тем они ощутительны, силь-

ны, преодолевают все другие ощущения, соделывают их бездейственными, как бы не существующими, а кто имеет духовное чувство, тому это чувство объясняет то, что необъяснимо словом вещественным.

Низшую ступень видений составляют те видения, которых зрителем делается человек от неядения, бдения и других измождений плоти; до этих видений достигают не только люди подвижнической жизни, но и многие порочные, пришедшие каким-нибудь образом в измождение плоти. Телесные чувства их достигают какой-то особенной тонкости, – и они начинают видеть духов, слышать гласы, обонявать благоухание и зловония. Это состояние опасно, и многие, пришедши в него, впали в прелесть.

В твоём состоянии признаю посещение милости Божией: свидетель этой милости – мир Божий, на тебя излившийся и открывший тебе тайну Креста Христова. Но в то же самое время надо признать, что в этом состоянии было много кровавой примеси. Сама это заметишь, если будешь храниться в молчании и обуздывать каждое горячее, порывистое чувство, – вводить вместо него чувство тихое и мирное. Мне бы желалось, чтобы ты вышла из этого состояния: оно тебе не под силу. Хранись и хранись! Да дарует тебе милосердный Господь перейти в другое состояние, менее опасное, более духовное и более полезное: это состояние – сокрушение духа от зрения падения человеческого и искупления нас Спасителем. Многие святые отцы, обиловавшие смирennemуд-

рием и духовным рассуждением, когда в них – нечаянно – какое особенное духовное дарование проявлялось, молили Бога, чтоб Он отнял от них это дарование, бывшее им не под силу. «Если дела твои, – сказал преподобный Исаак Сирский, – благоугодны Богу и Он даст тебе дарование, то умоли Его, чтоб дал тебе разум, как тебе смириться, или чтоб поставил стража при даровании, или чтоб взял от тебя дарование, чтоб оно не было для тебя причиною гибели, потому что не все могут безвредно обладать этим богатством». При состоянии, в котором измененными или утонченными телесными чувствами подвижник слышит гласы, обонявает благоухание, видит явления, диавол очень легко может подменить истину чем-либо своим, придав этому своему личину истины, – и неисцельно повредить душу неопытного и юного подвижника. Гораздо возвышеннее и безопаснее утонченным покаянием и измененными Духом мыслию и сердечным ощущением зреть глубину падения и высокое таинство искупления, погружаться при посредстве духовного, невещественного действия в бездну смирения, в море благоговения и удивления Богу.

Опять привожу слова преподобного Исаака: «Ощутивший грехи свои лучше воскрешающего мертвых молитвою своею и обитающего вместе со многими. Воздыхающий в душе своей лучше пользующего весь мир видением своим. Сподобившийся увидеть себя лучше сподобившегося увидеть Ангелов, потому что у второго отверзлись чувственные очи, а

у первого – душевные».

Давай телу умеренное количество пищи и сна, храни себя молчанием, вниманием себе, смирением. Из твоего настоящего состояния постарайся соблюсти действие мира Христова и познание Креста Христова. А из состояния утонченных чувств телесных, как из состояния очень опасного, превышающего твои силы, да изведет тебя милосердый Господь. В монастырской библиотеке вашей есть письменная книга преподобного Исаака Сирского. Прочитай в ней 55-е слово, к преподобному Симеону Чудотворцу. Всего тут не поймешь, но и то, что поймешь, принесет тебе значительную пользу. Христос с тобою.

15 марта 1818 года.

Письмо 79

Покаяние. Борьба с грехом.

Отношение к духовному наставнику

Всемогущее покаяние – пристань божественная, божественная лечебница. Всякое согрешение исправляется покаянием, всякая язва, всякий недуг исцеляется покаянием. Объятия Отца Небесного отверсты для прибегающих в эти объятия блудных сынов. Христос, снисшедший на землю для грешников, а не для праведников, доселе пребывает невидимо, но вполне существенно между людьми, совершая великие знамения и исцеления; будет по неложному обещанию Своему пребывать между нами до скончания века. Доселе раздастся Его голос, доселе слышатся Его действительные слова, сказанные некогда – всеми осужденной – грешнице, осудившей себя глубоким молчанием: *Аз тебя не осуждаю: иди и отселе ктому не согрешай*⁹³. С таким предостережением дается отпущение в тяжких согрешениях.

Кто может быть судьей действий Божиих? Довольно для ума человеческого, если он соделается зрителем действий Божиих, будет погружаться в благоговейное созерцание дел

Божиих, в удивление им, в славословие их. Одно из таких чудных действий Божиих – Его призвание к иноческой жизни. Одни позваны к этой жизни святой из предварявшей ее

святой жизни среди мира, другие призваны к ней с распутия, с халуги, из мрака и пропасти беззаконий. Откуда бы кто ни был призван, будь послушен призывающему, иди на призывный голос! Благословен всякий, грядый во имя Господне, призванный Господом! И если ему на пути к Господу надо сразиться с возбраняющим блаженное шествие грехом, – да сразится мужественно, да станет до крови, да восхитит победу и да сопричислится к патриархам, пророкам, апостолам, мученикам, исповедникам и прочим святым, которые многими скорбями и смертями наследовали Небо. Кто нарушил верность Богу впадением в грех, – восстанови эту верность, докажи ее борьбою с грехом, свержением с себя чрез победу цепей, тех цепей, которыми оковывает грех своих пленников, которые удерживают пленников греха в насильственной работе ему. Подвиг телесный слаб против греха, подвиг размышления ничтожен: силен подвиг веры! Он наперсник победы! Когда ощутишь нашествие силы греховной, не входи в переговоры с супостатами, – открывай немедленно на них огонь, рази их громами, опаляй молнией небесной. Этот огонь, эти громы, эта молния – молитва. Беги в келлию твою, падай ниц пред иконами, проси помощи против греха, проси победы над ним. То и другое подастся тебе свыше. Этот образ борьбы со грехом подала подвижникам Христовым великая подвижница Мария Египетская. Прочитай житие ее.

*Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов*⁹⁴, — сказал апостол. Пред теми же, которые позволи-

ли себе осуждать, Сам Богочеловек показался несовершенным! Святые отцы заповедают инокам помнить добродетели своих настоятелей, часто размышлять об их похвальных поступках, а на недостатки не обращать внимания, как на сучки, в сравнении с которыми наши немощи – бревна. Истинным покаянием и истинным смирением – они невидимы для людей – примири душу свою с Богом и ближними.

Мир тебе! Не засуждай себя излишне! Себя и поступки свои прежние, свою будущность ввергни в пучину милосердия Божия. Приготовься к борьбе со грехом, запасись мужеством и терпением. И да будет Господь с тобою!

Письмо 80

Орудия спасения

Един Бог – Вина бытия человеков. Он Един – Вина, по погибели человеков, пакибытия их, то есть спасения. Если Бог, уподобивший для твоей душевной пользы какое-либо орудие в свое время, – в другое время, отложил это орудие к стороне, то ты этим не смущайся. Бог спасет ими же весть судьбами, а не все одним и тем же способом. Прилепляйся к Богу верою, прилепляйся к Нему непрестанным покаянием: сердце сокрушенно и смиренно не уничижает и не отвергает Бог, – уничижающий и отвергающий разум разумных о себе и премудрость премудрых пред собою и пред боговраждебным миром. Будучи отдален от тебя телом, я столько же близок к тебе, как и прежде, моею любовью и желанием тебе спасения. Молись о мне. Благословение Божие да почиет над тобою.

23 декабря 1851 года.

Письмо 81

Не должно засуживать себя

Мы не должны засуждать себя за наше преткновение: не потому, чтоб какой бы то ни было грех был маловажен – нет! всякий грех есть язва, – а потому, что мы искуплены необъятною ценою – Кровию Богочеловека. Засуждающий себя впадает в отчаяние, а надеющийся на Христа приносит покаяние и исцеляет себя им. Покайся в твоём поползновении и приступи ко Христу, к Его Святым Тайнам, яко кровотоочивая.

3 марта 1854 года.

Письмо 82

Исповедование и борьба с греховными помыслами

Грех человека уничтожается исповеданием греха, а самые корни греха истребляются борьбою с греховными помыслами и повторением исповедания, когда помыслы начнут одолевать. Бог да простит тебе прошедшее и да укрепит на будущее время. Твое искушение — ничего не значащее, — оно было крепко оттого, что ты его скрывала. Перескажи его с раскаянием матери А., и когда помыслы начнут действовать, то повторяй исповедание с раскаянием. Великое счастье, когда при этой борьбе есть человек, которому можно исповедаться. *Противитесь диаволу, и бежит от вас*⁹⁵, — сказал святой апостол Иаков, — противьтесь, не соглашаясь со влагаемыми ими помышлениями, и исповедуйте их. Всякое лицо, чье бы оно ни было, когда является воображению, возбуждая нечистые мысли и помышления, есть лицо дьявольское, то есть самого дьявола, который во время греховного искушения предстает душе и обманывает ее принятою личиною, способною возбудить страсть, по настроению души. Сочетавшийся с греховными помышлениями и мечтаниями сочетается с самим сатаною и подчиняется ему в сей век и в будущий, почему необходимо бороться с помыслами. И са-

мое побуждение к ревности есть также диавольский обман, потому что тот, кто научает других мертвости ко всем, а потому и любви во Христе ко всем равной, не предпочитает одного другому, так как Христос, во всяком Своем образе, есть Един. Господь да возвратит тебе мир чрез истинное твое покаяние. Отпускается тебе грех твой, впредь не согрешай.

Письмо 83

Исповедь пред старцем

– залог спасения

Как зрение своих согрешений, так и сердечное исповедание их есть особенный дар Божий и испрашивается усердною молитвою. Умоляй милосердного Господа, чтоб даровал тебе этот дар – залог спасения, и сама понуждайся к откровенности, ибо враг рода человеческого ненавидит этот путь и всячески старается воспрепятствовать рабу Божию, желающему стяжать милость Божию частым исповеданием своих грехов. А для тебя этот путь необходим. Волю свою добровольно отсекай пред старицей. Милосердый Господь да поможет тебе во всем. Аминь.

Бог да благословит тебе приобщиться Святых Таин. Облегчение, чувствуемое тобою после исповедания твоих ползновений, свидетельствует, что твое спасение заключается в этом делании. Принуждайся со всевозможным усилием исповедоваться пред старицей: это поможет тебе вскоре. От того, что ты пожила долго в других монастырях без этого делания, тебе трудно приняться за него. Но преодолей себя!

Письмо 84

Об откровении помыслов

Нисколько не смущайся действующими в тебе бранями, сопряженными с тягостию, омрачением и унынием. Таким браням обыкновенно подвергаются все пришедшие от долговременной самочинной жизни к послушанию. Понуждай себя к простоте и откровенности пред старицею; от всех же других вполне скрывай свои брани, потому что такую преступную откровенностию повредишь себе и другим, которым отнюдь не полезно слышать о твоих бранях. Понуждай себя и паки понуждай; за твое постоянное понуждение к откровенности Господь даст тебе в свое время силу открываться с легкостью. А твое спасение единственно от твоей откровенности пред старицею. Без этого делания тебе не достигнуть ничего духовного и благодатного, а пребудешь плоть и кровь. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осеняет благодать Божия. Не принимай никакого вражеского осуждения, или смышления, или подозрения на твою старицу. Не ищи ее любви, но ищи своего спасения. Мужайся. Благословение Божие да будет над тобою, и благодать Божия да осенит тебя.

P.S. При решительном откровении согрешений делами, словами и помышлениями можно в один год преуспеть бо-

лее, нежели при посредстве других подвигов, самых многотрудных в течение десяти лет. Оттого враг и борет так сильно против этого спасительного делания.

Письмо 85

О борьбе со страстями и бесами

Сказал святой Иоанн Лествичник в 4-й степени: «Бес старается иногда осквернить послушников телесными сквернами и соделывает их жестокосердыми, подучая их быть — сверх обыкновения — тревожными, иногда же соделывает какими-то сухими и бесплодными, ленивыми к молитве, сонливыми и помраченными, чтоб их отторгнуть от повиновения, как не получивших никакой пользы от этого подвига, но и ощутивших душевный ущерб. Он не попутает им уразуметь, что смотрительное (бывающее по Промыслу Божию) отъятие мнимых в нас благ весьма часто бывает причиною глубочайшего смиренномудрия». Что бывает с монахами-послушниками, то бывает и вообще с монахами, живущими ради Бога. Враг ратует против них различными бранями, чтоб привести в безнадежие и отторгнуть от монашеской жизни или ввергнуть в нерадение. В особенности тяжка наводимая им блудная брань и преткновения, близкие к падениям, как их называет преподобный Исаак Сирский. Но верный раб и воин Христов на этой-то брани и доказывает свою верность Христу и веру в Него: он пребывает твердым, хотя бы понес бесчисленные брани. Так поступай и ты. Говори врагу: «Я отдалась Богу и решаюсь великодушно перенести все мои падения, сколько бы их ни было и как бы долго

они ни продолжались».

Бог да простит тебе прошедшее и да укрепит на будущее.

Письмо 86

О подвиге, превышающем силы

Будь мирна; подвига как телесного, так и умственного, превышающего силы твои, отрицайся. Господь любит смирение, а безумной ревности к сверхсильным подвигам, каким бы то ни было, не приемлет, потому что в стремлении к сверхсильному подвигу – гордость и самомнение. Подвиг сверх силы, по учению святых отцов, очень вреден и приносит или смущение, или самомнение, или то и другое попеременно, что и служит доказательством, что в сверхсильном подвиге нет истины, но он есть ложное состояние души.

Письменные опыты Ваши очень хороши, но и этим трудом надо заниматься с умеренностью. Тебе не должно утомлять ни души, ни тела.

Письмо 87

Подозрения, самосмышления, ревность внушаются врагом

Желаю, чтоб милость Божия покрыла тебя от всех искушений, наносимых врагом спасения нашего и собственными нашими страстями. Яко яда смертного, хранись от ревности, от подозрений на старицу и сестру. Искушение, тебя постигшее, должно показать тебе со всею ясностию, как бедственно вверяться наносимым от врага самосмышлениям и подозрениям, которых неправильность и злое происхождение познаются по производимому ими смущению.

Письмо 88

О терпении нашедшей скорби

Очень сожалею о постигшей тебя скорби! Тебе известно, что скорбь надо потерпеть в надежде на милосердие Божие и на помощь Божию. Возлагая все упование свое на Господа Бога, подвижник Христов должен и сам стараться об уничтожении причин скорби, если это зависит от него. Такое старание прилично и тебе. Искренне желаю тебе терпения и преуспеяния духовного. Если бы обстоятельства устроились так, что мне не пришлось бы видеть тебя во время сей земной жизни, то память о тебе останется неизглажденною в душе моей, и я усердно желаю помогать тебе моим убогим советом о Господе, когда такой совет мой понадобится.

Милосердый Господь да простит тебе все согрешения твои и да укрепит тебя против искушения твоего.

13 октября 1857 года.

Письмо 89

О посте – по вопросу крайне болящей инокини

Милосердый Господь учредил, при посредстве святых Своих апостолов и святых отцов, святителей и учителей церковных, различные душеспасительные подвиги, а между ними и пост святой, коим связывается и обуздывается плоть наша. По отношению всех этих подвигов должно помнить, что они для человека, а не человек для них, как и Господь сказал: *Суббота человека ради бысть, а не человек субботы, ради*⁹⁶. Сие должно разуметь и о посте. Почему, находясь в крайней немощи и не имея нужды удручать тело, а, напротив, имея нужду укреплять оное, нисколько не усумнитесь употреблять уху из рыбы во время нынешней Святой Четыредесятницы, ибо уха из рыбы менее даст крепости Вашему слабому телу, нежели сколько другому сильному хлеб и вода. Сердцеведец Господь, видящий немощь Вашу, не исключит Вас из числа постящихся. Так поступали многие великие угодники Божии, и между прочими, святой Епифаний Кипрский. Святой Исаак Сирский в 10-м Слове говорит: «Да не смятеши и отсечеши житие твое, еже подобно есть веризе духовной и за вожделение прилога мала труда да не останешься и престанеши от всего течения твоего. Яждь умеренно,

да не всегда яси. И да не простреши ноги твоя выше силы, да не отнюдь празден будеши». Этот премудрый совет великого наставника монашествующих вполне может быть применен Вам, потому что воздержанием, не соответствующим силам Вашим, Вы можете привести себя окончательно в слабость, лишитесь церковной службы и обществу Вашему, которому теперь приносите некоторую услугу, будете служить обременением.

Просящий Ваших святых молитв и любви о Господе — недостойный *Архимандрит Игнатий*.

2 марта 1846 года.

Письмо 90

О вновь вышедшей книге «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского». Об Иисусовой молитве

Позволяю себе послать к Вам вновь вышедшую книгу: «Житие и писания молдавского Старца Паисия Величковского», того благочестивого и духовнопросвещенного мужа, которому чада Православной Церкви обязаны за перевод с греческого на славянский язык «Добротолюбия», Исаака Сирского и других отцов. Во вновь вышедшей книжке, которую я давно знаю в рукописях, с особенною ясностию изложено учение, весьма приличествующее нашему времени, учение о Иисусовой молитве, о которой ныне по большей части имеют самое темное, сбивчивое понятие. «Иные», считающие себя за одаренных духовным рассуждением и почитаемые многими за таковых, «боятся» этой молитвы как какой заразы, приводя в причину «прелесть» – будто бы непремennую спутницу упражнения Иисусовою молитвою, – сами удаляются от нее и других учат удаляться. Изобретатель такового учения, по мнению моему, – диавол, которому ненавистно имя Господа Иисуса Христа как сокрушающее всю его силу;

он трепещет этого всесильного имени и потому оклеветал Его пред многими христианами, чтоб они отвергли оружие пламенное, страшное для их врага, спасительное для них самих.

Другие, занимаясь Иисусовой молитвой, хотят немедленно ощутить ее духовное действие, хотят наслаждаться ею, не поняв, что наслаждению, которое подает один Бог, должно предшествовать истинное покаяние. Надо поплакать долго и горько прежде, нежели явится в душе духовное действие, которое – благодать, которое, повторяю, подаст един Бог в известное Ему время. Надо прежде доказать верность свою Богу постоянством и терпением в молитвенном подвиге, усмотрением и отсечением всех страстей в самых мелочных действиях и отраслях их.

Представляемая мною книга показывает непрелестный образ упражнения Иисусовою молитвою, состоящий в тихом произношении ее устами или и умом, непременно при «внимании» и с чувством «покаяния». Дьявол не терпит воню покаяния; от той души, которая издает из себя эту воню, он бежит прочь с прелестями своими. Проходимая таким образом Иисусова молитва – превосходное оружие против всех страстей, превосходное занятие для ума во время рукоделия, путешествия и в других случаях, когда нельзя заняться чтением и псалмопением. Таковое упражнение молитвою Иисусовою приличествует всем вообще христианам, как живущим в монастырях, так и живущим посре-

ди мира.

Стремление же к открытию «сердечного духовного действия» приличествует наиболее, почти единственно инокам, – и то познавшим подробно борение со страстями, при удобствах, доставляемых местом и прочими обстоятельствами. Если же кто бы то ни был, движимый, по выражению святого Иоанна Лествичника, гордостным усердием, ищет получить преждевременно сладость духовую, или сердечное молитвенное действие или какое другое духовное дарование, приличествующее естеству обновленному, тот неминуемо впадает в прелесть, каким бы образом молитвы он ни занимался, псалмопением ли или Иисусовою молитвою. Это привелось видеть и на опыте. Упоминаемый в житии Пахомия Великого прельщенный старец, стоя по действию прелести на раскаленных углях босыми ногами, произносил молитву Господню «Отче наш». Причина прелести – не молитвословие, не псалмы, не каноны и акафисты, не молитва Иисусова, – нет! Сохрани Боже всякого от такового богохульства! Гордость и ложь – вот причины прелести! Гордость и ложь, которых виновник – диавол. А он, чтоб свалить с себя вину, дерзостно и богохульно оклеветал Иисусову молитву, – сам же встал в стороне, как ни в чем не повинный. Ныне многие хлопочут, остерегаются и других остерегают от молитвы Иисусовой, утверждая, что должно от нее удаляться как от причиняющей прелесть; а о диаволе, настоящем виновнике прелести, ни слова, – совсем забыли. Ах! Какая

явная хитрость диавола! Как он прячется искусно.

Очень огорчает меня, что ныне так утерян людьми истинный духовный разум, а разные ложные, вполне ложные мысли, получили такую силу!

Книга Паисия имеет значительные недостатки в литературном отношении. Что до того? Часто смиренные пустытники, выходя из пустынь своих, лишь прикрытые рубищем, словом скудным и нескладным возвещали христианскому миру святую и спасительную истину; напротив того, сколько видим книг, убранных звучными словами, в стройном систематическом порядке, — а они заключают в себе яд, убивающий души!

Письмо 91

К некоторому настоятелю.

О любви к братии, об умной молитве и о покаянии

Что скажу на письмо Ваше? Увы! Нетленной и блаженной святости не вижу в себе и следа! Не от действия благодатного смирения, но самым опытом, самими грехопадениями моими убеждаюсь, что я грешен. Желал бы непрестанно зреть грехи мои и плакать о них, но скрадывают и омрачают меня забвение, рассеянность, нерадение мои! Вы изволите писать, что в письмах моих к Вам я не решался ни на какое слово, назидательное для Вас собственно. Как мог я решаться на него, имея тяжкое бревно во оке души моей, заграждающее от меня зрения грехов моих и преграждающее ток слезам моим? Говорю только вопрошающим, и то, когда уверен, что вопрошают искренне, по требованию души, а не мимоходом или по любопытству. И ныне, получив письмо Ваше, я умилился окаянным сердцем моим и беру перо для ответа Вам, единственно с тою надеждою, что милосердый Господь, видя истинную нужду души Вашей и веру Вашу, дарует слово полезное, а мне простит мое дерзновение по тесноте нынешнего времени, в которое весьма оскудело истинное духовное знание. Поелику же пишу к рабу Божию и ради Бога, то остав-

ляю все соображения мира, чтоб, увлекшись каким-нибудь побуждением человеческим, не соделаться мне предателем души Вашей, прибегшей ко мне за советом о Господе и имеющей обвинить меня пред Господом на Страшном Суде Его, если я в этом суетном веке поврежу совет мой лицемерством, лестию и человекоугодием.

Верую по преданию Церкви и с Церковию, что всякий православно верующий во Христа и исполняющий заповеди Его, а нарушение заповедей очищающий покаянием, спасется. Так сказал Сам Господь юноше, спросившему Господа, как ему спастись. Но есть еще и другая цель христианства, для которой в особенности назначаются иноки, цель достигаемая и не достигаемая: христианское совершенство. Путь к этому совершенству есть очищение себя заповедями Нового Завета, Евангелием, руководствуясь которым сын ветхого Адама может усыновиться Новому Адаму. *Всяк имея сию надежду, – говорит святой Иоанн Богослов, – очищает себя, якоже Он чист есть*⁹⁷. Но новая заповедь *широка* есть зело!⁹⁸ Говорит новая заповедь: «Кто хочет приобрести душу свою, да *погубит* ю»⁹⁹. Что значит погубление души? Отвержение действий по собственным чувствам и понуждение себя к действию по заповедям евангельским. Евангелие действующему таким образом сообщает свой разум и свои ощущения, принадлежащие к естеству нового человека, обновленного по подобию Создателя и Икупителя нашего. В этом

состоит принуждение и насиливание себя, предписываемое Евангелием. Это значит совет, так часто повторяемый святыми отцами: «Даждь кровь и приими Дух». Отсеки себе свойства падшего естества и привей к себе свойства естества обновленного Христом.

Не только «плоть», но и «кровь» Царствие Божие не наследят. Но как *Царствие Божие внутри вас есть*¹⁰⁰, то должно из этого заключать, что доколе возбуждаются и сопровождаются в нас сердечные ощущения движениями крови, дотоле мы чужды духовного действия, истекающего от Бога. По духовном, Божественном действии кровь умолкает и бывает «тишина велия». Тот святой мир, который не в нашем падшем естестве, но дарован и даруется Господом, мир, превысший всякого ума, нисходит в душу. Он изливает священное спокойствие в ум, сердце и тело раба Христова, соединяет сии три воедино и представляет их Христу, погруженных в бездну смирения, приведенных в состояние о Христе. Это состояние принадлежит естеству обновленному. Приглашаемый Вами преподать Вам совет душеполезный, совет о Господе, отвлекая внимание от смердящих язв души моей и, обращаясь к Вам, говорю Вам ради Бога с сердечным плачем следующее: у Вас пылает естественный огонь, и кровь Ваша жива. По этой причине нет места в сердце

Вашем для того Божественного огня, который свергнуть в нас пришел Господь и которым потушается огонь естественный. «Глаголай обоя имети, – говорит святой Иоанн Ле-

ствичник, – прельсти себе». В Вас – движения, именно зависящие от крови; они препятствуют явлению движений духовных, держат душу Вашу в темноте, в каком-то нерешенном состоянии, Вами ощущаемом, но не понимаемом. Не понимаемом, потому что таковые движения могут сообщать только мнение знания, а не знание ясное, точное, как истинное. От того-то совесть Ваша, когда Вы рассматриваете себя и вникаете в себя, отвечает Вам невнятным, страшным голосом самомнения. Вы нуждаетесь в утешении. Да утешит Вас Истина!

В двух отношениях рассмотрим предмет, о котором теперь беседуем: в любви к ближнему и в действии умной молитвы.

Вы живы для человеков. Вы любите их огнем естественным. От того и человеки для Вас живы, а Христос – мертв. (Не смутитесь словами моими: выше я отличил спасение от совершенства, оставив говорить о первом, как по милости Божией для Вас верном, говорю о пути ко второму, об очищении.). Во 2-й части «Добролюбия», в книге иноков Каллиста и Игнатия, в главе 37-й приводятся следующие слова Великого Варсонофия: «Еже не вменитися в человецех, сотворит тя вселитися во граде, а еже умрети от всякаго человека, сотворит тя наследовати град и сокровища». Не убойтесь этой смерти, от нее рождается новая жизнь. Когда оживете новою жизнью, то увидите, что жизнь, умерщвления которой требует от нас Бог, есть смерть. Это та смерть, которую

умер Адам немедленно по вкушении от запрещенного древа, ожив в смешанные познания и ощущения добра и зла. Скажите Богу о всех родственниках Ваших живых и почивших, скажите о братьях обители Вашей, о всех любимых Вами: «Господи! Это все Твое, а я кто?» Точно, все это – Божие, Божие не будем похищать себе. И мнимо любимым нами вернее быть Божиими, нежели нашими. Не правда ли? Если правда, то примем правду во спасение. Умрем для естественной любви к ближнему и оживем новою любовью к нему, любовь в Боге. Тогда умрем естественною, смешанною любовью к ближнему, когда «не вменим себя, – по совету Великого Варсонофия, – в человецех», когда оплюем себя, как некую мерзость. Послужим ближнему в служении нашем, не как отцы чадам, но как рабы Господам, как непотребные слуги Святым Ангелам. Этого и Павел хотел, и он так мыслил! *Не себе проповедаем, – говорил он коринфянам, – но Христа Иисуса Господа, себе же самехрабов вам Иисуса Господа ради*¹⁰¹. Божие отдадим Богу. Не будем мнением присваивать себе Божие: от нашего мнения Божие не сделается нашим, а только мы будем обманываться пустым, достойным смеха и вместе плача самообольщением. Когда же смиримся, то Бог Свое может нам дать; тогда оно точно сделается нашим по благодати. Таким образом святые, соделавшись сосудами Святого Духа, соделались и отцами в Духе, имели чад в Духе. Заповедь Христова: «Не нарицайте себе отца на земли, ни учителя на земли»¹⁰², оставалась ненарушимой. Ко-

гда Анания и Сапфира солгали пред апостолом Петром, то пали мертвыми; а апостол объяснил их вину, что они солгали Богу, хотя пред собою видели не Бога, а только человека – апостола. Но этот человек был сосуд Святого Духа; сделанное по отношению к нему, отнеслось к Богу. Многие из святых называли чадами тех, которым они сообщали жизнь Духа. И то было истинно, потому что словам сопутствовало самое дело. Но мы, не имеющие в себе явного обитания Духа, можем ли сами присваивать себе то, что дает только Бог. Не страшное ли это святотатство? Не самообольщение ли это, достойное по производимому им ложному состоянию горького плача? Те из святых отцов, в которых обилие благодати не проливалось так, как в апостолах и других величайших угодниках Божиих, не дерзали называть себя учителями и отцами. Из них преподобный Нил Сорский в предисловии к своему Скитскому Уставу говорит: «Не называю вас учениками моими: один у нас Учитель Христос» и проч. И это по завещанию апостола, который говорит: *Аще кто глаголет, яко словеса Божия, аще кто служит яко от крепости, юже подает Бог, да о всем славится Бог Иисусом Христом*¹⁰³. Повсюду умерщвленное «я»! Повсюду Христос живой и подающий жизнь. Смирение убивает естественную любовь. А если она умирает от смирения, то жизнь ее составляется гордостью. Принадлежа к свойствам ветхого Адама, она требует умерщвления и воссоздания Духом. В ней живет идол «я», поставленный на престоле татебно вкравшегося самомнения

и завешивающийся завесою будто бы добродетели.

Апостол Павел не любил этой любви в учениках своих к себе, за нее называл он их плотскими. Вооружаясь против нее, он писал против себя, желал во мнении учеников низложить, уронить, уничтожить себя. *Еда Павел распятыся по вас*, – говорил он им. – *Ктоубо есть Павел? Аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти; темже ни насаждаый есть что, ни напаяый, но возвращаый Бог*¹⁰⁴. Видите, как ревностно ищет великий апостол, чтоб верующие во Христа были мертвы для человеков! Оживление для человеков есть умерщвление по отношению ко Христу, а следовательно, и ко всему Божественному и духовному, потому что Христос есть Единый ходатай между Богом и человеками.

Возревновали некогда ученики Иоанна Предтечи, узнав, что все идут во след Иисуса, – и отвечал им великий Предтеча: *Имели, невесту жених есть; а друг женихов, стоя и послушал его, радостию радуется за глас женихов. Сия убо радость моя исполнися. Оному подобает расти, мне же малитися*¹⁰⁵. Великие слова! Святые слова! Точно – тогда исполняют обязанность свою наставники, когда они ищут, чтоб в душах, приводимых ими ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. Они желают умалиться во мнении своих водимых, лишь бы возвеличился для них Христос, тогда эти наставники ощущают полноту радости, как достигшие конца своих желаний. Напротив того, те, которые приводят вверенные их руководству души к себе, а не ко Христу, ска-

жу безошибочно, прелюбодействуют.

Теперь, с Божиего помощью, несколько слов о молитве! При упражнении ею равно могут быть действия, прямо зависящие от крови, а неопытный делатель может принять их за благодатные, как сказано в 4-й части «Добротолюбия», в статье святейшего Каллиста, патриарха Константинопольского, под заглавием: «Образ внимания молитвы». Можно найти в действиях, происходящих от крови, некоторую сладость и возомнить, что это молитвенное услаждение. Таковая мысль – заблужденная, это – самообольщение, именуемое отцами «мнением». О «мнении» говорит святой Иоанн Карпафийский в конце 49-й главы, что оно есть упитательство души (упоеание души, довольной собою, своими мнимо сладостными состояниями) и мнение «суетное ума», происходящее от такового довольства или упитательства. В этом состоянии самообольщения, называемого «мнением», находились те, к которым писал святой апостол Павел: *Се сьти есте, се обогатистесь, се насладистесь*¹⁰⁶. Если бы они точно обогатились, к чему б обличение? Если же апостол их обличает, то значит, что они имели только мнение богатства. «Мнение не попускает быть мнимому», – говорит святой Симеон Новый Богослов. Итак, может быть мнение молитвы, препятствующее познать и вкусить истинное молитвенное действие. О таких самомнительных сказала Пресвятая Владычица наша Богородица, Приснодева Мария: *Алчущия исполни благ, и богатящиеся отпусти тищи*¹⁰⁷. *Суть богатяще себе, – го-*

ворит Писание, – *ничего же имуще: и суть смиряющиеся во мнозе богатстве*¹⁰⁸. Как можно богатиться скудным? Явно – мнением. Но участь их достойна сожаления: в то время как алчущие исполняются благ, они отходят с пустыми руками. А в будущем веке и *еже мнится* имети, *взято будет от него*¹⁰⁹ (мнителя). Богатство мнимое может ли быть существенным? При обличении, отвержении на Суде Божиим самого мнения, с чем останутся имевшие лишь одно мнение? С пустыми руками.

Что сказать об ощущаемых Вами действиях при молитве? Они решительно кровавые; нельзя Вам не признать, что действует и мнение. Совесть Ваша, подозревающая справедливость и правильность этих действий, сомневающаяся в них, уже может служить достаточным обличением. Вдобавок Вы темны: Божественное действие просветило бы и удовлетворило Вас, удовлетворило бы не ощущением сладости, а познанием Истины, от чего является в совести чудное спокойствие, извещение. Действует теплота по наружности Вашего тела, но Вам совершенно неизвестно (это может быть постигнуто только опытом), каким образом душа движется в соединение с умом, влечет за собою тело, каким образом в хладе тонком и мире глубоком человек, соединенный сам с собою, превысший всякой борьбы, чуждый всякого греха, одеянный в покаяние, предстоит пред лицом Господа чистою молитвою, объемлющею все его существо – и самое его брение. Тогда умолкает кровь, бежит прочь мнимая сладость, чело-

век зрит, что он существо падшее, наставляется покаянию, которое должно объять его, соделать для него возможным очищение, чрез очищение – соединение с Богом. Покаяние должно быть душою молитвы, без него она мертва, смердит вонью мнения гордостного и обольстительного! Покаяние – единственная дверь, посредством которой можно о Господе обрести пажить спасительную. Вознерадевший о покаянии чужд всякого блага.

У Вас кровь жива, а душа мертва. Для оживления души нужен Дух. С живою душою сотворен был Адам, то есть душе его соприсутствовал Дух Божий и приводил ее в движение; почему движение это было движением духовным, в Боге. При согрешении Адама отступил от него Дух Божий: душа Адамова тут же умерла, а ожили плоть и кровь. Посредством их диавол начал действовать на душу, содержать ее в омрачении, смерти, пленении. От того-то нужно умерщвление не только плоти, но и крови: если же не умертвится кровь, то, несмотря на молчание плотских страстей, диаволу довольно посредством крови держать душу в плене действием душевных страстей. Если душа не предпочистится и не умилостит Бога покаянием, то никаким образом невозможно ей ощутить действия духовного. Если же не оживет таким образом (движение есть верный знак жизни), то никак не возможен познать и узреть душевных страстей. А не узрев уз своих, возможен ли освободиться от них? Находясь в этих узах, она находится в области диавола, который держит ее в

своём омрачении и мертвости.

«Какое движение души? – Вы спросите. – На ум плотский и на сердце плотское не взыде». Отвечаю: чтоб душа могла быть способна к такому движению, чтоб существовало такое движение души. Спросите у покаяния: пусть оно доставит Вам опытное знание этого блаженного движения. Иначе нельзя узнать его как опытом; слова слабы, чтоб изобразить его: оно не принадлежит к тленному миру. Веруйте, с простотою вдайтесь в покаяние, – и «Божие само по себе придет» к Вам, как говорит святой Исаак Сирский. Бог верен: толкущим отвергает, плачущих утешает, нищим духом дарует Царство Небесное. Не думайте о покаянии легко: это душа всех подвигов, это общее делание, которое должно одушевлять все прочие делания. Одни, пребывающие в истинном покаянии, достигли истинного преуспевания. Оно есть то существенное делание, которое предуготовляет нас к явлению в нас Царства Небесного. Сам Спаситель возвестил это! *Покайтесь*, – сказал Он, – *приблизися Царствие Небесное*¹¹⁰. Милосердый Господь уготовал нам дивное, Небесное, Вечное Царство, указал дверь, которою мы можем войти в спасительную пажить Духа и Истины, дверь покаяния. Если пренебрежем покаянием, – без всякого сомнения, останемся вне. Добрые дела естественные, по чувствам, никак не могут заменить собою покаяния. Святой Симеон Новый Богослов, исчисляя благодеяния, полученные им от его наставника, Симеона Благоговейного, говорит: «Он преподал мне

покаяние!» И как не считать благодеянием указание средств, которыми одними только приобретаются вечные, неизреченные сокровища. В покаянии – вся тайна спасения. Как это просто, как ясно! Но как поступаем? Оставляем указанное нам Богом спасительное покаяние и стремимся к упражнению в мнимых добродетелях, потому что они приятны для наших чувств, потом мало-помалу, неприметным образом, заражаемся мнением, и как благодать не спешит осенить, увенчать нас, то мы сами сочиняем в себе сладостные ощущения, сами себя награждаем и утешаемся сами собою!

Не смешно ли это? Не глупо ли это? Не гордо ли и дерзостно? Перестанем шутить с Богом (простите выражение неприличное, которое я не остановился употребить потому, что им в точности изображается наше поведение!), будем жить пред Ним в постоянном покаянии. Время приблизилось, Страшный Суд для нас готовится, на нем будем мы судимы не по мнениям нашим, которыми мы себя льстили, но по Истине. Предупредим страшное бедствие покаянием, отвратим вечный плач – плачем временным. Опомнимся, грешные! Пробил уже единонадесятый час, и поприще делания скоро, скоро окончится. Но еще есть время осудить себя, чтоб не быть осужденным Богом. Доселе мы себя оправдывали.

Прекрасный слог Ваших писем всегда напоминает мне письма Великого Варсонофия. Ваши выражения живы, пламенны, сильны. Такова внешняя сторона, но если судить в

духовном отношении, то должно сказать другое. Письма Великого Варсонофия оживлены Духом, в них – человеческое мертво, жив один

Дух Святой. Ваши письма оживлены кровию и огнем естественным, в них Вы живы, живы человеки – Бога нет!

Вы изволили писать: «Братской, дружеской, трепетной заботы о нуждающемся в помощи я не находил» (то есть Вы в моих письмах) и проч. Вот прямое изображение действия в Вас с оживлением человека. От чего упоминаемый Вами трепет в письмах, как не от приведенной в особое движение крови?

Еще изволите писать: «Не приятно ли было Вам видеть свое доброе чадо о Дусе Святе, нашего брата» и проч. Вот оживление человека с мнением прелестным и напыщенным.

Эти статьи привел я Вам как образчики, но и все целое оквашено одним и тем же квасом, квасом ветхости Адамовой. Поймите, что в нас, человеках падших, действует смешанное познание и ощущение добра и зла, приобретенное грехопадением Адама. Христос уничтожает это смешение Евангелием, заменяя сложные познания и ощущения простыми. Но как падшим и погибшим не свойственно наслаждение, даже естественное, по причине повреждения естества (возбраняется употребление и прекрасного напитка, в который опущено хотя немного яду!), то дано нам Спасителем в общее и непрестанное делание драгоценное покаяние.

В него вложено милосердым Господом краткое и сми-

ренное утешение, состоящее в облегчении совести, в явлении надежды спасения, что называется святыми отцами «извещением». Какое приличное наслаждение для грешников! Как милосердие Господне велико и премудро!

Для того, кто с верностью и постоянством пребывает на пути покаяния, неизреченно благий Господь умножает утешение, умножая умиление и ощущение ничтожности человеческой. Избранных же Своих и вернейших рабов запечатлевает отселе Духом Святым и вводит по временам во вкушение будущего века. Они точно по временам делаются участниками несказанного духовного утешения. Кто же сам сочиняет себе наслаждение, тот в явном бесовском обольщении!

Думаю, что я окончил возложенное Вами на меня послушание. Сделайте и для меня нечто. Умолите Господа, чтоб Он простил меня, дерзнувшего в этом письме на обличение тайных недостатков ближнего, об очищении от коих молится святой Давид, называя их, впрочем, грехом великим, как решительно прекращающим духовное преуспеяние. *От тайных моих очисти мя,* – говорит он, *– йот чуждых пощади раба Твоего... тогда непорочен буду и очищуся от греха велика*¹¹¹. Мои грехи, не только тайные, но и явные, мои грехопадения совершаются на самом деле, запечатлеваются нечувствием! Следовало бы мне молчать: молчание свойственно преступнику, не имеющему никакого оправдания и приговоренному к казни. Единственно по скудости наших времен, я

решился написать к Вам, видя точную нужду Вашу и понимая, что по искренности Вашего нрава Вы способны к преуспеянию.

Письмо 92

К брату, занимающемуся умною молитвою. Наставление в духовной жизни

Сердце мое говорит больше, нежели сколько может выразить слово. И странно! Едва сердце мое захочет начать беседу с тобою, как впадает в него ощущение молитвы, уносит меня в тот мрак, который служит закровом Богу, светом для разумных Его тварей. Несись туда и ты! Хорошо – забыть человека в Боге, потому что помнит его Бог. Хорошо – быть мертвым для человека в Боге; это – истинная жизнь, жизнь – Духом. Дух и мертвит и живит. Разумевающий да разумеет, а от недостойного да скроется слово духовное в неприступном для плотского ума свете своем.

Отсюда, из мрака или с неба – назови, как хочешь – смотрю на тебя. Утешаюсь тем, что ты захотел принести сосуд свой в служение Богу, – не на другое служение, временное, пустое, тленное. Благословляю за это Бога, славословлю Его!

Взгляни: человек, отовсюду ограниченный человек, сколько придумал, сделал вещей для удовлетворения многообразным нуждам и прихотям своим! Несравненно удивительнее Премудрость Всепремудрого и Всемогущего Бога в уготованных ею бесчисленных, разнообразных сосудах ра-

зумных. Каждый сосуд – с отдельною, ему собственно принадлежащею способностью! Всякий сосуд – вместилище какого-нибудь особенного духовного дарования. Иной способен к служениям, совершаемым телом; иной – к делам милосердия; иной – к молитве и безмолвию; иной – с способностью созидать души словом Истины и Духа; другой – со способностью управлять людьми, устраивать их; иной – со способностью доставлять обществу человеков нужное для временного их существования – пищу, одежду, дома и тому подобное. Твой сосуд – для таинств Духа. Дух Божий – Свят, – почивает только в чистых, святых. Вычистись Истиною, – не человеческою, глупою истиною, – Истиною Божественною, сошедшею к человекам с неба, хранимою для человеков во Святом Евангелии. Она говорит: *Научитесь от Мене яко кроток есмъ и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим*¹¹². Этот покой – место Духа Святого: *в мире*, – говорит Писание, – *место Его*¹¹³. Свойство Божественной Истины – очищать, освобождать. Сказал Господь: *Аще вы пребудете в словеси Моем, воистину ученицы Мои будете. И уразумеваете Истину, и Истина свободит вы*¹¹⁴. Он молился Отцу о учениках Своих: *Святи их* (то есть запечатлей Духом Святым) *во Истину Твою: Слово Твое Истина есть*¹¹⁵. А ученикам Своим сказал: *Уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам*¹¹⁶. Посему желающий уразуметь Истину, быть очищенным, освобожденным Ею должен изучать разумом и деянием

евангельские заповеди, хотя бы это и было сопряжено с усилием сердца, стяжавшего грехопадением богопротивные наклонности и влечения. В заповедях – Истина, в заповедях – смирение, в заповедях – любовь, в заповедях – Дух Святой. Все это засвидетельствовано Писанием. *Вся заповеди Твоя Истина*¹¹⁷, – воспевал боговдохновенный Давид; *имели заповеди Моя*, – сказал Господь, – *и соблюдая их, той есть любяй Мя*¹¹⁸. *Будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пробудите в любви Моей*¹¹⁹. *Глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть*¹²⁰. К тому, кто исправлен, предочищен Истиною, приходит Дух Святой, как Дух Истины неожиданно, непостижимо проникает в ум, душу и тело, обновляет, возрождает человека в жизнь духовную. *Привлечох Дух, яко заповедей Твоих желях*¹²¹. Евангельские заповеди да будут предметом твоего учения, размышления, деятельности всей жизни. *Иже будет во Мне, и Аз в нем*, чрез соблюдение евангельских заповедей, – сказал Господь, – *той сотворит плод мног*. Напротив того, *без Мене не можете творити ничесоже*, то есть никакой духовной добродетели. Добродетели же, свойственные всему падшему человеческому естеству, – как бы ничто, не имеют никакой цены пред Богом, подлежат огню геенскому. *Аще кто во Мне не пребудет*, соблюдением евангельских заповедей, *извержется вон, якоже розга, и изсышит; и собирают ю и во огонь влагают, и сжарает*¹²², несмотря ни на какие добродетели естества пад-

шего.

В молитвах твоих погружайся весь в покаяние. Есть состояние обновленное, – это знаешь; а находишься в состоянии ветхости! И потому пребывай в непрестанном сетовании, в печали спасительной. Отвергнись себя! Не имей душу свою *честну себе*¹²³, по примеру святого апостола. Оценивай себя только осуждением себя. Будь бескорыстен пред Богом. Никак не позволяй себе ожидания благодати: это – состояние и учение находящихся в самообольщении, отпавших от Истины. Стремись узреть грех твой и возрыдать о нем: это твое дело. А Бог сделает Свое дело, потому что верен, дал обетование и исполнит его. Благодать – Его! Дать ее – Его дело. Не сочти свои ризы чистыми, достойными духовного брачного чертога, сколько б ты их ни омывал: Судия твой – Бог. Мне понравилось служение твое родителю твоему. Пусть причиною этого служения будет не союз крови, а заповедь великого Бога, сказывающего: *Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет*¹²⁴. Повсюду замени плоть и кровь Христом. Он отделит тебя от земли и вознесет к Себе на Небо. Выписываю для тебя некоторые изречения святых отцов.

«Брат спросил Великого Сисоя: как мне спастись, как угодить Богу? И отвечал ему старец: если хочешь угодить Богу, – отступи от мира, отступи от земли, оставь тварь, приди ко Творцу, совокупись с Богом посредством молитвы и плача, и найдешь покой в этом и будущем веке».

«Сказал Великий Варсонофий: если оставишь попечение

о всякой вещи, то это приблизит тебя ко граду. Если не будешь вменять себя в человеках – это вселит тебя во град. А если умрешь от всякого человека, – этим наследуешь град и его сокровища».

«Брат спросил авву Пимена: что мне делать со страстями, смущающими меня? Старец отвечал: будем плакать пред благодатью Божиего, доколе Бог не сотворит с нами Своей милости».

«Другой брат спросил того же Великого Пимена: что мне делать с грехами? Старец отвечал: хотящий очиститься от соделанных им грехов плачем очищается от них, и хотящий сохраниться от впадения в новые грехи плачем сохраняется от них. Это путь покаяния, преданный нам Писанием и отцами, которые говорили: плачьте, потому что другого пути, кроме плача, нет».

«Великий Пимен говаривал: начало зол – рассеянность».

«Он же говаривал: если человек во всяком обстоятельстве будет обвинять себя самого, то везде устоит».

«Еще он говорил: если будешь молчалив, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил».

«Написал святой Иоанн Лествичник: исходящий телом, но неисходящий словом – кроток, весь – дом любви».

«Он же написал: затворяй дверь келлии для тела, дверь языка – для разговора и внутреннюю дверь – для духов лукавых».

Следующую заимствованную из 41-го Слова святого Иса-

ака Сирского, сокращая: «Более всего возлюби молчание, потому что оно приблизит тебя к плоду. Слова недостаточны, чтоб поведать о нем. Сперва понудим себя молчать; тогда от молчания родится в нас нечто, которое будет наставлять нас молчанию. Да даст тебе Бог ощутить нечто рождаемое от молчания. Если начнешь жить этим жительством, — не знаю, сколько свету воссияет тебе отсюда. Не подумай, что поведуемое молчание дивного Арсения было следствием его свойства естественного. Нет! Он сперва понуждал себя к молчанию. При этом жительстве рождается в нас множество слез и видение чудное. Велик человек, имеющий в душе обычай молчания. Молчание воспомоществует безмолвию. Нам, живущим между многими, невозможно избежать встреч с людьми; даже равноангельный Арсений, возлюбивший более всех безмолвие, не возмог устранить от себя встречи. Невозможно не встречаться с сожительствующими нам отцами и братьями — и нечаянно, ходя в церковь, и при других случаях. Видя это, достоблаженный муж приучил себя, наставляемый благодатию, ко всегдашнему молчанию».

В 20-м Слове святой Исаак научает инокa говорить, обращаясь к душе своей, так: «В безумии прожил ты жизнь твою, срамнейший человек, достойный всякого наказания. По крайней мере сохранись в этот день, оставшийся от дней твоих, истраченных вотще, скудных делами благими, богатых делами злыми. Исшел ты из мира таинственно, вменился мертвым ради Христа; не оживай снова для мира и для всего

того, что принадлежит миру, – предварит тебя покой, ты будешь жив о Христе. Готовься и приготовься ко всякому поношению, ко всякой досаде, поруганию и укоризне от всех. Прими все это с радостью, как точно достойный того. Претерпи с благодарением Богу всякую болезнь, скорбь и беду от бесов, которых волю ты совершал. Претерпи всякую нужду и горести естественные! Претерпи с упованием на Бога лишение телесных потребностей, долженствующих чрез краткое время превратиться в гной. Подклони выю всему этому в надежде на Бога, не ожидая ни от кого другого избавления или утешения, но возверзи на Господа попечение твое и во всех искушениях осуди себя самого, как причину их. Не соблазнись ничем, не укори никого из оскорбляющих тебя, потому что ты вкусил от запрещенного древа и стяжал различные страсти. С радостью прими эти горькие врачества: пусть сии потрясут тебя немного – и ты впоследствии усладишься. Увы тебе! увы твоему смрадному тщеславию! Душу твою, исполненную всяких грехов, ты оставил без внимания, как бы не подлежащую никакому осуждению, а занимался осуждением других, осуждал их и словами и помышлениями».

«Феофил, патриарх Александрийский, посетив безмолвников горы Нитрийской, спросил их авву, великого угодника Божия: что нашел ты на пути иноческой жизни особенно важное? Духоносный старец отвечал: то, чтоб во всем обвинять себя и непрестанно укорять себя».

«Преподобный Пимен Великий называл самоукорение тою сваею (бревном, вбиваемым в землю), к которой привязывают ладью душевную во время бури».

Вот образцы и свидетельства подвигов, тебе свойственных, могущих принести душе твоей обильную пользу, доставить тебе прочное духовное воспитание. Не подумай, что для научения безмолвию необходим затвор или глубокая пустыня. Нет! Гораздо лучше научиться ему между людьми при посредстве душевного подвига. Сами падения, невидимые ближними, видимые и ведомые Богу и совести, падения ума и сердца послужат к пользе, содейвая тебя искусным в борьбе со грехом, открывая тебе всю немощь человека. Подвижник, воспитанный между людьми силою невидимого внутреннего подвига, бывает прочен, богат знанием и опытностью духовною, исполнен смиренномудрия, для ближнего – пристанище, сокровище. Он подобен дереву, выросшему на открытом холме, подвергавшемуся ветрам порывистым и всем другим непогодам; такие деревья глубоко пускают в землю корни, бывают особенно сочны, полны жизни и силы. Напротив того, питомец затвора и уединенной пустыни подобен цветку и дереву, воспитанному и возлелеянному в оранжерее. Ему свойственна пагубная изнеженность: при малейшем ненастье он уже страдает, ненастье – немного посильнее – он умирает. Совершенное уединение, по правилам духовного закона, допускается только тем, на подвиг которых, как выражается святой Иоанн Лествичник, низошла благо-

датная роса Святого Духа. Для таких – точно полезно, нужно строгое уединение, чтоб при помощи его свободно предаться учению и водительству Духа, о чем говорить ныне не время.

Мы еще не довольно знакомы... Говорю так, чтоб не сказать: ты еще мало знаешь меня. Поэтому нужно нам условиться. Если я и недостойн называться человеком, имея в себе много скотского и бесовского, то ты, по любви твоей ко мне, припиши мне достоинство человека или, по крайней мере, достоинство разумной твари, хотя и запечатленной горестным грехопадением. Сын Божий называет Себя в Евангелии Сыном Человеческим; Бог, явившись между человеками, не принял на Себя никакого выдуманного падшими человеками титула, именует Себя наименованием, данным нам Богом, Который пред нашим сотворением совещался Сам в Себе таинственно: *Сотворим человека*¹²⁵. Сын Человеческий!.. Как мне нравится это наименование! Какое прекрасное наименование! Смирненное и возвышенное наименование! Как наставительно и утешительно звучит в ушах моих!.. Люди не захотели этого наименования, им понадобилось: Высокопреподобие, Высокоблагородие... Какая бессмыслица! И поведение их, подобно именам, сделалось бессмыслицей, карикатурой уродливой, в которой гордое в соединении с глупым. На конверт, позволяю, пиши какую хочешь бессмыслицу, но в письме будь как человек с человеком, как сердце с сердцем, пред очами Всесвятого Бога. Пусть сердце твое беседует со мною просто, искренне; каждое слово твое

пусть будет для истины. А Бог! Будет, как и есть, свидетелем бесед наших, которых причина и цель – Он, и наше в Нем спасение.

Назначение этого письма – удовлетворить не общей, – частной нужде, твоей нужде; оно написано под влиянием твоего душевного состояния. Это не универсальное лекарство, – частное, твое! Ты читай это письмо и перечитывай, переноси слова его с бумаги в сердце; ты пей из этой чаши здравие душевное; а другим она может принести только недуг, послужить поводом к пустым суждениям, пересудам, к зависти, к составлению ложных догадок и мнений. Скрой от всех письмо, строки, букву; пусть способные читать сердцем и умом прочитают его в твоём поведении и прославят Бога, хотящего, чтоб все человеки спаслись, пришли в познание Истины.

Бабаевский монастырь.

5 сентября 1847 года.

Письмо 93

К брату, занимающемуся умною молитвою. Наставление в духовной жизни

Первое письмо твое от 7 сентября я получил. Уже много было написано в ответ на него в письме моем от 5-го. И поэтому я положил себе: дожидаться ответа и тогда на два твои письма отвечать вместе – что Бог вложит в мое недостойное сердце, у которого в распоряжении едва пишущая от слабости рука. Я постоянно болен и хил, в особенности по зимам; ныне же вдобавок принимаю лекарство, которое врачует боли, но ослабляет силы. Думал я написать некоторые подробности о духовном делании, тебе идущем. Останавливаясь исполнить это до другого времени; спешу, получа второе твое письмо, способствовать сколько-нибудь, с Божиего помощи, восстановлению в тебе нарушенного спокойствия душевного. И ты просишь меня поспешить ответом.

Иди скоро, – сказал Господь Моисею, внимавшему Его таинственным учениям в уединении на вершине горы Синайской, в уединении мрака, произведенного нисшедшими на гору небесными облаками, – сними отсюда, беззаконавша бо людие твои, ихже извел из земли Египетским преступиша с пути скоро, егоже заповедал еси им: сотвориша себе

*тельца, и поклониишася ему, и пожроша ему*¹²⁶. Знай, что человек, когда находится вне состояния мира, находится в состоянии неправильном по отношению к закону Христову, в состоянии самооболичения и заблуждения, в кумиролужении.

Смотрю на кипящие в тебе волны – и нет от них никакой печали в моем сердце; они не устрашают моего сердца, не приводят его в сомнение. Мое сердце спокойно; мало того, оно ощущает утешение духовное. От чего бы это было? Мое сердце – чувствительно по природе, оно не может быть холодным и равнодушным. Скажу тебе от чего: в нем действует с убедительностью извещение, что есть к тебе милость Божия. Вышло такое определение о тебе от горнего Престола Царя царей. Не устрашишь бурь, не ослабей от них: они – признак добрый. Тебя скоро осенит помощь Божия; на весы твоего сердца положится тяжеловесное духовное сокровище, от чего противоположная чаша – земных скорбей и утешений – сделается без весу. Поверь моему сердцу!.. Не знаю, стоит ли оно доверия, но уверяет так сильно, что я, оставя всякое соображение и умствование, пишу – что внушает мне, велит писать сердце. Вижу пристань духовную, приготовленную тебе Всеблагим Богом, тебя ожидающую. Но Он, Многомилостивый и Всепремудрый, попускает тебе сперва потрудиться в волнах, чтоб ты утомился, умучился в борьбе с ними, – дал цену пристани. Человек не дает должной цены тому, что достается ему ценою слишком дешевою. Не была

ли пристань – рай? И этой пристани человек не дал цены, был недоволен ею, – захотелось большего, несбыточного!..

Получив твое письмо, я прочитал его; спустя несколько часов прочитал еще раз и, когда сердце мое отделило шум слов и выражений от голоса души, взял перо, обмакиваю его, больше, кажется, в сердце, чем в чернила, – отвечаю тебе. Прости мою нескромность, которую позволяю себе для твоего ободрения: меня объемлет невыразимое духовное, просветительное утешение, поглощающее в сладости своей мой ум, соделывающее вдохновенным мое сердце. Из среды этого утешения пишу тебе!.. *И ныне, Израилю, послушай оправданий и судов, елика аз учу вас днесь делами, да поживете и умножитесь, и вшедшие, наследите землю, юже Господь Бог отец ваших дает вам в наследие*¹²⁷, – говорил Израилю его законодатель-боговидец.

Пишет к тебе искушенный волнами многими, бурями многими, многими пропастями и подводными камнями, – хотя и доселе неискушенный, – искушаемый скорбями многими с того самого времени, как только себя помню. Много я страдал! Страдал наиболее из-за своей пламенной крови, – из-за своей пламенной любви к ближнему, любви, соединенной, казалось мне, с чистым, полным самоотвержением, – из-за расположения к справедливости, чести, – из-за своего плотского разума. И теперь должен смотреть и смотреть за своею кровию; без этого она как раз похитит у моего сердца святой мир, отнимет меня из водительства Святого Духа,

предаст водительству сатаны.

Знай: Бог управляет миром; у Него нет неправды. Но правда Его отличается от правды человеческой. Бог отверг правду человеческую, и она – грех, беззаконие, падение. Бог установил Свою всесвятую правду, правду Креста, – ею отверзает нам Небо. Ему благоугодно, чтоб мы входили в Царство Небесное многими скорбями. Образ исполнения этой Правды Бог подал Собою: Он, вочеловечившись единою из покланяемых Ипостасей Своих, подчинил Себя всем разнообразным унижениям и оскорблениям. Святейшее Лицо Его подвергалось заушениям и заплеваниям. Не отвратил Он от них Лица Своего. Он вменился с беззаконными;

в числе их, вместе с ними осужден на поносную, торговую казнь, предан ей; – какими же людьми? – гнуснейшими злодеями и лицемерами. Все мы безответные пред этой всевысшею Правдою; или должны ей последовать, или к нам отнесутся слова: *Иже не примет креста своего и вслед Мене грядет, – несть Мене достоин. Иже несть со Мною, на Мя есть*¹²⁸.

Против правды Христовой, которая – Его Крест, вооружается правда испорченного естества нашего. Бунтуют против Креста плоть и кровь наши. Крест призывает плоть к распятию, требует пролития крови; а им надо сохраниться, усилиться, властвовать, наслаждаться. Путь к Кресту – весь из бед, поношений, лишений; они не хотят идти по этому пути; они горды, они хотят процветать, величаться. Понима-

есть ли, что плоть и кровь горды? Всмотрись на украшенную плоть, на обильную кровь, – как они напыщенны и надменны! Не без причины заповеданы нам нищета и пост!

Не утрашись слов моих: они по наружности, с первого взгляду, страшны, жестоки. Исполнишь спасительный совет мой – и обретешь мир, исцеление сердцу твоему. Твое расположение к Н. болезненное. Воню твоего сердца обонял я, бывши у Вас в обители; потом при получении первого письма твоего; во втором же письме душа твоя сама сознает его: болезнует, мучится, мечется, стонет. Писал я тебе, свидетельствуясь деланием и учением святых отцов, что желающий перейти из плотского сословия в духовное должен умереть для всех человеков. Какая смерть без болезней! При свидании я тебе сказал: «Ты должен быть один». Сердце твое, ум сознали справедливость произнесенного; но услышала кровь твой приговор смертный на нее – и ужаснулась. Я понимал это; не останавливался, не останавливаясь сказать истину, необходимую для твоего спасения и преуспевания. Услышь, услышь голос грешника, слово грешника, голос и слово, избранные Богом в орудие твоего оживления в Духе, – и, хотя б то было с пролитием кровавого пота, исполни их. Мечом и луком твоим отними у амморе-ев землю, отдай ее Сыну возлюбленному Отца, таинственному Иосифу, – Христу. Так сделал преобразовательно святой патриарх Иаков¹²⁹. Землею называю твое сердце; аммореями – кровь, плоть, злых духов, завладевших этою землею.

У них надо отнять ее душевным подвигом, то есть деланием умным и сердечным. Как и чем исцелить твое болезненное расположение? Ты веришь Спасителю? Ты веришь словам Его? Он сказал: *Вам же и власи главный еси изочтени суть*¹³⁰; так бдителен, заботлив до мелочной подробности Промысл о нас Всеблагото Бога нашего! Бог, столько о нас заботящийся, имеющий на счету все волосы наши, смотрит: первомученика Стефана побивают камнями, – и не препятствует убийству. Зрит: апостолы умирают ежедневно, страдают непрестанно, оканчивают земное течение свое насильственной смертью. Взирает: и тысячи тысяч мучеников претерпевают отсечение, строгание, ломание членов, продолжительное заключение в смрадных и душных темницах, убийственные работы в рудокопнях, сожигание на кострах, замерзание в озере, потопление в водах. Он смотрит: иноки совершают невидимое мученичество в борьбе с плотью и кровию, с нечистыми духами, с людьми – любителями мира, с бесчисленными лишениями телесными и душевными. На все это Он, Человеколюбец и Всемогущий, взирает. От всех скорбей Он мог бы избавить избранных Своих, но не делает этого; возвещает рабам Своим: *В терпении вашем стяжите души ваша*¹³¹. *Претерпевши же до конца, той спасется*¹³². «Кто ж поколеблется, о том не благоволит душа Моя»¹³³.

Просили сыны Зеведеевы у Господа престолов славы; Господь даровал им Чашу Свою. Чаша Христова – дар Христов,

подаемый Им любимым Его, избранным Его. Чаша

Христова – условие, залог вечного блаженства. Чаша Христова – страдания. «По сему познается, – говорит святой Исаак Сирский, – особенный Промысл Божий над человеком, когда этому человеку пошлются непрестанные скорби». В заключение употреблю слова святого апостола Петра: *Тем же и страждущий по воле Божией, яко верну Зиждителя, да предадут души своя во благотворении*¹³⁴.

Основываясь на вышесказанном, утверждаю: Н. под особенным Промыслом Божиим; все совершающееся над ним – пред взорами Бога, по попущению Бога, его Создателя, Искупителя и Владыки... Неужели ты еще не увидел Бога в Промысле Его и управлении Его?.. Благоговейно отступи, ничтожная пылинка!.. Останови руку, дерзостно простирающуюся с рукою Божиею к браздам правления судьбами человека! Остановись!.. Вытрезви твой ум, упоенный порывами, волнением крови: большое твое сердце представило тебе Бога, покинувшим бразды, Ему Единому принадлежащие, – забывшим Свое святейшее обещание...

Приступи же к врачеванию прокаженной и расслабленной, беснующейся души твоей. Опираясь на веру, на живую веру, ежедневно вставай – сперва по несколько раз в день, раза три или четыре – в течение краткой минуты – на колени, говори Господу: «Господи! Н., которого я думал так любить, думал так уважать, – называл, обманываясь, моим, – Твой, Твое создание, Твоя собственность. Он Твой – Всеблагого

Творца и Владыки своего! Ты Всеблаг: хочешь устроить для него все благое. Ты Всесилен: все можешь для него устроить, что ни восхочешь. Ты Всепремудр: путей Твоих духовных, судеб Твоих исследовать, постичь человеку невозможно... А я – кто? Пылинка, горсть земли, сегодня существующая, завтра исчезающая. Какую могу принести ему пользу? Могу лишь более повредить ему и себе моими порывами, которые кровь, которые грехи. Предаю его в Твою волю и власть! Он уже есть, всегда был в Твоей полной воле и власти; но этого доселе не видел слепотствующий ум мой. Возвращаю Тебе Твое достояние, которое безумно похищал я у Тебя обольщавшим меня мнением моим и мечтанием. Исцели мое сердце, которое думало любить, но которое только больно, потому что любит вне Твоих святых заповедей, с нарушением святого мира, с нарушением любви к Тебе и ближним». И врагов нам повелено любить; и нарушение любви к ним есть нарушение заповеди, нарушение любви к ближнему. Встав с колен, повторяй несколько раз неспешно: «Господи! Предаю его, себя, всех святой воле Твоей; буди во всем воля Твоя! За все – слава Тебе!» Когда с людьми и увидишь, что приближается к душе невидимое искушение, то повторяй мысль вышесказанным слова. Когда видишь неустройство мира, и Вашего маленького мира – монастыря, повторяй слова: «Господи! Ты, Всесильный, все это видишь; да будет воля Твоя, да совершаются недомыслимые судьбы Твои. А я – кто, пылинка, – чтоб мне вмешиваться в Твое непостижимое

управление!»

Сын Божий сказал о Себе: *Сын Человеческий предается в руки грешников*¹³⁵. Если Он, Всесвятый, предается в эти руки, – что странного, когда грешник предается в руки подобных ему грешников? Научимся говорить подобно распятому близ Христа грешнику: «Приемлю достойное по делом моим; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем»¹³⁶.

И Н. должен также поступать относительно тебя, – предавать тебя Богу, Его воле, Его Промыслу. Для духовного руководства он слаб, – влечется твоею немощию. А в немощи твоей большая сила крови, красноречивой, крови, восстающей против духовного закона: кто не ощутил в себе явного духовного действия, дарующего свободу, независимость, тому не выстоять против напора твоей крови. «Ты должен быть один». Для тебя сказал я это, сказал и повторяю: те, которым поверяешь твои брани, повредятся – и, может быть, неисцельно. Мой жребий был – постоянное одиночество; был и есть. Что делать? Претерпим тягость уединения. Увидев его, увидев сиротство наше на земле, Дух Святой в Свое, известное Ему время придет к нам. Тогда будешь не один и порадуешься тому, что был один. Умертвите взаимное пристрастие истинным смирением, которое предложено в вышенаписанных молитвах боговидения. Не должно Вам безвременно, по влечению нежного чувства, то есть глупой крови, учащать друг к другу. Не будь нежен! Не позволяй себе разнеживаться! Будь истинный муж! В противном случае, чтоб не посты-

дили нас жены, не причислили нас к женам по причине нашей слабости! Так некоторая преподобная инокиня сказала нерадивым, некрепким инокам: «Вы – жены!» Имею основание искать от тебя этого. Дай! – потому что можешь дать.

Когда придут тебе помыслы ревности и нежности к Н., а ему к тебе, говорите сами себе: «Господи, он Твой! А я что?» Когда же усилится брань, – к себе в келлию и на колени!.. Подвизаясь так, Вы ощутите по милости Божией исцеление от пристрастия друг к другу, которым сердца Ваши лишены свободы; они в плену и оттого в муке. Время Ваше и здоровье теряются в пустых смущениях и бесплодных мучениях. Когда Бог дарует Вам исцеление от пристрастия и Вы ощутите свободу и легкость, тогда узнаете, что настоящее Ваше состояние было «искушение», было состояние ложное, а не духовное, – и потому греховное, богопротивное. Малости, незаметные в мирской жизни, в монастырской делаются уже не малостями, но весьма важными недостатками, могущими нанести неисцельный вред, – не только остановить, прекратить всякое духовное преуспеяние, но и сделать жительство в монастыре вполне бесплодным. В особенности это относится к монашествующим, которым на ниве Христовой досталась в удел для возделания умная молитва и прочие сопряженные с нею подвиги внутренние.

Краткие слова вышенаписанных молитв и смиреннословие, которыми должно вращать чаще пред лицом души, чтоб не успели насесть на него разные насекомые и изъязвить его,

принадлежат к числу сильных и действительных орудий душевного невидимого подвига. Употребление этих и подобных орудий называется деланием, которым зиждутся стены Иерусалима душевного, – рассыпаются стены градов иноплеменников, построенные ими в сердце нашем. «Ты должен быть один!...» «Умри для человеков»... Да падут под острием меча левитов, верных Богу, их родные братья и соседи, поклонники кумира. Помыслами и чувствованиями, служителями Бога, да истребятся из души помыслы и чувствования, служители греха. Родители их одни и те же – ум и сердце; потому они – братья. Они – ближние и соседи, потому что имеют вид близкий к добру и очень к ним привязано сердце. Когда, по повелению Моисея, сыны левие препоясали каждый меч свой по бедре и прошли по всему стану израильскому от врат до врат, убивая каждого ближнего своего и соседа своего, то сказал им Моисей: *Наполните руки ваша днесь Господу, кийждо в сыне своем и в брате своем, да дастся на вас благословение*¹³⁷. И ты поступи так, – да дастся на тебя благословение. Если же не умрешь для людей, если будешь позволять сердцу своему увлекаться, пленяться пустыми привязанностями, – всю жизнь твою будешь пресмыкаться по земле, не сподобишься ничего духовного: кости твои падут вне земли Обетованной.

Не утрашись ни подвига, ни сражения, ни исполинов! Не пощади, как истинный израильтянин, как истинный левит, ни братьев, ни сынов, ни дочерей, ни соседей и ближних!

Не тронься сожалением к крови, убивающей вечную смертью снисходительных к ней! За меч, Леонид, за меч! На бой, на бой отчаянный! На бой упорный, постоянный, доколе не увенчает его решительная победа! «Лучше смерть в подвиге, – сказал святой Исаак, – нежели жизнь в падении». И что за жизнь – жизнь в грехе? Не стоит она названия – жизни; назвало ее Писание смертью; она – начаток смерти вечной, может быть и смертью вечною, если не умертвится жизнью о Христе. Сколько дряхлых старцев, нежных дев, слабых детей остались победителями?

Неужели и ты позволишь двоедушию поколебать себя, выпустишь из рук победу и венец вечного торжества за цену мгновенного, мучительного колебания, которое обольстительно, насмешливо, ругательно силится представиться нам наслаждением добродетели. Не убойся твердынь греховного града: с постоянством *укрепи брань твою на град*, – говорит Писание, – *и раскопай и*¹³⁸. Да увижу на тебе венец победы, венец Духа, венчающий сперва главу твою, а потом и сердце! Да истекут из них источники воды живой! Из этих источников да пьешь, во-первых, сам до сытости и пресыщения; да пьют от них и насытятся, и восхвалят Господа все, которых привлечет к тебе жажда

Слова Божия. Любовь духовная ближних да вознаградит тебя сторицею за умерщвление кровяной любви. До обновления же – будь один; до него соединение особенною любовью с кем-нибудь – говорю в духовном отношении – «блуд». По-

сле обновления является истинная любовь к ближним, святая, духовная: она вся в Боге; она – видение духовное. Стоит пролить кровь, когда за нее дается безмерное сокровище – Дух. По принятии Духа человек увидит ясно, кровь – богопротивная, смрадная мерзость. И потому говорит Писание. *Проклят возбраняяй мечу своему от крове*¹³⁹. Умри, умри! И погребись... чтоб наследовать святое воскресение души Духом Божиим.

Как ты не должен сообщать другим своих браней и искушений душевных, так не должен выслушивать брани и искушения других. Частная тому причина – твоя сильная, горячая кровь. Ты передаешь сильно и воспринимаешь сильно. От того твоими возмущениями очень потрясаешь других и сам очень потрясаешься от сообщаемых другими скорбей их. Вторая причина заключается в общем правиле для всех подвижников: брани душевной невозможно обнять и объяснить естественным разумом, потому что все естество наше – в падении. Для этого нужен разум духовный, то есть явившийся в человеке от действия Духа. И потому только духовный способен выслушать брань ближнего и преподать ему спасительный совет; а держимый во мраке страстей еще не способен к этому. Умолкни, умолкни! Сперва надо умолчать, по совету святого Псалмопевца, о самых благах; тогда уже должно не возбранять устам своим, когда в поучении ума, то есть в непрестанно рождающихся в уме мыслях, возгорится огонь Божественный.

Пишешь: «Бросить Н. – это бросить в лице его Самого Христа, обнаженного, изъязвленного, привязанного к столбу темничному? Не бросит ли и Он меня тогда?» и проч. Видишь, как красноречива кровь твоя. Кто не увлечется ею! Ты, как Цицерон, можешь выпросить милость у Цезаря? самому ненавистному для него Аппию Милону, – как Демосфен можешь поднять всю Грецию на Филиппа!.. Пощади немощных! Не устремляй на них твоего слова сильного!.. Пощади и немощного, так живо чувствующего и выражающего страдания других, – живее, нежели они сами! В твои прекрасные выражения облеклись так называемые монашествующими святыми отцами – «оправдания». Оправдание – личина добродетели, которою ловитель душ наших прикрывает расставляемые им сети для ума и сердца нашего.

Об избавлении от оправданий мы молимся с коленопреклонением: *Не уклони сердце мое в слова лукавствия непицевати вины о гресех*¹⁴⁰. Говорил святой Пимен Великий о естественной, падшей воле нашей и об оправданиях: «Своя воля человеческая есть стена медная между им и Богом, камень противоударяющий. Если человек оставит свою волю, то и он скажет: “О Бозе моем *прейду стену. Бог мой, непорочен путь Его*¹⁴¹. Если же к воле присоединится оправдание, то погибает человек». Твоя «своя воля»: наклонность сердца к Н.; оправдания помогают твоему пристрастию; мыслишь, говоришь по-видимому божественно, а мучишься ужасно, можешь, если не примешь мер, очень повредиться, повре-

диться неисцельно. За простоту и искренность твоего сердца Бог посылает тебе руку помощи!.. Понимаешь ли, что сердце у тебя самое простое? Ничего в нем нет сложного. Не годишься для мира: там нужны хитрые. Ты можешь быть хитрым и скрытным только тогда, когда молчишь. Приучись к молчанию: оно необходимо тебе и для духовного подвига, и для отстранения наружных, бесплодных скорбей. Твое сердце для Бога! Твое сердце для Духа Святого: Он любит почивать в сердцах простых и незлобивых. Ты и незлобив; только тебя сбивает кровь твоя. Уйми ее смирением и молчанием. Смотри чаще на Христа: *Се Отрок Мой*, – свидетельствует о Нем Отец, – *Егоже изволих, Возлюбленный Мой, Нанъже благоволи душа Моя: положу Дух Мой на Нем и суд языком возвестит; не преречет, ни возопиет, ниже услышит кто на распутиих гласа Его. Трости сокрушенны не преломит, и лена внемшася не угасит: дондеже изведет в победу суд. И на имя Его языцы уповати имут*¹⁴².

С помыслами никогда не должно рассуждать. Может враг представить много логического, неопровержимого, склонить наш ум к принятию лукавых, убийственных помыслов, замаскированных личиною добродетелей и благочестия. Пробным камнем помыслов для тебя да будет твое сердце. Как бы ни благовиден был помысл, но если отнимает «мир» у сердца, тонко приводит к нарушению «любви с ближними», – он вражеский. Не спорь с ним, не рассуждай, а то уловит и заставит вкусить от запрещенного древа; вооружайся

скорее против него, гони прочь от себя оружиями духовными: «славословием Бога», «благодарением Бога», «преданием себя Его воле», «укорением и осуждением себя», «молитвою». Превосходное оружие при сильной брани: прийти в свою келлию, повергнуться на минуту пред Богом с прошением Его помощи и преданием себя Его воле. При сильной брани это повторяется несколько раз в день и – очень помогает.

Наблюдал ли ты за умом твоим? Изучал ли – какое его свойство? У тебя ум не аналитический, который все разбирает по частям, анатомирует и после этой работы выводит свое заключение. Большая часть умов человеческих имеют свойства анализа и по этому свойству способны хитрить, ловко устраивать дела свои, строить козни. Твой ум без работы видит, обнимает предметы. Этот ум – для духовного видения. Вот еще что заметь в нем: он с свободою, наслаждением может пасть в прах пред величием Божества; но, чтоб смириться пред ближним, ему нужен труд над собою. Почему? Потому что он по естеству своему имеет презрение ко всему подлому, пошлому, мелочному, не способен к изгибам и изворотам. Видя эти недостатки в ближнем, он презирует ближнего вместе с его недостатками. Ум твой, наставленный Евангелием, тогда смирится пред каждым ближним, когда увидит в каждом ближнем Христа.

Все, крестившиеся во Христа, облечены во Христа. Чем бы и как бы они ни оскверняли себя, риза Христова до Су-

да Христова на них. Необходимо признать себя хуже всех человеков: этого требует святое смирение. Апостол не просто сказал, что он – первый из грешников, – был убежден в этом. И нам надо убедить себя: здесь предлежит работа и труд. Бог да дарует и мне и тебе совершить его. По причине ума твоего, по причине его отдельного устройства, от большей части других умов, тебе придется понести, и, вероятно, несешь уже, некоторые скорби. Редкий поймет ум твой. Видя его сметливость и бойкость, кто поймет, кто поверит, что он прост! Большая часть будет признавать тебя хитрым, с замыслами, подозревать тебя, придумывать на тебя и за тебя. Это неизбежно: аналитические умы не могут предположить даже существование ума без анализа, смотрящего просто и ясно. Видя силу ума, они приписывают ее высшей степени анализа, признают глубокую, утонченную, обдуманную хитрость в том, кто никогда не думает, глядит с проницательною простотою на все, подлежащее взорам человеческим... Извини ближних. Мы все немощны. Исполнение закона Христова и состоит в том, чтоб носить великодушно, любовно и смиренно тяготы друг друга.

Доволен я, что ты мало читал книг религиозных: лучше – скрижали не записанные, нежели исписанные бестолково. Неужели мне придется писать на твоих? Если так, – пусть будут начертаны на них не мертвые слова человеческие, но живые – Духа. Видя твою доверенность ко мне, присваиваю себе право присылать тебе, по возможности моей, книги

святых отцов, какие сочту для тебя полезными. Это «мое», «свое» даю тебе: таково было мое поведение; я напитывал себя и доселе напитываю исключительно чтением святых отцов Восточной Церкви, тщательно хранясь, по их же святому совету, от книг, содержащих в себе лжеучение, которое содержат в себе все книги, написанные вне спасительного ло-на Единой истинной Церкви. Прими «мое», когда Бог воз-вестил тебе желать его. Не читай никаких инославных сочи-нителей: у них Дух Святой заменен кровию необузданную, пламенную; они могут завлечь в пропасть – и увлекают ту-да многих. Духа Святого нет у них; у них свой дух, – мрач-ный, льстивый дух ереси темной и гордой. Упоминаемое то-бою «действие», произведенное в тебе чтением Писания – какое впечатление имели на Иоанна Богослова и мироносиц отдаленные звуки молотов, ударявших в гвозди при распя-тии Спасителя, было «кровяное». Пойми: потрясены были нервы. Таковые действия отвергаются в духовном подвиге, называются «прелестными», то есть происходящими от са-мообольщения и приводящими к нему, потому что они не от благодати Божией, а собственное состояние человеческое, свойственное естеству нашему падшему, до которого дойде-но напряжением воображения и чувствительности. Неопыт-ные в духовной жизни приписывают такие состояния свои действию благодати; от сего является мнение о себе; усво-ившееся мнение есть самообольщение, или прелесть. Поэто-му должно держать себя в состоянии ревности, тишины, спо-

койствия, нищеты духа, удаляясь тщательно от всех состояний, производимых разгорячением крови и нерв. Не ударяй себя ни в грудь, ни в голову, для исторжения слез: такие слезы – от потрясения нервов, кровавые, не просвещающие ума, не смягчающие сердца. Ожидай с покорностью слез от Бога. Какой-то святой невидимый перст, какой-то тончайший помысл смирения коснется сердца – и придет слеза тихая, слеза чистая, изменит душу, не изменит лица; от нее не покраснеют глаза, – кроткое спокойствие пролиется в выражение лица, соделает его ангелоподобным.

Когда я дочитал в твоём письме до следующего: «Ни малейшего луча благодати или признака добра не нахожу в том, о ком так громко и много говорили люди... И Ваше незлобное сердце поверило молве и верно осудило в неправде мою раздражительность»... я от души рассмеялся... Мне нужен письменный твой ответ, чтоб мне оправдаться пред самим собою. Я не доверяю никому так мало, как самому себе; не страшусь никого более, как самого себя. Кто я, чтоб вести к Богу душу человеческую, созданную по образу и подобию Его? Моя душа заблудилась в пустыне, увязла в тмении. На заботы о ней нужно мне употребить краткое время моего земного странствования. Таков я пред моими очами... Христос с тобою.

12 октября 1847 года.

Письмо 94

К брату, занимающемуся умною молитвою. Наставление в духовной жизни

Как ты думаешь, в чем недостаток, на который мог бы я особенно пожаловаться при неисходном из келлии уединении моем? На недостаток времени. Болезненность и лечение пожирают у меня все время. Лежу, лежу, лежу в бездействии, в онемении: сильное лекарство вытягивает из жил и костей застаревшую простуду, как цирюльник выдавливает кровь из припущенной пывицы. Если, Бог даст, поокрепну, придут занятия, которые теперь терпеливо ждут меня, начнут отнимать время. Если возвращусь в Петербург и Сергееву пустынь, там обрушатся на меня братия, друзья, знакомые, любопытные, дела монастыря и монастырей, – похитят все время. Подумал я: теперь, в свободные минуты мало-помалу составляю для Леонида обещанное ему мною описание и объяснение некоторых иноческих деланий, – вместе дам ответы на некоторые статьи его писем.

Мы не сходимся с тобою в понятиях при некоторых употребляемых нами выражениях; под одним и тем же словом ты разумеешь одно, я – другое. Например, под словами «духовный, духовность» ты разумеешь то, что все ныне приняли

разуметь, — таким разумением удаляешься от смысла, соединенного с этим словом в Священном Писании и писаниях святых отцов. Ныне книга — лишь о религиозном предмете, уже носит имя «духовный». Ныне — кто в рясе, тот — неоспоримо «духовный», — кто ведет себя воздержанно и благоговейно, тот «духовный» в высшей степени! Не так научает нас Священное Писание, не так научают нас святые отцы. Они говорят, что человек может быть в трех состояниях: в естественном, нижеестественном или чре�ьестественном и вышеестественном. Эти состояния иначе называются: душевное, плотское, духовное. Еще иначе: пристрастное, страстное, бесстрастное. Нижеестественный, плотский, страстный есть служащий вполне временному миру, хотя бы он и не предавался грубым порокам. Естественный, душевный, пристрастный есть живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, борющийся со страстями, но еще не получивший свободы, не видящий ясно ни себя, ни ближних, а только гадательствующий, как слепец, ощупью. Вышестоящий, духовный, бесстрастный есть тот, кого осенил Дух Святой, кто, будучи исполнен Им, действует, говорит под влиянием Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего. Такие, точно, свет миру и соль земли, видят себя, видят и ближних, а их увидеть может только подобный им духовный. *Духовный же востязует убо вся, а сам той ни от единого востязуется*¹⁴³, — говорит Писание. Такие встречаются ныне крайне редко. В жизни моей я имел счастье встретить од-

ного, – и до ныне странствующего на земли, – старца, лет около семидесяти, из крестьян, малограмотного: он жил во многих местах России, в Афонской Горе, говорил мне, что и он встретил только одного. Держись, как в этом случае, так и в других терминологии святых отцов, которая будет соответствовать твоей жизни практической, которая часто не согласна с терминологией новейших теоретиков. Прости, что назову теоретиков мертвыми! Пусть эти мертвые возьмется со своими мертвецами, то есть с теми, которые хотят слышать Слово Божие с целию насладиться красноречием, кровавыми порывами, игрою ума, но не с тем, чтобы «творить слово». Последним нужно сказать: «С какою приятностию мы слушали, – провели время», а первым нужно, чтоб об них сказал мир: «Ах! как они умно, прекрасно говорят». Не прельстись ни умом естественным, ни красноречием! Это все – прах. Этому красноречию и этому уму сказано: «земля еси»! Впрочем, я понимаю, что ты, вкусивши жизни, не можешь удовлетвориться мертвым! Прекрасно сказал святой Симеон Новый Богослов: «Притворяющихся добродетельными и кожею овчею, по наружности являющих одно, другое же сущих по внутреннему человеку, всякия исполненных неправды, полных зависти и рвения и сластей злосмрадия, весьма многия яко безстрастных и святых чтут, имея неочищенное душевное око, ниже могущия познати их от плодов их; во благоволении же и добродетели и простоте сердца пребывающих и Святых сущих воистину, яко прочих от человек пре-

небрегают, и, презирающе их, притекают, и за ничтоже вменяют. Глаголиваго и тщеславнаго, учительным паче и духовным таковые быти вменяют. Духом Святым вещающаго, высокомудрени и гордостию недугующие диаволею, яко высокомудра и горда отвращаются, то словес его ужасающесе, паче нежели умиляющесе. От чрева же и учений тонкословствующаго, и противу спасение своего лгущаго, вельми похваляют и приемлют». Равным образом только те книги в точном смысле могут быть названы «духовными», которые написаны под влиянием Святого Духа. Не увлекайся общим потоком, но следуй по узкой стезе вслед за святыми отцами. Ты полюбил мое: сообщаю – тебе, как я старался вести себя.

Написал ты мне в письме твоём: «“Бегай людей и спасеши-ся!” – был вещий глас к Арсению. Как же любящему безмолвие сносить тесноту общежития наравне с новоначальными и еще мятущимися охотно?» Когда святой Арсений был в столице при дворе царском и молился Богу, при повстречавшемся ему искушении, не зная, что делать, то был ему глас: «Бегай человек и спасеши-ся!» И тебе был этот глас, раздавался он в душе твоей, когда ты жил среди многокозненного мира; ты послушался его, удалившись в уединенную обитель. Ты сделал это с простотою сердца, искренностию, простотою намерения, с малым предуготовительным знанием монашеской жизни. Тебя повстречали неожиданные скорби и недоумения! Что до того? Бог любит тебя, хочет даровать тебе милость Свою, упремудрить тебя, – так говорил святой

инок-старец святому иноку-юноше, жаловавшемуся на скорби. Бог послал скорби, Он пошлет и утешение. Когда святой Арсений был уже в монастыре, опять молился Богу: «Господи! Научи меня, как мне спастись!» Ему дан был ответ уже полнее: «Арсений, бегай людей, молчи, безмолвствуй. это корни безгрешия». И ты уже в обители услышал: «Приучись к молчанию», которое очень много способствует безмолвию. Уже в обители ты услышал: «Умри для людей» – то же, что и «бегай людей». Ты услышал: «Научись безмолвию между людьми, при посредстве душевного подвига». Арсений Великий говаривал в наставление братии из своих опытов: «Подвизайся, сколько у тебя сил, чтоб внутренним твоим деланием, которое ради Бога, было побеждено все внешнее».

Макарий Великий, основатель и главный наставник знаменитого подвижничества скита Египетского, в котором жил и Арсений Великий, говаривал обыкновенно братии по окончании Божественной литургии: «Бегите, братия». Однажды старцы возразили ему: «Куда нам бежать далее этой уединеннейшей пустыни?» Великий угодник Божий показал им перстом на уста и повторил: «Бегите, братия».

Умоляю тебя: дай цену, дай должный вес деланию святых отцов, которому они научились из Божественных откровений; дай цену деланию, которое соделает для тебя удобным спасение и преуспевание; дай хотя ты цену деланию, – говорю с плачем и слезами, – деланию, которое ныне отвергнуто

монахами, попорано ими, погребено в глубокое забвение, в неизвестность, заменено, – не знаю чем, – какими-то игриями. *По Христеубо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе*,¹⁴⁴ – говорил апостол. Увы! Ищу в себе самоотвержение и не обретаю его! Ищу человека, который бы решился отвергнуться волей своих и, обнаженный всякой воли, всецело захотел последовать Христу, исполнить Его волю, – и не встречаю такого человека! Тоскуют мои взоры между многолудством как бы в безлюдной пустыне, – не находят зрелища, на котором бы остановились с утешением!.. Все мы возлюбили свои пустые и глупые пожелания, возлюбили тленное, временное, плоть и кровь, в них живущую – смерть вечную!.. Путь узкий – путь самоотвержения;

тесно и на пути широком – своеугодия! Теснимся, торопимся, толкаем друг друга в преисполненную уже, в пресыщенную уже пропасть ада! Есть и ныне подвижники, но нет на них венцов преподобных, венцов Христовых. Венец Христов – Дух Святой. Духом Святым венчает Христос Своих воинов-победителей. Ныне не нисходит Дух, потому что подвижники подвизаются незаконно. «Аще и подвизается кто, – сказал апостол, – не венчается, аще не законно подвизатися будет»¹⁴⁵. *Никтоже бо воин бывая, – возвещает он, – обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет*¹⁴⁶. Все, что препятствует самоотвержению и вводит в сердце молву, – купля житейская. Гневно взирает на нее Бог,

отвращается от воина, обязавшегося куплею житейскою! Поэтому святой апостол убеждает ученика своего к истинному духовному подвигу: *Ты убо злопостражди яко добр воин Иисус Христов*¹⁴⁷. Говорит преподобный Исаак Сирский о подвижниках, не заботящихся об искоренении душевных страстей: «Они ничего не пожнут. Как сеющие в тернии не могут ожидать никакого плода, так и те, которые потребляют себя злопомнением и привязанностями; они ничего не смогут совершить – лишь тщетно стонут на ложах своих от бдения и прочих утеснений. И свидетельствует о них

Писание: *Мене день от дне ищут и разумети пути Моя желают, яко людие правду сотвориши, и суда Бога своего не оставивший; просят ныне у Мене суда праведна, и приблизитися ко Господу желают, глаголюще: что яко постихомся, и не увидел еси? Смирихом души наша, и не увидел еси? Во дни бо пощений ваших обретае воли ваша*¹⁴⁸, то есть исполняете мысли ваши, приносите их как всесожжение идолам; вы признали как бы богами лютые помышления ваши, вы приносите им в жертву самовластие ваше, честнейшее всех жертв, которое следовало бы вам освятить Мне благоделанием и чистою совестью»¹⁴⁹. Говорит святой Симеон: «Если кто преложит любовь к Жениху Христу на любовь к чему-нибудь другому, тайно или явно, и сердце его удержано будет этою любовью, тот делается ненавистным, мерзостным Жениху, недостойным соединения с Ним. Он сказал: Аз

любящая Мя люблю¹⁵⁰».

Послушай, как древние иноки глубоко уважали делания святые, какую давали им бесценную цену! Мы, омраченные, не способны даже понять этого, потому что не жили существенною, внимательною жизнью; жили как-то легко, ветрено, как бы шутя, как бы веря и не веря вечности, двоякому воздаянию в ней. «Некогда великий угодник Божий старец Даниил пошел с учеником своим из скита в обитель горней Фиваиды, где жил авва Аполлос. Отцы, услышав о пришествии его, вышли навстречу ему за семь поприщ от обители. Их было более пяти тысяч мужей, в числе которых пятьсот знаменосных. Представилось чудное зрелище! Они все лежали ниц на песке, ожидая принять старца, как бы Ангелы ожидали принять Христа. Одни из них постилали ему под ноги свои одежды, другие – клобуки свои, и источники слез лились из очей их. Пришел отец Аполлос и, подходя к старцу, седьм крат падал ниц пред ним, покланяясь ему. Потом они приветствовали друг друга с любовию. Братия начали умолять старца, чтоб сподобил их услышать из уст его слово спасения. Старец не скоро начинал говорить с кем бы то ни было. Они сели на песке вне монастыря. Церковь не могла вмещать их всех... Отец Даниил велел написать ученику своему следующее: «Если желаете спастись, – держите нестяжание и молчание, потому что в этих двух деланиях – все монашеское жительство». Написал ученик сказанное ему старцем и отдал одному из братии, который прочитал это брати-

ям-египтянам. Все пришли в умиление и начали плакать¹⁵¹.

Какова была жизнь старца, что он возмог всю жизнь монашескую сократить в два слова!

И двумя словами положить решительные границы для ума и сердца, определив делание спасения!

Какова была жизнь братии, как души их были богаты опытами внимания себе, рассматривания себя, что поняли всю глубину слова старцева и отвечали ему общим рыданием! Нестяжание – то же, что и умерщвление ко всему, содержать в свободе ум от всего земного; а молчание, обратившееся в навык, дает ему всю свободу непрестанно глядеть в сердце. Вот живой образ истинного безмолвника, истинного инока, мертвеца для мира, таинственного священника и архиерея, приносящего Богу непрестанную жертву глубоких, святых помышлений и чувствований, и жертву превысшего их сердечного и умного молчания, – этого таинственного мрака, за которым непосредственно – Бог.

Послушай, что Господь сказал. Дай цену и вес словам Господа!.. Все для нас без цены и без весу!.. С ценою и весом только одни наши пожелания!.. *Подобно есть Царствие Небесное сокровищу сокровену на селе, еже обрет человек скры, и от радости его идет, и вся, елико имать, продает, и купует село то*¹⁵². Что за сокровище? Дух Святой, вводящий в душу Отца и Сына. Какое село, на котором скрыто это сокровище? Покаяние. Как это село обретается?

Живою верою. Что значит радость? Разженная ревность

к делу Божию, рождающаяся от живой веры. Что знаменует: *скры?* Молчание и безмолвие. Что значит: *вся, елика иматъ, продает и купует село?* Нестяжание. Все, все надо продать, всякое пристрастие, всякую сердечную наклонность, чтоб купить покаяние. Иначе оно не продается. Если удержана безделица сердцем, – не может сердце наследовать покаяния: эта безделица развлекает его. Скрыться надо молчанием. Скрыться не только от людей, – если можно, и от себя. Кто же это исполнит, того – село покаяние; кто приобрел это село, того сокровище – Всесвятая Троица. О! Когда бы Она призрела на нас, бедствующих в волнах невидимого моря, даровала бы нам, мне и тебе, самоотвержением наследовать страну покаяния, соделалась бы нашим сокровищем, богатством неизмеримым и неисчислимым. Позволь мне сделать тебе предложение: согласишься, чтобы за молчание, когда будешь мало-помалу вводить себя в навывковение молчания, тебя сочли немного странным, сказали бы о твоей странности и то и другое. согласишься на это с великодушием: оно не будет противно воле Божией и уединит более твое сердце. *Аще кто мнит ся мудр быти в вас в вещь сем, – заповедал Бог Своим апостолам, – буй да бывает, яко да премудр будет*¹⁵³.

Пишешь: «дома у меня нет уединения, в храме оно часто нарушается... соединению мыслей мешает беспокойный помысл: за мною подглядывают». В Евангелии сказано: *Назираху... да обрящутречь Нань*¹⁵⁴. За кем *назираху*? За Господом. Позволь, чтоб и за тобою назирали, примиришься с этим.

Не отказывайся от чаши Христовой, как в этом случае, так и во всех. Скажи себе: «С Христом так поступали, отчего же со мною не поступать так?» Земная жизнь наша коротка – точно обман: ее скорби, по самой вещи, ничего не значат; имеют столько значения, сколько им даем его. Смирение принесет в твое сердце мир, молитву, безмолвие. Когда ты дома – думай, что ты с Ангелами; принеся услугу, обращаясь с ними, говори мысленно: «Ангелы Божии! Примите служение от грешника». Сидишь ли за трапезой, за чаем, за рукоделием, говори себе: «Сподобляюсь быть с Ангелами Божиими». Любовь к ближнему в Боге приносит сердцу утешение от Бога, а это утешение уединяет человека в самом себе. Он любит ближнего и вместе мертв для него; сердце его погружается в безмолвие, которое – начало любви Божией.

Пишешь: «Не освобождаясь от тревожных ощущений сердца и волнений ума и принуждая себя к мысленному занятию, я только чувствую сильную головную боль и нервное расстройство». Повторяю тебе, что все внешние волнения и тревоги должны быть побеждены внутренним деланием. Надо, чтобы с сердца началось обновление; сердце – корень. *Аще корень свят, то и ветви*¹⁵⁵. Этот образ подвига установлен Самим Спасителем. *Очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда, – сказал Он, – да будет и внешнее има чисто*¹⁵⁶. Придет тревога – отвергни мысли, приносящие ее, уйми волнение крови, принимая за верное, что всякая мысль, приносящая тревогу, – богопротивная, и опять

продолжай молитвенное занятие. Во всех подвигах, в особенности же в молитве, требуется постоянство и терпение. Нетерпеливость сбивает нежный цвет ее, как иней и ветры сбивают цветы плодовых деревьев. *В молитве терпите*¹⁵⁷, – сказал апостол: это отличительное свойство упражнения молитвою. Сначала, вводя ум в молитву, приучая к ней, не держи его долго в ней, чтоб он не утомлялся излишне, но зато почаще вводи его в молитвенное занятие. Ах! Требует понуждения это занятие! Не любит преступник – ум наш – темницы молитвенной; ему нужна безумная свобода; с насильем надо влечь его в темницу, в узы; без того не укротится, не возвратится к здравому смыслу беснующийся.

В свое время, когда он укротится, сделается тих, как Ангел, – выйдет ему навстречу сердце со всеми душевными силами, как с чадами, со всеми телесными способностями, как с рабами, – и бывает мир дому тому, святой мир от Пресвятого Господа, праздник велий обновления и воскресения. Головная боль – обыкновенный первоначальный спутник глубокого внимания слову Божию и молитве. *Живо бо слово Божие, – говорит апостол, – и действенно, и острейшее паче всякого меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным*¹⁵⁸. Не только у тебя она болит, не только болела у меня: болела она у святых отцов, – и они это поместили в своих писаниях. Говорит преподобный Григорий Синайский: «И размены боля и главою многажды

болезнью, терпи та притрудне и рачительне, взыскаю в сердце Господа». Бывает по временам от упражнения в молитве расслабление всего тела, пот, жар; все это у начинающих, у преуспевающих молитва укрепляет, питает душу и тело. Но пот бывает даже и у них. Впрочем, тебе преподан самый легчайший способ внимания и молитвенного подвига, чуждый всякого трудного механического телесного упражнения, для которого необходима крепость здоровья. На мелочи, на все ощущения в теле обращай как можно меньше внимания, наблюдай, чтоб ум твой пребывал в покаянии и удалялся от развлечения. Надеюсь, что головные боли твои не будут долго продолжаться. И у меня продолжались не долго. После того, когда они прошли, молитвенное занятие сделалось как бы более свойственным уму и более легким для него. Ты не требуй от ума твоего, при молитве, превышающей силы его, например, нерушимой полной нерассеянности. Показывай мысленно немощь и ветхость твою Богу, говоря: «Господи! Ты видишь всю ветхость мою!» – и, терпя, терпи великодушно немощь ума твоего. Не напрасно и не без цели сказано: *Терпя, потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою; и возведе мя от рова страстей и от брения тины, и постави на камени нозе мои и исправи стопы моя; и вложи во уста моя песнь нову*¹⁵⁹.

Во втором письме пишешь: *Измиа, Господи, от человека лукава, от мужа неправедна избавимя, иже помыслиша неправду в сердце, весь день ополчаху брани. Изостри-*

ша язык свой яко змиин, яд аспидов под устами их. Сохрани мя, Господи, от руки грешничи, от человек неправедных изми мя, иже помыслиша запыти стопы моя¹⁶⁰. Как ты думаешь, кто человек лукавый, муж неправедный, грешник, весь день ополчающий брани, с ядом аспида под устами? Это диавол. Когда святой Давид проклинает врагов, или, правильнее, устами его Дух Святой, то в этих случаях надо всегда разуметь духов нечистых, врагов рода человеческого, отнявших у нас рай, хотящих отнять дарованное нам Богом искупление и спасение. В Писании диавол иногда называется человеком. Так Спаситель назвал посеявшего плевелы между пшеницею «врагом-человеком». Книга Псалтирь – возвышеннейшая духовная книга. В ней глубоко и подробно описан внутренний подвиг воина Христова. Часто употреблены преобразовательные тени и иносказания, дающие книге таинственность и темноту (не без причины на ней завеса!). Не надо принимать ее буквально: буквальное понимание Писания убивает душу. Необходимо разумение духовное: оно оживотворяет, поставляет на стези правые, святые. Дух Божий, заповедуя устами Давида совершенную ненависть к невидимым врагам душевным, научающий нас прибегать молитвою к Богу о сокрушении и истреблении их, – в то же время требует от нас любви ко врагам нашим – человекам, требует прощения нанесенных нам обид от наших ближних, требует этого с заклинанием: *Господи Боже мой*, – молится Псалмопевец, – *аще сотвориш сие, аще есть неправ-*

*да в руку мою, аще воздах воздающим Ми зла, да отпаду убо от враг моих тощъ, да поженет убо враг душу мою, и да постигнет, и потрет в землю живот мой, и славу мою в персть вселит*¹⁶¹. Здесь представлены две стороны, делающие зло: ближние, человеки, и диаволы. Дух Святой научает нас, что мщением, воздаянием ближнему зла за зло, – словами то, или делами, или помыслами, – человек призывает на себя брань невидимого врага, побеждение, низложение им, потерю благодати. «Слава» – благодать Духа. «Молящийся за человеков, причиняющих обиды, – сказал преподобный Марк Подвижник, – сокрушает бесов; а препирающийся с первыми, сокрушается от вторых». Все это и ты испытал самым опытом. Итак, отвергни все оправдания, которые все неправильны, потому что противоборствуют заповеди Божией; постарайся непременно стяжать любовь к врагам и, доколе не сможешь взять этой твердыни, *укрепи брань*¹⁶², брань постоянную, повторяй приступы за приступами. То есть молись за тех, от которых терпишь напасти, и исполняй заповеданное Господом относительно врагов в конце 5-й главы Евангелия Матфея, – получишь непременно исцеление! В свое время начнет развеяться знамя победы, знамя Креста Христова, на стенах твоего Иерусалима. Знай: Божественное Писание, неправильно понимаемое и толкуемое, может погубить душу. Так сказал святой апостол Петр о Посланиях святого апостола Павла, распространив это замечание и на

прочие книги Священного Писания¹⁶³, что особенно должно отнести к Ветхому Завету, исполненному преобразований, теней, а потому и священной мрачности. Осторожно обходишься с мечом обоюдоострым – Писанием. Святые отцы советуют новоначальным инокам более, чем в чтении Священного Писания, упражняться в чтении деятельных отеческих сочинений, в которых объяснены подробно иноческие подвиги и указан путь к правильному разумению Священного Писания. И ты последуй этому святому и спасительному совету отцов. По той же причине новоначальным полезнее для молитвословий читать акафисты и каноны, нежели Псалтирь. Но превосходнее всего, когда ум достигает до того, чтобы ему вполне удовлетворяться молитвою: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

Пишешь во втором письме: «Жажду, а не жду от себя ничего доброго, ниже совершенного чувства покаяния или смирения». Покаяние – дивная благодать Божия, бесценный дар Божий, совокупность всех деланий иноческих. Инок, воспитанный всеми частными деланиями, достигший значительной зрелости, оставляет многие оружия свои, облекается в одежду покаяния и в ней входит во внутреннюю душевную клеть свою. Когда он войдет туда и раздастся в ней благоухание священного кадила молитв сокрушенных и смиренных, тогда нисходит Дух к плачущей душе и благовествует ей мир от Бога. На все есть свое время «Времена и лета положил Отец Небесный во власти Своей»¹⁶⁴. Ты не требуй от души

своей излишнего; сиди при дверях покаяния с самоотвержением, как по всем отношениям вдовица, тем доказывай, что истинно желаешь смирения, от которого покаяние; податель того и другого – один Бог.

В прошедшем письме писал я тебе, как бороться с помыслами и возмущениями. Опять повторяю: препояшься мечом, оденешься во всеоружие. Не удостаивай врагов твоих не только беседы, ниже слова, ниже воззрения. Только что услышишь глас войны, – вставай на сражение, возглашая твоим помышлениям и чувствованиям: *Мужаймся и укрепимся о людех наших и о градех Бога нашего!*¹⁶⁵ Глас войны – нарушение мира сердечного. Едва мир сердца начнет нарушаться, колебаться, – знай: идут иноплеменики. И вот тебе завет от Бога относительно поведения твоего с иноплеменниками: *Избивши я, пагубою погубиши я, да не завещаши к ним завета, ниже да помилуеши их, ниже сватовства сотвориши с ними: дщери своя не даси сыну его, и дщери его да не поймеши сыну твоему; отвратит бо сына твоего от Мене, и послужит бесом инеем, и разгневается Господь гневом на вы, и потребит тя вскоре. Но сице да сотворите им: требища ихразсыплете, и столпы их да сокрушите, и дубравы их да посечете, и ваяния богов их да сожжете огнем; яко люди святы есте Господеви Богу вашему и вас избра Господь Бог ваш*¹⁶⁶. Сватовством и супружеством изображается здесь беседа с помыслами греховными, принятие, усвоение помыслов и ощущений греховных. Кумиры – предметы

пристрастия, страсти, особенные привязанности; их должно сжечь огнем молитвы, огнем любви по Богу. Требища – своя воля, воля плоти и крови; столпы – оправдания; дубравы тенистые – плотский разум, которым заслоняется от нас Свет Божественный. Исполняли это повеление Божие истинные рабы Божии. Когда Давид завладел столицей аммонитян Раввафон, *взя, – говорит Писание, – венец Малхома царя их с главы его, талант золота вес его и от камня драга, и бе на главе Давидове, и корысть изнесе из града многу зело. И люди сущая в нем изведе, и положи на пилы и на трезубы железны и на секиры железны, и превоздаше их сквозь пещь плинфяну. И тако сотвори всем градом сынов Аммоних, и возвратися Давид и весь Израиль во Иерусалим*¹⁶⁷. Точно: славословие Бога, благодарение Богу за все случающееся скорбное, предание себя всецело воле Божией, с отвержением своей воли, молитва за врагов, благословение врагов, как орудий Промысла Божия, – и прочие святыя делания: и пилы, и трезубы, и секиры, и пещь плинфяная для греховных помыслов и ощущений. Ум наш, – таинственный Давид, – царь и предводитель воинства израильтян, – помышлений и чувствований богослужебных, когда возмет град и грады иноплеменников, тогда возвращается во Иерусалим со всеми израильтянами своими, – в град мира (Иерусалим – значит «град мира»), откуда выводила его война с иноплеменниками. На главе его венец Малхома – разум деятельный, приобретенный им на брани с греховны-

ми начинаниями, – в ее подвигах, трудностях, несчастиях и торжествах; с ним – *корысть... многа зело* – опыты драгоценные, могущие пропитывать, поддерживать его на будущее время, поддерживать и пропитывать советующихся с ним. Талант весу в златом венце, приобретенном Давидом. тяжеловесен драгоценный разум деятельный; богатый опытностью, он не колеблется, не увлекается всяким являющимся уму помыслом, но с недоверчивостью рассматривает, испытывает его, хотя бы он и казался благим. Так Иисус Навин, военачальник израильский, вопрошал представшего внезапно пред ним неизвестного витязя, хотя то был Ангел: *Наши ли еси, или от супостат наших?*¹⁶⁸ Конец слова, заключенного в пределах совета: если случится пасть, победиться, увлечься, обмануться, согрешить пред Богом – не предавайся унынию, малодушию. Тот же преобразовательный Ветхий Завет говорит: *Сице да речеши ко Иоанну* (вождю израильтян), *да не будет зло пред очима твоими слово сие, яко овогда убо сице, овогда же инако поядает меч; укрепи брань*¹⁶⁹. Будь снисходителен к себе, не засуждай себя. При побеждениях прибегай к Богу с раскаянием, – и простится тебе побеждение твое: а ты снова за меч, и на сечу – *укрепи брань* \ Упорною, постоянною войною возьми град! Господь пришел призвать грешников на покаяние, а не праведников! Ты уподобляешь себя слепцу евангельскому, вопиющему вслед Спасителю и возбраняемому... *Восстани... дерзай...* Божественный Учи-

тель зовет *тя...* *Вера твоя спасе тя*¹⁷⁰.

Письмо 95

К брату, занимающемуся умною молитвою

На слова письма твоего: «возьми меня, добрый пастырь, и причти к овцам твоего стада», ответ мой: «прими меня, ближний мой, в услужение тебе на пути твоём ко Христу».

Так отвечать научает меня святой апостол Павел. Он написал коринфянам: *Не себе бо проповедаем, но Христа Иисуса Господа, себе же самих рабов вам Иисуса Господа ради*¹⁷¹. Не себя проповедую! Нет!.. Сохрани Боже!.. Пусть стою в стороне! Так стоять, извещается моему сердцу, приятно ему. Довольно, если, указывая тебе на Мессию, сподоблюсь говорить: *Се Агнец Божий, взявляй грехи мира*¹⁷², *второй человек Адам. Господь с небесе*¹⁷⁵. *Облекухомся во образ перстнаго, рождением невольным по плоти, облечемся и во образ небеснаго*¹⁷⁴, уже неведомо, во младенчестве, облеченные в этот образ крещением, разоблаченные жительством нерадивым, – облечемся снова покаянием и жительством по евангельским заповедям. Исполним слова Господа, Который повелел ученикам Своим: *Не нарицайтесь учителя, и отца не зовите себе, не нарицайтесь наставницы... еси же вы братья есте*¹⁷⁵. Соблюдаем взаимную мертвость, говоря друг

о друге Богу: «Твое Тебе, – и да пребывает Твоим»! Люди, оживая безумно друг для друга, оживая душевною глупою привязанностию, умирают для Бога, а из пепла блаженной мертвости, которая – ради Бога, возникает, как златокрылый феникс, любовь духовная.

Истинное послушание – послушание Богу, Единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо. А не могут – люди с сильными порывами, потому что порывы уносят их. Святой Иоанн Лествичник сказал: «Отцы определили, что псалмопение – оружие, молитва – стена, непорочная слеза – умывальница, а блаженное послушание – исповедничество, без которого никто из страстных не узрит Господа»¹⁷⁶ Если же руководитель начнет искать послушание себе, а не Богу, – не достоин он быть руководителем ближнего! Он не слуга Божий! Слуга диавола, его орудие, есть сеть! *Не будите раби человеком*¹⁷⁷, – завещает апостол.

Пребывание твое с родителем твоим по плоти, служение ему, разумеется, должно остаться, как оно теперь есть. Заповедано инокам удаление от родителей, когда родители влекут в мир, отвлекают от Христа, но когда они содействуют нашим благим намерениям, когда они больны, беспомощны, нуждаются в руке нашей, – тогда ли отнять эту руку? Тогда помощь и служение им причисляются к иноческим добродетелям.

телям, одобрены и похвалены святыми отцами¹⁷⁸. Все духовное преуспеяние заключается в том, чтоб сердце, отрекшись переменчивых, бестолковых законов, – правильное, – беззакония своей воли, приняло законы Евангелие, всюду подчинялось им. Истинное послушание – в уме и сердце. Там и самоотвержение! Там и нож, о котором повелело Евангелие ученику своему: *да продаст ризу свою и купит нож*¹⁷⁹. Риза – нежность, удовлетворение приятных чувств сердечных по плоти и крови.

Такое понятие о послушании, самоотвержении, духовном преуспеянии оставляет наружное поведение в полной свободе. Да благословит Бог пребывание твое всюду, где бы ты ни был, когда сохранишь цель – богоугождение. Да благословит Бог все входы твои и исходы, если входить и исходить будешь с этою целию! *Господня земля и исполнение ея*¹⁸⁰ *на всяком месте владычества Его*¹⁸¹. *Темже и тищимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти*¹⁸². Никакое место в глазах моих не имеет особенной важности, а жизнь ради Бога на всяком месте бесценна.

Начну же говорить недосказанное в прежних письмах... Ты не совсем угадал, что мною было недосказано!.. Приехав к Вам в обитель, увидев тебя, я тотчас ощутил, что тут – не твое место; сердце мое было недовольно, что ты тут. Но сказать тебе это я был не вправе до сей минуты, когда ты дал мне право на откровенность, завоевав ее своим самоот-

вержением. Странник обязан приносить мир всюду, куда он ни входит, и оставлять мир. Нужно тебе место и настоятель, которые бы доставили, — не намеренно, по договору, но по естественному общему ходу, — свободу уму твоему идти по пути, который Бог благоволит указать ему. Бог да благословит твое намерение и да дарует привести его в исполнение к душевной твоей пользе и к успокоению страждущего родителя твоего. Только поступи основательно, спокойно, неторопливо, часто моли Бога привести тебя туда, куда Ему угодно. Уже ты испытал, каково кинуться в воду, не измерив наперед броду. И не позволяй себе при твоём исшествии никаких поступков и слов, которыми было оскорблено, нарушено святое смирение. Молчание лучше лучших слов. Выдь, как непотребный и грешный от честных и святых. Тогда рука Божия будет с тобою, рука, которая ведет и поддерживает смиренных, карает и сокрушает гордых.

Желаю, чтобы всюду поведением твоим благовествовалось Евангелие! Этого желаю непременно! Здесь являю власть ради Бога: окажи послушание ради Бога.

Думаю: при избрании нового места надо иметь тебе в виду, чтоб однажды в год или по крайней мере в два года можно было тебе иметь личное со мною свидание и беседу. Так делают некоторые иноки, по обстоятельствам живущие в других обителях, а по извещению сердечному руководствующимся моими советами. Скудость в духовных сведениях, которую я увидел в обители Вашей, поразила меня! Но где, в

каком монастыре и не поражала она? Светские люди, заимствующие окормление духовное в Сергиевой пустыни, имеют несравненно большие и определительные понятия, нежели эти жители монастырей. Это увидишь собственными очами. Живем в трудное время! *Оскуде преподобный* от земли, *умалишиися истины от сынов человеческих*¹⁸³. Настал глад слова Божия! Ключи разумения у книжников и фарисеев! Сами не входят и возбраняют вход другим! Христианство и монашество при последнем их издыхании! Образ благочестия кое-как наиболее лицемерно поддерживается; от силы благочестия отреклись, отверглись люди! Надо плакать и молчать.

Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всем, что ни предпримешь с благою целию, буди благословение Божие. У меня нет своего благословения: благословляю призыванием благословения Божия.

Для соображения нужно тебе иметь понятие о моих обстоятельствах. Я на них кивнул головой, махнул рукой! Да будет со мною как угодно Богу! Рассматривая состояние и потребности души моей, я признавал нужным мне безмолвие, глубокое безмолвие, вне всякой внешней земной должности, служа ближним служением слова. Прошлой зимой я думал видеть указание воли Божией к уединению в крайней болезненности моей и прочих обстоятельствах. С молитвою: *Не моя воля, но Твоя да будет*¹⁸⁴, подал я просьбу об уволь-

нении меня моему начальству и письмо о том же Государю Императору. Сначала дело наклонялось к увольнению меня; но внезапно поворотилось иначе. Государь лично изъявил мне свое желание, чтоб я возвратился в Сергиеву пустынь, – и полагаю, что должно туда возвратиться. Такое у меня сердечное чувство. Ин суд человеческий, ин Божий.

Благодарю тебя за то, что ты остановился излить сожаление о болезни моей: этим угодил мне! Вижу, что из тебя будет толк! Не люблю жесткого сердца от грубости, от недостатка любви к ближнему; но не люблю и плотски чувствительного, тающего в нежностях... Знаешь ли, что нежность лукава?... Я по природе с сильным и чувствительным сердцем, как и ты; потому не охотник позволять сердцу моему расслабление нежностью. Евангелие научило меня, что сердце слабое не способно к христианским добродетелям, что нужно его скрепить верою, самоотвержением, сделать героем при посредстве внутренних борений и побед... Победы делают сердце героем!.. За победы нисходит в него святая вера, живая вера, сильная вера!.. Насади и воспитай в себе мертвость ко мне. Что бы неприятное ты ни услышал о мне, – говори: «Однажды навсегда я отдал его Богу – и отдаю: да совершается над ним воля Божия».

В последней статье письма твоего говоришь: «О, если б я мог служить Вам в виде домашнего животного всяким родом службы, какой только доступен мне». С приятною улыбкою на устах и в сердце отвечаю: кажется, твое желание ис-

полнит Бог. Он так и устроил, чтоб тебе быть в одном деле со мною... Не помню, с которого времени, – а очень, очень давно, – мне особенно нравились слова апостолов: *Не угодно есть нам, оставльшим Слово Божие, служити трапезам...* *Мы же в молитве и служении Слова пребудем*¹⁸⁵. Служение братии Словом Божиим!.. Какою восхитительною, наслаждительною картиною представлялось очам души моей это служение!.. «Ни один наш дар, – сказал святой Иоанн Лествичник, – столько не благоприятен Богу, как приношение Ему словесной души покаянием. Весь видимый мир не равночестен одной душе; он преходит, а она нетленна и пребывает вовеки». Что же? Бесконечно много милосердый Бог подал мне в руки, но и извещает многим душам искать от меня этого служения! Теперь все время мое взято этим служением. Как утешительно перекликаются со мною многие души среди таинственной ночи мира сего с различных стран своих! Иная с одра болезни, другая из изгнания, иная с берегу Волхова, иная с берегу Двины, иная с поля Бородинского, иная из хижины, иная из дворца царского. Душа, где бы она ни была поставлена, если не убита нечувствием, везде ощущает нужду в Слове Божием, везде падение гнетет ее, давит. Произношу Слово Божие в беседах личных, пишу его в беседах заочных, – составляю некоторые книги, который могли бы удовлетворить нуждам нынешнего христианства, служить при нынешнем голоде каким-нибудь утешением и наставлением. От служения Слову раздается в ду-

ше моей какой-то неизреченно-радостный голос удостоверения в спасении... Твой жребий: принять участие в моем служении и ту мзду Духа, которая будет выдана по несказанной милости Божией за это служение, разделить со мною. Удовлетворен ли ты?.. Несколько времени, – как стала мне приходить мысль: великопостная служба столько заключает в песнопениях своих глубокой поэзии, которою говорит душа, проникнутая святым покаянием, что могла бы быть составлена особенная книга великопостных вдохновений в поэтическом порядке, с поэтическим построением. Предметы этих песнопений именно те, которые душа твоя в настоящем ее устройении способна правильно, полно ощутить, – потому удовлетворительно, определительно выразить. Но решение этого дела – до личного свидания. О нем надо много, основательно потолковать.

Пишешь, что тонкий помысл тебе внушает искать собственно «моего» учения. Вижу, такое твое призвание. По вере твоей да будет тебе¹⁸⁶. И я тебе этого желаю: да дарует тебе Бог наследовать «верую» сокровище духовное.

Наконец, прими мое поздравление: приветствую тебя со вступлением в правильный род иноческой жизни, от которого получишь систематическое духовное воспитание. Такое воспитание – неоцененное благо; доставляемое им устройство душевное далеко отстоит от устройства хотя и похвального, но приобретаемого самоучкою, в жительстве самочинном. Осяжи сердце твое! Не раздается ли в нем чувство лег-

кости, свободы, радости, извещения? Такие бывают ощущения в душе, когда она получит дар свыше. Ты получил его, принял рукою веры. Начинай, Израиль, наследовать землю Обетованную!¹⁸⁷

Христос с тобою!

Письмо 96

К брату, занимающемуся умною молитвою. Наставление в духовной жизни

Призываю на тебя и на начинания твои благословение Божие! Да содействует тебе милость и помощь Божия!

Удивляюсь простоте твоего сердца и утешаюсь ею! Повторяю сказанное в четвертом письме моем: «Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всем, что ни предпринимаешь с благою целью, – буди благословение Божие». Разумеется: сюда принадлежат отношения твои к ближним, а в числе их и к отцу Н. Дело, принадлежащее собственно мне с тобой, – наблюдать, чтоб шествие твоего ума и сердца было по пути святых евангельских заповедей, чтоб по этому пути ты взошел в разум Истины, в видение духовное. В стране видения неизреченная, чудная простота заставлена, заслонена миродержителями от человека, подчинившегося им грехопадением – бесчисленными обольстительными лжеобразами Истины. И здесь-то я особенно нужен к услужению тебе по милости и избранию Божию, предопределившим тебе опытное познание этих предметов во славу Бога, для пользы многих человеков. Если бы не было этого предопределения, я был бы те-

бе нужен и полезен несравненно меньше, ты удовлетворялся бы очень немногим, к убогому слову моему не имел бы ты такого извещения, от всея души, этой несытой жажды. Попущено встать против тебя таким иноплеменникам, которые иначе не могут быть низложены, как видением. К этому же видению направлены все твои естественные свойства. Бог даст: все это узнаешь и ясно увидишь. Человечек! Твое назначение – не себе принадлежать, а ближним! Потрудишься доставить им стяжание чистое, святое!

Получив твое письмо от 25–29 ноября, я не поторопился отвечать на него: ответ на вопрос, всего более тебя занимающий, мною дан в посланном к тебе последнем письме. А я в то время лежал и лежал: лекарство целит меня, но по временам крутит, лишая сил и способностей ко всякому занятию. Ты желаешь иметь от меня подробнейший, точнейший отзыв об отношениях твоих к старцу Н.? Вот он – не следствие слов твоих, но, как подобает, извещение недостойного сердца моего, извещающего и просвещающегося святым миром. Избрание твое вполне одобряю. Оно – избрание не ветреное, избрание не сверстника юного, а человека уже в некоторых летах, имеющего в глубине своего сердца чувство «хранить себя». Этот человек так устроен и по природному своему нраву, что может служить для тебя, по природе пылкого, преполезным ограничением в твоём наружном поведении. Желаешь, чтоб я утвердил Ваше расположение о Господе моим убогим благословением? И призываю на Вас

благословение Божие, призываю благодать Божию, немощное врачующую, недостаточное восполняющую, споспешествующую всем святым начинаниям, без которой никакое истинное дело совершаться не может. Да творит Господь над Вами святую волю Свою, да изливает на Вас святую благодать Свою! Во всем этом обстоятельстве нехорошо только то, что ты в порыве горячности давал слово пред крестом. Отчего бы не дать этого слова со страхом Божиим и смирением, как велит в таких случаях поступать святой апостол Иаков; он завещает говорить так: *Аще Господь восхощет, и живи будем, и сотворим сие или оно*¹⁸⁸. Не думаешь ли, что обещание от клятвы и порыва получается твердым? Нет! От них-то оно и делается хилым. Давал святой апостол Петр на Тайной Вечери клятвенное обещание умереть со Христом, и какое же было последствие этой клятвы?.. Господь встретил клятвенные обещания, сказал, что «они от неприязни»¹⁸⁹. Точно, «они от неприязни»! В них – самонадеянность, устранение Бога, оживление самости, плотское мудрование! В них, как замечает святой апостол Иаков, гордыня, хвала, то есть самохвальство! Да стяжут слова наши твердость от крепкого Господа! Да будут они тверды, как основанные на камени заповедей евангельских.

Вот как я хочу, чтобы ты вел себя в таких случаях, а прошедшее да простит тебе Бог! Вникни: ничего нет чудного, необыкновенного, что мы впадаем в погрешности, что в нас действует грех! Этому удивляются, этим смущаются одни

неопытные. Мы все – в падении; начинаемся уже в беззаконии, уже родимся в грехах. Должно с терпением и долготерпением носить «ярем Навуходоносоров», то есть действие в себе греха, и с милостию к себе очищать себя покаянием, повергая немощь свою пред Богом, непрестанно показывая Ему ее. Всякое нарушение закона очищается покаянием, дело неправильное получает правильность, когда его выправят по Евангельским заповедям. Так очищаются и поправляются обещания клятвенные, данные в явное противоречие закону Божию. Опять превосходным примером нам может служить святой апостол Петр. Нарушив клятвенное обещание свое, от порыва нрава, обещание умереть за Христа, он оплакал свои клятвы плачем горьким; впоследствии, уже водимый Духом и разумом Истины, вкусил смерть за Христа – и с каким смирением! – вкусил ее не как приносящий дар Богу, но как приемлющий дар неоцененный от руки Божией, как вполне недостойный такого дара. Желаю, чтоб ты усовершился в любви к ближнему, очистив себя от двух крайностей, от двух друг другу противоположных недугов, которыми заразило падение любовь человеческую: от вражды и от пристрастий. Этого достигнет сердце, когда почиет в Боге.

Христос с тобою! Он да причтет тебя к людям «Своим», да дарует тебе ту крепость, которую приемлют от Него люди – точно Ему «Свои».

14 декабря 1847 года.

Р.С. Со вниманием прочитывай мои недостойные письма, не спеша. Моли Бога, чтоб даровал мне слово истинное, духовное, а тебе разумение этого слова. Слово духовное точно невещественное неудобоемлемо, ускользает от ума ветхого. Оттого и случается, что перечитывающий его встречается в нем много нового, ускользающего при первом чтении и чтениях. Ты – хотя и человек – но ум у тебя, как обращавшийся лишь в вещественном, еще какой-то толстый, духовное переделывает на вещественное. И является у него забота, как у Никодима: *како может человек родиться стар сый; еда может второе внити во утробу матере своея и родиться?*¹⁹⁰ Мне тебя – мученияка – жаль, у тебя столько разнородных страданий! Не мучься заботами Никодима! Душа моя! Мне бы хотелось только утешать тебя! Что ж мне делать, когда чаша обильного утешения, подаемая из страны духовной в страну вещественности, для самого вкушения ее требует распятия: привыкший к вину ветхому не *абиехощет* *нового*¹⁹¹, – сказал Спаситель.

Письмо 97

К брату, занимавшемуся умною молитвою. О сочинениях своего духовного сына

Положив в недостойную мою руку, как руку священную, твой ум и сердце для принесения их при посредстве этой руки, в жертву Бога, пожелав собственно «моего учения», чего уже и я тебе желаю, – ты приобрел право получить, а я вменяю себе в обязанность тебе доставить краткий отчет моей жизни, жизни ума и сердца. Взгляни на то, чему, не видев, уверовал, – чего, не видев и не зная, пожелал, водимый непостижимым чувством сердца, призванием! Присылаю думу, которую я назвал «Плач мой», а написал прошедшею зимою, полагая, что указывается мне отшествие из Сергиевой пустыни и даруется бесценное безмолвие... Может быть, дело и идет к тому!.. Вернее – плакать о грехах на уединенном берегу Волги, нежели предаваться молвам, скопившимся со всей России на берегах Невы.

Получил от твоего настоятеля тетрадь твоих стихотворений. Зачем мне прислали ее?.. Неужели я скажу на ветер, скажу кому-нибудь кроме автора, кроме кого-либо могущего и нуждающегося понять дело, мое мнение о каком бы то ни было сочинении?.. Впрочем, я прочитал ее – увидел ни

более, ни менее как то же, что увидел при первом знакомстве с тобою, с твоею душою. Мое первое знакомство с твоею душою, – в Петербурге, в Сергиевой пустыни, в моем кабинете, когда я прочитал некоторые твои стихотворения. Первое впечатление, произведенное на меня твоею душою, остается неизменным, самым живым, – более объяснилось, утвердилось. Впечатление было верное, как верен ты. «Где этот человечек? – (такое имя дало тебе мое впечатление!) Он непременно житель или будет жителем святой обители!» В душе его слышал я глубокое, истинное призвание к Богу. Это призвание отдалось чем-то знакомым. Приезжаю к Вам в обитель; неожиданно называют, указывают мне тебя, гляжу: «Да – это тот самый человечек!»... Я глядел на душу; для лица и для всего вещественного я – точно без глаз. Черты физиономий как раз забываю; черты души, и самые тонкие, остаются запечатленными в памяти.

Увидишь из прилагаемой статьи, что твое давнее призвание (так устроил нас Создатель – Бог!): последовать и наследовать мне, тому моему, что не мое собственно, – усвоилось мне по великой милости Господа, хотя и я вполне недостойн такой милости. Мне нравятся те твои сочинения, которые вижу в утешающей меня дали твоего будущего. Я угадываю твои будущие сочинения по настоящим: душа, как выказывающаяся при ее собственном свете и вдохновении, от которых еще несет плотским разумом и чувством, удовлетворит меня, когда по очищении от этого сору и смраду будет вы-

сказываться при вдохновении и свете Христовом.

Хорошо сделал, – так и впредь делай, – что описал мне ясно происшедшее в тебе действие при прочтении «немиловостивых слов». Точно: это было нервное состояние (ты уже это смекнул!), это было чувство плоти, увидевшей, что ей готовится распятие; это действие плотского разума, когда этот разум видит предстоящую смерть на кресте веры.

Письмо 98

К тому же. Описание одного сновидения, о голосе своего сердца, необходимости одиночества, телесном и душевном подвигах

2 декабря получил я письмо твое; а на 30 ноября видел тебя во сне. И вот какой был сон мой: вижу – в руках моих какая-то вновь изданная книга, похожая форматом на посланную тебе мною «Стихотворения святителя Григория Богослова», только печать ее покрупнее, как бы печать брошюры «Валаамский монастырь». Холодно, без внимания перебираю листы книги, останавливаюсь на какой-то статье, узнаю: это твои новые сочинения, существующие в моем предчувствии! – много тут мыслей, целых тирад из нашей переписки. С сердечным интересом и утешением начинаю рассматривать, читать книгу; в ней все мне так нравится! Вдруг предо мною картинка, премиленькая, пречистенькая картинка, как бы живая – с движением! Смотрю: Ваш монастырь, пред ним тихое, покойное, уединенное поле. По полю идешь ты в послушническом подряснике, с шапочкой на голове. Навстречу тебе от монастыря едет на коне Божия Матерь, подобно тому как Господь, Сын Ее, въезжал в Иерусалим на жребяти ос-

ли. Поравнявшись с тобою, Она остановилась, благосклонно обратилась к тебе, благословила тебя, говорит так мило, свято, мирно: «Ты будешь жить в... тебе здесь не утешиться». При этом разлилась в сердце моем необыкновенная приятность; от сильного ее действия я проснулся и чувствую: та же приятность, которую ощущал я во сне, сладит душу мою наяву. Где тебе жить – ускользнуло от слуха моего... в вере!! – но, что ты под кровом и попечением Божией Матери, меня несказанно радует. *Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его*¹⁹².

В этом сне мне все – по мысли. Сущность его: слова кротчайшие и милостивейшие Богоматери. Ими не осужден монастырь, не осужден и ты: все покрыто Божественным снисхождением. Чудно и мудро ускользнуло от слуха название места, определенного тебе в жительство. Этим умолчанием оставляется сердце в свободе. Весь сон – только утешает.

Милость Божия посетила тебя в день приобщения Святых Христовых Таин. Это было истинное утешение, утешение начальное, объемлющее поверхность ума; дальнейшие утешения, которые тебя ожидают по благодати Божией, будут гораздо глубже. Понял ли ты, как оно уняло кровь, какое расстояние между ним и кровавым восторгом, которым жалко тешат себя самообольщенные? Вкушение утешения начнет мало-помалу просвещать ум твой познанием Божественным. От вкушения – просвещение и разум духовный: *Вкусите и видите, яко благ Господь*¹⁹³, – говорит Писание. Ты

хранишь мою тайну, и храни ее: этим дашь свободу моему сердцу быть откровенным с тобою, вполне свободным; с другими открывается соразмерно им. Родство по плоти не имеет никаких прав на связи и отношения духовные, – разве делается достойным, породнившись о Господе Духом. Оставляй меня таким, каким мне велит быть сердце мое. В откровенности моей пред тобою нет ничего премудрого и разумного, – одно, – дерзаю сказать – невинное, утешительное в Боге. С этою откровенностию говорю следующее: хотя я весь погружен в страстях, но молил Бога, признавая эту молитву сообразною воле Божией: «Господи! Даруй Леониду ощутить духовное утешение, чтоб вера его соделалась верою живою, – верою от извещения сердечного, не от одного слуха». Как и ты – я слаб на язык, непрестанно падаю им, хотя непрестанно более и более убеждаюсь в достоинстве молчания. По этой слабости, недели две тому назад повторил С.: «Слышу сердцем моим, как в Леониде действует утешение». Получив письмо твое, я показал ему те твои строки, в которых написано об утешении, чтоб он и этот случай приложил к прочим своим опытам, полезным для души его. Храни утешение и не позволяй уму твоему вдаваться в мечтания. Утешение сперва действует на ум, обновляя мысли; а он, почувствовав оживление, охотно вдается по неопытности своей в мечтательность и в ней бесплодно и безрассудно истощает дарованную ему сладость. Сказывает тебе это сердце твое? Ведь оно говорит, только мы не вдруг навываем расслушивать го-

лос его. При утешении вдавайся более в благодарение, в молитву и самоукорение; утешение будет возрастать и возрастать. Я желал для тебя, чтоб ты был причастником блаженной трапезы утешения духовного: вкусивший ее соделывается мертвым для мира, стяжевает особенную силу к совершению пути духовного. Так, святой пророк Илия, по вкушении пищи, принесенной ему Ангелом Господним, *иде в крепости яди тоя четыредесять дний и четыредесять нощей до горы Божие Хорив*¹⁹⁴, там сподобился сперва явственнейшей беседы с Господом, а потом и совершеннейшего Боговидения во *гласе хлада тонка*¹⁹⁵. Эти утешения – таинственная манна, названная в Писании *хлебом небесным*¹⁹⁶, пропитывающая новых израильтян – христиан – во время путешествия их по пустыне – во время странствования земного. Эти утешения – *манна сокровенная* Апокалипсиса, о которой сказал явившийся Иоанну Богослову Сын Божий: *Побеждающему дам ясти от манны сокровенный*¹⁹⁷. Она – точно «сокровенная»: незрима человеками; ее видит подающий Бог – видит невидимо, видит ощущением приемлющий раб Божий. Таковой раб Божий, пребывая во множестве людей, пребывает один с Единым Богом, видимый и невидимый, знаемый и никому не ведомый. Теперь скажи: хорошо ли быть одним? Теперь скажи: каков приговор, которым я на тебя грянул: «ты должен быть один»? Приговор смерти и жизни! Только минуты перехода трудны; когда же вкусишь жизнь, – смерть ни-

почем! Так ли, герой?.. Трапеза духовного утешения – как пища и вместе как отрава! Кто вкусит ее, теряет живое чувство ко всему вожделенному мирскому. Все, многоуважаемое миром, начинает казаться ему пустою, отвратительною пылью, смрадною мертвечиною.

Очень приятно мне, что спутником твоим приходится быть Н. Расположение к тебе этого старца – дар Божий. Дары Божии надо содержать в чистоте. Пойми: Христос – Законоположитель любви – заповедал отречение не от любви, а от пристрастия, этого недуга, искажения любви. Имей любовь ко всем, в особенности к рабам Божиим; а пристрастие врачуй, ограждайся от него, отречением от твари – от меня и от всякой другой – преданием твари Творцу. Не усвояй себе тварь; приноси свою свободу в жертву единому Богу. При таком самоотвержении и отречении от всего, или во всем от самости, возмешь иметь духовную любовь ко всякому ближнему, возмешь иметь много и многих – Богом, в Боге, – и вместе пребывать в нестяжании и бесстрастии, в священном безмолвии и уединении о Господе.

В молитвенном подвиге будь свободен. Поступай, как привык поступать; вкушай то, что тебе по вкусу, что тебя питает, удовлетворяет. Не гоняйся за количеством молитвословий, а за качеством их, то есть чтоб они произносимы были со взиманием и страхом Божиим. Дальнейшее покажут время и состояние души твоей... Леонид! ты счастливее меня! Завидую тебе! Когда я поступил в монастырь, – ни от кого

не слыхал ничего основательного определительного. Бьюсь двадцать лет, как рыба об лед! Теперь вижу несколько делание иноческое; но со всех сторон меня удерживают, не впускают в него... Живем в ужасное время: в преддвериях развязки всему.

Прочитай книгу «Цветник». Там много сказано о телесных подвигах; в них явлено самоотвержение, что вполне справедливо, истинно. Книга эта для преуспевших уже иноков; это увидишь, это говорит и сам писатель. Всякая книга, хотя бы исполненная благодати Духа, но написанная на бумаге, а не на живых скрижалях, имеет много мертвости: не применяется к читающему ее человеку! Потому-то живая книга – бесценна! Тебе надо умеренною наружною жизнью сохранить тело в ровности и здравии, а самоотвержение явить в отвержении всех помышлений и ощущений, противных Евангелию. Нарушение ровности нарушит весь порядок и всю однообразность в занятиях, которые необходимы для подвижника. «Плоть и кровь» не в плоти и крови собственно, а в плотском мудровании. Оно поставляет душу под влияние, власть плоти и крови, а плоть и кровь под полную власть и управление греха. И тела святых имели плоть и кровь, но свергшие ярем греха мудрованием духовным, вступившие под управление и влияние Святого Духа. Иные так устроены Создателем, что должны суровым постом и прочими подвигами остановить действие своих сильных плоти и крови, тем дать возможность душе действовать. Дру-

гие вовсе не способны к телесным подвигам: все должны выработать умом; у них душа сама по себе, без всякого предуготовления, находится в непрестанной деятельности. Ей следует только взяться за оружия духовные. Бог является человеку в чистоте мысленной, достиг ли ее человек подвигом телесным и душевным, или одним душевным. Душевный подвиг может и один, без телесного, совершить очищение; телесный же, если не перейдет в душевный, совершенно бесплоден, более вреден, чем полезен: удовлетворяя человека, не допускает его смириться, напротив того, приводит к высоте мнения о себе, как о подвижнике, не подобном прочим немощным человекам. Впрочем, подвиг телесный, совершаемый с истинным духовным рассуждением, необходим для всех одаренных здоровым и сильным телосложением, с него надо начинать общее правило иноческое. Большая часть тружеников Христовых, уже по долговременном упражнении и укоснении в нем, начинают понимать умственный подвиг, который непременно должен увенчать и подвизающегося телесно, без чего телесный подвижник – как дерево без плодов, с одними листьями. Мне и тебе нужен другой путь: относительно тела – нам надобно хранить и хранить благоразумную ровность, не изнурая сил телесных, которые недостаточны для несения общих подвигов иночества. Все внимание наше должно быть обращено на ум и сердце: ум и сердце должны быть исправлены по Евангелию. Если же будем изнурая телесные силы по пустой, кровавой ревности к телесным по-

двигаю, то ум ослабеет в брани с духами воздушными, миродержителями тьмы века сего, поднебесными, падшими силами, ангелами, сверженными с неба.

Ум должен будет ради немощи тела оставить многие сильные, существенно необходимые ему оружия, — и потерпеть безмерный ущерб. Говорю тебе испытанное на самом деле, познанное на горьких опытах. Когда я был юношею, — все это говорило мне сердце мое, — не так ясно, не определительно, — но говорило. Другого голоса, другого свидетеля, который бы подтвердил, объяснил свидетельство сердца — не было. И не устоял, не поддержанный никем, глагол моего сердца пред умом моим! Не умел я слушать моего сердца! Страшным, опасным казалось мне слушать его! Тонок, таинствен его голос!.. Старцы, общею молвою прославленные, как одаренные духовным рассуждением, говорили другое, издавали другое мнение об этих предметах, не так, как я понимал и видел их. Всегда я себе не верил: мысль слабая, увертка ума в другом, казалась мне предпочтительнее моей мысли, прямой и сильной. Много времени протекло в таком состоянии; не много лет, как я оказался освобожден от последования мнениям других; встречаю приходящее к уму моему мнение человека и книги не как страннолюбец гостеприимный и приветливый, но как строгий судия, как привратник, хранитель чертога, облеченный в этот сан милостию Всемилоственного Бога моего, после бесчисленных, смертных, долговременных язв и страданий. В этом сани привратника стою у врат души

твоей. Мое – твое. Мне данное туне после лютых ударов ты
взял туне верою. Христос – подающий. Ему Единому слава!
Аминь!

Письмо 99

К брату, занимающемуся умною молитвою. О смешении в людях добра со злом, «определительности», сочинения, написанные из «мнения»

Мир тебе! Благодать Божия да сопутствует тебе, да хранит тебя, да устраивает твое внешнее положение. Будь спокоен: все совершающееся с тобою совершается как бы с рабом Христовым, которому должно *многими скорбьми... внити во Царствие Божие*¹⁹⁸, которому должно «пройти сквозь огонь и воду и введenu бысть в покой»¹⁹⁹, которого сердцу предназначено «возвеселиться утешениями Божиими по множеству болезней его»²⁰⁰.

При утешениях – за верное, за непрелестное, за Божие принимай одно вполне невещественное духовное действие, являющееся в мире сердца, необыкновенной тишины его, в какой-то хладной и вместе пламенной любви к ближнему и всем созданиям, любви, чуждой разгорячения и порывов, любви в Боге и Богом. Этот духовный пламенный хлад, этот всегда однообразный тончайший пламень – постоянный характер Спасителя, постоянно и одинаково сияющий из всех действий Спасителя, из всех слов Спасителя, сохраненных

и передаваемых нам Евангелием. В этот характер облакает Дух Святой при производимых Им утешениях служителя Христова, снимая с души его одежду ветхого Адама, облакая душу в одежду Нового Адама и доставляя таким образом существенное познание Христа, познание вполне таинственное и вполне явственное. От всего вещественного отвращайся – явится ли оно очам телесным или воображению. Оживить чувства, кровь и воображение старались западные; в этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью. В этой стране все их видения. Читающий их непременно заражается духом прелести, любодействует в отношении к Святой Истине – Христу, подвергает сам себя роковому определению Божественного Писания; оно говорит: *Яко се удаляющий себе от Тебе погибнут; потребил еси всякаго любодейскаго от Тебе*²⁰¹.

Восточные и все чада Вселенской Церкви идут к святине и чистоте путем совершенно противоположным вышеприведенному: умерщвлением чувств, крови, воображения и даже «своих мнений». Между умом и чистотою – страну Духа – стоят сперва «образы», то есть впечатления видимого мира, а потом мнения, то есть впечатления отвлеченные. Это двойная стена между умом человеческим и Богом. Из жизни образов в уме составляется плотский, а из мнений душевный разум, не приемлющие веры, не способные к живой вере, являемой делами, вообще всем поведением, и рождающей ду-

ховный разум, или разум Истины. Потому-то нужно умерщвление и воображения, и мнений. Понимаешь ли, что мнение – прелесть? Эту прелесть Писание называет *лжеименным разумом*²⁰¹, то есть произвольным ложным умствованием, присвоившим себе имя разума. Точное и правильное понятие об Истине есть «знание», знание от видения, видение – действие Святого Духа. Когда нет знания истинного в уме, оно заменяется знанием сочиненным. Люди часто сознаются в этом невольно, не понимая сами, какое глубокое значение имеет их сознание; они говорят: «Мы приняли так понимать», то есть составили за неимением знания точного мнение, чуждое всякой точности. Итак, мнение – прелесть! Избавляемся от прелести заповеданным в Евангелии самоотвержением, погублением души своей. Погублением души названо отречение от своих мнений, от своей воли, от стяжательности, от кровавых движений, от чувств – словом сказать, от всей, вместе взятой, прелести, обнявшей всего человека, все части его, все существо его. Прелесть так усвоилась нам, что сделались как бы жизнью, как бы душой нашей, совершенно заглушила естество наше, как заглушают плевелы хлеб на поле, чрезмерно удобренном. Устранение у себя прелести названо богомудрым Писанием с чрезвычайною правильностью: самоотвержением, ненавидением, погублением души своей и проч.

Выслушай и следующее: человеческое повреждение состоит в смешении добра со злом; исцеление состоит в посте-

пенном удалении зла, когда начинает в нас действовать более добро. Совершенное отделение добра от зла, чистое действие одного добра бывает в одних совершенных, и то на время и по временам. Место, где действует одно чистое добро – Небо, на земле – смешение. При наших духовных утешениях продолжает действовать это смешение. Только количеством добра превозмогается количество зла, – оттого и утешение. Следовательно, при утешении надо наблюдать крайнюю осторожность, зная, что грех, падение, прелесть близ нас. *Работайте Господеву*, – завещевает пророк, – *со страхом, и радуйтесь Ему со трепетом*²⁰³. Отвергай с тихостию, как бы отказываясь, как недостойный, всякое изображение, являющееся уму или телесным очам, света ли или какого святого и Ангела, Самого Христа и Божией Матери, всего, всего. Старайся иметь ум твой единственно внимающим словам молитвы, безвидным, не запечатленным никаким образом (как бы этот образ тонок ни был!), не занятым никаким мнением, в полном самоотвержении. Мы пали отвержением Божиего, оживлением своего: а свое у нас ничтожество, небытие; ведь все, что имели мы до бытия, начиная с которого, включая которое все получили мы от Бога. Устранив из себя Божие, оживив в себе свое, мы родили «смерть». Провести себя в небытие мы не в силах, но исказить свое бытие, сделать его худшим небытия, родить смерть – мы могли (разумеется, смерть душевную! телесная пред душевной мало-значительна, результат ее. Она была бы еще отрадою, если

бы не давала большего развития вечно существующей смерти душевной).

Чтоб умертвить смерть, надо устранить из себя все свое, приведшее и хранящее смерть: в самоумерщвленного проникает Дух и как

Создатель дарует ему «пакибытие». Когда действия чисто духовные умножатся в душе твоей, тогда всякое чувственное явление потеряет цену на весах твоего ума и сердца.

Хорошо делаешь, что приходящих к дверям твоей душевной клетки просишь подождать до свидания с твоим привратником. С этой же целью храню твои письма; большую часть писем, получаемых мною, истребляю по прочтении и ответе. Несколько раз ты слышал от меня слово «определительность», и не совсем ясно для тебя, что я хочу высказать этим словом. Определительность от «знания», неопределительность – непременно чадо «мнения». Определительность есть выражение знания в себе мыслями, для других, словами. Ей свидетельствует сердце чувством мира. Мир – свидетель истины, плод ее. Мне очень не нравятся сочинения: ода «Бог», переложения псалмов, все, начиная с переложений Симеона Полоцкого, переложения из Иова Ломоносова, *athale de Raine* все, все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и религии, написанные писателями светскими. Под именем светского разумею не того, кто одет во фрак, но кто водится мудрованием и духом мира. Все эти сочинения написаны из «мнения», оживлены

«кровяным движением». А о духовных предметах надо писать из «знания», содействуемого «духовным действием», то есть действием Духа. Вот! Этого-то хочется мне дожидаться от тебя! Оду «Бог», слышал я, с восторгом читывал один дюжий барин после обеда, за которым он отлично накушивался и напивался. Бывало читает, и слюна брызжет изобильно на всех и все, как картечь из крупнокалиберного единорога... Приличное чтение после сытого обеда! Верен, превелик восторг, производимый обилием ростбифа и шампанского, поместившихся во чреве! Ода написана от движения крови, – и мертвые занимаются украшением мертвецов своих! Не терпит душа моя смрада этих сочинений! По мне, уже лучше прочитать, с целью литературною, «Вадима», «Кавказского пленника», «Переход через Рейн»: там светские поэты говорят о своем, – и в своем роде прекрасно, удовлетворительно. Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они – какое преступление: переоблачать духовное, исказить его, давая ему смысл вещественный! Послушались бы они веления Божия «не воспевать песни Господней на реках Вавилонских»²⁰⁴. Кто на реках Вавилонских не отступник от Бога Живого, на них тот будет плакать. Не унывай! Будь мирен, и со спокойствием, с душевною беспопечительностью предайся водительству веры. Обстоятельства сами покажут, что должно делать. Трудности да научат тебя вере, которую да подаст тебе Податель всех благ видимых и невидимых, Христос!

Письмо 100

К брату, подвергшемуся душевному смущению от обвинения ближних. Об обвинении себя, вреде безвременного покоя, должном отношении к ближним

*Возлюбии искренняго твоего яко сам себе*²⁰⁵, — заповедует нам Слово Божие.

В исполнении этой заповеди Евангелия предлагаю тебе врачество, которое всегда приносило пользу душе моей, когда душа моя прибегала к нему. Когда душа моя забывала об этом врачестве, искала облегчить болезнь свою оправданиями человеческими, думала разрешить задачу страданий человека на земле иначе нежели крестом Христовым, тогда она — лишь трудилась напрасно! Тогда мучения ее — только умножались и усиливались! Врачество, о котором я говорю, «обвинение себя».

Много прекрасных изречений об обвинении себя произнес святой Пимен Великий. Прочитай их в книге, которая есть у тебя: «Достопамятное сказание о подвижничестве святых и блаженных отцов».

Инок, обвиняющий себя, устоит во всех напастях! Какая

скорбь может сокрушить того, кто признал себя достойным всякой скорби? Того, кто всякую приходящую скорбь встречает словами блаженного разбойника: «Достойное по делам моим приемлю; помяни меня, Господи, во Царствии Твоем!»²⁰⁶

Какой скорби уstraшитcя тот, кто верует, что на него неуклонно взирает око Божие, что никакая скорбь не может прикоснуться к нему без попушения или манования Божия? Огради душу твою крестным знамением и с верою пуcтись в море скорбей иноческих! Благополучный попутный ветер да надувает паруса твои, да несет быстро ладью души твоей в пристанище бесстрастия и святости. Этот ветер, дующий всегда благотворно, всегда постоянно, в одном направлении Божия Духа и Истины: учение Евангелия, учение святых отцов Православной Церкви. Один из этих отцов, святой Иоанн Лествичник, сказал: «Кто отверг обличение, правильно или неправильно, тот отвергся своего спасения». Научись носить немощи ближних, угождать им ради Бога, а не себе, научись полагать душу свою за ближних твоих! Научись претерпевать выговоры и оплевания! Держись за обвинение себя, как упавший в воду держится за кинутую к нему веревку, — и избавишься от потопления в смущении и печали! Некий великий инок, наставник многочисленного собрания монашествующих в горе Нитрийской, сказал: «Нужнейшее душевное делание инока — непрестанно обвинять себя». Новый человек, описанный, изображенный в Евангелии, да снидет ма-

ло-помалу из Евангелия в твою душу, да изобразится в душе твоей. Да изгладятся из нее черты человека ветхого, черты, которые получаем наследственно при рождении, которые внезапно явились на душе нашего праотца, согрешившего, – и обезобразили эту душу – дотоле образ совершенный Совершенного Бога. Из этого расстройтва – все наши смущения и мучения, временные и вечные! Как безобразна душа, когда она в смущении! Как она прекрасна, когда спокойна! Еще прекраснее, когда завевает в ней благодатный мир от Господа. Это спокойствие, самый этот святой мир исходит в душу, обвиняющую себя, – и вот тому причина: «Душу, которая будет обвинять себя, – сказал Великий Пимен, – Господь возлюбит». Обвинять себя может только умерщвляющийся для человеков. Кто же попустит себе малейшее пристрастие к человеку, тот не возмoжет сохраниться в самоосуждении, а потому и в мире. Надо отдать всех людей Богу. Этому научает нас и Церковь; она говорит: «Сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Кто предаст себя и всех Богу, тот может сохранить мертвость ко всем; без этой мертвости не может воссиять в душе духовное оживление. Если пребудешь верным Богу и сохранишь умерщвление к человеку, то явится в свое время нетленное духовное сокровище в душе твоей, узришь воскресение души твоей действием Духа. Об этом плотские люди не могут составить никакого понятия. Когда же в свое время человек увидит себя измененным, воссозданным – удивляется, как бы вновь со-

творенный, рассматривает страну Духа, в которую ввел его неожиданно Бог, недоумевает, за что бы излилась такая милость Божия на ничтожное создание – человека.

Не унывай при случившихся переменах. Никому из людей не свойственно постоянное, без всяких унижений, пребывание в добре: тем более не свойственно это новонаначальному! Отдай долг страстям! – сказал некоторый святой наставник монашествующих. Побеждение врачуй покаянием! Борьба нового человека с ветхим соделает тебя искусным в невидимых бранях, твердым, мужественным. Не желай преждевременно состояния спокойного! Во время войны воин обогащается корыстями. Да даст тебе Господь полную и славную победу над грехом, да даст состояние нерушимого мира в свое, законное время. Всему есть время! Безвременно снятый плод, хотя и с превосходного дерева, – кисел, горек, жидок. Спокойствие безвременное – потеря, – не приобретение! – лишает драгоценных опытов, духовного преуспеяние и просвещения.

Предай Богу скорбящего брата. Бог устроит о нем во благо и изведет от печали душу его. Сохраняет святую любовь к ближнему тот, кто имеет с ним общение ради Бога; сохраняет эту святую любовь и тот, кто ради Бога удаляется от такого общения. Наше естество повреждено падением: повреждена им и наша естественная любовь. Поэтому, для исполнения условий святой любви, надо руководствоваться не сердечными чувствами и влечениями, а велениями Евангелия,

всесвятыми заповедями Господа нашего Иисуса Христа. Одна из таких заповедей говорит: *Аще десная рука твоя соблазняет тя, усецы ю и верзи от себе*²⁰⁷, то есть если какой-нибудь человек, столько нужный и близкий тебе, как правая рука, приносит тебе душевный вред, – прерви с ним общение.

Так велит нам поступать заповедь Законоположителя совершенной любви. А мечты и чувствования нашего падшего сердца легко могут увлечь нас в пропасть!..

Христос с тобою!

Письмо 101

О трех родах подвига

Есть подвиг телесный, есть подвиг умственный и душевный, есть подвиг веры. Подвиг телесный и подвиг умственный одни, сами по себе, не только не полезны, – вредны: они растят в человеке его «я». Тщетно думаем ими противостать греху: только более и более запутываемся в его сетях, погружаемые в его пропасти. Стяжи подвиг веры! Им сокрушишь всех врагов твоих. Подвиг веры умерщвляет человеческое «я», оживляет Бога для человека, – и живой Бог совершает знамение в земле Египетской, вводит Израиль в землю Обетованную, избивает от лица его иноплеменников дождем каменным и громами небесными, созидает стены Иерусалима. Стяжи подвиг веры – и будешь всемогущ, будешь всегда победителем. Тогда захочешь ли употребить в дело подвиг телесный или подвиг душевный, – увидишь их ожившими, возмощившими о Господе. Если же захочешь обойтись без них, – одною челюстью ослею – смирением – поразишь иноплеменников. Верую возвеличь в себе Бога, и Он возвеличит тебя бесстрашием и духовным разумом.

Письмо 102

Утешение в скорби по поводу умопомешательства

Бог да утешит Вас в постигшей скорби. Влас главы нашей не падает без воли Его! Иначе взирает мир на приключения с человеками, и иначе Бог. Видим, что святой Нифонт Епископ четыре года страдал умоисступлением, святые Исаакий и Никита (который был впоследствии святителем Новгорода) долго страдали умоповреждением. Некоторый святой пустынножитель — упоминает об этом событии Сульниций, писатель IV века, в рассказе Пустоминиана, путешествовавшего по монастырям Востока, — творивший множество знамений и заметивший от этого возникшую в себе гордость, молил Бога, чтоб для уничтожения славы человеческой попущено было ему умоповреждение и явное беснование, которые и попустил Господь смиренномудрому рабу Своему. Веруем, что без воли Божией не может к нам приблизиться никакая скорбь; всякую скорбь, как приходящую от руки Божией, приемлем с благоговейною покорностью воле Божией, с благодарением, славословием всеблагого Бога, непостижимого в путях Его, дивного во всех делах Его.

Письмо 103

Советы желающему вступить в монастырь

*Блудите... како опасно ходите... яко дние лукави суть*²⁰⁸, — сказал апостол. Если в его время нужно было это наставление спасающимся, тем нужнее оно в наше время. Точно! Нужны нам большая осторожность, большая осмотрительность, более благоразумия: примеры святости, средства к достижению святости уменьшились, — примеры соблазнительные, средства расстроить себя грехом умножились. Беда и в пустынях, беда и в городах! Но есть еще спасающиеся и спастись еще возможно по неизреченной милости Божией.

Руководствуясь советом Евангелия²⁰⁹, сочти силы свои, и душевные и телесные, соответственно им избери себе место жительства.

Тот же Бог, Который спасает в пустыне, спасает и в городе. Тот же грех, который губит в городе, губит и в пустыне. Почему городской ли, пустынный ли монастырь изберешь в место жительства соответственно твоим силам, помни Бога, держись близ Его, удаляйся от греха, от всех поводов ко греху, — и Бог будет с тобою. Займись чтением святых отцов Восточной Церкви: они научат тебя непогрешительно идти

путем иноческой жизни. Удаляйся от излишних знакомств вне и внутри монастыря, и от всего, что приводит в развлечение; развлечение, подобно инею, уничтожает все молодые прозябения иноческих добродетелей. Развлечение – начало всех зол для инока: так называли его святые отцы. Ограничься знакомством, необходимым для твоих нужд, душевных и телесных. Не утомляй себя напрасно исканием наставников: наше время, богатое лжеучителями, крайне скудно в наставниках духовных. Их заменяют для подвижника писания отеческие. Таковы: «Лествица», сочинения Ефрема Сирского и аввы Дорофея, письма Великого Варсонофия, Патерик Скитский, «Добротолюбие» и другие. Образуй себя чтением их и молитвою в сокрушении духа. Постарайся найти и хорошего, добросовестного духовника. Если найдешь его, – и тем будь доволен, ныне добросовестные духовники – великая редкость.

Многие возлагают тяжкие бремена на рамена ближних, но мало таких, которые научили и помогли носить бремена. Остерегись от сети диавола, который внушает непременно человеку приняться за жительство и подвиги, превышающие силы его: диавол делает это с тем умыслом, чтоб истощить преждевременно силы человека и сделать его не способным ни к какому душеполезному занятию.

Христос с тобою. Поручаю себя твоим святым молитвам.
18 августа 1848 года.

Письмо 104

Советы настоятельнице монастыря

В терпении Вашем стяжевайте душу Вашу и души словесных овец Ваших, предавая их умственно воле и Промыслу Божиим: мы, настоятели, – не более как орудия Промысла Божия. Мы, сами по себе, ничего не значим и, без особенной помощи Божией, не можем окормлять не только ближних, но и самих себя. Таковое размышление будет доставлять спокойствие сердцу Вашему. Я говорю с Вами, как бы с самим собою. О непокоряющихся и не внимающих слову спасения не надо очень печалиться, но, сказав им подобающее, предавать их воле Божией, которая может их обратить на правый путь чрез другие орудия и средства, которых в деснице Его бесчисленное множество. К несчастью нашего времени, точно, как Вы изволите говорить, многие, вступая в монастырь, занимаются одним земным и пребывают чуждыми монашеской цели и монашеского направления; сверх того, примером своим и влиянием потрясают и других неутвержденных. Что ж делать? Такое положение очень бедственно, но и это бедственное положение должно возлагать на волю Божию и от души признавать, что мы не заслуживаем другого положения, а если б заслуживали, то правосудный и милосердый Бог непременно даровал бы оное. Таковые размышления доставляют душе, истинно ищущей Бога, мир и спокойствие,

потому что Слово Божие определило нам успокоение душевное находить в едином смирении и самоукорении. На ближних сильнее действует молитва о них, нежели слово к ним, потому что молитва вводит в действие Самого Всесильного Бога и Бог творит с созданием Своим все, что Ему благоугодно. Он отверзл сердечный слух для внимания словам Павла; а в тех случаях, когда не действовал перст Божий на слушателей, слова самого великого Павла оставались бесплодными. Будем, достопочтеннейшая мать, пасти вверенных нам овец прилежными и многими о них молитвами, верою, смирением, терпением, душеназидательным посильным и умеренным словом, чтоб слово учащаемое не произвело, по замечанию некоторого великого отца, отвращение к слову в слушателях. И Бог да покроет нас.

Письмо 105

Наставление, как подавать ближним советы

Преподобнейшая мать Вирасавия!

Простите меня за невнимательное прочтение письма Вашего, которое Вы писали ко мне в декабре. Я уничтожен болезненностью, а лечением, начавшимся с половины сентября, до конца уничтожен, — так это лечение расслабляет меня.

Приходящих к Вам за советами принимайте со страхом Божиим и при каждом приходе их моля Бога, чтоб Он давал Вам сказать ближнему слово полезное. Обращаясь с молитвою к Богу пред каждою беседою с ближним, Вы будете очищать Ваши беседы от тщеславия. Говорите с осторожностью, не вдаваясь в многословие. Пустых, любопытных вопросов приходящим не делайте и от разговора о делах монастыря и о всех делах мира сего старайтесь уклониться. Если же увлечетесь и скажете что-либо не по совести, то есть с нарушением написанных здесь правил, то мысленно укорите себя и раскайтесь пред Богом. Таким образом приход ближних принесет Вам существенную пользу, открывая Вам Вашу немощь, которая без этого могла бы оставаться закрытою, что очень душевредно. Хотя Вы и недостаточны для преподавания советов, как недостаточен и я, но, по скудости нашего времени,

мы должны делиться с ближними нашим скудным знанием. Если будете совершать это дело со смирением, не попуская действовать своему «я», то и за это дело, как оно ни недостаточно, Божия милость осенит Вас.

Просящий Ваших святых молитв и призывающий на Вас благословение Божие

Недостойный *Епископ Игнатий*.

17 февраля 1865 года.

Письма к мирянам

Письмо 106
К некоему семейству.
Жизнь изменчива, как
море. Любовь к ближнему
– величайшее наслаждение,
благодарение Богу за дар дружбы

В тихом уединении, на берегу величественной Волги часто вспоминаю Вас, благословенная чета! И Вы – на берегу моря, которое по временам бывает тихо, бывает чисто, как зеркало, а по временам, встревоженное бурей, покрывается мутными волнами, седой пеною. Такова наша жизнь! В ней тишина и буря сменяют одна другую; а время уходит, уходит, стремится погрузиться в бездну вечности. Блажен тот пловец житейского моря, который часто устремляет взоры к небу. По светилам небесным он направляет путь свой, не унывает при бурях, не доверяет и тишине моря: оно – так изменчиво! Взоры, для которых доступно небо – вера; ею мы усматриваем духовное небо: учение Христово. На этом небе сияет Евангелие как солнце. Ветхий Завет – как луна, писание святых отцов – как звезды.

Пишу к Вам прямо из сердца, пишу то, что внушилось ему сказать Вам. Мое сердце – с такой же сладостною простотою

к Вам, как и Ваше ко мне. Такие отношения – истинное сокровище. Любовь к ближнему – величайшее наслаждение! А то утешает меня особенно в моих отношениях дружеских, что причина этих отношений – Бог. Он, как говорит Писание, – «*святой и освящаяй всяческая*»²¹⁰. Он источник всякого истинного блага, всякого истинного, чистого наслаждения. Он сохранит меня в Вашей памяти, а Вас в моей. Он даст нам усугубить талант дружбы, полученный от Него же. Вот чего я желаю: желаю, чтоб при вступлении в вечность мы сподобились в сонме благих и верных рабов предстать Господу, сказать Ему: «Ты даровал нам прекрасный талант дружбы, приносим Тебе приобретенный на него другой талант – талант драгоценный спасения».

2 сентября 1847 года.

Николо-Бабаевский монастырь.

Письмо 107

Наставление новобрачным: земная жизнь – путешествие

Из моего уединения, с живописных берегов Волги, величественной и великолепной Волги, поздравляю Вас с благополучным совершением начатого дела в семействе Вашем, которое для родительского сердца вместе и так радостно, и так трудно.

Благословение Божие да осенит новобрачных! Благословение обильное, такое, чтоб Вы ясно его видели, утешались и за него благодарили Бога. Он тем, кого любит, посылает скорби, а вслед за скорбями – утешения. То, что скорби сменяются утешениями, а утешения скорбями, рождает веру к Богу и мертвость к миру. Вера, взяв человека за руку, поставляет его пред Богом. Такой человек возносится выше мира: под ногами его – мрачный хаос сомнений, неверия, заблуждений, умствований напыщенных и вместе суетных. Так под ногами того, кто взошел на вершину высокой горы: облака, утесы, пропасти, шумящие и скачущие по скалам водопады.

Земная жизнь – ни на час не прерывающееся путешествие. Идем, идем: внезапно отворяются врата вечности, и мы теряемся в ее невообразимом пространстве. Как пре-

красно говорит святой Давид: *Пришлец аз есмь на земли, не скрый от мене заповеди Твоя!*²¹¹ Точно: закон Христов – нить, по которой мы выбираемся из мрачного лабиринта земной жизни в блаженную вечность.

Будьте здоровы, благополучны.

6 сентября 1847 года.

Письмо 108

Добродетель нуждается в терпении

Среди глубокой, мрачной ночи уныло тянутся звучные отклики часовых, прерывают ее священную тишину. Ободряет, утешает часового голос его товарища: на душу его действует благотворно та мысль, то чувство, что есть человек в одинаковой с ним доле, в одной участи.

Утешителен, отраден для христианина голос его собрата в этой тьме и сени смертой, в которой мы совершаем наше земное странствование, шествуя к небу. Что скажу Вам с отдаленной моей стражи? Какую мысль утешительную понесут к Вам мои звуки? Услышьте то, что и мне доставляет особенную пользу: услышьте слова

Спасителя, предложенные Им для общего сведения, наизидания, подкрепления всех странников земли: *В терпении вашем стяжите души ваша*²¹². Ах! Нужно нам помнить это наставление Спасителя, нужно держаться за него непрестанно, как держится слепец за руку путеводителя, потому что скорби то и дело передают нас одна другой, как волна волне. Перепродают нас одна другой, как жестокий господин продает невольника другому господину, столько же или более жестокому. И когда уже душа и тело истончатся скорбями, соделаются слабыми, ничтожными подобно паутине, – при-

нимает нас гроб!..

Для преодоления иной скорби нужно мужество; для исшествия из другой – мудрость; для избавления от третьей – смирение. Но во всех скорбях, при всех прочих добродетелях, непременно нужно терпение. Ни одна добродетель не может состояться без терпения; добродетель, чтоб пребыть добродетелию, нуждается в терпении. Кто поколеблется в добродетели, не претерпит в ней до конца, тот теряет свою добродетель. Господь сказал о благоугождающих Ему, что они *плод творят в терпении*²¹³, повелел «душу свою стяжевать в терпении»²¹⁴, возвестил, что спасется только *претерпевый же до конца*²¹⁵.

Вот отклик мой на Ваш призыв из моего уединения! Да проникнет он во внутреннюю храмину сердца Вашего, да раздастся в ней, да прольет в ней кроткое утешение, утешение, которое подают небесное слово и небесная надежда. Это – голос вопиющего из пустыни, молчащего в пустыне!..

И опять погружаюсь в мое молчание, в мою даль, в мою неизвестность, темные, вдохновенные, как ночь глубокая. Так молчит часовой, вытянувший свой урочный, заунывный отклик!

Христос с Вами.

11 сентября 1847 года.

Письмо 109

Мы – странники. Черты лица забываются, душа – нет. О терпении

Письмо Ваше мне очень понравилось; действия Ваши, внушенные любовью к ближнему, очень понравились; совет Ваш очень понравился, который и исполняю, как Вы видите по приложенному письму в Париж. Наконец, Вы мне очень понравились; в письме Вашем

Вы так мирны, так спокойны. Не люблю я, чтоб странники земные были безумно веселы: это нейдет странникам, изгнанникам, которых ждет смерть, суд, двоякая вечность, блаженная или горестная. Люблю, чтоб они были спокойны, спокойствие – признак, что странник с благословенною надеждою в сердце.

Я живу уединенно и лечусь; действие лекарства спасительное, но вместе сильно, от чего лежу по целым дням. Из моих окон прекрасный вид на Волгу, который я хвалю, но на который взгляну редко-редко, мимоходом. Как помню себя с детства – телесные чувства мои не были восприимчивы, слабо действовал на меня посредством их вещественный мир. Я был нелюбопытен, ко всему холоден. Но на человека никогда не мог смотреть равнодушно! Я сотворен, чтоб любить души человеческие, чтоб любоваться душами человеческими! За

то и они предо мной – какими Ангелами! – предстают взорам сердца моего так пленительно, так утешительно! Вот зрелище, картина, на которую гляжу, заглядываюсь, снова гляжу, не могу наглядеться. И странно! Лицо, форму, черты, тотчас забываю, душу помню. Много душ, прекрасных душ на моей картине, которую написала любовь, которую верная память хранит в целости, в живости колорита. Этот колорит от уединения делается еще яснее, еще ярче. На моей картине и Вы с Вашим братцем. Часто смотрю на Вас! Душа моя наполнена благими желаниями для Вас.

В пышном ли наряде или в немудром платьишке, – что до того? Совершим наше земное странствование, неся светильник веры правой, веры живой. Этот светильник введет нас в вечное Царство Божие, пред входом куда снимается одинаково и рубище, и пышный наряд. И самый пышный наряд в сравнении с светлою одеждою духовною – не что иное, как презренное рубище.

*В терпении вашем стяжите души ваша*²¹⁶, – сказано странникам земли, потому что путь наш узок и прискорбен, а мы слабы. *Сила Божия в немощи совершается*²¹⁷, – опять утешительно наставляет нас Писание. Благодарю братца Вашего за приписанные строки! Если б у моего письма были глаза, то я завещал бы им взглянуть на братца Вашего пристально, продолжительно и так дружелюбно, чтоб этот беспрерывный страдалец невольно, приятно улыбнулся.

Христос с Вами.

Письмо 110

Бегайте греха! О Страшном Суде

Вы в Париже! Волны житейского моря разнесли нас в разные стороны. Я витаю на уединенном берегу Волги – Вы брошены в Париж, столицу моды, столицу образованности мира и, можно сказать, в столицу тьмы и греха. В столице тьмы и греха охранитесь от помрачения, охранитесь от греха. Где больше опасности, там нужно больше осторожности. Если необходимые обстоятельства заставят быть в городах, где свирепствуют чума или другая заразительная болезнь, то надо стараться кончить там дела как можно скорее и уехать как можно скорее. Тем больше так должно поступить относительно города, – столицы греха. Кто знает – не нанесет ли всезлбный грех какой раны? Кто знает – какую он нанесет рану? Он может нанести и смертельную рану, неисцельную.

Приезжайте скорее назад, окончив Ваше дело. Здесь ждет Вас важное дело. Вы обязаны внимательно заняться Вашей душою. Не промотайте ее. А это можно сделать – и как многие делают! Вспомните, что и Вам надо выйти дверью гроба из этой жизни, предстать на Суд пред Господа, на Суд, страшный и для святых Его, и для тех, которые провели всю жизнь в благоугождении Ему. Там будут судимы не только грехи, но и правды человеков; там многие правды их осудятся правдою Всесовершенною. Это засвидетельствовал Сам

Спаситель. *Аще не избудет правда ваша, – сказал Он, – паче правды книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное*²¹⁸.

О! Как бы милосердый Господь даровал мне возрадоваться о спасении Вашем и моем в этот и будущий век. Ныне день Вашего Ангела: да соблюдет Вас в совершенном благополучии Святой Ангел Хранитель Ваш.

Письмо 111

Странники и пришельцы.

Духовное бдение

Благополучно ли Вы совершаете Ваше земное странствование? Случается человеку во время этого странствования заглядеться на предметы, представляющиеся взорам; ему кажется: шествие его к вечности остановилось. Это обман очей души. Мы идем и идем, — не останавливаемся ни на минуту.

Страннику земному на трудном пути его, чтоб он не заблудился, воспевается духовная песнь: «Воля Божия, святейшие заповеди и веление Божии». *Пета бяху мне оправдания Твоя на месте пришельствия моего*²¹⁹, — сказал вдохновенный Давид. Так в здешних краях, когда кто заблудится в лесу, в соседних селах звонят в церковный колокол, и по звуку колокола заблудившийся выходит из темного леса.

А что? Обширный, многолюдный город имеет в некотором отношении сходство с обширным лесом: в нем, как в лесу, можно заблудиться... Пусть будет голос мой из моего уединения подобен благодетельному звону колокола церковного: всегда он отдавался в душе Вашей, всегда находил в ней приют. И ныне да услышит его душа Ваша! Услышав, да исполнится истинного утешения! Думаю, человек не может ничем истинно утешиться, как только воспоминанием о

Боге. *Помянух Бога*, – говорит святой Давид, – *и возвеселихся*²²⁰.

Как верно то, что мы все должны умереть! Что эта жизнь в сравнении с вечностью – ничего не значущее мгновение! Никто из человеков не остался бессмертным на земле. А между тем живем как бы бессмертные; мысль о смерти и вечности ускользает от нас, делается нам совершенно чуждою. Это ясное свидетельство, что род человеческий находится в падении; души наши связаны каким-то мраком, какими-то нерушимыми узами самообольщения, которыми мир и время держат нас в плену и порабощении. Нужно усилие, постоянное усилие, борьба с собою, чтоб выплыть из ужасной темной пропасти; нужно терпение, чтоб великодушно перенести все невидимые душевные бури. Искушение в уме и сердце страшнее всех внешних искушений. Никто так не опасен для нас, как мы сами. *Бдите и молитесь*, – сказал Господь, – *да не внидете в напасть*²²¹. Бдеть над собою можно только при свете Нового Завета. Свет, при котором совершается духовное бдение, изливают из себя и писание святых отцов. Божественное Писание и отцы непрестанно напоминают нам Бога, Его благодеяния, наше назначение, будущность вечно блаженную и вечно несчастную, обличают коварство мира, его козни, показывают средства, как избежать этих козней и войти в пристанище спасения.

Пребудьте в служении Богу краткое время земной жизни – и наследуете вечность, полную радостей и непрерывного

наслаждения духовного. Надо же наследовать вечность!.. Не унывайте от преткновений, непогрешительность – несбыточная мечта! Преткновения свойственны всем человекам, которым, по этой самой склонности к падениям, повелено:

*В терпении вашем стяжите души ваша*²²². Претерпевый же до конца, той спасен будет²²³. Благословение Божие да почиет над Вами!

24 сентября 1847 года.

Письмо 112

Молитва соединяет воедино. Духовное обновление. Пожелание встретиться в вечных селениях

Прошедшего года 14 октября я был в Вашем доме, вместе с братьями моими служил Божественную литургию в Вашей домовой церкви. При священнослужении присутствовали Вы с благословенными дочерьми Вашими, с благословенным потомством Вашим. Молитвою мы соединялись все воедино. Это единение превышает земных ощущений; тут что-то небесное; тут предвкушение будущей жизни, в которой человек будет соединять Дух. Здесь, на земле, соединяет их наиболее земля. Землею называю нашу плоть и кровь. Так назвал их Бог: *земля еси*, – сказал Он падшему человеку, – *и в землю отыдеши*²²⁴.

После литургии имел я истинное, сердечное удовольствие принести Вам мое поздравление

с днем Вашего Ангела, пожелать Вам всех благ, которыми милосердый Господь во времени и в вечности наделяет человека, угодного Ему и любимого Им. Ныне из дальней пустыни моей прихожу к Вам мыслю, воспоминанием, сердцем, наконец, – этими строками. Приветствую Вас с днем Вашего Ангела, приветствую с таким же духовным наслаждением,

исполненный таких же искренних и благих желаний для Вас. Да благословит Вас Господь! Да *обновится яко орля юность твоя!*²²⁵ А обновляется человек, юнеет – от благочестия. Если сравнить земную жизнь человеческую с вечностью, то все мы одинаково молоды и одинаково стары. Мне представляется в цвете и красоте юности, истинно – живущим – только благочестивый. Он издает из себя духовную воню бессмертия; слышен живущий в нем и оживляющий его душу Бог. Так для всех ясно ощутительна душа в действиях тела, которое она употребляет, как свое орудие; ощутительно и отсутствие души; его все видят в бездействии, в смраде охладевшего трупа.

С истинным, глубоким, духовным утешением я был свидетелем того, как сердце Ваше ожило для Бога; как был свидетелем этого приятнейшего зрелища и возблагодарил Бога. Нет на земле выше счастья, как познать

Бога и прилепиться к Нему всею душою. Этот союз – от ныне и до века. В этом союзе – условие истинного блаженства вечного, предвкушение которого уже начинается здесь, на земле.

Как ни вспомню о Вас, неразлучно с этим воспоминанием приходит на мысль мою стих псаломский: «Да *обновится яко орля юность твоя*». И посылает его сердце мое к Вам на крыльях сильного желания!

Письмо мое препровождаю чрез моего наместника с целью: он мне напишет, что вручил Вам письмо. Оно, как Вы

видите, вовсе нецеремонное: все из сердца. Не утруждайте себя ответом на него: имею от Вас письмо, которое читаю и перечитываю всегда с новым духовным наслаждением, с благодарением Богу. Это письмо – Ваша душа; Богу угодно, чтоб она была для меня открыта к общей пользе: моей и Вашей. Говорящий слово Божие и слушающий слово Божие пользуются вместе, а приносит пользу – Бог. Он соединяет здесь, на земле, в юдоли скорбей и плача, человек в единомыслие Своим всесвятым, всеильным словом. Он вселяет единомысленных по окончании земного странствования в дом вечный, где духовный праздник никогда не умолкает. Он да дарует нам здесь благоугодное Ему единомыслие и единомушие как залог; а там, на Небе, в вечности, да дарует неизреченное блаженство, как исполнение залога... Какая мысль сейчас пришла мне! Не скрою ее! Дал бы мне милосердый Господь видеть Вас со всеми чадами и внучатами Вашими в селении вечном, полном света и радости, полном славословия Богу, как зрел я Вас всех прошлого году 14 октября, собранных в Его святом храме. Вы устроили в доме Вашем приют для Бога, – устраивайте и в душе Вашей; Он устроит Ваш дом, обитель великолепную в Его святом граде, в Иерусалиме Небесном. Он устроит, потому что обещал воздать каждому по делам его.

Письмо 113

Как каяться мирянину.

Самообольщение.

Наставление ко спасению

С Божиею помощью отвечаю на письмо Ваше. Сказал Господь: *Никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его*²²⁶. Итак, хотя орудие призвания – человек, но призвание – Божие; призывающий – Бог. Ощутив это призвание, которое сделалось нам слышимым по совершении уже многого пути в земном странствовании, не ожесточите сердца Вашего. А ожесточается оно лестью греховною, как сказал святой апостол Павел. *Блюдите, братие, – говорит он, – да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво, исполнено неверие, во еже отступити от Бога жива*²²⁷.

Не советовал бы я Вам входить в подробное и тонкое разбирательство грехов и греховных качеств Ваших. Соберите их все в один сосуд покаяния и ввергните в бездну милосердия Божия. Тонкое разбирательство грехов своих нейдет человеку, ведущему светскую жизнь: оно будет только ввергать его в уныние, недоумение, смущение. Бог знает наши грехи, и если мы будем постоянно прибегать к Нему в покаянии, то Он постепенно исцелит самую греховность нашу, то есть

греховные навыки, качества сердца. Грехи, соделанные словом, делом, сложением помышлений, должно сказать на исповеди отцу духовному; а в тонкое разбирательство духовных качеств, повторяю, не должно светскому человеку пускаться: это ловушка, ставимая ловителем душ наших. Познается же она по производству в нас смущения и уныния, хотя по наружности и облечена в благовидность добра. Нужно это черное покрывало для иноков, чтоб закрывать ими лучи благодати, сияющие из ума их и сердца; нужно это черное покрывало для иноков уже преуспевших, которых зрение греховности своей не может привести в безнадежие, приводит только в смирение. Так некогда носил покрывало на сияющем лице своем боговидец Моисей.

Надо признавать, – и это признание будет вполне справедливым, – надо признавать, что все мы, человеки, находимся больше или меньше в самообольщении, все обмануты, все носим обман в себе. Это – следствие нашего падения, совершившегося чрез принятие лжи за истину; так всегда падаем и ныне. Оттого в нас такая прременчивость! Утром я таков, к полудню иной, после полудня еще иной, и так далее. Оба мира действуют на меня, я подчинен обоим им, в плену у обоих их. Мир духов действует чрез помышления в сердечные ощущения; мир вещественный – чрез чувства телесные. Оба манят ко вкушению плода запрещенного. Телесным чувствам, зрению, слуху, осязанию представляется этот плод прекрасным; помысл – слово невидимого существа

– внушает, твердит: «Вкуси, узнай!» Манит любопытством, подстрекает тщеславием. Раздается в душе нашей голос оболыстителя, голос, который слышали, во-первых, наши пра-родители в раю; раздается голос: *Будете яко бози*²²⁸. Разда-ется и соблазняет; соблазняет и убивает. Потому-то дана че-ловекам новая добродетель – «смирение», дано новое внут-реннее делание – «покаяние». И делание, и добродетель – подлинно странные! Они радикально противоположны то-му, чрез что мы пали. Покаянием умервщляется пагубное влияние чувств телесных; а смирением унижается высоко-умие, тщеславие, гордость житейская – словом, все, что че-ловека, попросту сказать, с ума сводит.

Как же быть? Не должно смущаться бывающими пере-менами, как чем-то необыкновенным; не должно пускаться в тонкое разбирательство грехов, но проводить жизнь в постоянном покаянии, признавая себя грешным во всех от-ношениях и веруя, что милосердый Господь всякого, лишь признавшего греховность свою, приемлет в объятия Своего милосердия, в недро спасения. Это разумеется не о грехах смертных, покаяние в которых принимается Богом только тогда, когда человек оставит смертный грех. Занятия по до-му и хозяйству очень полезны: удаляют от праздности и об-легчают уму невидимую его борьбу. Борьба при праздности возводит в сильный подвиг, позволительный только тому, кто к нему вынужден обстоятельствами или приведен Богом. Благоразумие требует не выходить на борьбу, превышающую

силы, напротив того, по возможности облегчать ее для себя. Веруйте Всемогущему Богу, надейтесь на Него, живите терпеливо и постоянно, живите в простоте, в покаянии и смирении, предавайтесь воле Божией, когда случится сбиться с правого пути, – снова на него направляйтесь, – и спасетесь.

Письмо 114

Утешение в житейских невзгодах

Живо в памяти моей Ваше последнее посещение Сергиевой пустыни. Видел я Вас в ней, когда земная слава, столько непостоянная и изменчивая, Вам улыбалась. Ныне Вы мне показались гораздо величественнее; Вы оставили во мне глубокое впечатление. Уважаю все добродетели; но ни одна из них не возбуждает во мне такого уважения, как великодушное терпение переменчивости земного счастья. На поле битвы человек часто бывает героем от кипения в нем крови; в переворотах жизни можно быть героем только от величия души. Муж доблестный, сошедший с поприща подвигов воинских, перековывает на плуг или соху булатный меч свой, меч – грозу врагов Отечества, а всякий истинный гражданин, за ним история и потомство с почтением взглянут на этот плуг – он вступит в число и разряд великолепных монументов. Презрение и негодование привлекают к себе знаки отличия, которыми усеяна грудь какого-нибудь подлеца: на ней каждый знак – памятник интриги, низости, бездельничества. Скажите, что в том, что на голове Гришки Отрепьева был венец Мономаха? Какая его слава? Слава лихого, бесстыдного, бессовестного злодея, не останавливающегося ни перед каким беззаконием, – слава, неразлучная от проклятий. Избави Бог всякого от этой славы. А сколько само-

званцев!..

Простившись с Вами, я захворал еще более. Видя, что уже нет моих сил ни для борьбы с непомерно усилившеюся болезнью, ни для борьбы с обстоятельствами, я захотел удалиться из Петербурга и от шумных должностей навсегда. Не всем быть листьями, цветами, плодами на древе государственном; надо же кому-нибудь, подобно корням, доставлять ему жизнь и силу занятиями неизвестными, тихими, существенно полезными, существенно необходимыми. Одним из таких занятий признаю утверждение ближних в христианской вере и нравственности. Это мирное, скромное занятие живым словом и пером всегда поглощало у меня значительную часть времени; а при болезненности моей взяло бы и все время. Не совершилось по моему желанию, не сбылось по моему предположению; а предполагал я, что, наверно, дадут увольнение, столько было содействователей к получению его! Мне дан временный отпуск в Бабаевский монастырь для отдыха и лечения. Здесь нахожусь теперь. Заключение безвыходно в кельи моей, действую против простуды, глубоко проникшей в мои члены и произведшей в них нервное ослабление, которое держит меня по большей части в постели. Будущее мое – неизвестно... И я махнул на него рукою! Сказал Всесильному Богу: «Твори с созданием Твоим, что хочешь. Верю слову Твоему! Что влас главы моей не падет без соизволения Твоего».

«Душа моя! Плыви бестрепетно по волнам житейского

моря, не доверяя тишине его, не страшись бурь его. Не думай о завтрашнем дне, не утомляй себя никакими предположениями, никакими мечтаниями, не истрачивай на них времени и сил твоих. *Довлеет дневи злоба его*²²⁹, — сказал Бог твой. Веруй!.. Плыви, несись по волнам!.. Жизнь земная — обман. Не увидишь, как уже пред тобою — пристанище гроба. Где вера, там нет ни печали, ни страха; там мужество и твердость, ничем неодолимая».

Вот размышления расслабленного, размышления на одре болезненном, размышления из пустыни! Найдут они Вас в каком-нибудь мирном приюте, может быть в Вашем селе, в кругу Вашего семейства за беседою дружескою или чтением и полезным и приятным, за занятием хозяйственным, — напомним Вам о том, кто сердечно в Вас участвует, в ком Вы насадили много воспоминаний утешительных, впечатлений глубоких.

Человек в лета юности своей занимается приобретением сведений, нужных для возможного расширения круга действий в вещественном мире, в который он вступает действителем. Сюда принадлежат: знание разных языков, изящных искусств, наук математических, исторических, всех, и самой философии. Когда же человек начинает склоняться к старости, когда приближается то время, в которое должна отпасть шелуха, остаться покрываемый ею плод (шелухою называю тело, плодом — душу), когда он готовится вступить в неизмеримую область вечности, область ду-

ха, тогда предметом его исследования делается уже не вещество переменчивое, обреченное концу и разрушению, но дух пребывающий, бесконечный. Что до того: так или иначе звучит слово, когда все звуки должны престать! Что до того: та или другая мера, когда предстоит безмерное! Что до того: та или другая мелочная мысль, когда ум готовиться оставить многомыслие, перейти в превысшее мыслей видение и молчание, производимое неограниченным Богом в существах ограниченных, окрестных Его. Изучение духа дает человеку характер постоянный, соответствующий вечности. Горизонт для него расширяется, взоры его досягают за пределы вещества и времени, оттуда приносят твердость неземную. Примите мой искреннейший совет: займитесь глубоко чтением всех сочинений святого Иоанна Златоустого; они все есть на французском языке; толкование на евангелиста Матфея, на Послание к Римлянинам, еще кое-что есть и на русском. Доколе судьба не вывела Вас опять на поприще отечественной службы, займитесь на свободе определительным воспитанием Вашего духа. Предлагаю Вам того церковного писателя, который необыкновенною чистотою, ясностию, силою христианского учения возносит читателя превыше всего земного; на высоте заоблачной витает этот духовный орел и оттуда показывает землю питомцу своему. Думаю, величайшее приобретение для государственного человека – взглянуть на землю с этой высоты; не говорю уже, какое это приобретение для христианина и человека, – наследника вечности.

Определительность в религиозных и нравственных понятиях имеет необыкновенную цену; неопределительность – большой недостаток, отзывающийся во всех действиях шаткостью, непрочностью. Судьба посетила Вас своими ударами. Она сказала: «Кого люблю, – бью и наказую»²³⁰. Закалитесь под этими ударами в крепкую сталь; сделайте бесценным сокровищем для ближних, которые Вас окружают и будут окружать. Кто знает назначение человека? Оно написано в запечатленных книгах Промысла. Цинцинаты оставляли меч для плуга, потом плуг оставляли для меча... Вам говорит это тот, кто всю жизнь провел в скорбях, кто сам весь в ранах, – и радуется им, и благодарит за них Бога. Развешается знамя креста над письмом моим – всегда слово мое выходит под этим знаменем! Слово мое – и возвешение мира, и провозглашение войны – призывает к храбрости, победе, завоеванию мира, таинственное воинство израильское: помышления и чувствования христианина. Нахожу излишним просить Вас о сохранении меня в памяти Вашей: Вы доказали, что я имею приют и в памяти и сердце Вашем. Призываю благословение Божие на Вас и на весь дом Ваш.

Письмо 115

О самообольщении.

Критика «Подражание

Христу» Фомы Кемпийского

Святая истина извещается сердцу тишиною, спокойствием, ясностью, миром, расположением к покаянию, к углублению в себя, к безнадежии на себя, к утешительной надежде на Бога. Ложь, хотя бы и облеклась в личину добра, познается по производимому ею смущению, мраку, неопределительности, переменчивости, развлечению, мечтательности; или же она только обольщает сердце, – лъстиво приносит ему довольство, упитательство собою, какое-то неясное, мутное наслаждение. И это наслаждение обольщенного сердца похоже на притворную тишину, которою прикрыта поверхность глубокого, темного оута, – жилища чудовищ. Между прочими обманчивыми тлетворными зефирами, навевающими на сердце эту страшную тишину, это бедственное губительное наслаждение, навевает их на него и чтение известной книжки Фомы Кемпийского, западного монаха, находившегося в бевсовской прелести, книжки «Подражание». Обольстительное наслаждение питается самомнением, которое рождается от тонко действующего тщеславия, ослепляющего ум и сердце; оно любит высказать себя, оно позволяет себе отклоняться

от точного повиновения Святой Церкви, – умнее ее, оно, как и все прелести, козни дьявола, как сам дьявол и его чадо – грех, не терпит благоухания, для них смертоносного, убийственного благоухания, которое издают из себя покаяние и его плод – смирение. Спаситель мира сказал: *Блажени нищие духом, блажени алчущий*²³¹ ныне, и: *горе вам, насыщенный ныне*²³².

Ум человеческий не в состоянии отличить добра от зла; замаскированное зло легко, почти всегда, обманывает его. И это очень естественно: ум человеческий юн, а борющиеся его злыми помыслами имеют более чем семитысячелетнюю опытность в борьбе, в лукавстве, в ловитве душ человеческих. Различать добро от зла принадлежит сердцу, – его дело. Но опять нужно время, нужно укоснение в заповедях евангельских, чтоб сердце стяжало тонкость вкуса к отличию вина цельного от вина поддельного. Что дело сердца отличать добро от зла и что сердце не вдруг стяжевает способность совершать принадлежащее ему дело, – то и другое засвидетельствовал апостол: *Совершенных же есть твердая пища*, – сказал он, – *имущих чувства обучена долгим учением в разсуждении добра же и зла*²³³. Потому-то, доколе сердце не стяжет навыка отличать добро от зла, очень полезен опытный совет ближнего – воспитанника Восточной Церкви, единой святой, единой истинной, – ищущего и нашедшего в повиновении ей блаженную свободу. «От послуша-

ния, — сказал святой Иоанн Лествичник, — рождается истинное смирение; от смирения — истинное духовное рассуждение, или разум». Итак, вне неуклонного послушания Церкви нет ни истинного смирения, ни истинного разума; там обширная область, темное царство лжи и производимого ею самообольщения. Отличается добро от зла очень многими признаками, которые познаются по мере духовного преуспевания. В начале письма моего я назвал те признаки, которые ближе к душевному состоянию Вашему. И они очень достаточные признаки! Приучайтесь мало-помалу по ним различать добро от замаскированного зла.

Христос с Вами!

Письмо 116

«Будьте как дети»²³⁴

С приятностию услышал я, что Вы посетили обитель подобного Сергия в день его праздника. Вы взошли и в мои комнаты с другими, расположенными ко мне ради имени Христова! Примите мою искреннейшую благодарность! И я был тут сердцем моим. Что сказать Вам? Спаситель мира повелел тем, которые хотят войти в Царство Небесное, быть как дети, простыми, незлобивыми, нелюбопытными, верующими, обучающимися, скоро раскаивающимися в проступках. Последуйте этому совету Господа – в свое время ощутите блаженное обновление, укрепление души Вашей. Оно будет совершаться постепенно, неприметно... Внезапно человек увидит себя измененным, – и прославит Всеблагое Всемогущего Бога. Не посетуйте на краткость письма моего, не измеряйте его числом строк. Посмотрите на Ваше сердце: если оно утешено, удовлетворено, – мера полна.

Письмо 117

О смирении

Почему Вы говорите, что Вы недостойны моего расположения и даже снисхождения? Я, – не что иное, как непотребный грешник, имеющий крайнюю нужду в милосердии Божиим, без которого верный мой удел – ад. Мой Бог говорит мне: *В нюже меру мерите, возмерится вам... имже... судом судите, судят вам*²³⁵. Нуждаясь в милости Бога моего, нуждаясь в ней в полной мере, имею для ближнего моего одну милость. Внимая совести моей, когда она взвешивает и ценит мое достоинство, желаю, чтоб она поставляла меня ниже всех преступников. Осуждаемый совестью моею, я не могу судить ближнего, тем более осуждать кого-либо. Хорошо быть у ног ближних своих образом своих мыслей: тогда делается доступным для человека Евангелие Христово.

Вот каковы мои чувства к Вам! Письмо Ваше тронуло меня, и это причина, по которой я ответом иду к Вам в чужие края, может быть, уже настигаю Вас. Вы в скорби от того, что в борьбе, в борьбе от того, что закон Христов духовен, требует распятия. Вы найдете утешение в том, что человечество никогда не приступало к распятию без борьбы. Доказательством – Сам Богочеловек. Он молился в саду Гефсиманском: *Да мимоидет от Мене чаша*²³⁶ и пот Его падал

на землю, *яко капли крове*²³⁷. Если Вы видите, что немощь побеждает Вас, то знайте, что Господь силен дать «крепость людям Своим»²³⁸, как говорит святой Давид. Те люди Богу Свои, тем Своим людям Он дает крепость, которые сохраняют верность к Нему в произволении в то время, как немощь их производит нарушение верности в делах. Вспомните, что Христос пришел призвать грешников, а не праведников на покаяние. Встаньте в ряды грешников, припадите в смирении к стопам Христовым, предаваясь воле Его, поручая Его воле Ваше настоящее и будущее. А Он прольет мир и спокойствие в душу Вашу, тем самым покажет, что Он близ Вас, что Промысл Его бдит над Вами. Некоторый святой отец сказал: «Блажен человек, познавший свою немощь, потому что праведник, не познавший своей немощи, находится на весьма опасном пути». Другой говорит: «Если Христос пришел не для праведников, то я отвергаю мою правду как грех, отлучающий меня от Христа, и в том, что я грешен, нахожу мою правду, правду Небесную, доставляющую мне средство приступить ко Христу и быть с Ним». Все это пишу Вам в утешение, чтобы Вы, видя, что Вы в долгу у Христа, приходили не в безнадёжие и скорбь, но в смирение, благодумствовали по причине упования на Христа, которое не посрамит. Он всемогущ.

Письмо 118

Об уединении и созерцании духовном

С сердечною приятностию вспоминаю, что Вы в ноябре прошлого года посетили Сергиеву пустынь. Там, в храме Божиим, при молитвах и песнопениях богослужения Вы встретили день Вашего Ангела, благодарили Бога за прошедшее, молили Его о будущем, – благодарили Ангела Хранителя Вашего за прошедшее хранение, просили его сохранить Вас на будущее время земной жизни, и до конца этой жизни, и до самого входа в блаженство вечное, – пред лице Бога. После Божественной литургии Вы пожаловали в мои келлии; там мы утешились взаимною любовью о Господе, беседую о Господе. Утешение на земле – видеть человека, боящегося Бога, приносящего Ему в жертву полученные от Него жизнь и способности. К несчастью, большая часть людей поступают иначе: дары Божии приносят в жертву сатане.

Благодарю милосердного Господа, приведшего меня отдохнуть в уединении от молв столичных. Уже не незнакомы мне чувства, посещающие человека в уединении. Потому-то так удобно и сманила меня пустыня уединения из Сергиевой пустыни, шумной. Укрепляет душу уединение, вдыхает в нее какое-то мужество, какое-то презрение к миру, чего в прикосновении с миром ощутить невозможно. Когда душа попреет тление отречением от тления, тогда все тленное, без ис-

ключения, делается тленным, а на весы сердца, которое не может довольствоваться ничем, нисходит духовное созерцание. Оно делает жителя безмолвной келлии жителем, можно сказать, рая – вводит его в новый мир, пред которым здешний мир очень тесен, ничтожен. В тишине безмолвия душа плавает как бы в каком необъятном пространстве, смотрит на минувшее, на настоящее, на землю, на небо, на время, на вечность. Так в ясную погоду гуляет орел в недостижимой высоте, в прозрачной лазуревой бездне.

Чем обширнее пространство, занимаемое ландшафтом, тем великолепнее зрелище. Хороши красоты, которые человек может выразить, описать словом, но несравненно выше те, которые превышают слово, приводят сердце в восторг, а ум как бы лишают способности действовать. Говорят, в Швейцарии с одной необыкновенной, утесистой высоты представляется взорам живописнейший, восхитительнейший ландшафт; некоторые путешественники, взобравшись на эту ужасную высоту, так были поражены великолепием зрелища, что от изумления не устояли на ногах, низверглись с высоты, разбились. Точно так действует духовное созерцание! Кто внезапно увидит его – от изумления ввергнется в эту бездну, умирает для мира! Не ожили вышеупомянутые путешественники: черные, деревянные кресты над прахом этих сынов Британии стоят у подошвы швейцарского утеса; я сказал бы: умерщвленный видением духовным для мира не оживет уже для мира. Увы! Я сказал бы несправедливо;

а потому не могу сказать! Увы! Оживает человек и для смерти! Ожил Соломон для смерти! Ожил для нее Иуда! Ожил для нее многие!.. Увы! Как мы слабы, как переменчивы!.. Гляжу на нашу немощь, гляжу со слезами!.. Взоры мои ищут отрады, утешения – и внезапно они обращаются к пустыне, к уединению!.. Там, там всего безопаснее!.. Туда стремись душа моя!.. Беги!.. Если ноги недостаточны для быстрого течения, возьми крылья! Несись!.. лети!!! Спасайся от челюстей зверя – мира! Будь подобна блаженной жене, побежавшей, улетевшей в пустыню, – той жене, которую видел зритель духовных тайн – Иоанн. Ноги – здравый о Господе разум; крылья – вера: машет ими, могучими крыльями, переносится чрез дебри, воды, степи, горы – тот, кому их дал Христос. У Него будем просить веры; пример показали нам апостолы; они говорили и молили: Господи, *приложи нам веру*²³⁹.

Да дарует нам Господь на крыльях веры перелететь чрез житейское море и влететь в блаженную пристань – Небо.

Письмо 119

Об уединении. Вечность

Мне?! Ничего не нужно! Что нужно мне, что нужно для убогой души моей, того и просил: просил об увольнении меня в уединение.

И дам Вам маленький отчет об уединении. Это тихая, мирная смерть прежде смерти, которая – неприменный удел каждого человека, которая для грешников, для рабов мира – люта. В уединении сглаживаются постепенно с ума человеческого впечатления, начертанные на нем предметами мира, – и ум постепенно теряет свое общение с миром. Он смотрит на мир как бы из страны загробной, как бы с того света. Чтоб пояснить себе это – подумайте о Китае, потом взгляните на себя, посмотрите – какие отношения ума и сердца Вашего к этой стране. Вы увидите в душе Вашей только понятия темные, от одного сказания, – понятия, чуждые жизни, которую им дает взор на предметы, общение с ними, близкое сочувствие ко всему. Вы увидите, что сердце Ваше к этой стране так же мертво, как бы к стране, вовсе не существующей или существующей только в баснях. Таким кажется мир для отшельника, для жителя пустыни дальней и глубокой. Все живущие в мире представляются ему не как постоянные жители, а только как путешественники. И точно! Живем – путешествуем. Одни идут скромно пешком, другие скачут на ко-

нях, иные несутся на быстрых колесницах; конец – один для всех... Но так мало житель уединения смотрит и этими взорами на мир, как мало житель Петербурга думает, заботится о Китае. Больше, существенно, единственно занимает его тот мир, куда он переселится: этот мир – вечность. Отворились широко врата его пред изумленными взорами души, и взоры души жадно устремились в эти беспредельные пространства, тонут в них, заглядываются на вновь открывшееся, доселе незнакомое, вполне неизвестное доселе зрелище, приковались к нему, не могут оторваться... Вечность!.. Туда утекли все предшествовавшие нам времена; в этой пропасти скрылись все миллионы людей, сменявшиеся поочередно на лице земли; пред нею, пред ее взорами родился мир, размножилось человечество, образовались племена, народы, царства; пред ее взорами уже многие цветущие царства обратились в пустыни, многие покрылись ею; пред ее взорами пустыни безлюдные, леса дремучие, болота непроходимые соделались цветущими жилищами человеческого общества, многочисленного, образованного, шумного... На все это смотрела, смотрит равнодушно с холодной суровостью вечность. Ничто ее не насыщает и ничто не насытит. Все в ней должно исчезнуть, все – ее жертва; на все глядит она, как жаркое вешнее солнце на хрупкий, слабый вешний снег... А на вечность смотрит, засматривается в безмолвии, в тишине своего уединения, отшельник. Наставленный этим зрелищем, он признает, называет все временное, как учит называть его

Священное Писание, суетою; он убеждается, что назначение человека – не для земли, а для Неба. И Небо открыло нам, в Евангелии, каковы должны быть небожители. С этим законом Бога Вышнего справляется ежечасно Его истинный слуга; справляется, не уклонились ли ум и сердце куда в сторону, не исполняют ли какую другую волю, волю мрачную, волю злобную, волю тленную... При такой жизни Небо нисходит на землю, а вместе с ним нисходит в эту юдоль тьмы, скорбей и плача – утешение, блаженство Небесные.

Письмо 120

О советниках.

Предостережение от уныния

Успокойтесь! Земная жизнь христианина растворена утешениями и искушениями. Так устроил Промысл Божий! Утешения поддерживают на пути Божиим, а искушения упрямудряют.

Общество, беседа с людьми благочестивыми приносят существенную пользу. Но для совета, для руководства недостаточно быть благочестивым, надо иметь духовную опытность, а более всего – духовное помазание. Таково об этом предмете учение Писания и отцов. Советник благочестивый, но неопытный скорее может смутить, нежели принести пользу. Не только из среды мирян, – из среды монашествующих крайне трудно найти советника, который бы, так сказать, измерил и взвесил душу, с ним советующуюся, из нее, из ее достояния преподал бы ей совет. Ныне советники и руководители больше преподают совет из себя и из книги. А первого рода совет, тот-то особенно полезен и действителен; он близок к душе, ищущей приютиться под сению совета, – своего ей; это она чувствует. Святой Исаак сказал: «Ничего нет каждому полезнее, как совет свой». И совет чуждый, хотя по видимому состоящий из благих и разумных слов, приносит

душе лишь мучение, расстройство. Она чувствует его несообразность, чувствует, что он чужд ей. *Суть*, – говорит Писание, – *иже глаголюще уязвляют аки мечи: языцы же премудрых исцеляют*²⁴⁰.

Прибегайте больше к чтению святых отцов; пусть они руководствуют Вас, напоминают Вам о добродетели, наставляют на путь Божий. Этот образ жительства принадлежит нашим временам: он заповедан, предан нам святыми отцами позднейших веков. Жалуясь на крайний недостаток в богопросвещенных наставниках и советниках, они повелевают ревнителю благочестия руководствоваться в жизни своей отеческими писаниями. *Совет святых разум*²⁴¹. Старайтесь не увлекаться рассеянностью. Если же случится увлечься ею – по немощи, сродной всем нам, человекам, – не предавайтесь унынию. Неподательность не свойственна человеку на земле – ниже жителю глубочайшей пустыни и уединения. Переменчивость и увлечение действуют непременно в каждом человеке – и в строжайшем отшельнике. Тем более живущему посреди мира, посреди всех соблазнов, невозможно не увлекаться. Не желайте от себя невозможного, не требуйте от души Вашей того, чего она не может дать. Врачайте Ваши увлечения покаянием, а недостаток делания Вашего восполняйте сокрушением духа. Бог да благословит Вас!

Письмо 121

Утешение в связи со смертью юноши. Земная жизнь – приготовление к вечной

Сердечно участвую в постигшей Вас скорби! Милосердный Бог Сам да утешит Вас! Да утешит Вас мысль, что невинный юноша, чистый, как Ангел, не успевший оскверниться никакими нечистотами земными, ушел, унеся в безопасное пристанище, в небо. Там ничто и никто не будет наветовать его благополучия! Тихо и счастливо текущая, неутекающая, неумаляющаяся вечность преобразилась в день один для наследников блаженной вечности. Там несменяющаяся радость, там неумолкающий праздник, там пир, уготованный от века и на веки Царем царей – Богом. Туда поспешно отлетел юноша, призванный великим Учредителем пира, Создателем человеков. Кто может воспротивиться всемогущему призванию

Всемогущего? Лишь тварь услышит повеление Творца своего – спешит мгновенно раболепно исполнить его. Очами веры посмотрим на милого юношу, шествующего по воздушным пространствам к небу! Очами веры посмотрим на чистого юношу, водворяющегося на небе и от радостей его забывающего о всем земном! Проводим его горячею молит-

вою и горячими слезами! Принесем в память его молитву и слезы! Земля – страна плача; небо – страна веселия. Небесное веселие вырастает от семян, посеваемых на земле. Эти семена – молитва и слезы.

Примите мои слезы в участницы слез Ваших, и Вы причаститесь того духовного утешения, которое присылаю Вам в этих строках. Все мы – кратковременные странники на земле! Всем нам предлежит отшествие отсюда! И неизвестен час, в который востребует нас Бог из нашей гостиницы. Употребим земную жизнь на приготовление себя к вечности; приготовим себе блаженную вечность. Вечная судьба наша в наших руках, потому что Бог воздает каждому по делам его.

Вы уверены в той любви и преданности, которые Вы насадили в сердце Вашего недостойного богомольца.

Письмо 122

О милосердии

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Новым годом и вместе с приближающимся днем Вашего Ангела. Господь да благословит всю жизнь Вашу, да скажет сердцу Вашему Свою святую волю, благую и совершенную. Преуспевайте, преуспевайте в делах милосердия! Здешняя жизнь – точно поле, усеянное различными посевами хлеба и овощей, усаженное многочисленными, разнородными плодовитыми деревьями и кустарниками; люди – точно делатели; один способен водиться за виноградными лозами, другой за овощами, иной сеять хлеб, иной землю, иной – лишь исторгать терние. Каждый да трудится в том участке добродетелей, к которым он способен, к которым призван Богом, являющим призывание Свое разумному созданию теми способностями душевными, теми средствами, которые Он даровал этому созданию. Прекрасен участок, нива милосердия вещественного; делатель его вместе и подвизается, и наслаждается. *Милуяй нища*, – утешительно наставляет нас Писание, – *взаим дает Богу, по даянию же его воздастся ему*²⁴². Преуспевайте на ниве Вашей: сейте милостыню, жните утешение, очищайте от плевелов пшеницу Вашу, приготовляйте жертву чистую, чтоб Царь царей, возрев на нее Своим ис-

пытующим и всевидящим оком, признал всю ее достойною небесной житницы. *Куй неискушенное серебро*, – научает боготомудрый, – *и очистится чисто все. Убивай нечестивый от лица Царева, и исправится в правде престол Его*²⁴³. Престол Царя Бога – душа человеческая; а нечестивые, которых здесь заповедуется убивать, – помыслы и ощущения тщеславия, человекоугодия, враждебно и татебно покушающиеся отнять у человека мзду небесную лыщением, мечтанием мзды земной, человеческой. Обличаются они, эти невидимые враги, наветники нашего спасения, пред лицом Царя – откровенным законом Божиим, Евангелием, – и может истинный слуга Царев убивать нечестивых, просвещаемый и ободряемый светлым лицом Царя Небесного.

Не остановлюсь в этот день принести пред Вас приятное воспоминание о почившей К.Т. Воспоминание о ней осталось жить в моем сердце. И часто при таком воспоминании грустно рассуждал я о судьбе души ее. При нынешнем путешествии моем встречаю в Бородинском монастыре слепую старицу, пораженную жестокою простудою, живущую там с двумя дочерьми. Г-жа игуменья, познаколив меня с ними, сказала наедине: «Они живут на иждивении К.Т., положившей им ежегодный пенсион». Вы не можете себе представить, какое утешение пролилось в душу мою при этих словах! Имею надежду, что К. на небе участвует в жребии праведных! Я знаю некоторые ее добрые дела, этого не знал; узнав его, я как будто стяжал богатое приобретение! Гово-

рил некогда святой пророк Даниил царю Вавилонскому Навуходоносор, которому угрожало наказание от Бога: *Царю, совет мой да будет тебе угоден, и грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогих; негли будет долготерпелив грехом твоим Бог* ^{III}. Верую, что покойная К. искупила душу свою! Верую, что Бог милостив к ней.

Письмо 123

Наставление, что читать.

Неискушенная добродетель – не добродетель

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившими праздниками и Новым годом. Да дарует Вам Господь провести этот грядущий год и прочие годы жизни в богоугодности, в помышлениях о вечности, в делах для вечности. Тебе земные уже проходят! Уже время престать гоняться за ними, как гоняется мальчик за мотыльком златокрылым, бегая по испещренному цветами лугу! Время подумать, подумать основательно о существенном, вечном! А тот занимается как должно вечностию, кто постоянно упражняется в чтении Нового Завета и писаний святых отцов, научающих правильно разумеать Евангелие Христово, кто, познавая таким образом волю Божию, благу и совершенную, выправляет по ней свой образ мыслей, свои душевные движения, а погрешности и увлечения врачует покаянием. Христианину, живущему посреди мира, не должно читать святых отцов, которые писали для монашествующих. Какая польза от чтения тех добродетелей, которых нельзя исполнить самим делом? Пользы никакой не может быть, а может быть вред, состоящий в том, что в человеке возбуждается мечтательность

духовного состояния, ему никак не идущего. Эта мечтательность будет временем лестно услаждать воображением высоких добродетелей, временем наводить на душу уныние и отчаяние, когда мы увидим, что не можем исполнить этих добродетелей, всегда и постоянно отвлекать нас от добрых дел, прямо нам идущих, таким образом соделывать жизнь нашу пустою, бесплодною.

Христианину, которого жребий – проводить и окончить жизнь среди мира, должно читать святых отцов, писавших вообще для всех христиан. Таковы писатели, которых сочинения написаны на русском языке или переведены на него: святитель Иоанн Златоустый, святитель Димитрий Ростовский, святитель Тихон Воронежский, Никифор Астраханский, Георгий Затворник. Обильное поприще для чтения! Обильное духовное поприще, на котором до насыщения и тучности могут питаться словесные овцы Христовы!

Радуюсь и сорадуюсь Вам, видя из последнего письма Вашего, что здоровье сына Вашего поправляется. Господь кого любит, кого приемлет, того бьет и наказует, а потом избавляет от скорби. Без искушения приблизиться к Богу невозможно. Неискушенная добродетель, сказали святые отцы, не добродетель! Если видите кого-нибудь, величаемого от людей православных добродетельным, а он живет без всяких искушений, преуспевает в мирском отношении, – знайте: его добродетель, его православие не приняты Богом. В них зрит Бог нечистоту, ненавистную Ему! На нечистоту челове-

ческую Он взирает снисходительно, врачует ее различными средствами; в ком увидит нечистоту бесовскую, от того отворачивается. Любя Вас и сына Вашего, приближая Вас к Себе, Он попустил Вам скорбь. В этом Вы убедитесь из того, что по прошествии скорби как ему, так и Вам «путь Божий сделался яснее, ближе». Это вижу я из себя: прежде говорил я Вам гораздо поверхностнее, легче, а теперь что-то понуждает меня говорить глубже, предлагать духовную пищу более крепкую, которая бы сообщала Вам больше сил и движения. А Вы, видя милость Божию к себе, старайтесь принять и сохранить ее как должно.

Призывающий на Вас благословение Божие недостойный и проч.

Бабайки.

2 января 1848 года.

Письмо 124

По поводу кончины старицы.

Наставление, как говорить о религии

Поздравляю Вас и все боголюбивое семейство Ваше с наступающими праздниками и Новым годом, желаю Вам истинных благ, искание которых внушил Господь сердцам Вашим. «Блажени, яже избрал и приял еси, Господи».

Слава Богу, даровавшему благополучную кончину старице Вашей! Да дарует Он всем Вам благополучное исшествие из сей исполненной бедствий жизни, да примет нас в светлые и радостные обители вечные, уготованные для истинных рабов Его. А до того времени надо потерпеть различные напасти от различных причин, а наиболее от живущего в нас греха, от живущего в нас повреждения падением. В сравнении с напастями последнего рода, прочие напасти малозначительны.

В письме Вашем Вы написали на меня клевету. Хороши вы питерские. Уже и жителя безыменной пустыни стараетесь достать клеветой! Вы пишете: «Очень рада, что приказали мне не говорить ни с кем о религии» и проч. Неправда! Вот что Вам было написано, от слова до слова. «В преподавание советов не надо бы Вам очень пускаться, а со смирением от них отказываться. Когда же принудят, то сказать нечто слег-

ка, предоставляя дело Богу» и проч. Говорить о религии и преподавать советы – великая разница: поймите! И последнее я Вам не воспретил, а только сказал, чтоб Вы делали это со страхом Божиим, с крайнею осторожностью и умеренностью. Не доложить бремя на ближнего – не беда; переложить – и ближний удобно может повредиться неисцельно, на всю жизнь сделаться ни к чему не способным. Говорю Вам это с сердечными слезами, от зренья и испытания многих горьких опытов! И сохрани меня Боже посоветовать Вам в нынешнее скудное время скрывать от ближних то малое, но превосходящее сокровище всего мира, знание о Боге, которое получено Вами не без подвига и страдания, по особенной милости Божией. Ныне много разнородного знания, лишь знание истины ушло от людей. Прекрасна русская пословица: «Недосол на столе, а пересол на спине». Итак, не прогневайся, душа, за то, что в прошедшем письме моем твоей спинке досталось несколько ударов от жезла – слова. Это было за пересол!

Всех Вас просто-запросто целую, обнимаю, к сердцу прижимаю. Христос с Вами!

Благословение Божие над Вами!

Письмо 125

О Святой Троице. О скорбях

Святая Церковь в благодатных, боговдохновенных песнопениях своих называет Духа

Святого Утешителем, называет Утешителем Сына Божия; Утешитель – и Отец, непостижимо рождающий Сына и непостижимо испускающий Святого Духа. Утешитель – Дух; Утешитель – Сын; Утешитель – Отец. Если лучи – свет и огонь, то и солнце, из которого они текут, свет и огонь.

Троица Святая, – Бог, – слава Тебе! Слава Тебе, Боже, даровавшему нам бытие, даровавшему нам спасение, дарующему нам, во тьме и сени смертной сидящим, познание Истины и утешение, истекающее от веяния на нас Духа Святого Твоего, содействующего Святой Истине Твоей, Которая – Твое Слово. Познавшие и приявшие Святую Истину вступили под влияние, водительство Святого Духа, суть часть Господня, жребий Его. Во главе прочих знаний и впечатлений, не оглавленных Истиною, – сатана. И последуют сатане ангели его; они часть его; жребий их с ним. Землю да снесут вся дни живота своего и на персях своих да ходят. Такое определение низошло на них от Судии всех – Бога. Удел их – плотский разум; облачение – ветхость Адамова.

Святая Истина, Слово Божие говорит: *Многими скорбь-*

*ми подобает нам внити в Царствие Божие*²⁴⁵. Скорби – особенно удел нашего времени, которому в удел не даны ни подвиг мученичества, ни подвиг монашества. Участок наш, христиан времени последнего, участок скорбей, по-видимому мелочных, ничтожных. Весы у Бога! Пред Ним, на Его весах всякая скорбь ничтожна, всякая скорбь маловажна, как бы велика она ни была, потому что осенение Его силы и благодати может обратить величайшую скорбь в величайшее наслаждение. Так и маленькая скорбь имеет пред Ним всю ценность, никак не менее великой скорби. Все зависит от Его благодати, а Он милостиво от человека приемлет всякую скорбь, принимаемую с благодарением, с покорностью, с славословием.

Постигшую Вас болезнь невольню соделайте посредством благодарения произвольною жертвою, и да примет ее Бог, как кадило, исполненное благовоннейшего духовного фимиама. Фимиам – благодарение.

Письмо 126

О плаче по умершим. Бог наказывает милостиво

Угодно неведомым судьбам, чтоб при наступлении 1848 года я писал Вам не столько слово приветствия, сколько слово утешения.

Бог призывает Вас в познание Его, а чрез это познание в вечное блаженство! Ныне призывает Вас яснее, громче, решительнее. Сначала призвание Божие являлось таинственно в непостижимом влечении души Вашей к служителям Божиим, к слышанию Слова Божия. И служитель Слова говорил Вам слово, чуждое лести, чуждое человекоугодия! Ныне это призвание ознаменовалось внезапным взятием с земли одного из членов Вашего семейства: сын Ваш перешел из времени к вечности, перешел предтечею прочих членов семейства. Вечность присвоила себе всех человеков – всех ожидает в свое необъятное недро!

Не говорю Вам «не плачьте»! Нет! Не говорю этого! Дайте свободу слезам, пролейте их обильно, столько, чтоб наполнилось ими сердце в сытость и не погашены были святая вера, кроткая покорность Промыслу, самоотвержение мужественное. Полезен плач, растворенный упованием на Бога: утешает душу, смягчает сердце, отверзает его ко всем святым, ду-

ховным впечатлениям. Печаль, не соединенная с упованием, чужда благих плодов, — с плодом зловредным, убийственным! От нее рождаются уныние, отчаяние, смерть телесная и смерть душевная! Нет! Вы не впадете в эту печаль: Вас невидимо держит сильная десница

Божия! Она ввела Вас в дни сетования, чтоб Вы в эти дни более погрузились сами в себя, омыли себя святым омовением — слезами, чтоб многие воздыхания родились в груди Вашей, понесли к Небу, очистили для души Вашей путь к Небу. Постигло Вас наказание Божие, наказание, растворенное милостию, наказание, каким Бог наказывает тех, кого хочет приблизить к Себе, а не таким, каким Он карает, сокращает врагов Своих. Постигло Вас наказание, растворенное милостию! Посмотрите, как из среды мрака, посланной Вам печали, ярко, благотворно светит милосердие Божие! Смерть — непременно дань смертных: ее должен выплатить каждый человек. Кому ж из Вашего семейства послал ее Бог? Кротчайшему, непорочному юноше! Ему смерть — переселение в верное блаженство! Ангел-юноша теперь на Небе: туда, к своему блаженному жилищу, он будет привлекать Ваши взоры, и начнут эти взоры, очищенные слезами, смотреть с упованием, смотреть радостно, смотреть часто на чистое, святое небо.

Призывающий на Вас благословение и утешение от Бога.

Письмо 127

«Знамение Христово».

Утешение в скорби

Ни в какое время душа моя не была столь полна участия к Вам, как теперь... жалостно смотрю на Вас, на странника, претерпевшего кораблекрушение в житейском море, выкинутого свирепой волною на берег приморский... На этом берегу тихая обитель иноков – пристань от бурь житейского моря... Подхожу к Вам... вижу: этот странник, орошенный холодною волною – мой старинный знакомый! – и первая мысль, первое чувство: приютить, обогреть странника, утешить друга, и если есть в руке моей средство помощи, положить это средство в его руки, принести к ногам его!..

Такие ощущения родились в душе моей при прочтении Вашего письма!.. Не взыщите, что в заглавии строк моих я не поставил светского титула, заменив его «знамением Христовым». Пусть знамя Христово развевается над словом моим... И Вы стали под это знамя! Вождь крестоносцев говорит: *Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть*²⁴⁶. Давно уже был Вам призыв под это знамя! Теперь Вы выкинуты под сень его насильственно гневною волною. На эту волну смотрел Бог!

Благословен поступок Ваш: Вы не уклонились ни направо,

ни налево – в час скорби Вашей Вы кинулись в храм Его, в святую обитель. И Бог принял Вас...

Не для играний человек на земле! Не для играний... Немаловажно, что Бог создал человека по образу и подобию Своему! Немаловажно, что Сын Божий искупил падшего человека Своею Кровию!.. Надо дать цену этим щедротам Бога! Надо дать цену всесвятой Крови Богочеловека!.. Нет! Не оценивают их достойно те, которые обращают на веру поверхностное, мимоходное внимание, а все внимание души своей истощают на игrania суетным, временным, тленным. И те, которые всю жизнь свою посвятили Богу, ничего не сделали, не принесли ничего достойного в сравнении с благодеяниями Божиими! Один, один достоин стать пред Богом: дух, исполненный сокрушения и смирения. Это достоинство человеческое одно признал Сам Бог достоинством. И может стать в таком расположении дух наш – когда он уклонится от всех играний. Не советую Вам выходить из того наружного круга, в который Вы поставлены Промыслом Божиим. Узы Ваши – узы священные. На них священная печать, наложенная благословением Божиим, призванная таинством церковным и сопутствующими ему молитвами. Уединением Вашим – да будет душа Ваша, умерщвленная для мира; святою обителию Вашею – да будет душа Ваша, – да будет она обителию всех евангельских добродетелей. Игrania да заменятся существенным, и тени – истиною. Нет возможности приступить к Богу иначе, как по тернию скорбей. Допущенный к

Богу – приступил к сокровищнице всех благ, временных и вечных. Бог – кого хочет приблизить к Себе, попускает тому скорбь. Волна, которою Вы закинуты в страну креста, послана на Вас Богом, любящим и избирающим Вас, послана, как буря и кит были посланы на пророка Иону.

Если милосердый Господь возвратит меня в приморскую обитель преподобного Сергия, надеюсь увидеть Вас там, увидеть, чтоб укреплять и утешать утешением и крепостию от Господа. Давно душа Ваша избрала душу мою в пристань искренности, даже теперь не покидает этой пристани, полуразбитой волнами, постоянными и давно злящимися бурями далеко отдвинутой... И да исполнится над нами слово воплощенного Бога, Который сказал: *Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*²⁴⁷.

Письмо 128

Непростительных грехов нет. О покаянии. Об отчаянии. Смертные грехи. Грехи несмертные. Страсти. Грехи словом, мыслью. Исповедь

Святая Православная Церковь признает, что нет греха человеческого, которого бы не могла омыть Кровь Господа Бога Спасителя нашего Иисуса Христа. Сколько бы раз ни повторился грех человеческий, Кровь Богочеловека может омыть его. Грехи всего мира ничего не значат пред всесвятою Кровию вочеловечившегося Господа, пролитую за нас. *Той же язвен бысть за грехи наша и мучен быст за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы изцелехом*²⁴⁸. Пребывает неисцеленным только тот, кто сам отвергает дарованное ему и всем человекам исцеление и спасение. Так обильно излилась на нас милость Божия, что самый тяжчайший грех, повторенный человеком тысячу раз, может быть изглажен покаянием человека. Покаяние – вера, покаяние – признание искупления и Исккупителя! Покаяние – усвоение себе заслуг Исккупителя верою в Исккупителя! Покаяние – самоотвержение! Покаяние – признание падения и гибели, объявших весь род человеческий! Покая-

ние – отречение от всякой добродетели человеческой! Всю надежду возлагает покаяние на Искупителя! Одни заслуги Искупителя имеют всю цену, необъятную цену! Без цены, без малейшей цены добродетели человеческой! Они заимствуют цену от веры в Искупителя, когда они – выражение этой веры, – исполнение воли Искупителя! Покаяние восполняет собою недостаток добродетелей человеческих, присваивает человеку добродетели Искупителя! Бог дал нам покаяние в помощь нашей немощи. Ах, как многообразна и велика немощь наша! Иной человек ненавидит грех свой, но так привык ко греху, так бессилен для борьбы против него, что не престаёт впадать в ненавидимый, мерзостный грех, увлекаясь насилием преобладающего навыка. Несчастному рабу греха пристанище – покаяние. Сколько бы раз ни случилось ему подвергнуться нравственному бедствию, он может войти в это пристанище, починить в нем сокрушенную ладью душевную. Церковная история сохранила следующую беседу между некоторым страдавшим от греха иноком и одним из величайших угодников Божиих, обиловавших духовными дарованиями, по причине этого обилия получившего наименование Великого. Брат спросил преподобного Сисоя Великого: «Отец! Что мне делать? Я пал». Старец отвечал: «Восстань». Брат сказал ему: «Я восстал, и опять пал». Старец отвечал: «Опять восстань». Брат сказал: «Доколе же мне будет восставать и падать?» Сисой Великий отвечал: «Доколе не будешь взят из этой жизни». Эту повесть Вы найдете

в книге «Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов»; также она помещена в Четрых-Минях, в житии преподобного Сисоя Великого, 6 июля. Должно предполагать, что угодник Божий дал такой ответ человеку, имевшему несчастный навик ко греху, навик как бы непреодолимый. Встречаются люди, повергшиеся этому бедствию. Слово «пал» изображает, что грех брата был тяжкий, смертный.

Однако ж надо знать, что Бог дал покаяние единственно в помощь немощи нашей, отнюдь не для потачки греху. Дар Божий не должно употреблять во зло, должно обходиться с ним очень благоговейно, благоразумно, осторожно. «Кто в надежде на покаяние повторяет свои грехопадения, – сказал святой Исаак Сирский, – тот ведет себя лукаво по отношению к Богу, такового постигает нечаянная смерть»²⁴⁹. Должно со всею тщательностию храниться от впадения вообще во все грехи, великие и малые, как от выражения вражды на Бога.

Самый тяжкий грех – отчаяние. Этот грех уничижает все-святую Кровь Господа нашего Иисуса Христа, отвергает Его всемогущество, отвергает спасение, Им дарованное, показывает, что в душе прежде господствовали самонадеянность и гордость, что вера и смирение были чужды ей. Более, нежели от всех других грехов, надо храниться, как от смертоносного яда, как от лютого зверя, от отчаяния. Повторяю: отчаяние – злейший грех между всеми грехами. Созревшее отчая-

ние обыкновенно выражается самоубийством или действиями, тождественными самоубийству. Самоубийство – тягчайший грех! Совершивший его лишил себя покаяния и всякой надежды спасения. Святая Церковь не совершает о нем никакого поминовения, не удостоивает отпевания и лишает погребения на христианском кладбище. За самоубийством следуют по тяжести своей грехи смертные, каковы: убийство, прелюбодеяние, ересь и другие, подобные им. Эти грехи, хотя и менее пагубны, нежели самоубийство и ведущее к самоубийству отчаяние, хотя совершившему их остается возможность покаяния и спасения, но называются смертными. Пребывающий в них признается умершим душою; пребывающий в них не допускается правилами Святой Церкви к приобщению Святых Христовых Таин, к участию в богослужении. Если смерть постигнет его непокаявшимся в этих грехах, то вечная гибель его несомненна. Покаяние человека, пребывающего в смертном грехе, тогда только может быть признано истинным, когда он оставит смертный грех свой. Тогда он только может быть допущен к соединению со Христом чрез приобщение Святых Таин! И потому после главного греха – отчаяния и самоубийства – надо с особенною тщательностью охраняться от смертных грехов, с твердым и решительным намерением в душе не впасть в них. Если ж случится несчастье впасть в какой смертный грех, то надо оставить его немедленно, исцелиться покаянием и всячески храниться, чтоб снова не впасть в него. Если же, по ка-

кому-нибудь несчастному стечению обстоятельств, случится снова впасть в смертный грех, не должно предаваться отчаянию – должно снова прибегать к Богом дарованному врачевству душевному, покаянию, сохраняющему всю силу и действительность свою до самого конца жизни нашей.

Есть грехи несмертные: одни из них тяжелее, другие легче. Надо сперва отучаться от грехов тяжелых, а потом и от легких. Например: грех несмертный – объедение; также грех несмертный – лакомство. Объедение грубее и сопряжено с более вредными следствиями, нежели лакомство, и потому надо сперва отучаться от многоядения, а потом от сластоядения. Впрочем, и несмертные грехи, каковы: объедение, лакомство, роскошь, празднословие, смехословие и другие, выросши и объявши человека, могут очень близко подойти к грехам смертным. Грех, овладевший человеком, называется страстию. Страсть подлежит вечной муке, сказали отцы²⁵⁰. И потому никак не должно пренебрегать грехами несмертными, особливо должно наблюдать, чтоб какой-нибудь грех не вырос и не образовалась в навыке к нему страсть. Для очищения от таких грехов и для лучшего наблюдения за собою Святая Церковь положила каждому православному христианину никак не менее четырех раз в год (в крайности же непременно однажды) прибегать к святому таинству Исповеди. Святая исповедь приносит двоякую пользу: доставляет прощение от Бога в содеянных грехах и предохраняет от впадения вновь в грехи. «Душа, – говорит святой Иоанн Ле-

ствичник, — имеющая обычай исповедовать грехи свои, удерживается от нового впадения в них воспоминанием об исповеди, как бы уздою.

Грехи же неисповеданные удобно повторяются, — как бы совершенные во мраке»²⁵¹.

Есть грехи, совершаемые словом. Их никак не должно считать маловажными! От слова шуточного до слова преступного — самое краткое расстояние! *От словес бо своих оправдишиися, и от словес своих осудишиися*²⁵², — сказал Спаситель. Язык совершил великие преступления: произнес отречение от Бога, хулы, ложные клятвы, клеветы на ближнего. Отречение от Христа и богохульство причисляются к тяжчайшим смертным грехам.

Есть грехи, совершаемые мыслию, ощущениями сердечными, движениями тела. Все они не малы, все вражда на Бога! Но когда мысль и сердце наслаждаются грехом, любят как бы осуществлять его мечтанием испещренным, украшенным и продолжительным, таковой тайный душевный грех близок к греху, совершаемому самым делом.

Человек должен избегать со всею тщательностью всех вообще грехов. В тех же грехах, в которые по немощи впадает делом, словом, помышлением и всеми чувствами, должен ежедневно приносить раскаяние пред Богом, что всего лучше делать по совершении правила, отходя ко сну. Сверх того должен ежегодно очищать совесть свою четыре раза Святым Таинством Исповеди. Если ж случится впасть в смертный

грех, нисколько не медля надо исповедать его пред отцом духовным. Господь да сохранит Вас от великого душевного бедствия – смертного греха, да дарует Вам силу удаляться и от прочих грехов, больших и малых. Аминь.

1847 год.

Николо-Бабаевский монастырь.

Письмо 129

О невозможности спасения иноверцев и еретиков

Достойное горького рыдания зрелище: христиане, не знающие, в чем состоит христианство! А это зрелище почти беспрестанно встречаются ныне взоры; редко они бывают утешены противоположным, точно утешительным зрелищем! Редко они могут в многочисленной толпе именующих себя христианами остановиться на христианине, и именем, и самим делом.

Вопрос, предложенный Вами, теперь предлагается сряду. «Отчего не спастись, — пишете Вы, — язычникам, магометанам и так называемым еретикам? Между ними есть предобрые люди. Погубить этих добрейших людей было бы противно милосердию Божию!.. Да! Это противно даже здравому разуму человеческого! А еретики — те же христиане. Считать себя спасенными, а членов прочих верований погибшими — это безумно, и крайне гордо!»

Постараюсь отвечать Вам в немногих по возможности словах, чтоб многословие несколько не повредило ясности изложения. Христиане! Вы рассуждаете о спасении, а не знаете, что такое спасение, почему человеки в нем нуждаются, наконец, не зная Христа — единственное средство наше-

го спасения! Вот истинное учение об этом предмете, учение Святой Вселенской Церкви: спасение заключается в возвращении общения с Богом. Это общение потерял весь род человеческий грехопадением праотцев. Весь род человеческий – разряд существ погибших. Погибель – удел всех людей, и добродетельных, и злодеев. Зачинаемся в беззаконии, родимся во грехе. *Сниду к сыну моему сетуя во ад*²⁵³, — говорит святой патриарх Иаков о себе и святом сыне своем Иосифе целомудренном и прекрасном! Нисходили во ад по окончании земного странствования не только грешники, но и праведники Ветхого Завета. Такова сила добрых дел человеческих.

Такова цена добродетелей естества нашего падшего! Чтоб восстановить общение человека с Богом, иначе – для спасения, необходимо было искупление. Искупление рода человеческого было совершено не Ангелом, не Архангелом, не каким-нибудь еще из высших, но ограниченных и сотворенных существ, – совершено было Самим беспредельным Богом. Казни – жребий рода человеческого, заменены Его казнию; недостаток заслуг человеческих заменен Его бесконечным достоинством. Все добрые дела человеческие немощные, нисходившие во ад, заменены одним могущественным добрым делом: верую в Господа нашего Иисуса Христа. Спросили Господа иудеи: *Что сотворим, да делаем дела Божия?* Господь отвечал им: *Се есть дело Божие, да веруете в Того, Егоже посла Он*²⁵⁴. Одно доброе дело нуж-

но нам для спасения: вера; но вера – дело. Верую, одною верую мы можем войти в общение с Богом при посредстве дарованных им Таинств. Напрасно ж, ошибочно Вы думаете и говорите, что добрые люди между язычниками и магометанами спасутся, то есть вступят в общение с Богом! Напрасно Вы смотрите на противную тому мысль как бы на новизну, как бы на вкравшееся заблуждение! Нет! Таково постоянное учение истинной Церкви, и Ветхозаветной, и Новозаветной. Церковь всегда признавала, что одно средство спасения – Искупитель! Она признавала, что величайшие добродетели падшего естества нисходят во ад. Если праведники истинной Церкви, светильники, из которых светил Дух Святой, пророки и чудотворцы, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиною предварившие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то как Вы хотите, чтоб язычники и магометане за то, что они кажутся Вам добренькими, не познавшие и не уверовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним, одним, повторяю Вам, средством – верую в Искупителя? Христиане! Познайте Христа! Поймите, что Вы Его не знаете, что Вы отрицались Его, признавая спасение возможным без Него за какие-то добрые дела! Признающий возможность спасения без веры во Христа отрицается Христа и, может быть не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства.

Мыслим убо, – говорит святой апостол Павел, – верую оправдаться человеку, без дел закона²⁵⁵. Правда же Божия

верою христианскою во всех и на всех верующих, несть бо разнствия, еси бо согрешиши и лишена суть славы Божия, оправдаеми туне благодатию Его, избавлением, еже о Христе Иисусе²⁵⁶. Вы возразите: «Святой апостол Иаков требует непременно добрых дел, он научает, что *вера без дел мертва есть*»²⁵⁷. Рассмотрите, чего требует святой апостол Иаков. Вы увидите, что он требует, как и все боговдохновенные писатели Священного Писания, дел веры, а не добрых дел падшего естества нашего! Он требует живой веры, утверждаемой делами нового человека, а не добрых дел падшего естества, противных вере. Он приводит поступок патриарха Авраама, дело, из которого явилась вера праведника: это дело состояло в принесении в жертву Богу своего единокровного сына. Заклатъ сына своего в жертву – совсем недоброе дело по естеству человеческому: оно – доброе дело как исполнение повеления Божия, как дело веры. Всмотритесь в Новый Завет и вообще во все Священное Писание: Вы найдете, что оно требует исполнения заповедей Божиих, что это исполнение называется делами, что от этого исполнения заповедей Божиих вера в Бога делается живою, как действующая; без них она мертвая, как лишенная всякого движения. И напротив того, Вы найдете, что добрые дела падшего естества, от чувств, от крови, от порывов и нежных ощущений сердца, – воспрещены, отвергнуты! А эти-то именно добренькие дела Вам и нравятся в язычниках

и магометанах! За них, хотя бы то было с отвержением

Христа, Вы хотите им дать спасение. Странно Ваше суждение о здоровом разуме! С чего, по какому праву, Вы находите, признаете его в себе? Если Вы христианин, то должны иметь об этом предмете понятие христианское, а не другое какое, самовольное или схваченное неведь где! Евангелие научает нас, что падением мы стяжали лжеименный разум, что разум падшего естества нашего, какого бы он ни имел достоинства природного, как бы ни был изощрен ученостию мира, сохраняет достоинство, доставленное ему падением, пребывает лжеименным разумом. Нужно отвергнуть его, предаться водительству веры: при этом водительстве в свое время, по значительных подвигах в благочестии, Бог дарует верному рабу Своему разум Истины, или разум духовный. Этот разум можно и должно признать здоровым разумом: он – извещенная вера, так превосходно описанная святым апостолом Павлом в 11-й главе его Послания к Евреям. Основание духовного рассуждения – Бог. На этом твердом камени оно зиждется и потому не колеблется, не падает. Называемый же Вами здоровый разум мы, христиане, признаем разумом столько болезненным, столько омрачившимся и заблудшим, что уврачевание его иначе и не может совершиться, как отсечением всех знаний, его составляющих, мечом веры и отвержением их. Если же признать его здоровым, признать на каком-то основании неизвестном, шатком, неопределенном, непрестанно изменяющемся, то он, как здоровый, непременно отвергнет и Христа. Это доказано опытами. Что

ж Вам говорит Ваш здравый разум? Что признать погибель добрых людей, не верующих во Христа, противно Вашему здравому разуму! Мало того! Такая погибель добродетельных противна милосердию такого всеблагого Существа, как Бог. Конечно, было Вам откровение свыше об этом предмете, о том, что противно и что не противно милосердию Божию? Нет! Но здравый разум показывает это. А! Ваш здравый разум!.. Однако ж при Вашем здоровом разуме откуда Вы взяли, что Вам возможно собственным ограниченным человеческим умом постигать, что противно и что не противно милосердию Божию? Позвольте сказать Вашу мысль: Евангелие, иначе, Христово учение, иначе, Священное Писание, еще иначе, Святая Вселенская Церковь открыли нам все, что человек может знать о милосердии Божиим, превышающем всякое умствование, всякое постижение человеческое, не доступное для них. Суетно шатание ума человеческого, когда он ищет определить беспредельного Бога!.. Когда он ищет объяснить необъяснимое, подчинить своим соображениям... Кого? Бога! Такое начинание – начинание сатанинское!.. Именующийся христианином и не знающий учение Христова! Если ты из этого благодатного, небесного учения не научился непостижимости Бога, – поди в школу, прислушайся, чему учатся дети! Им объясняют преподаватели математики и теории бесконечного, что оно, как величина неопределенная, не подчиняется тем законам, которым подчинены величины определенные – числа, что результа-

ты его могут быть совершенно противоположны результатам чисел. А ты хочешь определить законы действия милосердия Божия, говоришь: это согласно с ним, это ему противно! Оно согласно или несогласно с твоим здравым разумом, с твоими понятиями и ощущениями! Следует ли из того, что Бог обязан понимать и чувствовать, как ты понимаешь и чувствуешь? А этого-то и требуешь ты от Бога! Вот безрассуднейшее и вполне гордостное начинание! Не обвиняй же суждение Церкви в недостатке здравого смысла и смирения: это твой недостаток! Она, Святая Церковь, только следует неуклонно учению Божию о действиях Божиих, открытому Самим Богом! Послушно за нею идут истинные ее чада, просвещаясь верою, попирая кичащийся разум, восстающий на Бога! Веруем, что можем знать о Боге только то, что Бог благоволил открыть нам! Если б был другой путь к богопознанию, путь, который могли бы проложить уму своему собственными усилиями, не было бы даровано нам откровение. Оно дано, потому что оно нам необходимо. Суетны же и лживы собственные самосмышления и скитания ума человеческого.

Вы говорите: «Еретики те же христиане». Откуда Вы это взяли? Разве кто-нибудь, именующий себя христианином и ничего не знающий о Христе, по крайнему невежеству своему решится признать себя таким же христианином, как и еретики, а святую веру христианскую не отличит от чада клятвы – богохульной ереси! Иначе рассуждают об этом истинные христиане! Многочисленные сонмы святых прия-

ли венец мученический, предпочли лютейшие и продолжительнейшие муки, темницу, изгнание, нежели согласиться на участие с еретиками в их богохульном учении. Вселенская Церковь всегда признавала ересь смертным грехом, всегда признавала, что человек, зараженный страшным недугом ереси, мертв душою, чужд благодати и спасения, в общении с дьяволом и его погибелию. Ересь – грех ума.

Ересь – более грех дьявольский, нежели человеческий; она – дочь дьявола, его изобретение, нечестие, близкое к идолопоклонству. Отцы обыкновенно называют идолопоклонство нечестием, а ересь – злочестием. В идолопоклонстве дьявол принимает себе божескую честь от ослепленных человеков, ересь он делает слепотствующих человеков участниками своего главного греха – богохульства. Кто прочитает со вниманием «Деяния Соборов», тот легко убедится, что характер еретиков вполне сатанинский. Он увидит их ужасное лицемерие, непомерную гордость, увидит поведение, составленное из непрерывной лжи, увидит, что они преданы различным низким страстям, увидит, что они, когда имеют возможность, решаются на все ужаснейшие преступления и злодеяния. В особенности замечательно их неприимимая ненависть к чадам истинной Церкви и жажда крови их! Ересь сопряжена с ожесточением сердца, со страшным помрачением и повреждением ума, упорно держится в зараженной ею душе – трудно для человека исцеление от этого недуга! Всякая ересь содержит в себе хулу на Духа Святого:

она или хулит догмат Святого Духа, или действие Святого Духа, но хулит непременно Святого Духа. Сущность всякой ереси – богохульство. Святой

Флавиан, патриарх Константинопольский, запечатлевший кровию исповедание истинной веры, произнес определение Поместного Константинопольского Собора на ересиарха Евтихия в следующих словах: «Евтихий, доселе иерей, архимандрит, вполне уличен и прошедшими его действиями, и настоящими его объяснениями в заблуждениях Валентина и Аполлинария, в упорном доследовании их богохульству, тем более что он даже не внял нашим советам и наставлениям к принятию здравого учения. А потому, плача и воздыхая о его конечной гибели, мы объявляем от лица Господа нашего Иисуса Христа, что он впал в богохульство, что он лишен всякого священнического сана, нашего общения и управления его монастырем, давая знать всем, кто отныне будет беседовать с ним или посещать его, что они сами подвергнутся отлучению». Это определение – образчик общего мнения Вселенской Церкви о еретиках; это определение признано всею Церковью, подтверждено Вселенским Халкидонским Собором. Ересь Евтихия состояла в том, что он не исповедовал во Христе по воплощении двух естеств, как исповедует Церковь, он допускал одно естество Божеское. Вы скажете: только!.. Забавен по своему недостатку истинного знания и горько жалостен по своему свойству и последствиям ответ некоторого лица, облаченного властью сего мира,

святому Александру, патриарху Александрийскому, об арианской ереси. Это лицо советует патриарху сохранять мир, не заводить ссоры, столько противной духу христианства, из-за некоторых слов; пишет он, что он не находит ничего предосудительного в учении Ария, – некоторую разницу в оборотах слов – только! Эти обороты слов, замечает историк Флери, в которых «нет ничего предосудительного», отвергают Божество Господа нашего Иисуса Христа – только! Ниспровергают, значит, всю веру христианскую – только! Замечательно: все древние ереси, под различными изменяющимися личинами, стремились к одной цели: они отвергали Божество Слова и искажали догмат воплощения. Новейшие наиболее стремятся отвергнуть действие Святого Духа: с ужасными хулами они отвергли Божественную литургию, все таинства, все, все, где Вселенская Церковь всегда признавала действие Святого Духа. Они называли это установлениями человеческими, дерзче: суеверием, заблуждением! Конечно, в ереси Вы не видите ни разбоя, ни воровства! Может быть, единственно потому не считаете ее грехом? Тут отвергнут Сын Божий, тут отвергнут и похулен Дух Святой – только!

Принявший и содержащий учение богохульное, произносящий богохульство не разбойничает, не крадет, даже делает добрые дела естества падшего – он прекрасный человек! Как может Бог отказать ему в спасении!.. Вся причина последнего Вашего недоумения, так как и всех прочих, – глубоко-

кое незнание христианства! Не думайте, что такое незнание – маловажный недостаток! Нет! Его следствия могут быть гибельными, особенно ныне, когда ходят в обществе бесчисленные книжонки с христианским заглавием, с учением сатанинским. При незнании истинного христианского учения как раз можете принять мысль ложную, богохульную за истинную, усвоить ее себе, а вместе с нею усвоить и вечную погибель. Богохульник не спасется! И те недоумения, которые Вы изобразили в письме Вашем, – уже страшные наветники Вашего спасения. Их сущность – отречение от Христа! Не играйте Вашим спасением, не играйте! Иначе будете вечно плакать. Займитесь чтением Нового Завета и святых отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдает за святых); изучите в святых отцах Православной Церкви, как правильно понимать Писание, какое жительство, какие мысли и чувствования приличествуют христианину. Из Писания и живой веры изучите Христа и христианство. Прежде нежели придет грозный час, в который Вы должны будете предстать на суд пред Богом, стяжите оправдания, даруемые Богом туне всем человекам – при посредстве христианства.

Письмо 130

Ответ сомневающемуся в существовании ада. О лжеименном разуме. Описание одного из своих таинственных видений

Ты сомневаешься в существовании ада и вечных мук? Повторяешь нынешнее модное возражение: «Это не сообразно с милосердием такого благого Существа, как Бог». Ах, друг мой! Может ли такое слабое, ограниченное существо, как человек, судить сам собою о Боге, Существо беспретельном, превышем всякого постижения и суждения, – выводить положительные заключения о Боге из взглядов в себя? Оставь твои собственные суждения и верь от всего сердца всему, чему научает нас Евангелие. Сам Спаситель сказал: *И идут сии в муку вечную*²⁵⁸; в другом месте сказал: *во аде возвед очи свои*²⁵⁹. Спаситель сказал, что есть ад, есть вечные муки – к чему твое возражение! Если ж ты дашь место этому возражению, значит – сомневаешься в истине слов Спасителя, отвергаешь их. Кто из учения Христова отвергает хотя один догмат, тот отрицается Христа. Подумай хорошенько: твое сомнение – не такой легкий грех. Если ж ты усвоишь его себе, будешь осуществлять словами – впадешь в грех смертный.

Одно слово веры может спасти, и одно слово неверия может погубить душу. Разбойник в час смерти, уже на кресте, исповедал Христа – и отворил себе двери в рай; фарисеи, отвергнув Истину, похулили Духа Святого – и погибли. *От словес бо своих оправдишиися, и от словес своих осудишиися*²⁶⁰, – возвестил Спаситель. Если позволишь твоему разуму возражения против учения Христова, он найдет их тысячи тысяч: он неисчерпаем – когда попустим ему заразиться неприязнью ко Христу. Мало-помалу он отвергнет все догматы христианские! Не новость – этот плод необузданного, самовольного суждения; сколько от него явилось в мире безбожников, богохульников! По наружности, для неопытных глаз, они казались умами блестящими, разорвавшими цепи, вышедшими на свободу, открывшими истину и показавшими ее прочим людям. Но последствия показали, что мнимая их истина – ужаснейшее, пагубнейшее заблуждение. Потоками крови омыты ложные мысли, – и не вычистилась мысль этим омовением! Страшно запятнать мысль ложью: кровь человеческая не в силах омыть этих лютых пятен. Для такого омовения человечество нуждалось в Крови Богочеловека. Оно получило эту Кровь, умылось в ней, очистилось! Держимое рукою веры, вышло на свет истинного богопознания и самопознания, вышло туда из глубокой, темной пропасти плотского, лжеименного разума. Этот разум призывает человека снова в пропасть, – и внемлет человек призыву убийственному! Что дивного? Человек сохранил свой характер: в раю,

исполненном благоухания и наслаждения божественного, он не остановился вверить свое внимание льстивым словам диавола.

Друг мой! Ты христианин, член Православной Восточной Церкви; сохраняй верность к духовному телу, которого ты член, сохраняй соединение со Святою Церковью, которой ты принадлежишь, сохраняй твое духовное достоинство, как бесценное сокровище. По причине немощи твоей не вдавайся в суждение о догматах: это глубокая пучина, опасное море; в нем потонули многие пловцы неискусные и самонадеянные. Безопасно, с надеждою обильной духовной корысти могут плавать, носиться по чудным волнам богословия только те, которых кормило – ум в деснице Духа. По совету святого апостола Павла, низлагай всякое помышление, взимающееся на разум Христов²⁶¹. Не входи в спор, ниже в рассуждение с сомнениями и возражениями, порождаемыми лжеименным разумом; мечом веры посекай главы этих змей, едва они выставят эти главы из своего логовища! Это дело прямое, дело верное! Дело, достойное того, кто однажды навсегда сочетался Христу. Прежде союза имеет место рассуждение; по заключении союза оно – уже преступление. Ничто, ничто да не нарушает, да не колеблет твоей верности! Ах! Сноснее не вступивший в союз, нежели предатель. Со смирением преклони выю благому игу²⁶²; веди жизнь благочестивую; ходи чаще в церковь; читай Новый Завет и писания святых отцов; благотвори ближним: в свое время Божественное Христово

учение, из которого дышет святость и истина, усвоится душе твоей. Тогда не будут приступать к ней никакие сомнения. Христово учение вышеестественно как Божественное; оно приступно для ума человеческого при посредстве одной веры. Безумное начинание – объяснить вышеестественное человеческим рассуждением, очевидно не могущим выйти из общего, обыкновенного, естественного круга. Безумного начинания последствие: несообразность, бесчисленные возражения, отвержения неестественного, хотя бы это неестественное и было Божественно. Люди в своих действиях по большей части противоречат сами себе! Берегут глаза свои, чтоб очи не засорились, а ума – этого ока души – отнюдь не думают беречь, засоряют всевозможным сором. Господь повелел хранить ум, потому что он – вождь человека. Если ум собьется с пути истинного, вся жизнь человека делается заблуждением. Чтоб сбиться уму с пути истинного, надо немного: одна какая-нибудь ложная мысль: *Егда убо око твое просто будет*, – говорит Спаситель, – *все тело твое светло будет; егда же лукаво будет, и тело твое темно, блюди убо, егда свет, иже в тебе, тьма есть*²⁶³. Мы совсем не соблюдаем этого всесвятого заветования; не наблюдаем, чтоб наш свет, то есть ум, не сделался тьмою, валяем в него всякую всячину; он делается решительно тьмою и разливает мрак на все поведение наше, на всю жизнь. С чего бы родиться в душе твоей помышлениям, враждующим на Бога, помышлениям пагубного неверия и суемудрия?

Непременно ты начитался разных пустейших иностранных книжонок, наслушался разных неосновательных суждений о религии, которыми так богато наше время, так скудное в истинных познаниях религиозных. «Ничто так не направляет человека к богохульству, как чтение книг еретических», – сказал Исаак Сирский. Оставь это беспорядочное чтение, наполняющее ум понятиями сбивчивыми, превратными, лишаящее его твердости, самостоятельности, правильного взгляда, приводящее в состояние скептического колебания. Займись основательным изучением святых отцов. Ты принадлежишь этой Церкви? Твоя обязанность узнать ее как должно. Посмотри, как твердо знают свою религию инославные Запада! Правда, для них меньше труда в подробном познании своей веры. Папист лишь уверовал в папу, как в Бога, – сделал все: он папист в совершенстве! Может сумасбродствовать сколько хочет! Протестант лишь сомневается во всем предании, протестует против всего Христова учения, удерживая, впрочем, себе имя христианина, – сделал все: он вполне протестант. Достигши такого совершенства, и римлянин, и протестант пишут многотомные сочинения; их творения грузятся в пароходы, едут в Россию искать читателей. Не читай того, что написали эти люди, сами не понимая, что пишут. Ты так мало знаешь, по общей нынешней моде, христианскую религию, что очень удобно можешь усвоить себе какую-нибудь ложную мысль и повредить ею свою душу. Ад есть, и мука вечная есть; благочести-

вою жизньню сделай их для себя несуществующими!

Считаю конченным ответ мой. А что буду говорить далее — то дань, приносимая дружбе. Нет! Не дань, надо назвать иначе. Это празднословие, к которому приводят, однако ж, искренность и дружба. Часто приходилось мне слышать мысль сомнения, ныне высказанную тобою и подкрепляемую именно тем доводом, который ты привел, что существование ада и вечных мук несообразно с милосердием Божиим. Однажды, после такой беседы, когда оставил меня беседовавший со мною посетитель, я погрузился невольно, не замечая того, в задумчивость. Грустно было на сердце. Никакая, впрочем, особенная мысль меня не занимала. В этом состояло впечатление, оставленное мне посетителем. И как не остаться грустному впечатлению, когда я слышал христианина, дерзавшего прямо противоречить Христу, дерзнувшего признать слова Само-Истины-Бога ложью, вымыслом, суевением. Как не остаться грустному впечатлению, когда я видел, что отвергается милость Божия, которую способно принять и сохранить одно правое исповедание догматов веры христианской, которую подает Сам Бог, и в предлог такого отвержения приводится суетное человеческое умствование о милосердии Божиим! Внезапно предстает мне мысль, предлагающая путешествие по всему свету. Мысль была так светла, произвела во мне такое приятное ощущение, что я несколько не задумался о ней. С доверчивостию соглашаюсь. Водимый ею, лечу как бы в воздушном шаре. Вижу все стра-

ны, ничто не останавливает меня на пути моем, несусь мимо заоблачных гор, переношусь быстро чрез реки, чрез озера, чрез моря. В кратчайшее время осмотрел всю вселенную, притом сидя спокойно в моих креслах. Что я видел во время моего путешествия? Страдание человечества. Да! Я видел мучения и физические, и нравственные – не встретил ни одного человека, который бы не страдал. Я видел страдание во дворцах и на троне; я видел его среди переливающегося изобилия. Где тело было здорово и насыщено, там сердце было гадко, больно, не стерпевая лютой болезни, произносило непрестанные стоны. Я видел заключенных, погребенных на всю жизнь в душные и мрачные темницы; видел роющихся в пропастях земных, куда не достигает свет солнечный, где при звуках цепей и ударах молотов и секир добывается золото – средство к наслаждениям одних чрез постоянное бедствие тех, которые добывают. Я видел в государствах образованнейших целые семейства, умирающие с голоду; видел человечество, искаженное заблуждениями! Я видел человечество, низведенное до подобия скотов бессловесных и зверей хищных! Там производится ловля людей, как животных; там торгуют ими, как товаром бездушным, как скотом, и на этом торжище человек – товар малоценный: цена ему меньше, чем цена домашнему скоту. Там человек живет почти как бессловесное животное; а там живет он как зверь лютый, находя наслаждение в пролитии крови, пожирая с бешеным, иступленным веселием себе подобных. Ах! Лучше бы не су-

существовать, чем существовать так неистово, так ужасно. Такова картина обыкновенного человеческого быта на земле. Надо вспомнить и о бедствиях, которым подвергается человечество по временам и местам: о землетрясениях, моровых язвах, междоусобиях, о мече завоевателей, так обильно льющем кровь, когда он в руке Батыя или Тамерлана. И вот уже несколько тысячелетий, как сменяется на земле одно поколение другим, сменяется единственно для страданий. Однако ж на все это смотрит Бог, Творец и Владыка всего, всемогущий и всеблагий. Это ужаснейшее зло, в котором страдает род человеческий на земле, не препятствует Богу пребывать всеблагим. Сколько ни придадим чисел к бесконечному, сколько ни отнимем их от него, оно не изменится, пребывает бесконечным!.. Но если взглянуть так на землю, на которой поочередно страдали, на которой вымерло смертию, более или менее лютою, столько поколений, — мысль о аде и вечных муках перестает уже быть странною!.. Род человеческий — разряд существ падших. Земля — преддверие ада с первоначальными казнями для преступных. Спаситель соделал ее преддверием Рая.

Письмо 131

О чистоте сердечной

Когда на пути, пролегающем по обширной равнине, стоит ветвистое дерево, кидающее роскошную тень, с какою радостью стремятся к нему путники; насладительно для них вдохновение и дружеская беседа под прохладой густой и широкой тени. Такой приют, такое утешение доставляет для текущих путем земной жизни Святой Крест Христов. Треблаженное дерево, на котором процвел плод жизни, – воплотившийся Бог, – Жизнь и Податель жизни. Под сению Креста приятно беседую с Вами.

Выслушайте следующую священную повесть: «К святому Великому Пимену пришел некоторый брат и жаловался, что видит в добрых делах своих примесь греха. Старец рассказал ему такую притчу: два земледельца жили в одном месте. Один из них посеял немного хлеба, хотя и нечистого, а другой, предавшись лени, не посеял ничего. При наступлении жатвы первый собрал довольно хлеба, хотя и нечистого, второй не собрал ничего. Который из двух земледельцев будет иметь пропитание? Брат отвечал: тот, который посеял и собрал немного хлеба, хотя и нечистого. Старец отвечал: будем же и мы сеять понемногу, хотя даже нечистого, чтоб не умереть с голоду».

Бог даровал Вам с верностию взглянуть на Ваше сердце,

когда, взглянув в него, Вы увидели в нем смешение душевного с духовным. Вышеприведенная повесть может уже довольно утешить Вас: Вы видите, для чего она приведена. Для большего утешения услышите и следующее: один Бог может даровать святую чистоту сердца верующему в Него и прибегающему к Нему покаянием. Он не требует от нас, лишь начинающих шествие к Нему, этой высокой чистоты, чуждой всяких пятен. Предшествует чистоте зрения и сознания своей нечистоты. И это уже дар Божий, о получении которого мы молимся с коленопреклонением: «Господи, даруй ми зрети моя прегрешения!» Но тот, кто видит нечистоту свою, должен оплакивать ее и у всесильного и всеблагого Врача просить исцеления.

Дух Святой – истинный наставник христиан. Его органами были пророки, апостолы и другие угодники Божии. Он говорил ими. Он да будет руководителем Вашим и да *наставит вы на всяку истину*²⁶⁴. Вы поступите под это блаженное руководство, когда будете почерпать наставление для жизни Вашей единственно из Священного Писания и писаний святых отцов Восточной Церкви, Единой Истинной.

Письмо 132

О видении своих грехов

Предлагаю Вам священную, глубокой древности повесть: «Трое усердных к добродетельной жизни инока предположили для себя следующие благочестивые занятия: первый – примирять поссорившихся между собою. К этому занятию приводило его слово Евангелия: *блажени миротворцы*²⁶⁵. Второй решился всю жизнь проводить в служении больным; его привлекли к такому занятию слова Господа: *болен, и посетите Мене*²⁶⁶. Третий удалился на безмолвие в пустыню. Примирявший враждующих между собою имел очень скудный успех. Утомившись, он пришел к брату, посвятившему себя служению больным, но и того нашел ослабевшим, не могущим далее продолжать своего служения. Тогда оба согласились повидаться с пустынником. Пришедши к нему, они поведали ему скорбь свою и умоляли сказать им, что приобрел он в безмолвии? Пустынник, несколько помолчав, взял воды и, налив в чашу, сказал им: посмотрите в воду. Они посмотрели, но не увидели ничего, потому что вода была мутна. По прошествии немногого времени пустынник опять сказал им: вода устоялась, – теперь посмотрите. Когда они посмотрели в воду, – увидели в ней лица свои, как в зеркале. Он сказал им: «Живущий посреди человек не видит

своих согрешений, будучи возмущаем развлечением мира; когда же он придет на безмолвие, особенно в пустыню, тогда начинает усматривать живущий в себе грех». Надо сперва усмотреть грех свой, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне с извещением совести».

Зрение своих согрешений – не так легко, как может показаться по наружности, при первом поверхностном взгляде. Чтоб стяжать это зрение, нужно много предварительных сведений. Нужно подробное знание закона Божия, без чего нельзя знать положительно, какие именно дела, слова, помышления, ощущения принадлежат правде, – какие греху. Грех часто принимает вид правды! Нужно знать подробно свойства человека, чтоб знать, в чем заключаются греховные язвы ума, в чем язвы сердца, в чем язвы тела. Нужно знать, что падение человека? Нужно знать, какие свойства должны быть у потомков нового Адама, чтоб видеть, какие и в чем наши недостатки. Столько-то требуется предварительных сведений, сведений важных, для получения подробного сведения и ясного зрения своих согрешений! К такому зрению приводит истинное безмолвие. Оно доставляет душе устройство, подобное чистым зеркальным водам; в них видит человек и свое состояние, и, соразмерно преуспеянию своему, состояние ближних.

Мое уединение прерывается частыми внутренними и внешними молвами; вода моя по большей части мутна! Ред-

ко, редко получает она некоторую зеркальность, – и то – на мгновение! В это краткое мгновение рисуется пред очами ума моего привлекательнейшее зрелище. Вижу бесконечную ко мне милость Божию, вижу цепь беспрестанных Божиих благодеяний. За что излились они на меня? – Недоумеваю. Чем заплатил я за них Благодетелю? – Бесперывными грехами. Смотрю на грехи мои и ужасаюсь – как бы смотрел я в страшную глубокую пропасть, от одного взора в которую начинает кружиться голова. А что, если смерить эту пропасть?.. И начинаю измерять ее скорбию, измерять воздыханиями и рыданиями!.. Еще рыдаю, – внезапно изменяется в сердце печаль на восхитительную радость: как будто кто-то говорит моему сердцу: «Непостижимый Благодетель Бог недоволен Своими благодеяниями; Он еще хочет ввести тебя в небо, соделать причастником наслаждения вечного». Я верю этому: всякого благодеяния, как бы оно ни было велико, можно ожидать от безмерной благости Божией. Верую, – и в тихое, упоительное веселие погружается все существо мое.

Письмо 133

О самоотвержении

Какая легкость, какое благополучие, какая блаженная чистота в душе, когда человек не останавливает в себе чувств расположения к нему ближних, но служит только проводником их к святому, чистому небу! Когда он говорит Богу о возлюбленных своих: «Боже! Они – Твое достояние, Твои создания! Твое тебе принадлежит, а я – что? Кратковременный странник на земле, внезапно на ней являющийся и внезапно с нее исчезающий». Кто таким образом очищает любовь от самолюбия и пристрастия, тот обретает в себе чистую любовь, любовь в Боге. Для приобретения этой любви заповедано нам самоотвержение; такое значение имеют слова Господа: *Иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю*²⁶⁷. В этих словах повеление соединено с обетованием.

Напротив того, кто вздумает найти душу свою в исполненном обольщений мире, то есть захочет исполнять свои неочищенные пожелания, тот погубит ее. В самоотвержении – спасение.

Покорите ум Ваш Христу. Когда ум покорится Христу, то не будем оправдывать ни себя, ни сердца. Когда оправдания оскудеют у сердца, оно приходит в состояние смирения и умиления. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уни-*

чижит²⁶⁸; а оправдание – ужасная греховная смерть.

Молился так святой Давид и так научает нас молиться: *Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непищевати вины о гресех*²⁶⁹. *Непищевати вины о гресех* значит приводить извинения, оправдываться в своих согрешениях. Мысли и слова, в которых изображается это оправдание, названы *словеса лукавствия*. Лукаво старается грешник обмануть себя и людей! Лукаво старается он представиться праведником пред собою и пред людьми! Оправдаться пред людьми, скрыть пред ними грех свой заставляет иногда самая необходимость, польза ближнего, которого мог бы соблазнить грех наш. Оправдываться пред собою, обольщать, заглушать свою совесть – всегда незаконно, всегда бедственно; усвоившиеся *словеса лукавствия* соделывают человека ожесточенным фарисеем, способным на всякое преступление. Оправдание в согрешениях, не нуждающееся в вымыслах и многословии, оправдание, всегда принимаемое Богом, – покаяние.

От лица покаяния бежит всякий грех; никакой грех не может устоять пред всемогущим покаянием. Покаяние – евангельская добродетель, дар Божий бесценный, купленный для нас ценою Крови Сына Божия, – этою ценою, выкупающей всякое наше согрешение.

Решитесь сначала, хотя по уму, отречься себя ради Христа, лишите ум Ваш пагубного, бестолкового самовластия, подчините его заповедям Христовым, подчините его Евангелию. Начало самоотвержения – в уме: покорившись Хри-

сту, он постепенно приведет к этой блаженной покорности и сердце, и тело.

Самоотвержение страшно при первом, поверхностном взгляде на него. Но только что человек решится на него, как и ощутит в душе необыкновенную легкость и свободу: легкость, свобода – свидетели истины.

Письмо 134

Рассуждение о вечности.

«Зеркало Евангелия»

Ощущаю себя как бы отделенным от всего! Мысль моя непрестанно вопиет к Богу, чтоб Он устроил для меня стезю к Нему, стезю покаяния. Широко отворились предо мною врата вечности. Гляжу туда, в эту бесконечную даль, в это беспредельное пространство, в эти размеры безмерные. Время сократилось предо мною, летит несравненно быстрее, чтоб впасть, как ручей в море, в вечность. Заглядываюсь в вечность, временное: незанятливо, мелочно, суетно, ничтожно. Люблю уединение: из него можно пристальнее смотреть в вечность, высмотреть, что там нужно, приготовить это нужное заблаговременно, прежде исхода души из тела.

Меня занимает Евангелие. Поражают взор мой черты образа Божия и оттенки подобия Божия, изображенные в Евангелии! «Мне будьте подобны»²⁷⁰, – говорит Бог человекам. Чтоб удобно могли они усвоить это чудное сходство, Бог очеловечился. Какая несказанная красота в Новом Адаме, Господе нашем Иисусе Христе! Какое во мне безобразие, какое расстройство! Сколько на мне пятен! Таким вижу себя, когда смотрюсь в зеркало Евангелия. Нужно мне заняться и лицом души моей, и ее одеждами; нужно мне, чтоб при вступле-

нии моем в вечность не нашлось в нем сходства с врагами Божиими, с темными демонами; нужно мне, чтоб Сын Божий признал меня похожим на Него, как похожи на Него все блаженные небожители. Подобие человека Богу, признанное Богом, доставит человеку блаженную вечность; утрата этого подобия влечет за собою изгнание от лица Божия в мрачный ад, в его огненную пропасть, на вечные страдания.

Письмо 135

Мир Христов

*Мир Христов превосходяй всяк ум*²⁷¹, соединяющий во едино человека, рассеченного грехом, мир Христов, исполняющий все существо наше непостижимую силою и небесною сладостию, начинает нисходить в душу, когда она очистится от страстей хранением заповедей Христовых и благочестивым подвигом. Чтоб сохранить мир Христов в себе, чтоб вкусить его обильно, чтоб измениться им из ветхого в нового человека, – необходимо уединение. Сокровище, поверженное на распутии, непременно должно быть расхищено и похищено.

Могуществен мир, истекающий от действия Святого Духа. Кто может противостать его влечению? От лица его бежат страсти; от действия его ум и сердце переселяются на небо. Человек примиряется ко всему в Боге. Он начинает как бы плавать в неизмеримом пространстве духовного мира и познает, что заповедь Божия «широка есть зело»²⁷². Мир Христов совершил мучеников и преподобных: он выводит христианина из-под власти плоти и крови, исторгает страну греховную из души и тела, уничтожает насильственное влияние демонов на душу и тело, вводит в христианина свойства Христовы, кротость, смирение, благость. Душа, ощутив эти

свойства, начинает вкушать чудный покой – залог и начало вечного покоя праведных в селениях вечного блаженства.

Письмо 136

Об истинности и согласии учения отцов Восточной Церкви со Священным Писанием и о ложном направлении подвижников Западной Церкви и их творений

Ныне занимаюсь чтением книги, имеющейся у меня на славянском, русском и других языках, заключающей в себе «собрание изречений святых пустынножителей Египта». Эти изречения – бесценные перлы! Спускается в глубокое море водолаз, чтоб достать дорогую жемчужину, – и святые отцы удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникали в себя, находили различные бесценные духовные перлы: хриstopодражательное смирение, младенческую простоту и незлобие, ангелоподобное бесстрашие, рассуждение и мудрость духовные – словом сказать, находили Евангелие.

Сегодня я прочитал то изречение Великого Сисоя, которое всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: «Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Преподобный Сисой отвечал ему: «Это – не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари».

Высокое занятие – непрестанное памятование Бога! Но эта высота очень опасна, когда лестница к ней не основана на прочном камне смирения. Смотрите, как Писание согласно с отцами! Писание говорит: *Всесожжение не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*²⁷³. Жертвы и самые всесожжения человеческие должны быть основаны на чувстве нищеты духовной, на чувстве покаяния. Без этого они отвергаются Богом.

Также мне очень нравится изречение Великого Пимена: «Если всегда и во всем будем обвинять себя, – сказал он, – то везде найдем покой». Другой отец сказал: «Мы составили легкое бремя, состоящее в обвинении себя, и взяли за тяжкое, состоящее в обвинении других». Такие изречения стоят целых книг! Никто, кажется, столько не вник в Евангелие, сколько вникли в него святые пустынножители; они старались осуществлять Евангелие самую жизнью, (отличительною) чертою их было глубочайшее смирение; падение человека было постоянным предметом их размышления; постоянным занятием был плач о грехах своих.

Другое направление получили подвижники Западной Церкви, писатели ее о подвижничестве со времени разлучения этой Церкви от Восточной и отпадения ее в гибельную тьму ереси. Преподобный Венедикт, святой папа Григорий Двоеслов еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас вле-

кутся и влекут читателей своих к высотам, не доступным для новонаначального, заносятся и заносят. Разгоряченная, часто исступленная мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют никакого понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию. *От плод их познаете их*²⁷⁴, – сказал Спаситель. Известно всем, какими преступлениями, какими потоками крови, каким поведением, решительно противохристианским, выразили западные фанатики свой уродливый образ мыслей, свое уродливое чувство сердечное. Святые отцы Восточной Церкви приводят читателя своего не в объятие любви, не на высоты видений, – приводят его к рассматриванию греха своего, своего падения, к исповеданию Искупителя, к плачу о себе пред милосердием Создателя. Они сперва научают обуздывать нечистые стремления нашего тела, соделывать его легким, способным к духовной деятельности; потом обращаются к уму, выправляют его образ мыслей, его разум, очищая его от мыслей, усвоившихся нам по падении нашем, заменяя их мыслями обновленного естества человеческого, живо изображенного в Евангелии. С исправлением ума святые отцы заботятся об исправлении сердца, об изменении его навыков и ощущений. Очистить сердце труднее, нежели очистить ум: ум, убедясь в справедливости новой мысли, легко сбрасывает старую, легко усваивает себе новую; но заменить навык навыком, свойство свойством, чувствование другим чувствованием, чувствованием противоположным, – это труд, это усиленная про-

должительная работа, это борьба невероятная. Лютость этой борьбы отцы выражают так: «Дай кровь и прими дух». Значит, надо умертвить все греховные пожелания плоти и крови, все движения ума и сердца, зависящие от плоти и крови. Надо ввести и тело, и ум, и сердце в управление духа. Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не способен по нечистоте своей, за недостижением истины – сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные, ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все, незаконно подвизающиеся, находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг. На них-то с жадностью кидается, их-то проповедует преимущественно святыми и духовными, достойными стоять возле Священного Писания слепотствующий и гордый мир, признающий себя просвещенным в высшей степени и потому не нуждающимся держаться неотступно преданий Восточной Церкви.

В святых отцах Восточной Церкви отнюдь не видно разго-

ряченного состояния крови. Они никогда не приходят в энтузиазм, который, будучи рождением крови, часто на Западе искал пролития крови. Из их сочинений дышит истинное самоотвержение, дышит благоухание Святого Духа, мертвящее страсти. От этого благоухания бегут прочь сыны мира, как осы улетают прочь от курящегося фимиама. «Мир любит свое»²⁷⁵, – сказал Господь. Сочинения западных писателей, написавших из состояния самообольщения, находят многочисленных читателей, переводятся не раз на русский язык, печатаются громкие похвалы; то, что исполнено смертоносного яду, одобряется и утверждается. Сочинения святых отцов забыты! То, что они с давних времен Святою Церковью признавались единым правильным руководством в подвижнической жизни, нисколько не принимается в уважение. Их сочинения критикуют, находят в них несообразности, противоречия Священному Писанию. Всему этому причиною, что святые отцы наставлены были Духом Святым, что они отвергли премудрость мира для стяжания премудрости Духа. Тщетны покушения тех, которые, вопреки учению апостола, вопреки учению Церкви, покушаются войти в премудрость

Духа премудростию мира. И «запинаются премудрые в коварстве их»²⁷⁶, преткнулись, пали падением страшным. Они захотели «духовное» объяснить темным душевным разумом, – и это «духовное» в писаниях святых отцов показалось им странным, противоречащим Священному Писанию.

*Духовная духовным сразсуждающе, — сказал святой апостол Павел. — Душевен же человек не приемлет яже Духа Божия, юродство бо ему есть, и не может разумети, зане духовно востязуется*²⁷⁷. Последние слова в русском переводе Нового Завета читаются так: *потому что о сем (о духовном) надобно судить духовно.*

Письмо 137

О мудрости духовной и плотской

Вы спрашиваете, какое мое мнение о науках человеческих? Люди после падения начали возделывать землю, начали нуждаться в одежде и других многочисленных потребностях, которыми сопровождается наше земное странничество; словом сказать, они начали нуждаться в вещественном развитии, стремление к которому – отличительная черта нашего века.

Науки – плод нашего падения, – приобретение и хранение впечатлений и познаний, накопленных людьми во время жизни падшего разума. Ученость – светильник ветхого века, светильник, которым *мрак тьмы во веки блюдетс²⁷⁸*. Испытатель возвратил людям тот Светильник, Который им дарован был при создании Создателем, Которого лишились они при грехопадении своем. Этот Светильник – Дух Святой, Он Дух Истины, наставляет всякой истине, испытывает глубины Божии, открывает и изъясняет тайны, дарует и вещественные познания, когда они нужны для духовной пользы человека. Ученому, желающему научиться духовной мудрости, завещает апостол: *Аще кто мнитс²⁷⁹* *мудр быти в вас в веке сем, буй да бывает, яко да премудр будет*. Точно! Ученость не есть собственно мудрость, а только мне-

ние мудрости. Познание Истины, которая открыта людям Господом, к которой доступ – только верой, которая неприступна для падшего разума человеческого, – заменяется в учености гаданиями, предположениями. Мудрость этого мира, в которой почетное место занимают многие язычники и безбожники, прямо противоположна, по самым началам своим, мудрости духовной, божественной. Нельзя быть последователем той и другой вместе; одной непременно должно отречься. Падший человек – «ложь», то есть образ мыслей, собрание понятий и познаний ложных, имеющие только наружность разума, а в сущности своей – шатание, бред, беснование ума, пораженного смертною язвою греха и падения. Этот недуг ума особенно в полноте открывается в науках философских.

Письмо 138

О чтении духовных книг соответственно своему положению

Старайтесь читать книги святых отцов, соответствующие Вашему образу жизни, чтоб Вам можно было не только любоваться и наслаждаться чтением отеческих писаний, но чтоб можно было прилагать их к самому делу. Христианин, живущий посреди мира, должен читать сочинения великих святителей, писавших для народа, научающих мирским добродетелям христианским, идущим для тех, которые проводят жизнь среди занятий вещественных. Другое чтение для иноков общежительных: они должны читать святых отцов, написавших наставления для этого рода жизни. И еще другое чтение для безмолвников и отшельников! Изучение добродетелей, несоответствующих образу жизни, делает жизнь бесплодною. И жизнь истощается напрасно, и пропадают добродетели: душа не может долго удержать их при себе, должна скоро их оставить, потому что они ей не под силу. Такое превышающее силы и способности упражнение в возвышенных добродетелях нередко повреждает душу неисцельно, расстраивает ее надолго, иногда на всю жизнь, делает неспособною к подвигам благочестия. Господь повелел *вино новое*, то есть возвышенные добродетели и подвиги, *в мехи*

*новы, вливати*²⁸⁰, то есть предоставлять подвижникам, уже созревшим в благочестивом подвиге, обновленным и просвещенным благодатию. Он воспретил вливать вино новое в мехи ветхие, чинить ветхую ризу новою заплаткою. Не думайте, что возвышенный подвиг, для которого еще не созрела душа Ваша, поможет Вам! Нет! Он больше расстроит Вас: Вы должны будете оставить его, а в душе Вашей явится уныние, безнадежие, омрачение, ожесточение. В таком расположении Вы попустите себе большие нарушения закона Божия, нежели в какие впадали прежде. «К ветхой ризе не пришивают заплатки новой, потому что от этого дыра делается только больше»²⁸¹.

И для иноков всех вообще и для христиан, живущих посреди мира, полезнейшее чтение – Новый Завет, в особенности Евангелие. Но его надо читать со смирением, не позволяя себе собственных толкований, а руководствуясь толкованием Церкви.

Письмо 139

Сети вражие. Путь жизни

Пребывайте в пристанище истины. Старается враг спасения человеческого выманить мысль нашу из пристанища истины различными призраками истины. Он знает силы этой сети. Эта сеть кажется ничтожною для неопытного глаза; ум приманивается к ней любознательностию, пышным, святым наименованием, которым обыкновенно прикрыта пагуба. Так левоверный соловей, птичка, особенно любопытная, приманивается пищею, разбросанною под сеткою, — и попадает навсегда в скучную неволю. Пагубна мысль ложная: она вводит в душу омрачение, самообольщение, соделывает ее пленницею миродержителя. *Истина свободит вы*²⁸², — сказал Спаситель. Очевидно, что ложь лишает свободы, подчиняет области князя века сего. Желаю, чтоб Вы были свободны, чтоб зрение души Вашей было чисто и светло, чтоб разум Ваш был проникнут светом истины и изливал свет благодатный на всю жизнь Вашу, на все дела Ваши. *Аще убо будет око твое* светло, — сказал Господь, — *то и все тело твое светло будет*²⁸³. Надо хранить ум! Надо, чтоб он пребывал непрестанно в истине. Желаю Вам этого от искреннего сердца! Желаю Вам этого от сердца болезнующего! Потому оно болезнует, что в нынешние времена редкие, весьма редкие

пребывают верными истине, – подклонили ум и сердце благому ее игу и бремени легкому, подчинились со всею простотою и покорностию Христу и Святой Его Церкви. *Спаситесь*, – говорит святой апостол Петр, – *от рода строптивого сего!*²⁸⁴ Уклонитесь от пути широкого, по которому почти все шествуют! Изберите для себя скорби, посылаемые Вам Промыслом Божиим! Возлюбите теснины, по которым премудрый Промысл, спасающий Вас Промысл Божий проложил стезю для земного Вашего странствования! И скорби и теснины Ваши, и стезю тернистую жизни земной сделайте для себя приятными, сладостными. Каким способом это сделать? Предаваясь воле Божией, славословя Промысл Божий, признавая эту волю и этот Промысл во всем, случающемся с Вами, благодаря Бога за все случившееся с Вами, и скорбное, и радостное. Время – начать жителство истинно христианское, сопряженное с распятием всех ощущений, пожеланий, мыслей на кресте заповедей и учения Христова. Скоро, скоро промчится земная жизнь! Уже готова каждому человеку вечная мзда его за кратковременную жизнь его, за дела его, за образ мыслей его, за чувство его.

Письмо 140

Любовь к Богу и людям

Преподобный авва Дорофей, говоря о любви к ближнему, уподобляет подвижников Христовых линиям, идущим от окружности круга к его центру. Для ясности вот и чертеж! Линии, чем ближе приходят к центру, тем становятся ближе одна к другой. И подвижники Христовы, чем более приближаются к Богу, тем становятся ближе друг к другу истинною любовью. Всякий путь ума и сердца, когда цель его – Бог, бесконечен. *Страх Божий чист, пребывая в век века*²⁸⁵; преуспевание в премудрости Божией бесконечно! Преуспевание в любви к ближнему, когда оно в Боге, бесконечно.

Мало земной жизни на совершение этого духовного пути! Невозможно довольно насытиться любовью к ближнему в Боге! Напротив того, можно скоро совершить путь, можно скоро насытиться и пресытиться любовью к ближнему, когда предмет любви – только человек. Огонь любви требует много пищи для того, чтоб быть постоянным и умножаться. Когда питает его Бог, – он непрестанно усиливается, нет ему предела; но когда предоставлено питать его человеку самим собою, – скоро оскудеет пища для огня, огонь потускнеет, угаснет. Любовь должна питаться беспредельным Богом; мало для нее пищи в ограниченных свойствах человеческих,

хотя бы и прекрасных.

Письмо 141

Величие Евангелия. Живопись духовная. Истинное покаяние

Сердце тогда только может наслаждаться блаженным миром, когда оно пребывает в евангельских заповедях, когда пребывает в них с самоотвержением. Когда же взойдет в него какая другая правда, оно теряет покой свой.

Великая и всесвятая книга – Евангелие! В нем изображен новый, богоподобный человек; а какие должны быть свойства нового человека – это являют Христовы заповеди. В них Христос открыл нам Свои свойства, Свой образ мыслей и действий.

Вглядываясь в Евангелие, смотрясь в это зеркало на себя, мы можем мало-помалу узнавать наши недостатки, мало-помалу выбрасывать из себя понятия и свойства ветхости нашей, заменять их мыслями и свойствами евангельскими, Христовыми. В этом состоит задача, урок, который должен разрешить, выполнить христианин во время земной жизни своей. Надо изобразить на душе портрет Христов, сообщить ей сходство с ее первообразом. Портреты, лишённые сходства, будут отвергнуты на той всеобщей выставке, на которой каждый из человеков будет испытан, в какой степени он сохранил и обновил в себе образ и подобие Творца и Бога

своего. Образы, на которых столько искажены все черты и краски, что потеряно все сходство, все подобие, услышат: *Не вем вас!*²⁸⁶ Они не будут узнаны! От них откажется Господь!

Начнемте живопись духовную!

Обратим внимание на закинутый, на покрытый грязью, царапинами и пылью образ Божий, на нас начертанный и нам вверенный Богом! Живописец – Христос, кисть Его – Святой Дух. Приготовим душу для этой живописи так, чтоб душа, как чистое, новое полотно, была способна принять на себя все – и самые тончайшие черты, самые нежные краски и оттенки.

Для такого приготовления нужно очищение себя покаянием, омовение слезами. А для того, чтоб возбудить в себе чувство покаяния, спасительную печаль и плач, непременно должно при воздержании от всех страстей часто заниматься чтением Евангелия, сличать жизнь свою с его святейшими заповедями, принуждать себя к исполнению этих заповедей, вопреки стремлениям и порывам грехолюбивой воли. Сказал некоторый святой отец: «Исполнением Христовых заповедей научается человек своей немощи». Точно, тогда открывается нам, сколько мы слабы, сколько повреждены падением, когда начнем принуждать себя к исполнению евангельских заповедей.

От зрения немощи своей, своего повреждения, естественно, рождается плач. Плач – сердечное чувство покаяния! Плач – «дух сокрушен и смирен»²⁸⁷, столько любезный Бо-

гу. Когда Господь увидит душу, очищающую себя покаянием, тогда Он начинает мало-помалу, соответственно чистоте ее, обновлять на ней

Святым Духом черты Своего образа, оттенки и цвета Своего подобия.

Прежде всего запечатлевает ее кротостию и смирением. *Научитесь от Мене*, – говорит Он, – *яко кроток есмь и смирен сердцем; и обрящете покой душам вашим*²⁸⁸. Тогда только можно найти священный покой, когда мысль и сердце погрузятся в смирение Христово и Его кротость, научившись им из Евангелия. Эти две добродетели уставляют в порядок черты образа, расстроенного смущением, которое неотступно сожительствоует всякому человеку, служащему страстям. Знамение порядка – священный покой. Тогда уже по исправленным чертам полагаются святые краски, утешающие взор духовный: благость, милосердие, чистота ума, сердца и тела, живая вера, небрегающая о всем суетном, научающая человека всецело последовать Христу, терпение, несущееся выше всех временных скорбей, любящее скорби, как участие в страданиях Христовых, любовь к Богу и ближнему, стремящаяся исполнить все обязанности человека к его Создателю и к созданиям, себе подобным, долженствующим составлять едино в Создателе своем.

Отвергнитесь себя и последуйте Евангелию!

Письмо 142

Скорби от Господа для исправления нашего

Человек – как трава, и много ли надо, чтоб подкосить его? Одна минута может решительно сокрушить его здоровье и повергнуть тело или в могилу, или на одр мучительной и продолжительной болезни. Евангелие научает нас, что никакая скорбь не может нас постичь без воли Божией, научает нас благодарить Бога за все по мановению Его приходящие нам скорби. С одра болезни приносите благодарение Богу, как приносил его с кучи гноя покрытый смрадными струпами Иов. Благодарением притупляется лютость болезни. Благодарением приносится болящему духовное утешение! Наставленное и услажденное благодарением сердце обновляется силою живой веры. Озаренный внезапно светом веры, ум начинает созерцать дивный Промысл Божий, неусыпно бдящий над всею тварию. Такое созерцание приводит в духовный восторг: душа начинает обильно благодарить, славословить Бога, начинает восхвалять Его святой Промысл, предавать себя Его святой воле. Одр болезни бывает часто местом богопознания и самопознания.

Страдания тела бывают часто причиною духовных наслаждений, и одр болезни орошается слезами покаяния и слеза-

ми радости о Боге. Во время болезни сперва надо себя принудить к благодарению Бога; когда же душа вкусит сладость и покой, доставляемые благодарением, сама спешит в него, как бы в пристанище. Спешит она туда от тяжких волн ро­пота, малодушия, печали.

*Многими скорбѣми подобает вам внити в Царствие Бо­жие*²⁸⁹. Кого возлюбит Господь, тому посылает скорби, и они умерщвляют сердце избранника Божия к миру, приучают его витать близ Бога. Во всех скорбях, в числе прочих и в болез­ни, следующие врачества приносят душевную пользу и отра­ду: преданность воле Божией, благодарение Богу, укорение себя и признание достойным наказания Божия, воспомина­ние, что все святые совершили путь земной жизни в непре­станных и лютых страданиях, что скорби – чаша Христова. Не причастившийся этой чаши не способен наследовать веч­ное блаженство.

Письмо 143

Краткость человеческой жизни. Единственно полезное занятие на земле – познание Христа

В уединении приходят странные мысли! «Ухо безмолвника услышит», – сказал некоторый святой пустынножитель. И в моем ничтожном уединении встречаюсь с мыслями, сильно действующими на ум живою истиною.

Недавно я размышлял о краткости земной жизни человеческой. Внезапно жизнь представилась мне уже так краткою, что остальное время моей земной жизни представилось мне уже прошедшим. Буду еще жить – и что увижу на земле? Ничего: те же добродетели и те же страсти, которые до сих пор являлись предо мною в разнообразных костюмах и действиях, будут являться и впредь; точно так же добродетель будет тихо пробираться между людьми, не примечаемая, гонимая ими; точно так же порок, прикрываясь бесчисленными личинами, будет обманывать людей и господствовать в среде их. Двухлетняя жизнь и столетняя жизнь одинаково малы, ничтожны пред вечностию. Обыкновенно людям только будущее время представляется продолжительным; прошедшее кажется им так коротким, мгновенным, как бы сон минувшей ночи. Уединение, соединенное с вниманием в себя, со-

дельвает и будущее время коротким. Коротко прошедшее, коротко будущее! Что же земная жизнь? Путь к вечности, которым надо воспользоваться, но на котором не надо заглядывать в стороны. Этот путь надо совершать умом и сердцем, не числом дней и годов. Ум, озаряясь учением истины, может сохранить сердце в мире, кротости, благости, терпении, короче, в свойствах нового человека. Для этого и пустыня, и безмолвие, и монастыри! Для этого и душеназидательная беседа, и духовный совет! Для этого чтение святых отцов! Для этого молитвы! Все христиане обязаны так жить, хотя так живут очень редкие. Если не можете вполне так жить, живите так отчасти; недостатки можно врачевать самоосуждением и покаянием. Видя в себе недостатки, не должно унывать; напротив того, должно трудиться в смирении. Прекрасно сказал преподобный Исаия Отшельник: «Слава святых подобна сиянию звезд, из которых одна светит очень ярко, другая тусклее, иная — едва заметно; но эти звезды все — на одном небе».

Сколько земля на поверхности своей сменила поколений! И они как будто никогда не были на ней. Давно ли слышались между нами громкие имена? А теперь они забыты. Давно ли наше поколение вступило на поприще гражданской жизни? А теперь уже вступает на это поприще новое поколение и теснит нас из обширного круга деятельности в скромный уголок состарившихся, отживших. Поколения человеческие на земле — точно листья на дереве! Ныне одни, вскоре дру-

гие! Губит их и зной, и мороз, и самое время, разносит их ветер, стаптывают путники.

Гляжу из уединения моего на шумящий и мятущийся мир, говорю сам себе и друзьям моим: одно занятие может быть признано занятием истинно полезным во время кратковременной земной жизни, доколе наша черда зеленеет, – познание Христа, Который и Податель вечной блаженной жизни, и Путь к этой жизни. Христос присутствует в Евангелии, Евангелие – тот вертоград, в котором может найти Христа Мария, – верная душа, пребывающая в покаянии... за городом, – вне любви к миру. Там гроб Христов! Там плачут Его любимые – плачут пред Ним и о себе.

Письмо 144

О наблюдении за своими мыслями

Часто беседую с Вами об Истине. Мне хочется, чтоб Вы поняли, как важно наблюдение за своим образом мыслей, за своим разумом. Человек непременно водится своим образом мыслей: это – свет наш. С большою тщательностью надо бдеть за светом нашим, чтоб он не сделался тьмою, светом лживым, показывающим предметы не на их местах, не в их виде, одни вместо других. *Блюди убо, еда свет, иже в тебе, тма есть*²⁹⁰. Надо, чтоб наш образ мыслей был проникнут Истиною. Кроме Христа не понимаю и не знаю другой Истины. И слепцы ли те, кто бы они ни были, которые, в то время когда предстоит им Христос в страшном величии смирения, вопрошают: что Истина?

Вникните глубоко в слова мои! Прошу, умоляю Вас! Умоляю Вас для Вашего же спасения. Обыкновенно люди считают мысль чем-то маловажным, потому они очень мало разборчивы при принятии мыслей. Но от принятых неправильных мыслей рождается все злое. Мысль подобна рулю корабельному: от небольшого руля, от этой ничтожной доски, влачащейся за кораблем, зависит направление и по большей части участь всей огромной машины. *Помышление же преподобное соблюдет тя*²⁹¹, – говорит Писание; оно научает,

чтоб самое *начало словес* наших было *истина*²⁹². Что это за *начало словес*, как не образ мыслей. Истина засвидетельствована на земле Духом Святым. Так говорили апостолы иудеям. Свидетель Христа-Истины – Дух Святой. Где нет свидетельства от Духа, там нет доказательств Истины. Желаящий непогрешительно последовать Истине, должен пребывать в учении, запечатленном, засвидетельствованном Духом Святым. Таково учение Священного Писания и святых отцов Восточной Церкви, Единой Святой, Единой Православной и Истинной. Всякое другое учение чуждо Истины-Христа, Истины, сошедшей с неба по несказанному милосердию Божию и открывшейся человекам, *сидящая во тме и сени смертной*²⁹³, погрязшим в темной и глубокой пропасти самообольщения, неведения, падения, гибели.

Письмо 145

О неуклонном следовании учению святых отцов, обилии лжеучителей, оскудении наставников благочестия

*Сердцем бо веруется в правду, — все верно сказал апостол, — усты же исповедуется во спасение*²⁹⁴. Нужно исповедание правды устами и, когда можно, самыми делами. Правда, исповеданная словами и делами, как бы осуществляется, делается принадлежностью человека. И потому что она существенна, она верный залог спасения.

Вы убедились, что единственный непогрешительный путь ко спасению — неуклонное следование учению святых отцов, при решительном уклонении от всякого учения постороннего, от самых своих разумений, доколе разум не исцелится от недуга своего и не сделается из плотского и душевного — духовным. Признав умом и сердцем эту правду, исповедайте ее устами, дайте обет Богу, что Вы будете руководствоваться учением святых отцов, уклоняясь от всякого учения, не засвидетельствованного Святым Духом, не принятого Святою Восточною Церковью. Исповедав правду Божию устами, исповедуйте и делами; дав обет, исполняйте его.

Не уstraшитесь этого обета! Его обязан дать каждый Православный сын Церкви, должен его потребовать у каждого

сына Православной Церкви его духовный отец при совершении таинства Исповеди. Между вопросами, которые именно положено делать исповедающемуся, первое место занимают следующие: «1) Рцы, ми, чадо: аще веруеши, яко Церковь Кафолическая, Апостольская, на Востоце насажденная и возвращенная, и от Востока по всей вселенной разсеянная, и на Востоце доселе недвижимо и непременно пребывающая, предаде и научи? – 2) Аще не сумнишися в коем предании? – 3) Рцы ми чадо, не был ли еси еретик и отступник? – 4) Не держался ли еси с ними, их капища посещая, поучения послушая, или книги их прочитывая?» Чтение еретических книг и внимание их поучениям – тяжкий грех против веры, грех ума, недугующего гордостью и потому свергающего иго послушания Церкви, имущего вольности безумные, греховные. А ныне этот грех уже не ставят в грех! Ныне позволяют себе безразборчиво читать всевозможных еретических писателей. Против них Церковь прогремела анафемой! Но ослепленные грешники не внемлют грому церковному, или внемлют ему, но только для того, чтоб посмеяться над предостерегающим от гибели голосом Церкви, чтоб ее суд и определение несмысленно назвать суеверием и варварством. Множество еретических книг переведено на русский язык, и одной из них, мимо всех отеческих писаний Вселенской Церкви, дают первое место после книг Священного Писания. Непомерная и невероятная наглость! Она выражена печатно. Истинные христиане всех времен со всевоз-

можным тщанием хранились от яда смертоносного ереси и прочих учений лжи. Они неотступно держались догматического и нравственного предания Церкви. Не только веровали православно в Святую Троицу, но и жизнь свою, и подвиги свои, и нравы направляли по преданию Церкви. Отличительною чертою всех святых отцов было неуклонное руководство нравственным преданием Церкви, и они заповедали такого только духовного наставника считать истинным, который следует во всем учению отцов Восточной Церкви и их писаниям и свидетельствует и запечатлевает свое учение. Кто ж думает руководить ближних из начал премудрости земной и из начал падшего разума, как бы он ни был блестящ, тот самый находится в самообольщении и последователей своих приводит к самообольщению. Святые отцы постановили неперменным правилом для желающего спастись – последование нравственному преданию Церкви. Для этого они заповедают желающему жить благочестиво и благоугодно руководство наставлениями истинного учителя или руководство писаниями отеческими, соответствующими образу жизни каждого. По прошествии восьми столетий по Рождестве Христовом начинают церковные святые писатели жаловаться на оскудение духовных наставников, на появление множества лжеучителей. Они заповедают по причине недостатка в наставниках обращаться к чтению отеческих писаний, удаляться от чтения книг, написанных вне недр Православной Церкви. Чем далее времена отклонялись от явле-

ния на земле Божественного света, тем усиливался недостаток в истинных святых наставниках, усиливалось обилие во лжеучителях; они со времен открытия книгопечатания наводнили землю как потоп, как горькие апокалипсические воды, от которых умерло множество людей душевною смертию. *Мнози лжепророцы востанут, – предвозвестил Господь, – и прельстят многия; и за умножение беззакония, изсякнет любви многих*²⁹⁵. Сбылось это пророчество: исполнение его пред очами нашими. И есть еще другое предсказание Господа о характере времени, в которое будет Его Второе, страшное пришествие на землю. *Сын человеческий, – сказал Господь, указуя на будущую судьбу веры, егда придет, – обрящет ли веру на земли?*²⁹⁶ Тогда будут господствовать на ней лжеименный разум, премудрость человеческая, враждебная вере и Богу.

Что значит иноческая добродетель – послушание? Она – признание разума человеческого падшим и потому отвержение его буйством веры. От веры – послушание, от послушания – смирение, от смирения – духовный разум, который извещенная вера. Иноческое послушание процветало при обилии духовных наставников. С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости: вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтоб предмет ее был истинный и духовный: тогда она приводит к Богу. Вера в человека приводит к иступленному фанатизму. Руководство писаниями святых от-

цов ведет гораздо медленнее, слабее; на пути этом гораздо больше преткновений: книга, начертанная на бумаге, не может заменить живой книги человека.

Чудная книга – ум и сердце, исписанные Святым Духом! Так и пышет из нее жизнь! Так и сообщается эта жизнь слушающим с верою. Но руководство писаниями отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечном оскуднении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным; кто же водится собственными разумениями или учением лжеучителей, того должно признать погибшим. В образец, как об этом предмете рассуждают святые отцы, выписываю из сочинений святых Каллиста и Игнатия следующее: «Что было для нас причиною сокрушения и мертвости, между тем как мы сначала не были сотворены такими? Что опять было причиною обновления и бессмертия? Находим, что причиною первого, то есть тления, были самонадеянность, своечине и непокорство первого Адама, приведшие его к отвержению и преступлению Божественной заповеди; причиною второго, то есть нетления, повиновения второго Адама, Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Отцу, единохотение с Отцом, от которых соблюдение заповеди Отца. Аз, – говорит Спаситель, – *от Себе не глаголах, но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю. И веем, яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, якоже рече Мне Отец, тако глаголю*²⁹⁷. Как в праотце и племени его корнем и ма-

терию всех скорбей было возношение, так и в новом человеке – Богочеловеке Иисусе Христе и в желающих жить подобно Ему, начало, источник всего благого – смирение. Видим, что таковое стояние и порядок соблюдается и высшею нас священною иерархией боговидных Ангелов: подобно им хранит их наша земная Церковь. Напротив того, тайно учаемые веруем, что уклоняющиеся от такового законоположения и дерзостно покушающиеся проводить жизнь в своеволии и непокорении отсекаются от Бога, от небесного светлого наследия, от Соборной Апостольской Церкви, отсылаются во тьму и огонь геенский. Мы утверждаем, что подверглись этому, по учению боговдохновенных словес, лукавые и злобные делатели диавола, злословные еретики, которые по причине самоугодия и гордости лишились Божественной славы и наслаждения, извергнуты из священного собрания».

Статью, из которой заимствую выписку, оканчивают святые так: «Мы говорим это, утверждаясь на изречениях отеческих, на изречениях Духа, как на столпах незыблемых»²⁹⁸

Познав путь ко спасению, не останавливайтесь вступить на него. Заключите блаженный завет, союз со святою Истиною; положите в душе Вашей пребывать верным во всю жизнь Истине. От одного этого благого намерения прольется в Ваше сердце легкость, радость, сила – свидетели принятой святой Истины.

*Сердцем бо веруется в правду, потому что она правда, усты же исповедуется во спасение*²⁹⁹.

Письмо 146

Подвижники древних и новых времен

Напрасно Ваше желание находиться в полном послушании у опытного наставника. Этот подвиг не дан нашему времени. Его нет не только посреди мира христианского, нет даже в монастырях. Умерщвление разума и воли не может быть совершаемо человеком душевным, хотя бы и добрым и благочестивым. Для этого необходим духоносный отец: только пред духоносцем может быть явна душа ученика, только он может усмотреть, откуда и куда направляются душевные движения наставляемого им. Ученик для чистоты своей совести должен с точностию и подробностию исповедовать свои помышления, но наставник не должен руководствоваться этою исповедью в суждении о душевном состоянии ученика, он должен духовным ощущением проникать, измерять его и поведать ему незримое им состояние души его. Так действовали Пахомий Великий, Феодор Освященный и прочие святые наставники иноков. Феодору Освященному говорили ученики: «Отец! Обличи меня» — и он, движимый Святым Духом, являл каждому сокровенные в нем душевные недуги. Эти великие отцы признавали «послушание иноческое» особенным даром Святого Духа: так повествует писатель, современный им, преподобный Кассиан. Послушание — «чудо веры»! Совершить его может один Бог. И совершили его те

человеки, которым дан был Богом этот дар свыше. Но когда люди захотят собственными усилиями достичь того, что дается единственно Богом, тогда труды их суетны и тщетны; тогда они подобны упоминаемым в Евангелии создателям столпа, начинающим здание без средств к совершению его. Все мимоходящие, то есть бесы и страсти, посмеиваются им, потому что по наружности они будто совершают добродетель, а в сущности, находятся в горьком обмане, слепоте и самообольщении, подчинены страстям своим, исполняют волю бесов. И многие думали проходить послушание, а на самом деле оказалось, что они исполняли свои прихоти, были увлечены разгорячением. Счастлив тот, кто в старости своей успеет уронить слезу покаяния на увлечение юности своей. О слепых вождях и водимых ими сказал Господь: *Слепец, же слепца аще водит, оба в яму впадетася*³⁰⁰.

Нашему времени дан другой подвиг, сопряженный с многими трудностями и преткновениями. Нам пришлось совершать путешествие ни днем, ни при солнечном ясном свете, а ночью, при бледном свете луны и звезд. Нам даны в руководство Священное и Святое Писание – это прямо говорят святые отцы позднейших времен. При руководстве Писанием полезен и совет ближних, именно тех, которые сами руководствуются писаниями отцов. Не думайте, чтоб подвиг наш лишен был скорбей и венцов. Нет! Он сопряжен с мученичеством. Это мученичество подобно томлению Лота в Содоме: душа праведника томилась при виде непрестан-

ного и необузданного любоддеяния. И мы томимся, отвсюду окруженные умами, нарушившими верность истине, вступившими в блудную связь с ложью, заразившимися ненавистью против писаний, вдохновенных Богом, вооружившихся на них хулою, клеветою и насмешкою адскою. Наш подвиг имеет цену пред Богом: на весах Его взвешаны и немощь наша, и средства наши, и обстоятельства, и самое время. Неко́торый великий отец имел следующее видение: пред ним земная жизнь человеков изобразилась морем. Он видел, что подвижникам первых времен монашества даны были крылья огненные и они как молния перенеслись чрез море страстей. Подвижникам последних времен не дано было крыльев: они начали плакать на берегу моря. Тогда дарованы им были крылья, но не огненные, а какие-то слабые: они понеслись через море. На пути своем, по причине слабости крыл, они часто погружались в море; с трудом подымаясь из него, они снова начинали путь, и, наконец, после многих усилий и бедствий, перелетели через море.

Не будем унывать! Не будем безрассудно стремиться к блестящим подвигам, превышающим наши силы, примем с благоговением смиренный подвиг, очень соответствующий немощи нашей, подаемый как бы видимо рукою Божию. Совершим этот подвиг с верностию святой Истине – и среди мира, шумною, бесчисленную толпою стремящегося по широкому, пространному пути вслед своевольного рационализма, пройдем к Богу по стезе узкой послушания Церкви и

святым отцам. Не многие идут по этой стезе? Что до того! Сказал Спаситель: *Не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отец ваши дати вам Царство*³⁰¹. Вдите узкими враты: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящий им; что узкая врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его³⁰².

Письмо 147

О святоотеческих творениях и Священном Писании

Вы спрашиваете, почему необходимо чтение святых отцов? Не довольно ли Словом Божиим руководствоваться, одним Священным Писанием – чистым Словом Божиим, в котором нет примеси слова человеческого?

Отвечаю: непременно нужно при чтении Писания чтение святых отцов Восточной Церкви. Вот что говорит святой апостол Петр о Священном Писании: *Всяко пророчество книжное по своему сказанию не бывает* (русский перевод: *никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою*). *Ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаемы глаголаша святии Божии человецы*³⁰³. Как же Вы хотите произвольно понимать духовное слово, которое и произнесено не произвольно, а по внушению Духа, и само запрещает произвольное толкование себя. Дух произнес Священное Писание,

и только Дух может истолковать его. Вдохновенные Богом мужи – святые отцы – истолковали его. Поэтому всякому, желающему стяжать истинное познание Священного Писания, необходимо чтение святых отцов. Если Вы ограничитесь чтением одного Священного Писания, то по необ-

ходимости должны понимать и объяснять его произвольно. По той же необходимости невозможно Вам будет избежать заблуждений, потому что *душевен же человек не приемлет яже Духа Божия... и не может разумети*, потому что о сем надобно судить духовно. *Божия никтоже весть, точию Дух Божий*³⁰⁴.

Особенно ненавидят отеческие писания еретики всех времен: писания отцов открывают прямой смысл Священного Писания, который враги Истины хотели бы исказить для утверждения своих лжеумствований. Ересиарх Евтихий выразил свое нерасположение к отцам на Поместном Константинопольском Соборе. «Священное Писание, – лукаво сказал он, – следует больше уважать, нежели отцов», – и сказал потому, что тогда писаниями святых патриархов Александрии Афанасия Великого и недавно почившего Кирилла ясно обличалось его заблуждение богохульное. Вселенская Церковь, напротив того, всегда питала особенное уважение к отеческим писаниям: этими писаниями сохранилось единение церковное, для которого необходимо всеми принятое, истинное, благодатное изъяснение Писания. Вселенские Соборы всегда начинались с чтения тех отеческих писаний, в которых с особенною подробностью излагались догмат или предание, рассмотрение которых составляло предмет совещаний Собора. И опираясь на отеческие писания, Собор обличал ересь, произносил православное учение и исповедание. Точно так же и в частной жизни святые подвижники

первоначально воспитывались отеческими писаниями, только тогда они переходили к чтению преимущественно Священного Писания, когда уже достигали особенного духовного преуспеяния. «Глубоко море Писания, – сказал святой Иоанн Лествичник, – и не безбедственно носится по нему ум безмолвника: опасно плавать в одежде, и касаться богословия страстному»³⁰⁵. Эта опасность, это бедствие, очевидно, заключается в произвольном толковании, в ложном понятии Писания, отчего многие иноки впали в гибельное заблуждение.

Напрасно еретики выставляют свое мнимое уважение к Священному Писанию – ложное, лицемерное: что за уважение к Слову Божию, когда предоставлено каждому, как бы он порочен ни был, понимать и толковать его произвольно? Святая Церковь, принимая благодатное толкование Священного Писания святыми отцами, этим самым доказывает свое глубокое уважение к Священному Писанию: она чтит его, как должно чтить Слово Божие. Она научает чад своих не быть дерзкими относительно Слова Божия, удерживает их от гордостного своеволия и бесчиния, повелевает воспитываться чтением святых отцов и при руководстве их проникать в чудный свет Слова Божия, поражающий слепотою тех, которые осмеливаются воззреть на него без должного приготовления, умом нечистым и сердцем грехолюбивым. Стоит только обратить внимание на богослужение Восточной Церкви, чтоб убедиться в ее глубоком благоговении к Свя-

ценному Писанию. Евангелие – всесвятая Книга, заключающая в себе слова, произнесенные к человекам Самим воплотившимся Богом, – всегда присутствует на святом престоле, живо изображая Самого Христа. К всенародному чтению его допускаются одни священные лица; когда оно читается – все внимают ему, как говорящему Христу; когда оно выносится из алтаря – предшествуют ему зажженные свечи. Выносится оно и полагается на аналой среди храма: тогда все присутствующие православные христиане благоговейно преклоняют пред ним колена как пред словом Божиим, со страхом и любовью лобызают его. А в это время еретик, только что хвалившийся уважением своим к Священному Писанию, соблазняется на благоговение чад Святой Церкви пред Евангелием, насмешливо называет их поклонением слову Божию идолопоклонством, поклонение бумаге, чернилам, переплету. Несчастный слепец! Он видит в этой книге только бумагу, чернила, переплет – не видит Евангелия Христова. Всенародное чтение апостольских посланий совершается диаконами и чтецами; чтение прочего Священного Писания совершается чтецами посреди храма. Церковные же песнопения, сочиненные святыми отцами, содержат в себе полный курс догматического и нравственного богословия. Слава Богу, сохранившему Церковь Свою в чистоте и святине! Слава Святой Восточной Церкви, Единой Святой и Истинной! Все предания, все обычаи ее святы, благоухают духовным помазанием! Да постыдятся все, противомудрствующие ей, все

отделяющиеся от единения с нею.

Имейте благоговение к Священному Писанию, благоговение, должное для истинного сына истинной Церкви; имейте должную доверенность и благоговение к писаниям отеческим. Тот же самый Дух Божий, Который действовал в пророках и апостолах, действовал в святых учителях и пастырях церковных: свидетель этого догмата святой апостол: *Положи Бог, – говорит он, – в Церкви первое апостолов, второе пророков, третье учителей*³⁰⁶.

Сообразно словам апостола, словам Священного Писания и указаниям Церкви первое место в благочестивом чтении нашем должны занимать писания апостолов. Между писаниями апостолов первое место занимает Евангелие. Чтоб правильно понимать Новый Завет, читайте святых учителей Церковных, читайте и Псалтирь и прочие книги Ветхого Завета. Очищайте себя евангельскими заповедями и благочестивыми подвигами. Сообразно чистоте души, является ей Бог, открывается ей Божие слово, для плотских очей прикрытое непроницаемою завесою слова человеческого.

Письмо 148

Предостережение от пристрастия к наставнику и правильном духовном руководстве и о жизни в Боге

Сердце Ваше да принадлежит единому Господу, а в Господе и ближнему. Без этого условия принадлежать человеку страшно. «Не бывайте раби человеком»³⁰⁷, – сказал апостол.

Всегда трогали меня до глубины сердца слова святого Иоанна Предтечи, произнесенные им относительно Господа и себя, сохраненные нам в Евангелии Иоанна: *Имеяй невесту, – говорит святой Предтеча, – жених есть; а друг женихов, стоя и послушая его, радостию радуется за глас женихов. Сие убо радость моя исполнися: оному подобает расти, мне же малитися*³⁰⁸.

Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе, должен возвещать им о бесконечной, неизреченной красоте Христа, о безмерной благодати Его и силе: пусть они полюбят Христа, точно достойного любви. А наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, умалению, которое служит признаком и ду-

ховного преуспевания. Доколе плотское чувство преобладает в учениках – велик пред ними наставник их; но когда явится в них духовное ощущение и возвеличится в них Христос, они видят в наставнике своем только благодетельное оружие Божие.

Охранитесь от пристрастия к наставнику. Многие не остерегались и впали вместе с наставниками своими в сети диаволу. Совет и послушание чисты и угодны Богу только до тех пор, пока они не осквернены пристрастием. Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог. И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела, как благовонное курение, разносимое сильным вихрем или заглушаемое воней смрадною. Не давайте в сердце Вашем места никакому кумиру.

И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи: единственно ищи того, чтоб возвеличился Христос в учениках твоих. Когда Он возвеличится, – ты умалишься: увидев себя умалившимся по причине возраставшего Христа, исполнись радости. От такого поведения чудный мир будет навеваться на сердце твое: в себе увидишь исполнение слов Христовых: *смирись... себе вознесется*³⁰⁹.

Блаженны те, которые с самоотвержением следуют истинному Евангельскому учению, которые отреклись от удовлетворения похотениям тела и похотениям души! Похотения

падшего тела греховны; греховны и похотения падшей души. Она всюду ищет осуществить свое «я», соделаться каким-то отдельным, самостоятельным, первенствующим существом, для которого должно существовать все прочее. Евангелие требует, чтоб такая жизнь была умерщвлена, чтоб человек признал Бога Богом, а сам встал на свое место, в разряд созданий. По умерщвлении безумной, мечтательной, на самом деле несуществующей жизни, может явиться истинная жизнь, с преизобильным ощущением существования – жизнь о Боге.

Письмо 149

О христианской любви

Евангелие заповедует любовь к врагам: святые отцы похваляют любовь, равную ко всем. Неужели любовь к ближнему должна быть чужда всякого различия?

Вот о чем думаю теперь беседовать с Вами. Хотелось бы мне сказать Вам об этом предмете слово не мое, а Божие: да дарует мне это слово милосердый Бог.

Понимаю только ту любовь, которая действует по священным велениям Евангелия, при его свете, которая сама – свет. Другой любви не понимаю, не признаю. Любовь, превозносимая миром, признаваемая человеками их собственностью, запечатленная падением, недостойна именоваться любовью: она – искажение любви. Потому-то она так враждебна любви святой, истинной.

Истинная, святая любовь к Богу и ближнему отчетливо изображена в евангельских заповедях; правильное, непорочное действие ее является в исполнении евангельских заповедей. «Кто любит Меня, – сказал Господь, – заповеди Моя соблюдает»³¹⁰. В такой любви не может быть ни мечтательности, ни плотского разгорячения, потому что исполнение Христовых заповедей совершается новоначальными с насилием над собою, с таким насилием, что оно названо распя-

тием, а преуспевшими и ощутившими благодатное осенение – с обильным ощущением мира Христова. Мир Христов есть некоторый тонкий духовный хлад: когда он разольется в душе, она пребывает в высоком молчании, в священной мертвости.

Не приидох, – говорит Законоположитель любви святой и истинной, говорит сама Любовь – Бог, – *не приидох во времени мир... на землю... но меч; приидох бо разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою. Иврази человеку домашний его*³¹¹. А все поступки наши по отношению к ближнему, и добрые, и злые, Господь будет судить, как бы они были сделаны относительно Его Самого³¹². Весь закон Господь сосредоточил в двух заповедях: в любви к Богу и в любви к ближнему. *Любовь... союз совершенства*³¹³, – сказал апостол. Если так, то для чего же меч, для чего вражда и разлучение? Потому что Бог отвергает любовь плотскую, любовь, которую узнал Адам по падении, принимает только одну духовную любовь, которую явил миру Новый Адам, Господь наш Иисус Христос. Мы должны любить так, как Он любит: любовь падшего ветхого Адама – плод, запрещенный в раю Нового Завета. Она-то преисполнена порывом мечтательности, переменчива, страстна, любит создание вне Бога. Устранен Бог всецело из отношений этой любви – призван к участию в ней грех и сатана.

Любовь духовная постоянна, беспристрастна, вся в Боге, объемлет всех ближних, всех любит равно, но и с большим различием. *Любите враги ваша, – говорит Евангелие, – благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы*³¹⁴. Здесь ясно и определенно изображено, в чем должна состоять любовь к врагам: в прощении нанесенных ими обид, в молитве за них, в благословении их, то есть в благих словах о них и в благодарении Бога за наносимые ими напасти, в благодарении им соответственно силам и духовному преуспеянию, в благотворении, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врага. Пример такой любви к врагам явил Спаситель.

Но то же самое Евангелие повелевает быть осторожным с врагами своими, не вверяться им. *Се, Аз посылаю вас, – сказал Господь ученикам Своим, – яко овцы посреде волков: будите убо мудры яко змия, и цели яко голубив. Внемлите же от человек: предадут бо вы на сонмы, и на соборищах их бьют вас... будете ненавидими всеми имене Моего ради*³¹⁵. И так самим Евангелием предписана осторожность в отношении ко врагам и по возможности мудрое с ними обхождение. Вражду производит дух мира; часто она заступает место плотской любви. Но и самая плотская любовь очень похожа на вражду. Один потомок ветхого Адама способен к плотской любви и ко вражде: чем живее в нем ветхость, тем сильнее действуют недуги, которыми падение поразило любовь:

вражда, зависть, ревность, плотская любовь. Раб Христов не может быть врагом чьим-либо.

Вы видите: Евангелие предписывает нам любовь ко врагам не слепую, не безрассудную, но освященную духовным рассуждением.

Любовь – свет, слепая любовь – не любовь. Подобное этому должно сказать и о любви к друзьям. Евангелие повелевает, чтоб любовь эта была о Христе, чтоб Христос был любим в ближнем, а ближний был любим как создание Божие. По причине этой любви в Боге и ради Бога, святые угодники Божии имели и равную любовь ко всем, и любили особенно тех, которые проводили жизнь благочестивую, как сказал святой Давид: *«Мне же zelo честны быта друзы Твои, Господи»*³¹⁶. Наставляемые чувствовали более расположение к тем наставникам, в которых усматривали особое обилие духовного разума и других духовных дарований. Наставники любили более тех духовных чад своих, в которых усматривали особую тщательность к добродетели и особенное действие благоволения Божия. Такая любовь, отдающая должную цену людям по степени их благочестия, вместе с этим равна ко всем, потому что она во Христе и любит во всем Христа. Иной сосуд вмещает это духовное сокровище больше, другой – меньше. Сокровище – одно!

Где Христос, там нет зависти и рвения. *Любы... не мыслит зла!*³¹⁷ Там спокойствие, там мысли благие, там постоянство, там святой мир. Любовь, сопровождаемая рвением

ем, — земная, плотская, нечистая. Очи у святой любви — как у орла, как у пламенного Херувима: от них не может скрыться и малейшее греховное движение. Но сама любовь непреступна для греха, всегда пресмыкающегося на земле; она живет на небе, — туда переносит на жительство ум и сердце, соделавшиеся причастниками Божественной любви.

Письмо 150

Богопознание – величайшее благо.

Мертвость Иисусова – верность

Святому Духу. О сохранении

правильного образа мыслей.

Своеволие – путь к гибели

Один род служения ближнему, которое мне нравится, мне по душе – служение словом богоугодным и полезным, руководствующим во спасение. Поэтому вождельны мне пустыня и уединение. При помощи их желалось бы мне очистить мои ум и сердце, очистить их так, чтоб они соделались живыми скрижалями живого Божия слова, чтоб оно изобразилось на них ясно, светло, чтоб из живого Божия слова истекало обильное спасение, проливалось в душу мою и в души возлюбленных моих о Господе.

Величайшее, единственное благо для человека – познание Бога. Прочие блага в сравнении с этим благом недостойны называться благами. Оно – верный залог вечного блаженства, и в самом земном странствовании нашем оно доставляет высшие и обильнейшие утешения. В величайших бедствиях и скорбях, когда уже все прочие утешения делаются недостаточными, бессильными, оно сохраняет всю свою си-

ду. Оно – величайший дар Божий. Блаженнейшее, высшее служение на земле – привлекать в себя этот дар Божий покаянием и исполнением евангельских заповедей, сообщать его ближним. Счастлив тот, кому вверено такое служение, как бы он ни был ничтожен по наружности. С этим служением несовместимы попечения земные. Оно требует, чтоб служитель был прост и невинен, как младенцы, был так чужд сочувствия ко всему вожделенному и сладостному мира, как чужды его младенцы. Надо потерять самое понятие о зле, как бы его вовсе не было, иначе понятие о добре не может быть полным, чистым, совершенным. *«Любы, которая соуз совершенства, не мыслит зла»*³¹⁸, — сказал апостол. Чистые сердцем видят всех чистыми³¹⁹. Надо столько преуспеть в добре, чтоб тотчас, сердечным духовным ощущением познавать приближающееся зло, как бы оно прикрито и замаскировано ни было, немедленно, с мужественною решительностью отвергать его – и пребывать неизменно благим, благим о всеблагом Господе, дарующем Свою благодать человеку. Для этого нужно оставить земные попечения и самые обязанности, сопряженные с попечениями и пагубным развлечением.

Ныне во многом люди дерзнули в установления Святого Духа ввести свои установления. По этой причине сделались установления Небесные земными, духовные – плотскими, святые – греховными, мудрые – нелепыми. Видят несообразность, видят текущее из нее разрушение, но не видят

начала, из которого текут бедствия, потому что смотрят при свете собственного падшего разума, а не при свете Божиим. Начало бедствий заключается в непозволительном и гордом презрении велений Святого Духа, в заменении их своими уставами. Вот где причина всеобщего расстройства, причина падения христианства, падения нравственного, всегда предшествующего расстройству гражданскому, предвещающего это расстройство. Есть в частности христиане, но утрачено общее одинаковое знание Истины, которым бы все соединялось в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одною общею Главою – Христом. Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, свою религию, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемые правильными или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляет духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, никто о ней не заботится; люди уже более не слышат – так отяжелел слух – их спасительного гласа истинного Пастыря, раздающегося из Его Святой Церкви, Который еще громко обличает их неправду, возвещает им о пути правом, указывает его. Оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспевания. *Прильпе земли душа*³²⁰ их, неспособна к восприятию впечатлений духовных.

Но некоторые избранники доселе слышат голос истинного

Пастыря, Господа нашего Иисуса Христа. На этот голос идут они, пробиваясь с величайшим усилием и трудом, сквозь густую толпу, несвязно шумящую, их окружающую. Доселе эти избранники отдают справедливость на земле Небесной правде. Очень мало число их! Но Господь ободряет их: *Не бойся, – говорит Он, – малое стадо, яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство*³²¹.

Какой признак этих овец, по которому тотчас можно было узнать их? Этот признак – точное послушание Святой Церкви, верность святой Истине и Святому Духу. Водимые истинным смирением, они отрекаются от разумений своего падшего естественного разума и от всех разумений человеческих, как бы они по наружности ни казались возвышенными и привлекательными. Чтоб сохранить верность Богу, они не стыдятся, что мир называет их безумными. Не только терпят они великодушно гонение от мира, но и сами себя подвергают различным лишениям, и тем сохраняют в себе *мертвостъ* Иисусову и *живот* Его³²². Это значит: «погублять душу свою в веке сем, чтоб приобрести ее для вечности чрез оживление Духом»³²³.

Пребудем в верности Святому Духу. Он Пресвят и Пречист, почивает в одних чистых и святых, любит смиренных, доказывающих свое смирение не чем-нибудь наружным, но повиновением ума Евангелию и Церкви. Он отвращается от свое разумных, отделяющихся от единства Церкви для ка-

кой-нибудь мысли, лстящей уму и сердцу. Он удаляется от них, и приступает к ним темный дух прелести. «Одна мысль ложная, – сказал некоторый святой отец, – может низвести в ад».

Легче думают омраченные сыны мира сего о мыслях о Боге; по их мнению, мыслить о Боге так или иначе – не большая беда. Несчастные! Они не знают, как важны мысли о Боге, как важна в них Истина и ей всегда соприисутствующий и содействующий Дух. От взаимного их действия – оживление человека во спасение, которое состоит в причастии естества человеческого Божественному естеству. Напротив того, мыслям ложным всегда соприисутствует и содействует темный и лукавый дух обольщения. Отец лжи – диавол, так говорит Евангелие³²⁴; ложь – диавольское свойство. Усвоивший себе мысли ложные усвоил себе свойства диавола, вступил в сродство с отверженными ангелами, сделал для себя соединение с Богом несродным, неестественным. Чуждый Бога – чужд спасения и жизни духовной.

Будем сохранять себя от мыслей ложных и истекающих от них сердечных ощущений. Из таковых ложных мыслей и ощущений составляется так называемая «прелесть», или самообольщение, имеющие бесчисленные разнообразные виды по степени, по роду принятых человеком ложных мыслей и ощущений за истинные. Стяжем истинное познание о Боге, чуждое заблуждений и умствований; оно сияет из Священного Писания и писаний святых отцов, как свет из солнца,

ярко блестящего в час полуденный с лазуревомго безоблачно-го неба.

Письмо 151

Ничтожество добродетелей наших пред Богом. Борьба с искушениями. Путь покаяния

На всех нас, человеков, взирает всесовершенный Бог. Пред Его бесконечным добром исчезает добро человеческое, которое так несовершенно, что, по весьма справедливому приговору некоторого святого отца, его скорее можно назвать искажением закона Божия. И самый добродетельнейший Авраам имеет похвалу за добродетели свои пред человеками, но не пред Богом. Пред Богом вменена ему в добродетель вера в восполняющего недостатки человеческие – Бога. Тогда только приемлет Бог добродетели наши, когда они – свидетели веры; сами же по себе они недостойны Бога. *«Вся правда наша, – сказал святой пророк Исаия, – якоже порт жены-блудницы»*³²⁵. По этой причине Бог, взирая на сердца наши, благоволит об одних сердцах смиренных, исполненных сознания своей греховности, исполненных покаяния, исповедающих ничтожество своего добра естественного, повреждение его падением, приносящих ему желание добра духовного. Может человек совершать душевные добродетели собственными силами; а добродетели духовные в человеке – дар в нем милосердного Бога, подающего этот дар

нищим духом, алчущим и жаждущим правды Христовой.

Блаженны Вы, познавшие различие между добродетелями духовными и душевными, между добродетелями, свойственными одному Новому Адаму, и добродетелями, к которым способен ветхий Адам: между добродетелями евангельскими и добродетелями нашего падшего естества, добродетелями, которых не чужды идолопоклонники, магометане и все прочие люди, уклонившиеся от последования святой Истине. Вы говорите, что желание добра духовного в Вас еще шатко? В ком оно не шатко? С какою легкостью сердце изменяет добру! Какою забывчивостию, ослеплением, какими увлечениями и падениями сопровождаются эти изменения! Какой нужен труд, какая нужна борьба с самим собою, чтоб возвратиться к добру! И снова нужен труд, и снова нужна упорная кровавая борьба, чтоб устоять в верности к добру! Древний искушитель, опытный искушитель непрестанно предлагает вкушение плода запрещенного. Для победы над злом нам необходима помощь Божия. Когда содействует нам эта всесильная помощь, мы побеждаем; когда она удаляется от нас, мы побеждаемся. *Во обилии моем*, – сказал святой Давид, – *не подвижуся во век... отвратил же еси лице Твое, и бых смущен*³²⁶. При побеждении нашем мы столько чувствуем немощь нашу, что состояние победителей для нас кажется несродным, невозможным; при победах, если б не уверяли нас прежние опыты, мы не поверили бы, что так близко к нам побеждение – таким ничтожным, отвратительным

врагом, как грех. Премудрый Промысл устроил так, чтоб подвижники Божии не всегда находились в состоянии радости, торжества и победы. Таковое непрестанное состояние могло бы породить в них лютую гордость: не видя никогда на опыте побеждения своего в немощи, они возомнили бы, что состояние непрестанного торжества над грехом принадлежит им самим, а не дар Божий. Потому-то Бог растворил для них, как говорит преподобный Исаак Сирский, «утешение и нашествие, свет и тьму, брани и заступления, короче сказать, утеснение и пространство. И это признак, что человек преуспевает при помощи Божией»³²⁷. От такого растворения побед и поражений, от переходов от одних к другим, человек более и более познает свою немощь – постепенно возвеличивается пред ним Бог и, наконец, соделивается для него всем, предметом всей любви его, надежды и веры. Этот путь, которым ведет человека Сам Бог, при котором человек содержится в непрестанном сокрушении духа, в нищете духовной, в зрении своих согрешений, в плаче о них, называется путем покаяния. По нему прошли все святые от греха к Богу. Это путь освещен учением Святого Духа, сияющим из Священного Писания и писаний отеческих.

На пути покаяния Вы не найдете довольства собою. Смотря в себя, Вы не найдете ничего льстящего Вашему самомнению: напротив того, Вы найдете многое, достойное сетования и воздыханий, достойное горьких и продолжительных слез. Вас будут утешать Ваш плач, Ваши воздыхания, Ваши

слезы; утешением Вашим будет легкость и свобода совести: их принесут, постепенно будут усиливать и развивать Ваш плач, Ваши воздыхания, Ваши слезы. Одни смиренные, одни нищие духом найдут покой свой, и временный, и вечный. Таков жребий и удел, отделенный Богом для тех, которых Он избрал в духовное, истинное служение Себе. В продолжение земной жизни они должны пребывать в покаянии, чуждыми наслаждений и увеселений тленных – и этим непрерывным покаянием отличаются избранные Божии от сынов мира. Только при посредстве покаяния можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. Говорит св. Исаак Сирийский: «Если мы все грешны и ни один из нас не возвысился превыше всякого искушения, то ни одна из добродетелей не может быть превыше покаяния (то есть все добродетели, и самые высшие, должны быть растворены покаянием). Подвиг покаяния никогда не может быть оконченным: он приличествует всегда и всем грешникам и праведникам, хотящим получить спасение. Нет того предела, который бы обозначал совершенное исполнение его, потому что совершенство и самых совершенных есть поистине несовершенно. Почему покаяние не может быть определено ни временем, ни количеством подвигов даже до смерти»³²⁸.

В другом слове этот великий наставник говорит: «Покаяние есть дверь милости Божией для тех, которые тщательно упражняются в нем. Этою дверью мы входим к Божественной милости: к этой милости не войти нам иначе, как толь-

ко эту дверь»³²⁹. Тщетны, бесплодны, часто душевредны подвиги и самые возвышенные, когда они не растворены чувством покаяния. Покаяние чуждо самообольщения, непреступно для него. В том, что Бог открыл Вам путь покаяния, видна особенная милость Божия к Вам, особенный Промысл Божий о Вас. Отделитесь от земли умом и сердцем! Начните по открывшемуся пред Вами пути шествие Ваше к Богу. По мановению Божию все обстоятельства, даже по наружности противные, будут помогать Вам. В терпении Вашем стяжите душу Вашу, взирая с великодушным снисхождением на ее немощи, на ее невольные увлечения. Требование от себя неизменяемости и непогрешительности – требование несбыточное в этом преходящем веке! Неизменяемость и непогрешительность свойственны человеку в будущем веке, а здесь мы должны великодушно переносить немощи ближних и немощи свои. Избегайте по возможности всех согрешений, а неизбежные Ваши немощи, в которые невольно впадают мысль и сердце, терпите мужественно. Стяжите по причине немощей Ваших глубокое и постоянное чувство нищеты духовной, столько благоприятное Богу, – не уныние и малодушие! И совершайте путь земной жизни, ходя пред Господом в сокрушении духа.

Письмо 152

По поводу смерти младенца.

Блаженство душ невинных

Бог, пославший Вам скорбь, да дарует и силы к мужественному великодушному перенесению скорби. Блаженны те, которые уходят непорочными из этого мира, наполненного греховными соблазнами. А соблазны непрестанно возрастают, умножаются в мире, делают спасение более и более затруднительным. Святая Церковь препровождает почивших младенцев из этого мира в мир вечный не с плачевными песнями, с песнями радости. Она признает их блаженство верным: молитвы ее при погребении младенцев не говорят о неизвестной судьбе человека после смерти, как говорят о ней умирительно и плачевно при погребении возрастных. Эти молитвы и испрашивают у Бога почившему младенцу упокоение (потому что никакая чистота человеческая, сама по себе, не может быть достойною небесного блаженства, оно – дар Божий), и признают, что это упокоение дано, – почившего младенца уже называют блаженным. Младенцы в кратковременное пребывание на земле избегают всего, что лишает блаженной вечности, успевают исполнить все, что составляет блаженную вечность: омываются от прародительского греха и сочетаются Христу крещением, соединяют-

ся с Ним воедино приобщением Его Телу и Крови и соединенному с ними Божеству Его. Не успев осквернить ни священного омовения, ни блаженнейшего соединения с Богом, они отходят из сего суетного мира, идут естественно туда, куда принадлежат. Мы, возрастные, не имеем этого счастья: белая одежда души, в которую облакаемся крещением, испещряется в течение земной жизни нашей бесчисленными елейными пятнами; соединение с Богом мы расторгаем прелюбодейным соединением с грехом. Возраст зрелый и опыт должны бы были сделать нас совершенными, а мы теряем и те достоинства, которые имели, быв младенцами. Наше душевное состояние делается столько неправильным, ложным, сочиненным, что Евангелие, призывая нас к исправлению, называет это исправление обращением, как бы из язычества или магометанства. Оно повелевает нам обратиться и прийти в то состояние, в котором были детьми. *Аминь глаголю вам, – свидетельствует оно, – аще не обратитесь и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*³³⁰.

Эти мысли могут утешить Вас, мать, рыдающую об отшедшем отсюда в вечность блаженном младенце – дочери Вашей. Покорите ум и сердце Ваше воле Божией, премудрой и всеблагой: в этой преданности Вы найдете успокоение и отраду для души Вашей. Бог взял возлюбленное дитя Ваше на Небо и вместе с ним взял туда Ваш ум и сердце. Там – хорошо.

Письмо 153

Необходимость помощи Божией. Борьба с помыслами. О терпении скорбей

Без Божией помощи и благодати никто из человеков не силен противостать борениям, невидимым, возникающим в его сердце и производящим душевную бурю. Молитва и чтение слова Божия помогают в бурях душевных, но и при этом пособии не скоро человек справится с самим собою, не скоро взойдет в пристанище нерушимого спокойствия, потому что не скоро мысли и ощущения Божественные усваиваются падшему естеству нашему, не скоро вера делается живою. От живой веры в Бога рождается полная покорность Богу; а от покорности Богу – мир помыслов и спокойствие сердца.

Вам надо привить к Вашему сердцу веру в Бога, покорность Богу; вкусив их, Вы вкусите вместе с ними духовное утешение в скорби и спокойствие. Борьба с помыслами, приносящими скорбь, как бы эти помыслы ни были многосложны, запутанны и умны, должна быть очень проста, как проста и вся вера христианская, по простоте своей доступная каждому человеку, а по силе своей удовлетворяющая каждого человека. Боритесь против помыслов и ощущений печали короткими словами: «Господи! буди воля Твоя! Благосло-

вен и Свят Бог во всех делах Своих!» Произносите эти слова умом, а когда Вы одни, произносите несколько вслух; произносите не торопясь, с большим вниманием и благоговением; повторяйте эти краткие слова до тех пор, пока не затихнут помыслы и ощущения печали. Когда они снова подымутся, Вы снова употребляйте против них то же самое оружие. Опытом узнаете силу этого оружия, по наружности своей, с первого взгляда, столько незначительного. А из состояния борьбы невозможно иначе выйти в состояние спокойствия, как победою. Подчиниться печали чрезвычайно опасно: когда она усилится в человеке, возобладает им, может убить и тело, и душу. Не торопитесь умереть: и самая долговременная жизнь в сравнении с вечностью — мгновение.

Отдайте себя и срок Вашего земного странствования в волю Божию; а Вы употребите этот срок для того, чтоб приготовить себя как можно лучше к вечности, чтоб сделать как можно больше вечного добра Вашему родителю. Не удивляйтесь тому, что Вы слабы в духовном подвиге: причиною этой слабости Ваша новость. Время обогатит Вас и опытами, и силою. С участием смотрю на Ваше душевное состояние: Вы переплавливаетесь в лютой скорби, как в огне. Претерпите тягость этого состояния; по прошествии его, Вы ощутите себя перерожденною, увидите себя обогащенною духовными сокровищами, о существовании которых не имеют понятия люди, которых земная жизнь была усыпана одними удовольствиями. Тогда Вы узнаете, что благ Господь и в самых скор-

бях, Им посылаемых, потому что временные скорби приводят к вечным благам тех, которые принимают эти скорби как должно.

Письмо 154

К К.П. Брюллову. Об одиночестве своей души; пристань верная – истинное богопознание; о помазанности красоты Духом

Дорогой мой Карл Павлович!

С сердечным прискорбием услышал я о постигшей Вас болезни. Так далеко я от Вас и не могу посетить Вас, чего бы так желала душа моя! Надеюсь к 1 июня приехать в Петербург; после необходимых явок к начальству постараюсь непременно посетить Вас. Я лечусь, очень слаб и до сих пор еще не выходил из комнаты. Сидя писать не могу, а пишу лежа на постели и потому пишу карандашом. Всегда я принимал в Вас сердечное участие. Душа Ваша представлялась мне одиноко странствующею в мире. Так странствую и я, окруженный с младенчества бедствиями. Около меня сформировался круг друзей, искренне меня любящих, но еще не встречался я с душою, пред которою мог бы я вполне открыться. И это не от того, чтобы я был скрытен; нет, я очень откровенен, но душа, пред которою я мог бы открыться с истинною пользою, должна быть способна понять меня, исследовать меня, должна постичь самое вдохновение мое, если есть во мне

какое вдохновение. Без этого откровенность перед непонимающим только наносит новую язву душе. В моем земном странничестве и одиночестве нашел я пристань верную – истинное богопознание. Не живые люди были моими наставниками; ими были почившие телом, живые духом святые отцы. В их писаниях нашел я Евангелие, осуществленное исполнение; они удовлетворили душу мою. Оставил я мир не как односторонний искатель уединения или чего другого, но как любитель высшей науки; и эта наука доставила мне все: спокойствие, хладность ко всем земным пустякам, утешение в скорбях, силу в борьбе с собою, доставила друзей, доставила счастье на земле, какого почти не встречал. Вы знаете, как я живу в монастыре! Не как начальник, а как глава семейства. Несколько лет, как расстроилось мое здоровье, по месяцам, по полугодам не выхожу из комнаты; но религия вместе с этим обратилась для меня в поэзию и держит в непрерывном чудном вдохновении, в беседе с видимым и невидимым мирами, в несказанном наслаждении. Скуки не знаю; время сократилось, понеслось с необычайною быстротою, как бы слилось с вечностью; вечность как бы уже наступила. Тех, которых угнетает скорбь, пригоняет к моей пристани, приглашаю войти в мою пристань, в пристань Божественных помышлений и чувствований. Они входят, отдыхают, начинают вкушать спокойствие, утешение и делаются моими друзьями. Вашей душе надо войти в эту пристань! Она слышит по какому-то тайному предчувствию, что ей суждено най-

ти успокоение в этой пристани; а сердце мое к Вам отворено, давно отворено. Давно видел я, что душа Ваша в земном хаосе искала красоты, которая бы ее удовлетворила. Ваши картины – это выражение сильно жаждущей души. Картина, которая бы решительно удовлетворила Вас, должна бы быть картиною из вечности. Таково требование истинного вдохновения. Всякая красота, и видимая, и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления; она (красота) помогает удовлетворить человека, водимого истинным вдохновением. Ему надо, чтобы красота отзывалась жизнью, вечною жизнью. Когда ж из красоты дышит смерть, он отвращает от такой красоты свои взоры. Поправляйтесь, дорогой мой Карл Павлович! Желаю по приезде моем увидеть Вас здоровым, укрепившимся. Еще надо бы Вам пожить, пожить для того, чтоб ближе ознакомиться с вечностию, чтоб пред вступлением в нее стяжать для души Вашей красоту небесную; в душе Вашей всегда было это высокое стремление. Объятие Отца Небесного всегда отверсты для принятия всякого, кто только захочет прибегнуть в эти святыне, спасительные объятия.

Прощайте; до свидания, которого жажду.

Архимандрит Игнатий.

Письмо 155

О простосердечии. О молчании Христовом на Суде. На земле мы странники

Какой сладостный, духовный, высокий плод пожинают погружающиеся умом и сердцем в Слово Божие, поверяющие по глаголам сей Небесной премудрости опыты своего земного странствования! Таковые достигают того, чего желал от верующих во Христа Христов апостол, когда он писал им: *Молю же вы, братие... да будете же утверждены в том же разумении и в той же мысли*³³¹. Событие сих слов я ощущал в себе, почтеннейший и дражайший Стефан Дмитриевич, читая Ваши строки, которые изливало сердце, пронзенное многими язвами и нашедшее отраду в язвах Иисуса, прозревшее яснее на будущность, видящее яснее Промысл Божий, истинное назначение человека, ничтожность и быстрое исчезание всего временного и суетного. Читая Ваши строки, я как будто размышлял сам с собою; в ответ я мог бы послать к Вам письмо Ваше, усвоив его себе и подписав под ним мое имя. Давно не видимся друг с другом, не беседуем лицом к лицу, пишем друг к другу не часто, а сближаемся более и более! Вот плод учения Христова!

Письмо Ваше сказалось мне, что Вы часто прибегаете к Сло-

ву Божию и к молитве, просвещающим человека. По мыслям, рождающимся в душе, можно узнавать, какие впечатления на нее действуют! Принимайте слова мои с простотою сердца, потому что и я говорю от искренности сердца. В словах моих нет ничего лестного: льстящие льстят для того, чтоб уловить, посмеяться, повредить. Нет! Не имею этой цели! Говорю для истины и любви. Язык их, конечно, Вы можете отличить от языка, которым говорит лживое человекоугодие. Ваше размышление о простоте, сердечии и лукавстве, извлеченное из опытов жизни христианской и внимательной, так мне понравилось, что я благословил искренним ученикам моим списать письмо Ваше в их письменные книги, в которые вносится особенно примечательное современное с целию душевной пользы. Какое условие христианской простоты? Последование закону Божию. Добродетельный и благонамеренный не нуждается представляться таковым; напротив того, кто любит грех, чья воля в грехе, тому нужна личина. Вера рождает простоту. Верующий идет путем жизни, надеясь на Промыслителя своего, как говорит Писание: *ходит просто, ходит надеясь*³³². Неверующий не видит Промысла, думает, что судьба его зависит от ухищрения разума его, все благо полагает в земном; стремясь к нему, лукавствует словом и делом. Чем более будем углубляться в Слово Божие, чем более будем возрастать возрастом духовным, тем более будем убеждаться, что приблизиться к Богу невозможно иначе, как простотою, в которой и ве-

ра, и чистота совести, и образ мыслей, созданный заповедями Вышнего. Одни простосердечные способны преуспевать духовно, как говорит Писание: *в злехудожну душу не внидет Премудрость*³³³. Простосердечные подвергаются страданиям, но не без причин. Небесный Вертоградарь отребляет лозы Свои: Он видит способность их к плодоносию. Ветвь бесплодная не привлекает к себе Его внимания и забот до тех пор, как придет время ее отрезать и выкинуть из винограда; тогда подбирают ее нищие земли для топлива своего. Под именем нищих разумею здесь лишенных всякого блага бесов, заботящихся, чтоб их вечная пещь горела жарче.

Знаменательны приведенные Вами слова: *Еже твориши, сотвори скоро*³³⁴. Такой же обширный смысл имеет и молчание Христово пред судьями, судившими для того, чтоб обвинить, чтоб найти какой-либо предлог, имеющий вид обвинения праведного, для исполнения замысла, замышляемого в сердце преступном и злобном. Посреди сего Божественного молчания возгремели в наставление наше слова Спасителя к Пилату, слова тихие по наружности, но страшные, как гром и молния, по смыслу: *Не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше!*³³³ Какое глубокое и обширное наставление для страждущих о Христе, научающее их смотреть на своих Пилатов как бы на бездушное оружие Промысла, подающего возлюбленному своему чашу Христова, залог блаженства вечного со Христом. Здесь же совер-

шается отделение пшеницы от плевелов и производится Божий суд над ними. Последователь Христов страдает в великодушном молчании, познавая крестом Христа; а Пилат с холодностию и мимоходом вопрошает об Истине, не думает и не желает знать о ней, потому что не хочет даже выслушать, дожидаясь ответа; между тем Истина Христова ему предстоит в смирении и высоким молчанием о Себе рассказывает. *Удивися разум твой от Мене*³³⁴, — молитвенно зывал к Богу святой Давид; удивится Евангелию и его глубокому учению, учению Божественному, христианин, читающий его с верою и чистотою совести, при озарении свыше: живые жизнью, заимствованною от ветхого Адама по закону чадородия, находятся в состоянии падения: это состояние свое доказывают непрерывным самообольщением, почитая землю, место своего изгнания, местом наслаждений бесконечных. Новый Адам, Христос, Крестом спасает падших: умерщвляется жизнь падения отъятием наслаждений земных, а из недр сей смерти возникает жизнь во Христе, находящая наслаждение в лишениях. Отсюда преселяется человек мыслями, желаниями, надеждами на небо и ожидает с извещенною верою обетование свыше, обновление Духом. Нам должно странствовать со Христом, страдать с Ним, претерпеть распятие, вкусить смерть, быть погребенными, воскреснуть и вознестись. Сего желаю и Вам, и себе; почему произношу вместе с Вами сию исполненную духовного разума утешительную молитву: «Господи! Совершай над нами

волю Твою и нам даруй мыслить, чувствовать, действовать по Твоей воле. Сего единого у Тебя просим, в сем едином заключаем все наши желания и моления». Изливая душу Вашу, Вы забыли сказать мне о Вашем теле, о здоровьи Вашего милого семейства. Господь, врачующий душу Вашу, и сие да приложит Вам! Благодарю Вас за присланную повесть о заботах Ваших, служении меньшей братии Христовой. Скоро ли исполню обет свой и отплачу Вам чем-либо подобным? Здоровье мое слабее и слабее, а с этим вместе и здешний мир начинает казаться чужим. Не мудрено, когда пред глазами переселение!

Ваш преданнейший

Игнатий.

19 декабря 1845 года.

Письмо 156

О странничестве. О любви естественной и любви, «началом которой Бог», уединении и покаянии

О Господе дражайший сердцу моему Стефан Дмитриевич!

Возблагодарив Бога, должен я сказать Вам прямо и просто: к Вам особенная милость Божия, Бог избирает Вас и приближает к Себе.

Ощущение странничества не есть фантазия, не есть следствие размышлений, не есть умствование – это невольное чувство сердца, движущееся само по себе, независимо от нашего произволения. Это голос благодати, сообщенной нам Святым Крещением. Когда тело утончилось болезнью, а душа несколько очистилась, сей голос таинственный, но сильный раздался. Как инструмент обыкновенно устраивается из сухого, утонченного дерева, без чего натянутые на нем струны не могут издавать должных звуков, так необходимо утончать и иссушать тело воздержанием, а душу очищать непрерывным покаянием, чтоб в нашем богозданном храме могли слышаться вещания Духа. Вы можете видеть, что ощущение Ваше мне знакомо, что я говорю о нем как о своем. Я верю, что расположение Ваше ко мне возрастает, и еще более бу-

дет возрастать оно, если мы будем направлять стопы наши к Богу. Любовь естественная скоро может насытиться и пресытиться; пресыщенный ею перестает любить, может удобно перейти к ненависти, ибо и излишняя пища может произвести дурноту и обремененный желудок нередко извергает ее. Но любовь, которой началом Бог, не имеет ни насыщения, ни конца, потому что ее питает бесконечный Бог. Когда я прочитал письмо Ваше и увидел, что в Вас начались движение будущего века, которых мир сей ни вместить, ни понять не может, то явилась во мне мысль, что для Вас нужно будет, со временем, уединение, как способствующее к развитию ощущений и помышлений духовных. Предуготовительным занятием к уединению должно быть святое покаяние, исцеляющее душевные очи. Это тот целительный для очей поллурий, который велит купить у Себя Господь, ибо и нищета духа есть Дух Божий, приобретаемый человеком чрез сличенье своего сердца с Евангелием. Сей поллурий отгоняет от очей души, которые есть ум наш, очищает с них всякую надменность, всякое о себе высокое понятие, всякое признание в себе какой-либо добродетели. Скажите, пожалуйста, в какой одежде всего приличнее стоять пред Создателем человеку, сему существу падшему? Думаю, что тот одевается прилично, кто в молитвах своих весь одет в покаяние. Сего сердечно желаю Вам, как желаю и себе; потом желаю приготовления к вечности уединением. Сии желания да видит Бог и да творит с нами не по желаниям нашим, но по Своей свя-

той воле.

О Господе Вам преданнейший недостойный

Архимандрит Игнатий.

27 октября 1846 года.

Письмо 157

**К некоторой девице, желавшей
заняться подробным и деятельным
изучением христианства. Христианин
– храм Божий. Евангелие –
правило жизни. Любовь к Богу
– исполнение евангельских
заповедей. Молитвенное
правило; путь к совершенству**

Новый Завет всюду именует христианина храмом, домом, сосудом. Цель этого храма, с которою создал его Создатель, цель этого сосуда, с которою устроил его Великий Художник, в том, чтобы он был жилищем Бога, вместилищем даров Святого Духа. Бог, по неизреченным любви Своей и смирению, не восхотел быть насильственным обладателем храма, сооруженного Им для Себя. Он даровал словесному храму свободу, власть принадлежать или не принадлежать своему Зиждителю, чтоб пребывание Бога в человеке было единственно по любви человека к Богу. Но храм этот, сосуд, удалив из себя Бога, не может не быть тем, чем он создан, то есть храмом, сосудом. Тогда, по словам Писания, он прини-

мает в себя грех, — яд, ввергнутый в естество наше диаволом, — соделывается вместилищем страстей. Если же христианин опять захочет быть обителем Бога, то покаянием изгоняет из себя грех, а хранением заповедей опять привлекает к себе Бога. Впрочем, возможность этих изменений продолжается только во время земной жизни, по окончании которой тот, кто был последним владельцем храма, остается его владельцем на всю вечность, и Бог составляет Собою вечное блаженство Своего жилища, а грех — вечное мучение своего логовища.

Судьба наша в вечности зависит от того образа жизни, который будем проводить во время нашего краткого на ней пребывания. Хотите ли быть храмом Божиим? Желаете ли, чтоб сердце Ваше было сосудом даров благодати? Вручаю Вам Евангелие, пусть оно будет правилом Вашей жизни. Веруйте в него Вашими делами, Вашею жизнью — не только мыслию, сердцем и устами. Когда читаете эту Божественную книгу, книгу жизни, представляйте себе, что невидимо стоит пред Вами Сам Христос и говорит Вам глаголы, которые *Дух суть и живот суть!*³³¹ Не должно начертывать в воображении вида Христова, — нет, должно лишь живо и благоговейно ощущать Его всесвятое присутствие.

Что желающий любить Спасителя обязан исполнять все Его заповеди, изложенные во Святом Евангелии, — это ясно засвидетельствовал Сам Спаситель: «Кто любит Меня, — сказал Он, — тот Слово Мое соблюдает... Не любящий Меня,

словес Моих не соблюдает»³³⁸. Любовь к Богу проистекает от хранения евангельских заповедей и соблюдается в сердце этим хранением: «Если заповеди Мои соблюдаете, *пребудете в любви Моей*»³³⁹. Какой же плод любви к Спасителю? «Кто любит Меня, – отвечает Он, – тот *возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю его и явлюся ему Сам*»³⁴⁰. Ученик, которого мысль была еще пригвождена к земле, услышав о явлении Спасителя возлюбившему и возлюбленному, думая, что обещающий явиться будет зрим очами телесными, вопрошает: «Господи, отчего это, что Ты хочешь явиться нам, а не миру?» Иисус говорит ему в ответ: «Кто любит Меня, тот слово Мое соблюдает, *и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим*»³⁴¹. Это явление в сердце. Это то явление, о котором сказал апостол Павел: *Уже не я живу, но живет во мне Христос*³⁴². Это то явление, то пребывание Господа, которое должны ощущать все христиане, если они точно христиане! «Или вы не познаете самих себя, – говорит апостол коринфянам, – что Иисус Христос в вас, разве только вы не то, что должны быть?»³⁴³ Вселение Господа в сердце – плод любви; любовь – плод хранения заповедей; хранение заповедей – плод знания их; знание их приобретается чтением Евангелия и молитвою. «В заповедях Твоих поучуся»³⁴⁴, – говорит пророк Духом Святым; и в другом месте молится: *Не скрый от мене заповеди Тво-*

я¹⁵ От молитвы воссиявает при чтении просветление.

Отец Небесный Сам подает все нужное для временной жизни тому, кто ищет Царствия Небесного, почему преподаваемые отцы наши, оставив все прошения о земном, молились только об одном – об очищении от грехов. А как Господь, преподавая после Тайной Вечери ученикам Своим высочайшие заповеди, повелел призывать в молитвах Свое все-святое имя, то святые отцы присовокупили прошение об отпущении грехов к имени Господа, и их молитвы были кратки, но Небо отверзающие слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Эта молитва делалась их непрерывным, почти единственным мысленным занятием. «Имя Иисусово, – сказал один из них, – да соединится с дыханием твоим». Сам апостол Павел говорит о себе: «Я рассудил ничего не знать в вас, кроме Иисуса Христа, и притом распятого»³⁴⁶. Но чтоб вселился в нас Христос, это дело не одного дня или двух, сказал святой Иоанн Златоустый, но многих лет и годов. Притом желающий стяжать Христа должен отречься от всего: нельзя работать миру и вместе Богу. Желающие приучиться к молитве именем Господа, обыкновенно называемой Иисусовою, первоначально приучаются по преданию отцов, соединяя ее с поклонами. Это правило увеличивается или сокращается сообразно силам каждого. Для многих бывает достаточным следующее.

Восстав от сна, старайтесь, чтоб первая Ваша мысль была о Боге и Его благодеяниях, которые на Вас излиты Богом без

Вашего сведения и желания, по Его единой милости. Особеннейшим же благодеянием почитайте то, что Вы просвещены христианскою верою в недре истинной Церкви; потом начинайте правило так:

20 земных поклонов; при каждом поклоне молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

20 поясных поклонов с тою же молитвою.

10 земных поклонов: при каждом поклоне молитва: «Пресвятая Владычице моя Богородице спаси меня, грешного».

10 поясных с тою же молитвою.

5 поясных с молитвою: «Ангеле Божий, Хранителю мой святой, моли Бога о мне, грешнем».

5 поясных с молитвою: «Все святые, молитесь Бога о мне, грешнем».

Итого 70 поклонов, из которых 30 земных и 40 поясных.

Если найдете, что этих поклонов для Вас мало, то можно прибавить соответственно силам Вашим несколько поклонов с молитвою Иисусовою. Но должно правило соразмерить так, чтобы оно ежедневно было одинаковое. Святые сказали: «Лучше небольшое делание, но постоянное, нежели большое, но в скором времени прекращающееся». После чего читаются утренние молитвы и, если хотите, помянник, который Вам нравится по особенным причинам; после помянника читайте Евангелие, главы по две или по три. Когда будете читать о слепых, хромых, прокаженных, беснующихся, мертвых, то думайте, что Вы подобны им, и молитесь Спа-

сителя о спасении Вас. Затем должны следовать обыкновенные Ваши занятия со страхом Божиим, молитвою, полезными мыслями и воспоминаниями. Для чтения одобряю книгу «Les saints peres des deserts del'Orient»³⁴⁷. Но и эту книгу должно читать с умеренностию. Советую приучаться к чтению на русском и славянском языках для чтения книг святых отцов. Если для нужд преходящего мира Вы приучались к разным иностранным языкам, то отчего не потрудиться и не приучиться к родному языку для Христа и для блага души своей? Начните читать на русском и славянском – хотя Евангелие.

Если в продолжение дня выпадает свободный часок, то можно повторить правило с поклонами или только положить 20 поклонов земных и 20 поясных с Иисусовою молитвою. Если же не будет свободного времени, то правило оставляйте и пребывайте мирны.

Вечером должно начинать опять с поклонов в вышеопределенном порядке и числе, после них читать вечерние молитвы и Евангелие. Легши на постель должно вспоминать о смерти, которой образ – временный сон, и, отрекшись от всех помыслов и мечтаний, засыпать с молитвою Иисусовою.

Если желаете идти истинным путем Божиим и увидеть духовный плод в душе Вашей, то довольствуйтесь смиренным и простым образом духовного подвига. Не ищите наслаждения в восторгах мечтательности, которые возбуждаются иностранными писателями. Отрекитесь от них. Скоро Вы

убедитесь в прочности пути Вашего тем душевным миром и спокойствием, которые прольются в Ваше сердце. В «Отцах пустынь Востока» Вы увидите, что Евангелие и Псалтирь были по большей части единственными их книгами. «Христос, — сказал один из них, — сокрыт во Евангелии, желающий найти Христа может найти Его во Евангелии. Христос есть Божия Сила и Божия Премудрость». Нашедший Божию Премудрость нуждается ли в премудрости человеческой? Не уничтожите Премудрость Божию за то, что наружность ее так проста и смиренна. Оставьте, повторяю Вам, все иностранные молитвы и чтения, которые Вам так нравились, казались так прекрасными. Последуйте тому, что Вам советую пред Богом и ради Бога. Когда сердце Ваше очистится вкушением истинно святого и духовного, тогда оно получит отвращение к поддельно духовному, тогда возрадуется и возблагодарит Бога, что уклонил Вас от челюстей лжи и прелести, которых не могут понять обманутые и омраченные ими. Вспомните слова Христовы: *«Узки врата и тесен путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»*³⁴⁸.

Если при жизни по заповедям Христовым благодать Святого Духа прольется в сердце Ваше и будет ознаменовывать свое присутствие в нем различными духовными плодами, как то: необыкновенным миром, кротостию, благодатию ко всем, терпением, тогда будете сосудом, благоприятным Богу,

сосудом спасения.

Если же захотите быть совершеннее, то после полного самоотвращения погрузитесь в глубину смирения. Тогда благодать может Вам преподаться обильнее, тогда можете ощутить вселение Христово, соделаться храмом Божиим – опытом узнаете, что такое христианское совершенство на земле, называемое апостолом «совершенство отчасти»³⁴⁹.

Господь, призывающий всех в вечное блаженство, Господь, Которому известны избранные Его, Господь, испытующий сердца и утробы, да призрит свыше на желание Ваше работать и благоугождать Ему единому, да примет это желание, да ниспошлет Вам Свою помощь! *Без Меня*, – сказал Он, – *не можете делать ничего*³⁵⁰, душам Вашим полезного и Богу приятного. Аминь.

Сергиева пустынь.

10 марта 1943 года.

Письмо 158

Из письма к Н.Н. 1. Предание себя воле Божией. 2. Уединение – необходимое условие спасения. 3. О воспитании дочери. 4–5. Об исповеди

1. Кто желает правильно служить Богу, тот не должен просить у Бога именно чего-либо, как то слез или чего другого, сообразно нечто воле своей; должен просить у Бога, чтобы Бог дал ему то, что полезно для души его; человек не знает, что именно полезно для его души. Кто в прощении своем отрекается от своей воли для воли Божией, тот может получить истинное смирение. Надо удерживаться от разгорячения и стараться иметь при молитве страх Божий, – это вернее.

2. Уединение всегда было полезно, когда, по духу времени, в обществе было много благочестивых людей; а ныне, при общем распространении разврата, уединение и удаление от знакомых и знакомств есть необходимое условие к спасению.

3. Дочку не позволяй себе хлопать ниже пальчиком. Это чрезвычайно вредно для нравственности как дочери, так и матери. Есть старинное хорошее, а есть и старинное худое – худому не надо подражать. Выпиши себе книгу: «Поучения» преподобного аввы Дорофея, который занимался воспита-

нием молодых иноков с отличным успехом. Эта книга будет превосходным наставлением для тебя самой и для воспитания дочери. Читай книгу и изучай ее. Знай, что паче всех твоих наставлений словами жизнь твоя будет самым сильным наставлением для дочери.

4. Сознать себя грешным необходимо для спасения, а засуживать себя и метаться во все стороны от греховности очень вредно. Все неумеренное – от бесов, сказал преподобный Пимен Великий. Что ты расхвасталась множеством грехов твоих? Спаситель и Искупитель наш неисчислимо богат и могуществен: для Него ничего не значат прегрешения всех человеков, только бы они сами не отвергли своего Искупителя. Господь сказал прощенной Им грешной жене: *Аз тебе не осуждаю: иди и тому не согрешай*³⁵¹. Тот, кому прощены грехи при таинстве Исповеди, обязан не повторять этих грехов, и только. Воспоминание прежних телесных грехов очень вредно и воспрещается святыми отцами. Тут действуют неверие, недостаток уважения к таинству Исповеди, фальшивое понятие о добродетели, обманчивое разгорячение и мечтательность. Тебе не представилось ли, что тут действует смирение?

5. Почти то же должно сказать о намерении твоём открыть твою греховность некоторому лицу. Опять здесь недоверие к Святому таинству Исповеди, в котором действует всемогущий Дух Святой, решительно и вполне изглаждая грехи человеков. Зачем ты считаешь уничтоженное существующим?

Не смей прикасаться к Великому Таинству! Ничтожная пылинка! Не смей пополнять Великого таинства, которое имеет свою полноту от Бога и не нуждается в пополнении человеческом. Не повторяй согрешений: вот все, чего требует от тебя Бог и что единственно нужно для твоего спасения. Не смей говорить о твоих грехах никому, кроме духовника. Бойся неверия, ибо оно умаляет в мыслях человека могущество и благодать Божию. Надо очень остерегаться фальшивых мыслей и разгорячения, потому что при них человек, думая делать добро, может наделать много зла и себе, и ближним. Непременно нужно для желающего спастись руководство Дорофея: оно придется по тебе. Христос с тобою. Повторяю мое искреннее желание всех благ тебе и твоему семейству.

Недостойный *Епископ Игнатий*.

3 февраля 1859 года.

Письмо 159

Благоразумное самовоззрение и телесный путь

Очень хорошо, когда человек постоянно видит и исповедует себя грешным. От такового самовоззрения дух человека пребывает постоянно в смирении и боголюбезной печали. Но надобно, чтобы такое самовоззрение было растворено благоразумием и не переходило должной меры. В последнем случае оно может быть вредным, может поставить человека в совершенное недоумение и относительно его жительства.

Естество наше повреждено грехом. По этой причине сердце каждого человека производит само собою в большом количестве плевелы. И потому кто видит возникающие в себе плевелы, никак не должен удивляться этому как чему-нибудь необыкновенному, не должен приходить в недоумение и малодушие. Так быть должно! Плевелы сердечные делают свое: растут и растут, будучи выполоты, снова появляются. И мы должны делать свое: полоть и полоть плевелы. Таким положением укореняется в человеке смирение. К смирению нисходит милость Божия. Всесильный и всеблагий Бог неуклонно смотрит на нас. Он потому и попускает нам положение, приводящее нас к смирению, чтоб даровать нам Свою милость. На все есть свое время: есть время обработки зем-

ли под посев хлеба, есть другое время для посева, опять другое для жатвы, для молочения, для превращения в муку, для печения, наконец, для вкушения хлеба.

Душа каждого человека, предавшегося в служение Богу без всякой лукавой земной цели с целью богоугождения и своего спасения находится в руке Божией. Такую душу никто и ничто не исхитит из руки Божией. Такой душе Бог дарует на время земного странствования тесный путь, состоящий из различных скорбей и лишений, потому что по широкому пути невозможно прийти к Богу. С верою предай себя воле Божией, отвергая от себя не трудовое попечение о себе, но попечение мечтательные. Когда придут такие попечения, гораздо лучше обращаться с молитвою о себе Богу, нежели вдаваться в сочинения и живопись разных планов, всегда несбыточных. Благословение Божие да почиет над тобою.

Недостойный Е.И.

1 февраля 1862 года.

Письмо 160

О внимании к молитве

Общее правило для всех, занимающихся молитвою: «заключать ум в слова молитвы» – то есть молиться со вниманием. Что душа для тела, то внимание для молитвы: без внимания она мертва, не имеет никакого значения. Заботиться о заключении ума в слова молитвы должно и при молении молитвою Иисусовою, и при чтении акафистов и прочих молитвословий. Святые отцы советуют желающему преуспеть в молитве заниматься и молением молитвою Иисусовою, и чтением правил попеременно. Такое разнообразие облегчает молитвенный подвиг и способствует преуспеянию.

Новоначальным должно заниматься молитвою понемногу, но часто, чтоб сохранить вкус к молитве и не произвести в уме утомления, от которого происходит оставление молитвы.

Когда находишься один, молись несколько вслух, чтоб слышать самому себя: это способствует к вниманию. На приходящие мысли, как бы они ни были явственны, не должно обращать никакого внимания. «Свет стезям моим – закон Твой»³⁵², – сказал пророк, а не что иное. Если при молитве не имеешь должного внимания, то этим не смущайся. Бог даст внимание в свое время тому, кто постоянством в упраж-

нении молитвою и в понуждении себя ко вниманию докажет, что он действительно желает молиться со вниманием. Один святой сказал: «Я все мои немощи возложил на Бога и отдал себя совершенно в Его волю». И ты говори о себе так и успокоишься. Благословение Божие и милость Божия да починут над тобою.

24 марта 1863 года.

Письмо 161

К К. В. Г. О внимательной молитве, молитвенном правиле

Святые отцы, восхваляя правило молитвенное и исповедуя необходимость его, наставляют иметь его умеренное, соразмерное с силами, с состоянием душевного преуспеяния и с обстоятельствами, в которые поставлен человек Промыслом Божиим. Сущность исполнения молитвенного правила заключается в том, чтоб исполнялось оно со вниманием. От внимания дух наш приходит в смирение, от смирения рождается покаяние. Чтоб можно было совершать правило неспешно, надо правилу быть умеренным. Святые отцы, очень похваляя умеренное правило, советуют исполнять его неупустительно. Следующее правило может быть полезным для нас и на первый случай удовлетворительным: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе»; «Царю Небесный», «Трисвятое», «Отче наш», «Господи, помилуй» 12; «Приидите, поклонимся»; псалом 50-й; Символ веры, «Богородице Дево, радуйся» трижды. После этого 20 молитв: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»; при каждой молитве земной поклон. Затем другие 20 таких же молитв и при каждой поясной поклон; «Достойно есть, яко воистину»; «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже

наш, помилуй нас».

Это молитвенное правило должно совершать утром и вечером. Поклоны должно полагать очень неспешно, с чувством покаяния, как бы стоя пред Самим Господом, припадая к стопам Его и умоляя о помиловании, но отнюдь не воображая Господа, а только веруя Его присутствию и тому, что Он взирает на нас и видит нас. Вы имеете письменное наставление о молитве: старайтесь заимствовать из него направление для духа Вашего во время молитвы. Из прочих молитвословий более других полезен для новонаначального акафист Господу Иисусу. Прочитывайте его в неделю однажды, стоя или сидя, как Вам будет удобнее, но непременно со вниманием и неспешно. Также никак не позволяйте себе читать поверхностно и бегло Евангелие и прочие священные книги: читайте их неспешно и со вниманием. При чтении наблюдайте умеренность. Умеренность поддерживает постоянную охоту к чтению, а пресыщение чтением производит отвращение от него.

Книга писем Задонского затворника Георгия может быть для Вас очень полезною. Она одного духа и направления с сочинениями святителя Тихона Воронежского. Позволяю себе сказать, что она одного духа и с моими грешными писаниями, которые Вам можно читать все, потому что в них объяснено, что идет для новонаначального и что идет для преуспевшего. Не забывайте непрестанно предавать себя воле Божией и благодарить Бога за все Его благодеяния, сделан-

ные Вам. Все мы должны быть уверены, что не заслуживаем тех Божиих благодеяний, какие имеем, что мы заслуживаем несравненно большие неприятности, нежели те, какие встречаются нам. При таком воззрении на себя христианин пребывает мирным по причине покорности своей Богу и благодарит Бога за все случающееся с ним.

1 июня 1865 года.

Письмо 162

О благодарении Бога за скорби

Пишу Вам, потому что вы находитесь в болезненном состоянии. Знаю на опыте трудность этого положения. У тела отнимаются силы и способности; вместе отнимаются силы и способности у души; расстройство нервов сообщается духу, потому что душа связана с телом союзом непостижимым и теснейшим, по причине которого не могут не влиять друг на друга душа и тело. Присылаю Вам духовный рецепт, которым советую Вам употреблять предлагаемое лекарство по несколько раз в день, особливо в минуты усиленных страданий и душевных, и телесных. Не замедлится при употреблении вынаружение силы и целительности, сокровенных во врачестве по наружности своей самом смиренном.

Уединясь, произносите неспешно, вслух самому себе, заключая ум в слова (так советует святой Иоанн Лествичник) следующее: «Слава Тебе, Боже наш, за посланную скорбь; достойное по делам моим приемлю: помяни мя во Царствии Твоем». Так как сущность этого упражнения заключается в сосредоточенном внимании, то телу надо давать спокойное положение, чтоб движение тела и происходящие от них разгорячения крови не препятствовали уму сосредоточиваться. Лучшее положение – лежащего на одре. И в Евангелии сказано, что больной в таком положении представлен был Госпо-

ду и получил милость от Господа. С тою же целию удобнейшего внимания повелевается заключить ум в слова молитвы, должно произносить молитву крайне неспешно. Сказав молитву однажды, несколько отдохните. Потом опять скажите и опять отдохните. Продолжайте так молиться минут пять или десять, доколе не ощутите Вашу душу успокоенною и утешенною. Вы увидите: после трех сказанных таким образом молитв начнете чувствовать, что успокоение входит в Вашу душу и уничтожает терзавшее ее смущение и недоумение. Причина этому ясна: благодать и сила Божия заключается в славословии Бога, а не в красноречии и многословии. Славословие же и благодарение суть делания, преподанные нам Самим Богом – отнюдь не вымысел человеческий. Апостол заповедует это делание от лица Божия³⁵³.

Предадимся добровольно воле Божией, потому что хотим или не хотим, а находимся и будем находиться в руках Божиих, хотя на некоторое время и представляется нам свобода в действиях, чтоб высказались наше произволение и залог сердечный.

Вместе со мною свидетельствует Вам Н.Н. свое совершенное почтение и преданность. Причиною чувств этих учение Христово. О! Сей драгоценный бисер, столько малоприметный на земле, сокровенный в уничижениях, в страданиях, в которые была облечена земная жизнь Спасителя, да будет для нас залогом вечного, раскрытого и блистающего Божественным светом Небесного блаженства.

Письмо 163

К С.И. Сн-ой. О Промысле Божиим

Земная жизнь – школа. Находясь двадцать пять лет в этой школе, Н. Н. увидел звезду, хранящую его. Звезда – это Промысл Божий.

Звезды усматриваются ночью на чистом небе; при наступлении дня они, оставаясь на своих местах, делаются не приметными по причине появившегося преимущественно света, разливаемого солнцем. Солнце – Христос. Теперь познание в религии сына Вашего подобны светлой ночи, и потому он заметил непостижимый, превысивший описаний, но действительно существующий Промысл Божий. Когда же разум его, по особенной милости Божией, осветится христианством, тогда религиозные познания его из поверхностных, скудных, неясных преобразятся в светлые, обширные, глубокие и высокие, преизобильно удовлетворительные; они сделаются подобными прекрасному летнему дню, в течение которого умный и расположенный к добру человек возможен совершить свое спасение, то есть усвоить себе жизнь и участь в вечности во благо себе.

«Отчего, мама, ты так сильно беспокоишься обо мне»? Оттого, душенька, что у мамы слаба вера в Бога, Который воспретил суетные попечения, не приносящие и не могущие приносить никакой пользы, производящие только беспокой-

ство и смущение, расстраивающие душу и тело. Немошный человек хочет действовать и там, где действие невозможно для него. Повсюду он простер бы свою «сильную» руку: везде бы указал образ действия по своему «мудрейшему» сообщению. Признать Бога деятелем достаточно могущественным и разумным, на этом основании постоянно прибегать к Богу молитвою он не хочет. Между тем только что прибегнет человек к Богу смиренною молитвою, – не плотскою, нервною, разгоряченною движением крови, – предавая себя и ближних своих милости и воле Божией, как и успокоится.

Молитесь о сыне; тщательным чтением убогих сочинений моих входите в ближайшее соотношение с душою моею, чтоб соединиться в том мире и граде, где *нестъ мужеский пол, ни женский*³⁵⁴, но все истинные слуги Бога составляют едино в Боге, как различные члены тела, соединяемые во едино существо оживотворяющею их душою.

Епископ Игнатий.

P.S. Будущее известно одному Богу: в наше переходное время может легко случиться изменение положения монастырей и очень скоро. Мое здоровье очень плохо: уже мне не до земных дел! Должно больше думать о переселении в иной мир! Впрочем, по обязательному моему отношению к монастырю я должен заботиться о его внутреннем и наружном, духовном и вещественном благосостоянии, что стараюсь исполнить по силам, охраняясь, чтоб действие в пользу мона-

стыря не было сопряжено с отягощением и неприятностью для ближнего.

22 августа 1863 года.

Письмо 164

Скорби, послушание, страх, стояние во храме Божиим, незасуживание себя и другие вопросы духовной жизни

Многими скорбьми — не малыми, заметьте, но многими и разнообразными — *подобает нам внити во Царствие Божие*³⁵⁵. Так определило Слово Божие. Это же всесвятое Слово повелело нам не бояться скорбей, потому что они попускаются нам Промыслом Божиим, а Промысл Божий, попуская нам их по существенной необходимости и пользе их для нас, неусыпно бдит над нами и хранит нас. Так врач для исцеления больного дает ему горькие, отвратительные и мучительные лекарства и в то же время тщательно ухаживает за ним. Веруйте этому и переносите постигшую Вас болезнь благодушно, благодаря за нее Бога.

Послушание есть спасительнейший подвиг. Сила и жизнь всех страстей человека сосредоточены в его испорченной воле: послушание, связывая и убивая волю, связывает и убивает совокупно все страсти. Другие ищут всеусильно и всеусердно этого подвига, а для Вас он устроился сам собою. Старайтесь преуспевать в послушании разумно и бла-

гочестно и благодарите Бога, даровавшего Вам этот подвиг. Послушание полезнее всех произвольных подвигов, хотя и представляется при поверхностном взгляде, что положение в послушании препятствует духовному преуспеянию, препятствуя совершению произвольных подвигов. Такой взгляд ошибочен. В Египетском Скиту – местопребывании величайших святых – жил юный инок Захария при родном отце своем Карионе, который был и старцем его. Захарию осенила благодать Божия, и он пришел от этого в особое состояние. О сверхъестественном состоянии своем он поведал старцу. Старец занимался одним телесным подвигом и не понимал ни духовного подвига, ни обстановки его. Он начал бить Захарию, говоря, что совершившееся с ним есть следствие самообольщения и действие бесовское. Захария принужден был сходить тайно к одному из святых отцов для совещания. Отец дал такой совет: «Твое состояние от действия Божественной благодати, но иди и пребудь в повиновении у твоего старца». Очевидно, что святой отец оставил за Захарию положение послушания, на котором, как на основании, воздвиглось его душевное преуспеяние. С отъятием основания могло бы рушиться и воздвигнутое на основании.

Страх, приходящий Вам по вечерам, должно отражать верою. Напоминая себе, что Вы в деснице Бога и под Его взорами, прогоняйте страх, не имеющий никакого смысла.

В церкви никаких особенных молитв не читайте, а внимайте богослужению. Хорошо приучиться к молитве мыта-

ря, которая одобрена Господом и которую мытарь, как видно из Евангелия, произносил, находясь в церкви. Эта молитва читается так: «Боже, милостив буди мне, грешнику» или «Боже, очисти мя, грешного». Этой молитве равносильна молитва «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» или «Господи, помилуй». Читайте из этих молитв ту, которую найдете удобнейшею для себя. Но читайте непременно не спеша и со вниманием. Советую держаться второй (то есть Г. И. Х. С. Б. п. м. г.). Первые две молитвы – тождественны; третья – сокращение второй. В церкви иногда внимайте богослужению, а иногда умом произносите молитву, не преставая внимать и богослужению. Можно вместе и молиться умом, и внимать церковному молитвословию. Первое споспешествует второму, а второе первому.

Церковную службу, когда остаетесь дома, можно заменить чтением которого-либо из акафистов: акафиста Господу Иисусу или акафиста Божией Матери.

В церкви не становитесь на колени и вообще по наружности не отделяйтесь от прочих какими-либо особенностями, но сохраняйте и внутреннее, и наружное благоговение. Поклонов кладите как можно меньше. Земных поклонов полагайте всего два в течение литургии, в конце ее: когда дважды выносят Чашу со Святыми Тайнами. Удерживайте себя от разгорячения и от всех порывов, столько противных смирению. Требуйте от себя тишины и внимания и при молитве, и при чтении, и при всех действиях Ваших. Таким

поведением доставляется духу смирение. Смирение осеняет милость Божия. Никакими мелочами не связывайте себя и не засуживайте себя по причине мелочных погрешностей и проступков. То и другое служит источником смущения и уныния. Мелочные погрешности, в которые впадает ежечасно каждый человек, врачуются ежечасным покаянием пред Богом, покаянием, состоящим из немногих слов при сочувствии им сердца. Нередко оказывается возможным слово покаяния произнести только умом – и этого достаточно, лишь бы они произнесены были со вниманием. В церкви, когда найдете нужным сесть, садитесь, потому что Бог внимает не тому, кто сидит или стоит, а тому, чей ум устремлен к Нему с должным благоговением. Стремление к Богу, благоговение пред Богом и страх Божий приобретаются вниманием к себе. Читайте, что читали. Чтение Апокалипсиса приводит к страху Божию; воздержитесь от объяснения этой таинственной книги, довольствуясь производимым ею действием на Вашу душу. Когда найдете нужным прибавить или убавить что в Вашем молитвословии и чтении по случаю немощи или встретившихся независимо от Вас других занятий, делайте это, не сомневаясь и не смущаясь. Будьте свободны! Не связывайте себя никакою скрупулезностью. Правила для человека, а не человек для правил. Противным сему пониманием производятся лишь недоумения и расстройства.

Мне приятно, что Вы поняли причину, по которой предложено Вам чтение сочинений святого Тихона. Теперь уже

нет для Вас повода колебаться, когда Вам будут предлагать для чтения ту или другую духовно-нравственную святую книгу. Идите своим путем, уважая и благословляя пути всех других, благочестно спасающихся. Письма Затворника Георгия одного духа с сочинениями святителя Тихона. Благословение Божие да почиет над Вами.

Письмо 165

О молитве

Желающий заниматься богоугодною молитвою должен заботиться только о том, чтоб во время молитвы ум его сохранял внимание, а сердце содействовало уму чувством покаяния. Иногда молитва сопутствуется обильным умилением, которое приходит человеку независимо от него, а иногда при молитве чувствуется особенная сухость, также без видимой причины. На эти перемены должно смотреть равнодушно, как смотрит на перемены погоды опытный земледелец, зная, что после ненастья бывает ведро, а после ведра – ненастье. Земледелец заботится о том, чтоб успешно произвести сеяству и собрать жатву, хотя бы то было сопряжено с большим трудом и с большими препятствиями от непогоды, так и занимающийся молитвою заботится о том, чтоб молитва его была правильною и чтоб при возделании себя ею получить от Бога дар спасения, хотя б молитвенный подвиг сопровождался трудом и скорбями, был навету ем разными искушениями. На скорби и искушения он смотрит как на бури, которые приходят и уходят.

Святые отцы сказали, что человеку, занимающемуся внимательною молитвою, особенно завидует диавол и наводит на него различные искушения. Это совершается не без Промысла Божия, для нашей существенной пользы, и потому ис-

кушения вражеские должно переносить великодушно, предавая себя воле Божией. Также отцы сказали: «Помолясь как должно, ожидай противного». Это значит: после внимательной молитвы, когда нам даруется обильное умиление, всегда случается какое-либо смущение или искушение. От смущения должно храниться, то есть отвергать его, когда оно придет, а тому, что оно приходит, не должно удивляться. Нападение на нас греховных помыслов попущено нам для нашей пользы, потому что оно приводит нас к смирению, к опытному познанию нашего падения, нашей греховности. Отцы признают нашествие греховных помыслов на занимающегося молитвою хорошим признаком: от борьбы с греховными помыслами получают деятельный разум и твердость духа. Греховным помыслам должно противиться, а увлечение ими немедленно врачевать покаянием.

Не входи в тонкое рассматривание своих страстей: это тебе не под силу и непременно повредит тебе. Знай, что падение наше насадило в каждом из нас семя всех грехов, и потому падение по необходимости должно проявлять свое присутствие в нас разными греховными помыслами и ощущениями. Этому не должно удивляться, как чему-либо странному! Этому следует быть! Но греховные помыслы и ощущения не должно рассматривать, чтоб они не вкрались в душу и не заразили ее, должно их немедленно отвергать, а самому повергаться в пучину милосердия Божия.

Благодарение благодати Божией за то душевное успокое-

ние, которое ты получила, посетив святую обитель! Все блага, которыми пользуются человеки, принадлежат Богу. Его – дары. Ему – слава во веки. Аминь.

Письмо 166

О действии умной молитвы, о жительстве желающего спастись

Свойственно умной молитве открывать страсти, скрывающиеся и тайно живущие в сердце человеческом! Она и открывает их, и укрощает.

Свойственно умной молитве открывать тот плен, в котором мы находимся у падших духов. Она открывает этот плен и освобождает от него.

Следовательно, не должно смущаться и недоумевать, когда восстают страсти из падшего естества или когда они возбуждаются духами. А как страсти укрощаются молитвою, то и должно, когда они восстанут, творить умом неспешно и очень тихо молитву Иисусову, которая мало-помалу уймет восставшие страсти. Иногда восстание страстей и нашествие вражеских помыслов бывает так сильно, что возводит в великий душевный подвиг. Это – время невидимого мученичества. Надо исповедать Господа пред лицом страстей и бесов молитвою продолжительною, которая непременно доставит победу.

Очень хороша книжка преподобного Нила Сорского: тебе не мешало бы обзавестись ею.

Не занимайся тонким рассматриванием твоих помыслов и

состояний. Это превышает твои силы. Твое рассматривание непременно должно быть ошибочным и иметь вредное влияния на твое жительство. Один святой сказал: «Я возложил все немощи мои и погрешности на Господа и на Его Пречистую Матерь». Так поступи и ты.

Ходи пред Богом по мысленному пути с простотою. Знай, что ты заражен греховностию, что эта греховность естественно должна отзываться во всех твоих действиях, и потому плачь молитвенно пред Богом, и только. Бог отнюдь не казнитель, как тебе представилось, но воспитатель. Иногда Он посылает в утешение благодатные ощущения, а иногда попускает для смирения взволноваться страстям и подвергнуться нападению духов: то и другое делается по великой милости к нам, с целию существенной пользы нашей. Благодарю за уведомление о печальных событиях. Это – плод сеятвы, как апостол сказал: «*Бог поругаем не бывает*, что человек посеет, то и *пожнет*»³⁵⁶. Заботились о своей славе всеми непозволительными средствами, а истинною славою Божиего пренебрегли, то Бог и попустил обесславиться. Вообще положение монастырей в России в нравственном и духовном отношениях самое бедственное. За сто лет до нас святитель Тихон сказал, что истинное благочестие почти исчезло, а заменено оно лицемерством для обмана людей с целию вещественной выгоды. Надо понимать дух времени и не признавать прежние пристанища пристанищами, потому что они наиболее превратились в гибельные омуты и пропасти.

1 декабря 1863 года.

Письмо 167

Об явлениях истинных и ложных. О духовниках

Святые отцы повелевают подвижнику молитвы при случающихся явлениях вне и внутри себя пребывать равнодушным к ним и не внимать им, не признавая себя достойным видения святого. Они завещают, с одной стороны, не порицать явление, чтоб не подвергнуть порицанию святое, а с другой – никак не вверяться явлению, поспешно признав его истинным, чтоб не впасть в сеть лукавого духа, старающегося обольстить и обмануть подвижника, с целью повредить или погубить его. По миновании явления, иногда чрез значительное время, является в сердечном чувстве объяснение, которое должно дать явлению. Вообще замечено святыми отцами, что тех, которых Бог посетил истинным явлением, сатана начинает искушать явлениями ложными. На это тебе нужно обратить особенное внимание для предосторожности.

Видеть настоящее положение духовных руководителей необходимо, чтоб охраняться от обмана; вместе должно очень остерегаться от осуждения их, непрестанно обращаясь ко вниманию себе. Откровенность очень опасна в наше время, потому что некоторые по превратному пониманию сво-

его положения считают обязанностью своею вывести, чтоб потом выведенное передавать. Вероятно, это делается и с целью подслужиться.

Потрудись передать К. И. мою искреннейшую благодарность за воспоминание обо мне. О здоровье моем не могу сказать ничего положительного.

[...] Благословение Божие да почиет над тобою.

Е.И.

14 мая 1864 года.

Письмо 168

О книге Н. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»

С благодарностью возвращаю Вам книгу, которую Вы мне доставляли. Услышьте мое мнение о ней. Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но в деле религии этого мало. Чтоб она была истинным светом собственно для человека и издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходимо нужно в ней определительность.

Определительность заключается в точном познании Истины, в отделении ее от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным. Это сказал Сам Спаситель: *Истина свободит вы*³⁵⁷. В другом месте Писания сказано: *Слово Твое Истина есть*³⁵⁸. Почему желающий стяжать определительность глубоко вникает в Евангелие, соображаясь с учением Господа, выправляет свои мысли и чувствования. Когда человек совершит этот труд, тогда он возмогает отделить в себе правильные, добрые мысли и чувствования от поддельно, мнимо правильных и добрых. Тогда вступает в чистоту, как и Господь после Тайной Вечери сказал ученикам Своим, образованным уже учением Истины: *Вы чисты есте за слово, еже глаголах вам*³⁵⁹.

Но одной чистоты недостаточно для человека: ему нуж-

но оживление, вдохновение. Так, чтоб светил фонарь, недостаточно чисто вымытых стекол, нужно, чтоб внутри его зажжена была свеча. Так сделал Господь с учениками Своими. Очистив их Истиною, Он оживил их Духом Святым, и они соделались светом для человеков. До принятия Духа Святого апостолы не были способны научать человечество, хотя уже и были чисты.

Такой ход должен совершиться с каждым христианином, христианином на самом деле, а не по одному имени; сперва очищение Истиною, а потом просвещение Духом.

Правда, есть и у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает это вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии. Если же человек прежде очищения Истиною будет руководствоваться своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его живет не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее. Всякий взгляни в себя и поверь сердечными опытами слова мои! Они точны и справедливы, скопированы с самой природы.

Применив эти основания к книге Гоголя, можно сказать, что она издает из себя и свет, и тьму. Религиозные его понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевного, а не ду-

ховного. Он писатель, а в писателе непременно *от избытка бо сердца уста глаголют*³⁶⁰, или: сочинение есть непреходящая исповедь сочинителя, по большей части им не понимаемая, а понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств, в ней различил свет от тьмы; книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы Истины. Тут смешение, тут между многими правильными мыслями много неправильных.

Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу Истины, где начало всех духовных благ.

По этой причине советую всем друзьям моим заниматься по отношению к религии единственным чтением: святых отцов, стяжавших очищение и просвещение по подобию апостолов, потом уже написавших свои книги, из которых светит чистая Истина и которые читателям сообщают вдохновение Святого Духа. Вне этого пути, сначала узкого и прискорбного для ума и сердца, – всюду мрак, всюду стремнины и пропасти! Аминь.

Письмо 169

Как вести себя по принятии Святых Таин. О Промысле Божиим

Вот по желанию Вашему отвечаю Вам. Милосердый Господь да отверзает мне уста, а Вам слух для Слова Его. Христианин никогда и ничем не должен смущаться, ибо Промысл Божий носит его на руках Своих. Наше попечение должно состоять в том, чтоб мы пребывали верными Господу. Если к Самому Господу вочеловечившемуся дерзнул приступить искуситель, то не должно удивляться, что он приступает к нам, хотя бы то было и по принятии нами в сосуд свой Господа. Чем больше сокровище, тем более тати покушаются украсть его. Чем более сокровище, тем более должно бдеть о хранении его. После приобщения Святых Таин, после усердной молитвы, после всякого особенно полезного для души дела нужно, по опытному наставлению отцов, особенное наблюдение за собою, ибо тогда особенно разжигается враг против нас завистию и злобою, видя, что земля и пепел восходит на небо, откуда он низвержен. Духовный рай, который, по учению Спасителя, внутри нас, должно возделывать и хранить, как это при самом сотворении заповедано Богом в лице Адама всем человекам. По обыкновенному ходу я предполагал, что после смущений, должно быть,

Вы чувствовали утешение, которое посылает Господь законно подвижающимся рабам Своим в подкрепление, во умножение веры, надежды и любви. Понимаете ли, что Вы должны Господу более, чем были прежде, как получившие залог и извещение обетования! «Ему же дано более, с того более и взыщется»³⁶¹, – говорит Писание.

Познав это, *блюдите... како опасно ходите*³⁶², то есть живите с осторожностью и вниманием.

Теперь хочу побранить Вас. Вы пишете мне решительно: «Я отъезжаю в среду». Хотя бы прибавили Вы: если Бог велит. Прочитайте в соборном послании Иакова слова Духа о таковых словах человеческих, которыми наносится бесчестье Промыслу Божию, в которых нет веры и смирения. Если Вы просите прощения, то милосердый Господь через меня, непотребного и грешного Своего иерея, да простит Вас и да наставит благоугождать Ему делами, словами и помышлениями, как это заповедал Он в Святом Своем Евангелии, которое повелевает не разорять и малых заповедей³⁶³. Святые сказали: «Кто в малом соблюдает заповеди, тот соблюдает их и в великом».

Мир Вам!

21 декабря 1842 года.

Письмо 170

Об исповеди

Вся наша жизнь должна состоять из покаяния, ибо мы до-
толе вне истины, доколе не вполне во Христе, чего ожидать
можем только после смерти. Чем больше погружаемся в по-
каяние, тем более находим, что нуждаемся в нем. Чем более
очищаемся, тем более находим, что мы далеки от Пресвято-
го и Пречистого. Кто весь очернен, тот не видит на себе ни
одного пятна.

Относительно чувств, которые Вы имели пред причаще-
нием и после оногo, скажу Вам: всегда надо считать себя
недостойным Христа и приступать к Нему, как к Врачу душ
и телес наших, в числе прокаженных, слепых, беснующихся,
потому что мы таковы по душе. Но должно наблюдать, чтоб
сердечное сокрушение не переходило в безнадёжие, которое
происходит от надежды на себя, а не на щедроты Христовы.
Посмотрите попристальнее! Пред исповедью между благими
помыслами Вы имели помысл мелкой расчетливости, хотели
на исповеди сказать все, хотели расплатиться со Христом,
хотели уже не быть должными Ему! И вышли, неся в себе не
удовлетворительное чувство, а лукавый помысл, поучавший
к мелкой расчетливости, когда начал смущать, говоря: «Ты
не все сказала на исповеди». Поверьте. Говорим на испове-
ди, что видим в себе, но несравненно большее число грехов

не видим, почему множество ведомых и неведомых грехов наших повергаем в море щедрот Христовых и после таинства Исповеди ощущаем удовлетворяющее нас чувство спокойствия не по причине дел наших, но по причине Христовых щедрот, и пребываем Ему должными долгом неоплатным.

Относительно правила Вашего, что скажете? Оно было дано Вам, когда ум Ваш был мертв и когда телесный труд при молитве краткой и единообразной способствовал к оживлению ума умерщвлением мечтательности. Теперь, если этот труд слишком обременителен для тела, можно его сократить, предоставляя уму, освобожденному от мечтательности, плавать в словах Духа, в псалмах, пениях и песнях духовных, поюще не только устами и мыслию, но и в сердце Господеви.

8 апреля 1844 года.

Письмо 171

Руководство к благочестивой жизни

На пути благочестивой жизни руководитель – Бог. «Никто не может придти ко Мне, – говорит Спаситель, – *аще не Отец Мой Небесный привлечет его*»³⁶⁴. На сем пути положено и опытное узнание того, что человек есть существо падшее, поврежденное по уму, по сердцу, по телу. Этого опытного знания мы не могли бы получить, если б не видели, что в уме нашем против воли нашей возникают греховные помыслы, в сердце – чувствования, а в теле – движения. Таковое состояние свое, по учению святых отцов, должно переносить с терпением, смиряясь пред Господом и благодушно ожидая исцеления от единого Врача душ и телес наших. Желаю, чтоб Вы вникнули в 3-ю главу Первого послания святого апостола Павла к Коринфянам. Вполне пренебрегайте мною, как скверным грешником, и принадлежите единственно Богу, тогда будет прав путь Ваш. Итак, употребляю слова ап. Павла: «Никто не хвались человеками, чтоб Вам не остаться без Христа»³⁶⁵. Когда апостол Петр мыслил человеческое, а не Божеское, хотя это человеческое по-видимому и было доброе, тогда Господь назвал его сатаною. Правда вне Креста не приемлется. Вам надобно стяжать мертвость для приятия жизни, погубить душу свою, чтоб приобрести ее. Посмотри-

те, куда Вы увлеклись, и постарайтесь исправиться. Благочестивая жизнь требует трезвения, и невозможно обойтись без невидимых падений. Сокровиществуя из них смирение и опытность, не будем унывать, но, вставая от падения, шествовать далее.

29 августа 1844 года.

Письмо 172

Скорби врачуют душу, приближают к Богу

Кого Господь возлюбит и кого восхощет избрать для блаженной вечности, тому посылает непрестанные скорби, в особенности когда душа избираемая заражена миролюбием. Действие, производимое скорбями, подобно действию, производимому ядом. Как тело, принявшее яд, умирает от естественной ему жизни, так и душа, вкушающая скорби, умирает для мира, для плотской жизни, родившейся из падения и составляющей истинную смерть. Посему кто отказывается от скорбей, тот отказывается от спасения, ибо Сам Господь сказал, что не идущие за Ним с крестом своим не достойны Его, что желающий спасти душу свою в веке сем погубит ее для вечности³⁶⁶. Слова Христовы непреложны и всячески сбудутся, почему и должно распинаться по слову Его или, яснее, на кресте словес Его, хотя плоть и вопиет против распятия. Для благодушного и мужественного перенесения скорбей должно иметь веру, то есть веровать, что всякая скорбь приходит к нам не без попущения Божия. Если влас главы нашей не падает без воли Отца Небесного, тем более без воли Его не может случиться с нами что-либо важнейшее, нежели падение с головы волоса. Далее рождается

в скорбях благодущие, когда мы предадимся воле Божией и просим, чтоб она всегда над нами совершалась. Также в скорбях утешает благодарение, когда благодарим за все случаемое с нами.

Напротив того, ропот, жалобы, расположение плотское, то есть по стихиям мира, только умножают скорбь и содействуют ее нестерпимою. Святой Исаак сказал, что «тот больной, который при операции сопротивляется оператору, умножает только свое мучение», почему покоримся Богу не одним словом, но и мыслию, и сердцем, и делами. Презрим мир и мнение его, потому что Спаситель говорит нам: «Кто постыдится словес Моих в сем роде грешном и прелюбодейном, того и Аз постыжусь пред Отцем Моим и Ангелами Его»³⁶⁷. От угождения миру теряется дерзновение к Богу, а от презрения к миру делается христианин Богу свой и со многим дерзновением обращается к дому Его, веруя слову Его, как Слову Божию, а не с двоедушием, от которого ослабляется действие Слова Божия за неверие, сопряженное с двоедушием.

Уснувшие сном уныния – восстаньте! Расслабившие себя двоедушием – укрепите себя верою! Смягчите ожесточенные сердца Ваши усердною молитвою и слезами. Приступите к Господу со смирением, и вместится в Вас Слово Его и благодать Его, и воскресит мертвые души Ваши! Если слово судится и осуждается, то оно остается без пользы, если же примется со смирением, то хотя наружность его жестка, но

плод – духовное утешение, рождающееся от познания и приятия Истины, в которой спасение.

Письмо 173

О спасении

Милостивая Государыня Н.В.

Благословение Божие да почиет над Вами и над чадами Вашими. Во всяком деле начальное условие успеха есть правильный взгляд на дело; так и в деле спасения, для получения желаемого спасения необходим правильный взгляд на себя и на спасение. По причине повреждения грехом нашей природы в нас смешано добро со злом и сердечная земля наша не престаёт производить зло, а и добру не даёт произрастать одному, цельному, но всегда с примесью зла. Этот процесс нам естествен не потому, чтоб мы так были сотворены, но потому, что мы произвольно впустили в свое естество яд греха, который уже не можем отделить от своего естества собственными усилиями. Это отделение совершает нам Искупитель, ища от нас и собственных наших усилий к истреблению в себе зла, как деятельных доказательств в истинном приятии спасения, даруемого Богом туне. Итак, не должно унывать; видя возникающее в себе разнообразное зло, должно постоянно противиться ему и исторгать его из себя. Труд и подвиг пожизненные! В свое время, когда мало-помалу начнет изнемогать зло, начнет являться и мир душевный, признак здоровья души. Но полного мира в стране брани и борений нет. Он то является, то опять скрывается:

место постоянного мира на небе и в вечности. Все это нужно знать, чтоб не требовать от себя того, что нам не естественно, и опять для того, чтоб не унывать в пожизненном подвиге, борясь мужественно со злом, восстающим против нас и внутри, и извне нас. Когда таким подвигом мы докажем верность нашу Богу, то дар благодати Божией – спасение, таинственно вложенный в нас крещением и заключающийся в соединении естества человеческого с Божиим естеством и в исцелении первого от прикосновения ко второму, начнет яснее обнаруживать свое присутствие в нас, доставляя нам более решительную победу над злом, производя в нас глубокий мир и утешая надеждою блаженной вечности. Желаю Вам правильно подвизаться под руководством Слова Божия и увенчаться венцом спасения по неизреченной милости Божией.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашим п [окорным] с[лугою]

Епископ Игнатий.

17 февраля 1862 года.

Письма к родным и друзьям

Письмо 174 К отцу А.С. Брянчанинову. Отношение к супружеству

Почтеннейший родитель!

Приятнейшее письмо Ваше от 22 октября получил 30-го. Искреннейше поздравляю Вас с получением знака отличия.

чия за двадцать пять лет. Представление, уже утвержденное Государем, находится у министра и, вероятно, скоро будет сообщено Вологодскому губернатору. Сделайте милость, не беспокойтесь о высылке мне денег. Благодаря Бога, я не нуждаюсь, и весьма бы нашел справедливым, если бы Вам благоугодно было зачесть оные за те, кои Вы мне пожаловали при отъезде моем из Вологды в Петербург.

Вы изволите знать мое усердное желание добра всем членам нашего семейства. Но суждение мое односторонне; оно согласуется с родом жизни, который я провожу. Мне всегда казалось, тем более теперь кажется, супружество игом тяжким и неудобноносимым; я страшился оно и не понимал, и теперь не понимаю, как могут люди решаться на оное. И потому сделайте милость, устраните меня от суждения в сем деле; предоставьте мне желать благополучия своим братьям и сестрам, какой бы они ни избрали род жизни – брак или безбрачие. [...]

Нынешнею осенью был я очень болен горячкою, после которой начал себя чувствовать лучше и лучше. Думаю – много к сему способствует прекрасный со всеми удобствами дом, в коем живу, и ангелонравная братия, меня окружающая, упокаивающая меня душевно и телесно.

Простите, почтеннейший родитель.

С истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть Вашим покорнейшим сыном

Архимандрит Игнатий.

4 ноября 1835 года.

Письмо 175
К родной сестре Марии
Александровне. О душеполезном
слове, приготовлении к
вечности, молитве, чтении
душеспасительных книг и о
других вопросах духовной жизни

Воистину Воскресе Христос! Любезнейшая сестра Мария Александровна!

Равно и я поздравляю тебя от исполнения сердечного с протекшим Праздником Воскресения Христова; равно и я желаю тебе, друг мой, всевозможного благополучия. Твое селование справедливо: я слишком долго молчал; молчал, потому что надеялся, что наше взаимное расположение не может быть подвержено сомнению; обыкновенные письма светских людей, состоящие в различных поздравлениях и уверениях, не составляют обязанности монаха. В слове о душевной пользе я отказать не могу; такое слово есть милостыня, которую непременно должен подавать монах не только для душевной пользы ближнего, но и для своей. Когда человек почаще будет размышлять, что все земное временно, непременно кончится смертию, — опять, что смерть сия при-

дет неизвестно когда: чрез многие ли годы, или завтра, или чрез неделю. Тогда рождается в человеке забота о приуготовлении себя к вечности; в числе сих приготовлений есть и молитва. Познакомься с Богом заблаговременно, частыми молитвами стяжи дерзновение, дабы, когда должно будет предстать на Страшный Суд, могла ты упросить Судию быть к тебе милосердным. Оставь угождение диаволу в различных мирских забавах, послушайся Спасителя, возвестившего: *Горе смеющимся ныне! Горе... насыщеннии ныне!*³⁶⁸ Вопреки завету Сына Божия, диавол установил балы, театры и прочие забавы; деньги те приносятся в жертву диаволу, кои могли бы быть принесены в лице нищих Господу Иисусу Христу, Который воздаст дающему милость сторицею в будущем веке. Займись чтением Божественных книг с благоразумною умеренностью, сохраняющею надолго вкус и утончающею оный, и умножающею сердечную жажду Божественной правды, сими книгами поведваемой. Таковы книги: Четьи-Минеи, сочинения святителя Димитрия Ростовского, сочинения святителя Тихона Воронежского, письма Георгия Затворника. В особенности последняя книжка драгоценна. [...] Переводов с немецкого и французского отнюдь не надо читать, от них можно заразить сердце неисцельною язвою.

Просишь от меня духовного благословения на себя и на мужа твоего? Да даст тебе Господь прощение сердца твоего и свыше нисходящую благодать Святого Утешителя Духа да осенит умы и сердца Ваши к познанию святой Своей во-

ли, да отверзет мысленные очи Ваши к усмотрению краткости и суетности сея земные жизни, да разжет души Ваши к сохранению заповедей Его и да сотворит и Вас наследниками некончаемых сладостей рая, уготованных всем любящим Бога и ненавидящим диавола и дела его, и начинания его, и славу его мерзостную. Аминь.

Усердно любящий тебя и желающий тебе душевного спасения.

Архимандрит Игнатий.

27 апреля 1840 года.

Письмо 176

О скорбях, болезнях, приготовлении к вечности, характеристика писем Григория Затворника

Воистину Воскресе Христос! Любезнейший Друг и Сестра, Мария Александровна!

Сердечно благодарю тебя за твое милое и доброе письмо. Поздравляю тебя со светлым

Праздником. Очень рад, что любовь превозмогла напрасное опасение обеспокоить меня письмом твоим. Такое доброе письмо не может обеспокоить – может только утешить и обрадовать.

Я не могу участвовать в светских веселостях моих родных; зато должен и желаю принимать живейшее участие в скорбях их. Идут в монастырь и избирают скорбную жизнь для того, чтоб жизнь веселая не развлекала и не привела в забвение Бога, а не для того, чтобы вместе с суетным оставлять и законное, святое. Я убежден и из Слова Божия, и из опытов жизни, что Бог кого полюбит, тому непременно пошлет скорби. Потому что без скорбей сердце не может умереть для земли и ожить для Бога и вечности. Слыша о тебе, что ты постоянно больна, я понимал из этого, что Господь обратил на тебя особенное внимание и хочет тебе доставить

блаженную вечность! Все мы непременно должны вступить в нее, и те из нас, которые не хотят нисколько о ней подумывать, но всегда мыслями своими и желаниями пригвождены к одному земному. Вечность! С какою радостною надеждою ожидают ее иные, а иным как она грозна! Итак, если вечность нас ожидает непременно, то приготовиться к ней заблаговременно требует самое благоразумие. Посему советую тебе относительно твоего здоровья положиться на волю Божию. Содержа в памяти мысль, что Бог призывает тебя скорбями к Себе, благодари Создателя, возлюбившего тебя и повторяй чаще сии слова: «Слава Тебе, Господи, за все, что Ты мне посылаешь. Твори над рабою Твоею волю Твою». Благодарение в скорбях приносит утешение и силу терпеть и долготерпеть. Смерти не должно желать. Бог оттого не посылает ее, что мы к ней не приготовились как должно. Сколько здесь потерпишь с благодарением, столько в будущей жизни насладишься утешением духовным. Читай письма Задонского Затворника Георгия; они недавно напечатаны в Москве в 3-х томах. Предуховная книжка, наполненная утешительнейших наставлений для страждущих. Благословение Божие да почит над тобою.

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

27 апреля 1845 года.

Письмо 177

О терпеливом шествии по жизненному пути и советы, как вести себя по отношению к посторонним людям

Любезнейший Друг и Сестра Мария Александровна!

Благодарю тебя за милое письмо твое, за поздравление с Новым годом, за добрые твои желания! Слышал о твоём ушибе, который сильно усилил твою болезненность. Что делать? Каждому надо идти с терпеливым постоянством по тому пути, на который он поставлен судьбою, — тем больше что изменить этот путь не в нашей власти. На людские мнения и речи не советую тебе обращать большого внимания и подчинять им свое поведение, особливо же боголюбезные впечатления и движения сердечные. Веди себя просто, без принуждения и восторженности, оставляй поступки, резко бросающиеся в глаза, выходящие из обыкновенного круга действий, — это вполне достаточная жертва для ближних.

[...] Христос с тобою! При свидании, может быть, что-нибудь скажу и о болезни твоей.

Письмо 178

О благодарении в скорбях и самооправдании

Любезнейший Друг и Сестра Мария Александровна!

Искренне благодарю тебя за воспоминание обо мне и призываю обильное благословение Божие на тебя, твоего супруга, твою дочь и на весь дом твой, на все домочадство твое. Великая мудрость и великий источник утешения – благодарить Бога за все земные скорби, как ниспосылаемый нам самим Промыслом Божиим во спасение душ наших. Кого Господь любит, того наказует. Пожелай мне не забывать этого святого образа мыслей и не уклоняться от него по поводу различных самооправданий, которые все – ложь и самообольщение, и слепота, и гордыня. Стареюсь, хирею, отживаю: вот, что могу сказать о себе. И паки призываю на тебя обильное благословение Божие.

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

5 мая 1857 года.

Письмо 179

О поведении своего племянника А.П

Любезнейший Друг и Сестра, Мария Александровна!

Спаси тебя Господи за участие, которое принимаешь в Алексее Петровиче. И то хорошо, что не пишешь подробностей о нем брату Петру Александровичу, который имел средство сам узнать о нем все. Современная политика, общественная и частная, – невмешательство. Держаться ее – полезно и благоразумно. Алексей, как юноша, пошалил и поглупил; вероятно, и теперь имеет образ мыслей не самый основательный. Время и обстоятельства вразумят его. Брат Петр Александрович поступил в этом обстоятельстве, как следует благоразумному и благородному человеку – православному христианину.

Благословение Божие да почиет над тобою, над супругом твоим и над дочерью. А я совсем состарился: хвораю и хвораю.

Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

Письмо 180
К родной сестре Александре
Александровне Жандр. О земной
жизни и истинном счастье

Искренне говорю тебе: ты счастлива, потому что идешь путем спасения, потому что ты познала, что человек должен искать свое счастье не во временном и земном, но в Божественном и вечном. Что человек на земле? Путник. Что такое смерть? Эпоха, с которой начинается наша действительная жизнь. Продолжительно странствуя в этой тьме ночной, посреди слабостей и искушений, руководимые светом истинной веры, мы достигаем, наконец, до той грани, которую отделяется свет от тьмы. Счастлив человек, бывший истинным христианином.

Димитрий.

1824 год.

Письмо 181

О терпении и Промысле Божиим

Дело твое совершенно не удалось, слава Богу! Бог знает, что делает. Никто у Бога не забыт, и над каждым бдит недремлющее око Божие и строит все к его пользе. Итак, положиись на Бога и оставь излишнее желание, которое тебе приносит враг, чтоб смутить тебя.

Знаю, что трудно и очень трудно тебе бывает. Но что делать? Нет другого средства, кроме терпения и благодарения Богу, на нас пристально смотрящему. Зачем же ты сердишься при твоих занятиях? «Помысли, – говорит Великий Варсонофий, – что все земные занятия пройдут, а терпение, которое окажешь при этих занятиях, – то останется с тобою, пойдет за гроб и оправдает или осудит тебя перед Богом. Смотри не погубляй этого хлеба насущного (то есть терпения), который тебе понадобится на дорогу от земли на небо». Точно понадобится! Пишешь, что ныне лишена совершенно внутренней радости. Иногда благодать Божия утешает человека, а иногда скрывается, а все это делает по премудрейшему своему усмотрению, а потому все таковые случаи и перемены должно переносить с терпением и почитать себя недостойною радости или утешения духовного. В свое время опять ощутишь отраду.

Также не должно человеку отчаиваться, как бы велики

грехи его ни были, ибо человек спасается не своими добрыми делами, единою верою во Христа Спасителя, а делами должно доказывать свою веру. Подумай, что и оный великий Петр *плакася горько*³⁶⁹.

Средства переменить место жительства теперь не предвидится (разве что состроит Господь непредвидимо), и потому должно укрепиться всевозможным терпением и благою надеждою. Зачем ты отчаиваешься? Или считаешь Бога немилостивым? Как можно! Он-то и есть самое добро. Надейся на Него и крепись. Не забывай молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Молитва эта может совершаться при всех занятиях, сверх того, отгоняет скверные помыслы и разливает в нас веселие. Прости!

1830 год.

Письмо 182

О хульных помыслах и о скорбях

Приношу тебе искреннейшую благодарность за то, что ты вспомнила меня, грешного и больного, в дни величайшего христианского праздника! Да благословит тебя Бог за это доброе воспоминание! Да утешит тебя в скорбях твоих! Да дарует тебе силы переносить их с великодушием и терпением! Ибо и утешение, и силу терпения проливает в нас единая милость

Божия, единая благодать Божия! О приходящих помыслах неверия и хулы не смущайся. Эта явная бесовская брань, которая случалась со многими святыми и продолжалась весьма долго. Такою бранью томим был в продолжении четырех лет святой Нифонт. Посмотри на житие его в Четых-Минях, 23 декабря. В таких бранях никак не надо смущаться, не надо приходить в отчаяние, но повергаться пред всевидящим и всемогущим Богом и, предавая в Его волю душу свою, просить у Него милости. От смущения и отчаяния укрепляется на нас брань вражеская, а если будем смотреть на эту брань с великодушием, говоря себе: «Что ж? Господь видит эту брань и попускает ее – значит, такова Его святая воля и мне это на душевную пользу», – тогда брань ослабевает и умалется.

Потерпи и узришь милость Божию! За всю жизнь твою,

с самого младенчества твоего, были попущены тебе скорби. Это признак, как утверждают святые отцы, особенного Промысла Божия. Бог хочет соделать тебя участницей вечного блаженства и подает тебе чашу спасительную скорбей. Успокойся и молись. Благословение Божие да почиет над тобой и над чадом твоим.

Архимандрит Игнатий.

10 мая 1838 года.

Письмо 183

О скорбях

Бог да подкрепит тебя в скорбях твоих! Прими и мое грешное и недостаточное слово утешения, которое присылаю тебе в этих строках, чтоб утешить тебя Богом, как и пророк Давид сказал: *Отвержесея утешитися душа моя. Помянух Бога и возвеселихся*³⁷⁰.

Во-первых, каждый христианин должен верить, что он находится под непрестанным Промыслом Божиим. Этому учит нас Евангелие. Сам Спаситель говорит: *И власи главы вашей... изочтени суть*³⁷¹. Поэтому христианин, когда будут ему попущены скорби, должен несомненно верить, что эти скорби попущены ему Самим всеблагим и премудрым Богом, Который предвозвестил Своим возлюбленным: *В мире скорбны будете*³⁷². Итак, не должно считать странным, видя себя в скорбях, не должно предаваться унынию; напротив того, должно благодарить Бога за скорби, как за знак избрания к блаженной вечности. От благодарения не только притупляется лютое жало скорби, но и вселяется в сердце благодарящего небесное, духовное утешение. Благодарить можно словами праведного Иова.

Во-вторых, все мы грешники пред Богом. Грешник не должен считать странным, когда ему посылается наказание.

Нет! Он должен открыться пред Богом, признавать себя достойным посланной на него скорби и радоваться, что в земной жизни приемлет наказание за согрешения в ведении и неведении и тем избавляется от вечных мук. При таком размышлении полезно произносить со святым разбойником: «Достойное по делом моим восприемлю, помяни мя, Господи, во Царствии Твоем»³⁷³.

Христос совершил земное течение Свое в непрестанных страданиях. Едва Он родился, как уже люди устремились на убийство Его. Учеников Своих Он приглашает к страданиям, а тому, кто не хочет страдать, говорит: *Иже не возмет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин*³⁷⁴. Рассмотрим жития всех апостолов: все они проводили жизнь и окончили в страданиях. Рассмотрим жития мучеников: они кровию и бесчисленными муками купили себе небо. Рассмотрим жития преподобных: не была ли вся жизнь их продолжительным, невидимым мученичеством? *В пустынях скитающиеся... в вертепах и в пропастях земных... лишены, скорбяще, озлоблены*³⁷⁵, по словам апостола, «многими кровями и смертями», по выражению Требника, наследовали они блаженную вечность.

«Никто же взыде на небо с ослабею, – говорит святой великий Исаак Сирский, – напротив того, о сем познавается человек, находящийся под особенным Промыслом Божиим, когда ему пошлются непрестанные скорби». Итак, благода-

ри, смирайся, веруй, предавайся воле Божией, молись за тех, в коих сердце не мирно. В сих только возможешь найти утешение и исцеление.

Архимандрит Игнатий.

Письмо 184

О безмерной скорби, о грехах и других предметах

...Милосердый Господь да не оставит тебя! Он попускает нам скорбь для очищения нашего от грехов; Он посылает нам и утешение, чтоб мы не до конца изнемогли под бременем скорби.

Безмерная скорбь о грехах, доходящая до отчаяния, отвергается, по учению святых отцов. Скорбь эту должно растворять надеждою на милосердие Божие; должно вместе печалиться и надеяться; печалиться, потому что мы грехами своими прогневаем Бога, удаляемся от Бога; надеяться, потому что мы имеем всесильного Врача для грехов наших, Господа Иисуса Христа, пролившего за нас Кровь Свою.

Когда приходят хульные помыслы неверия, сомнения и тому подобные, то, по учению святых отцов, не должно этим смущаться, а знать, что эти помыслы не принадлежат душе нашей, а врагу нашему – диаволу. Не должно ими смущаться, не должно принимать их и укосневать в них.

Больному человеку полезнее частая молитва, но краткая. Хорошо молиться несколько раз в день по краткому времени. Прекрасны молитвы: «Боже, очисти мя, грешного» и «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Их долж-

но произносить неспешно, заключая ум в слова молитвы, как выражается святой Иоанн Лествичник.

Милосердый Господь да поможет тебе и да благословит тебя и дочь твою!

Архимандрит Игнатий.

16 октября 1846 года.

Письмо 185

О борьбе со страстями

Воистину Христос Воскресе!

Благодарю тебя за дружеское письмо твое и поздравление с Праздником Праздников Воскресением Христовым, с которым я равным образом поздравляю тебя, желая тебе всех истинных благ.

Христос, поправший Своею смертью смерть человеков и Воскресением Своим даровавший воскресение всем верующим в Него, уже одержал победу и над всеми скорбями твоими, а со Христом одержала и ты эту победу. Терпи великодушно яростные волны, терпи великодушно напор свирепых ветров, терпи силою веры – и Христос приведет тебя в свое время в покой Свой. По множеству болезней, которые тебя посещают в этой временной жизни, великие утешения ожидают тебя в вечной жизни. Не тревожься восстающими страстями, старайся по возможности противиться им: человек, доколе на земле и облечен в брненное тело, дотоле подвержен изменениям: то чувствует сердечный мир и спокойствие, не возмущаемое никакою страстию, то находится в обуревании страстей. Такая изменяемость научает нас самопознанию, смирению, научает прибегать непрестанно к помощи Божией, которая только что нас оставит, хотя бы на одну минуту, то мы падаем и совершаем беззакония. Призы-

вающий на тебя благословение Божие.

Архимандрит Игнатий 14 апреля 1849 года.

Письмо 186

К сестре С. А. Б-К-ной.

Скорби – великое благодеяние

Усердно желаю тебе и телесного, и душевного здоровья. Да укрепит тебя Всеблагий Господь наш Иисус Христос, искупивший нас Своею неоцененною Кровию; да дарует тебе терпение в твоих болезнях и прочих скорбях, да внушит тебе благодарение за них, как за величайшие благодеяния. Услышь Его святейший глас, вещающий: *Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую*³⁷⁶. Воспомяни праведного Иова, лишенного чад своих и всего имения, покрытого смердящими струпями, сидящего на гноище и говорящего: *Господь даде, Господь и отъял... буди имя Господне благословенно* отныне и до века³⁷⁷. Воспомяни пророка Иону, от чрева китова исповедающего свое прегрешение и прославляющего правосудие Божие. Воспомяни трех отроков, вверженных в печь огненную и из сердца печи благословляющих Бога. Воспомяни всех святых и путь, коим они достигли спасения. Не тесный ли и прискорбный путь искушений ввел их в обитель живота?

Воспомяни все это и поревнуй жребию святых, скажи твоим малодушным помыслам: и власы все главы моей изочтены у Бога, то как могу я унывать? «Не пошлю, – обещает Он

мне устами Своего Апостола, – искушения выше меры твоей»³⁷⁸, но в самом искушении сокровенно дарую тебе избавление от искушения. Нарочно тебя болезнями поражаю, напастями, чтоб ты не пристрастился к чему-либо суетному, но в сокрушении сердца поискал прилепиться ко Мне, Создателю твоему, исполнением Моих заповедей и стяжал Меня в себе; а когда стяжешь Меня в себе, тогда взыграют все уды твои нескончаемым веселием, ибо Я есмь Само – благодать и Само – блаженство неоскудеваемое и непрменяемое. Благодаря за все милосердного Бога, будем молить Его, чтоб сохранил нас в любви и согласии во славу святого имени Своего.

Прости и моли о многогрешном Димитрии.

Письмо 187

К сестре Елизавете Александровне и ее мужу Димитрию Тихоновичу Паренсову. Поздравление с рождением сына, своей поездке по монастырям, о своих братьях, своих занятиях в монастыре

Любезнейшая Сестра! Елизавета Александровна!

Усердно благодарю тебя за доброе письмо твое и разделяю твою радость о рождении сына Петра. Дай Бог, чтоб сохранились дни сего младенца к утешению его родителей.

Я недавно возвратился из объезда монастырей здешней губернии – путешествие, которое обязан совершать ежегодно, путешествие довольно неприятное, особливо чрез Ладожское озеро. Здоровье мое слабо; на него очень сильно действует здешний климат. Брата Михаила не вижу, а слышу, что он затевает что-то, то есть супружество с девицею без всякого состояния. Некоторые очень добрые и очень почтенные знакомые, услышав это, советовали ему не решаться ни на что прежде свидания со мною; но он им отвечал, что боится мне сказать о сем. Я очень сожалел и о брате Петре, который женился так опрометчиво. Обстоятельства их не та-

ковы, чтоб увлекаться первым порывом сердца.

Благодарю, любезнейшая Сестра, за известие о здоровье Почтеннейшего Родителя, брата Семена и сестер Александры Александровны и Марии Александровны. Я пишу редко, потому что занимаюсь в монастыре единственно духовными предметами, не обращая внимания ни на что светское и не зная никаких новостей С.-Петербургских, хотя и живу так близко от сего города.

Любезнейшая сестра! Искренне тебе желаю всех благ настоящих и будущих.

Димитрию Тихоновичу прошу сказать мой усерднейший поклон. С искреннейшею преданностию, остаюсь навсегда тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

Сергиева пустынь.

1843 год.

Письмо 188

Утешение по случаю кончины ребенка

Любезнейший Друг и Сестра, Елизавета Александровна!

Принимаю сердечное, искреннейшее участие в скорби постигшей тебя и почтеннейшего

Димитрия Тихоновича. Но должно сознаться, что христиане, умирающие в отрочестве, блаженнее тех христиан, которые умирают в преклонных летах, проведши жизнь среди сует, и нередко и греховную. Сему научает нас наша Церковь Святая, и сие должно утешать родителей, которых оставляют их младенцы и отходят в вечность для верного и бесконечного блаженства. Апостол не хочет, чтобы мы, взирая на почивших наших ближних, посещая их могилы и совершая о них воспоминания, предавались неутешной скорби, подобно как предаются ей не имеющие упования язычники, язычники именем и делом, или хотя и одним делом. Мы должны растворять скорбь верою и благою надеждою, а где вера и надежда, там – утешение.

[...]

Желаю тебе и почтеннейшему Димитрию Тихоновичу доброго здоровья, с чувством искреннейшей дружбы остаюсь навсегда тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

26 июня 1846 года.

Письмо 189

О простоте, смирении и пользе уединения

На два письма твои, Любезнейший Друг и Сестра, отвечаю одним. Благодарю за поздравление с днем моего рождения, о котором и сам я нередко забываю вспомнить. [...] Святая боголюбезная простота требует, чтоб мы не сравнивали себя ни с кем из ближних, а жили просто — для Бога и своего в Нем спасения. При такой простоте все ближние нам начнут казаться лучше нас; а это и нужно, — в этом смирение, это ведет в любовь к ближним; святые отцы сказали, что смирение — сердечное чувство, заводящееся неприметно в душе от делания заповедей Христовых.

Выходить из комнат в течение всей зимы никак не советую. Помысл, приходящий тебе о лишении церковной великопостной службы и предлагающий выезд в церковь, суетный. Оставь его без всякого внимания. Уединение имеет свою пользу, пользу существенную; ты же пришла к нему не сама, но приведена перстом Божиим при посредстве болезней. Церковная служба питает душу, а уединение чрезвычайно способствует к рассмотрению себя и покаянию. Потому-то многие святые отцы, удалялись в глубокие пустыни и на многие годы лишали себя церковной службы. Советовал

бы и тебе провести Великий пост безвыходно дома с пользою для души и тела, иногда приглашать священника для отправления некоторых важнейших служб, а говение и причащение Святых Таин отложить до Петрова поста. Не то важно, чтоб приобщаться часто, но чтоб приготовиться существенно к причащению и потому пожать обильную пользу.

Святая Мария Египетская во всю многолетнюю жизнь свою в пустыне не приобщалась ни разу: эта жизнь была приготовлением ко причащению, которого она удостоилась пред концом жизни. Я до сих пор не выходил из комнат и вижу, что во все время Великого поста должен оставаться безвыходно в них...

[...]

Желаю тебе всех благ от Десницы Создателя – и всему твоему семейству.

[...] Тебе преданнейший брат

Арх. Игнатий.

16 февраля 1847 года.

Письмо 190

О необходимости терпения на пути спасения

Письмо твое, истинный Друг мой и Сестра, я получил. Радуюсь благополучному твоему возвращению и тому, что ты чувствуешь обновление в душе твоей. Можно промотать жизнь, как проматывают имение, можно употребить ее для приобретения блаженной вечности. Ты можешь видеть в твои годы уже по опыту, как все земное ничтожно и какая глупость – все время употребить на снискание того, что отнимает смерть. Спасение – дело простое; только эта простота не дешево достается. Да и тот, у кого шея не вытерта хорошенько скорбями, не дает должной цены этой простоте. Помни, что Господь заповедал душу стяживать в терпении³⁷⁹, сказал о благоугождающих Ему, что они *плод творят в терпении*³⁸⁰. Невозможно разом исправиться. Надо терпеть себя – свои недостатки, – и мало-помалу, с постоянством, исправлять их, не унывая от падений, свойственных всякому человеку. Святой Исаак Сирский, великий наставник монашествующих, утверждает, что и святые не были изъяты от перемен, что непеременимость и безгрешность есть несбыточная мечта. Помни это: такое воспоминание будет воодушевлять тебя твердо и мужественно в деле Бо-

жем.

Димитрию Тихоновичу мой всеусерднейший поклон. Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

15 сентября 1847 года.

Письмо 191

О простоте, архиепископе Никифоре Астраханском, сценическом благочестии Петербурга, своих друзьях

Два письма твои, любезнейшая Сестра и Друг Елизавета Александровна, – одно по почте, другое с кучером сестры А. А. при посылке – я получил. Приношу искреннейшую благодарность...

[...]

Особенно утешительно будет мне приютиться под Вашим кровом, посмотреть на Ваш домашний быт! Где нет искренности и простоты сердечной, там нет истинного христианского чувства. Роюсь в сердце моем... хотелось бы усмотреть в нем все, что скрывается в нем сложного и лукавого, чтоб выкинуть это сложное и быть только добрым. В простоте нет взора лукавого, взора подозрительного, взора, осуждающего ближних! Из простоты глядит чистая добродетель! Из простоты глядит беспримесная любовь. Простота образуется в сердце человеческом учением Евангелия. От чего она исполнена такой высокой мудрости. Найдешь примеры и святой простоты, и высокой мудрости в деяниях и наставлениях.

Жития гораздо подробнее, чем в Четьих-Минеях. Также не заботясь о толковании воскресных Евангелий: я писал, чтоб выслали их на твое имя из Петербурга. Писатель Грек – в мирском быту граф Феотока, образовавшийся в европейских университетах, потом вступивший в монашество, приглашенный в Россию и произведенный в архиепископа Астрахани. Он стоит несравненно выше всех наших церковных писателей (то есть) русских, соединяя в себе основательную ученость с духовным помазанием. Есть признаки, по которым догадываются, что тело его нетленно. Сама увидишь, как превосходна его книга и потому какое имеет духовное достоинство писатель. Ах! Не хотелось бы мне ехать в шумный, интрижный Петербург, где доминирует сценическое благочестие, ищущее произвести только эффект пред людьми, ищущими и довольствующимися только кратковременным эффектом. Сценический эффект отвергается духовным учением. Для эффекта достаточно быть, почти непременно должно быть иезуитом. Те, на которых подействовал эффект, или скоро ощущают уничтожение его, или же делаются фанатиками. Эффект, производимый актерством, в сущности есть обман, плоды его не могут быть добрыми. Не находя во мне эффекта, петербургские долго устранились от меня. Прежде всего начал являться плод в братии, а потом некоторые, угнетаемые жестокими скорбями, нашли нужду в утешении не актерскими выходками, а истинным духовным учением – и сблизились со мною. Мало-помалу мое знаком-

ство расширилось: составиля круг, в котором господствует милая, искренняя, образованная, веселая простота, чуждая всякой принужденности и церемонии. Если Бог приведет меня снова водвориться в Петербурге и Сергиевой пустыни, то, поехав туда, ты найдешь людей, которые встретят тебя с отверстыми объятиями...

[...]

Призывая на тебя и на чад твоих благословение Божие, с чувством сердечной о Господе любви остаюсь навсегда тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

16 мая 1848 года.

Письмо 192

«Бог смотрит на произволение человека»; творения святых отцов – стезя ко Христу; об увеличении лжеучителей, совет сестре Александре Александровне не вступать в монастырь

Любезнейший Друг и Сестра Елизавета Александровна!

Письмо твое от 19 июля я имел истинное удовольствие получить. Точно, в сравнении с другими губерниями холера в Вологде действовала меньше. Здесь она свирепствовала короткое время; теперь становится тише и тише...

Относительно себя скажу: чувствую себя очень слабым, но вместе исцеляющимся...

[...]

Бог смотрит на произволение человека. От нас зависит иметь благое произволение. Бог даст средства и силу привести благие намерения в исполнение, если Ему угодно, чтоб благое намерение человека было осуществлено самым делом. При раздавании же mzды принимает равную плату и понесший всю тяготу знойного дня жизни земной, и, так сказать, только посмотревший в единонадесятый час на работу

духовного виноградаря. Святые книги, составленные святыми отцами Православной Церкви, суть в наше время единственная стезя, по которой можно добраться к истинному Свету – Христу.

Апостол говорит, что в его время было много лжеучителей³⁸¹. Что ж сказать о нашем времени? Разве то, что в наше время число лжеучителей бесконечно расплодилось, расплодились зараженные лжеучением и сообщающие лжеучение; страшно расплодились книги, содержащие и сообщающие лжеучение. Превосходно положиться относительно судьбы своей на Бога и пребывать в добрых делах, соответствующих настоящему положению каждого.

Очень сожалею о состоянии сестры Александры Александровны. Только я не советовал бы ей никак идти в монастырь, где неминуемо должно подвергнуться своего рода неприятностям. Эти неприятности приносят большую душевную пользу и называются монастырскими искушениями, но, чтоб переносить их, надо иметь и нравственные, и отчасти телесные силы. Теи другие у нее отняты. Лучше жить на Маслине, если это возможно, и продолжать занятие вещественною милостию, за которую своя мзда. И по уму своему она не способна к монашеской жизни, для которой нужен ум простой, прямой. А ее ум наполнен самомыслениями и подозрениями! «Таковые, – сказал святой Иоанн Лествичник, – ниже след безмолвия да видят», потому что они легко могут при созерцательной жизни впасть в умственное

заблуждение, тягчайшее для всех. Таковые да спасаются в обществе людей вещественными добрыми делами...

Благословение Божие да почивает над Вами. Потрудись передать Анне Андреевне мой усердный поклон и мое недостойное благословение.

Душой Вам преданный брат

Архимандрит Игнатий.

29 июля 1848 года.

Письмо 193

Пасхальное пожелание, об уменьшении количества священников на приходах и совет, как вести себя благонамеренному человеку

Воистину Воскресе Христос!

Любезнейший Друг и Сестра Елизавета Александровна! Милейшее письмо твое я получил и сердечно благодарю за поздравление с Великим Праздником праздников – Воскресением Христовым, от души желая, чтоб воскресший Христос совоскресил душу твою в ощущение будущего духовного блаженства, что даруется верующим слову Христову и последующим этому слову наружным и внутренним поведением своим, отвергая слово, учение и требование преходящего мира. [...] Относительно обстоятельств, которые ты видела в Пошехонском уезде, в одном из тамошних приходов, то это почти общее бедствие России: количество священников так уменьшено, что они не имеют возможности исполнять треб, и часто треб самонужнейших.

Недавно были у меня помещики с берегов Волги и сказывали, что их приход растянут по Волге и впадающим в нее речкам на двенадцать верст; в обыкновенное время священ-

нику очень трудно исправлять требы, а в разлитие вод, продолжающееся у них очень долго, это исправление делается вовсе невозможным. Религия крестьян, так сильно опирающаяся на исполнение треб, не только существенных необходимых всем христианам, но даже и обрядовых, должна сильно поколебаться. Прежде я говаривал об этих предметах тем, у кого они в руках, с желанием общего блага; но, увидев, что это принимают с дурной стороны и отвечают мщением и подлыми интригами, я замолчал, вспомня слова Христа Спасителя: «Не мещите бисер ваших, да не како поперут их ногами и вращися расторгнут вы»³⁸². Смыслящих отлично интригу очень много, а понимающих дело очень мало. Выслуживающихся очень много, а служащих очень мало. Благонамеренному человеку должно ограничиваться добрыми делами в том круге, в который Промысл Божий поставил его и который указывают ему обязанности его; но никак не вмешиваться с советом своим, особливо с замечанием, приводящим в движение чей-либо эгоизм, как бы этот совет и это замечание ни были верны и благонамеренны.

Прими на себя труд поздравить от меня с великим Праздником почтеннейшего Димитрия Тихоновича. Обнимаю милых детей твоих и, желая тебе всех истинных благ, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

25 апреля 1851 года.

Письмо 194

О жизни уединенной и шумной, свое желание уединенной жизни

Любезнейший Друг и Сестра! Елизавета Александровна! Сердечно благодарю тебя за добрейшее письмо твое, а равным образом поздравляю всех Вас с великим Праздником Воскресения Христова. Поверь: твоя тихая жизнь в уединении блаженнее шумной и светлой жизни многих в столице. Твоя жизнь полна, а их – пуста. Множество развлечений рождает множество грехов по причине множества встречающихся случаев ко греху; от таких встреч огражден уединенный. Недаром один великий отец сказал: «Начало зла – рассеянность». Как бы и мне желалось, при преклонных моих летах и слабости здоровья, приютиться в какое-либо уединенное, неизвестное миру место. Но до сих пор не вижу к этому никаких средств. Буди воля Бога моего, Который знает, что мне полезно. [...]

Призывая на всех Вас благословение Божие, с чувствами искренней преданности остаюсь тебя душевно любящий брат

Архимандрит Игнатий.

29 апреля 1853 года.

Письмо 195

О своей болезненности, смирении и подвиге

Любезнейший Друг и Сестра! Елизавета Александровна!

[...]

[...] Монастырь наш шумен, но нечего делать: живешь не так и не там, как и где бы хотелось, а где и как приводит непо-стижимый Промысл Божий. Преданность воле Божией и благодарение Бога за все случающееся улаживают всякое положение и научают извлекать из него душевную пользу. Смирение почти рядом идет с подвигом, то есть оно доставляет почти тот же успех, каковой доставляется подвигом. Смирение и одно, само по себе, полезно; а подвиг без смирения не только не приносит никакого плода, напротив того, приносит вред, вводя в высокое о себе мнение и в осуждение ближних. Смирение состоит в том, между прочим, чтоб признавать себя достойным того положения, в котором мы находимся, и недостаточным положения лучшего и высшего, даже и в духовном отношении, и покорно предавать себя воле Божией. Таковое настроение мыслей свидетельствуется в его истине миром, приносимым сердцу, и наставляет человека на путь живота вечного. В наше время Бог дарует спасение более при посредстве смирения, нежели подвига: ныне при умножив-

шихся немощах подвиг особенно опасен, как сильно наветуемый осуждением, притом требующий опытного руководителя; а смирение всегда непадательно. Самые немощи и грехи, когда мы сознаемся в них и раскаиваемся, способствуют к смирению. Таким образом во всемогущей деснице Премудрого Бога самое зло споспешествует благому намерению небагим, по выражению некоторого великого отца. [...]

Благословение Божие да почует над тобою и над всем домом твоим.

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

20 октября 1857 года.

Письмо 196

Совет, как переносить искушение, и о том, что мать должна сохранять любовь к детям и тогда, когда они колеблются от соблазнов

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

[...] Праведный многострадальный Иов подвергся многим искушениям, и сказал о земной нашей жизни, что вся она вообще есть искушение для человека. И то надо знать, что людям, боящимся Бога и чтущим Его, хотя и попускаются на время искушения, но после того непременно следует и избавление от искушений. И так не должно предаваться печали и безнадежии, но из среды самого искушения с верою молитвенно вопиать к Богу и ожидать Его помощи.

Так я смотрю на твое положение. Великий преподобный отец Исаак Сирский говорит, что Бог послал Сына Своего в мир в то время, как человеки особенно погрязли во грехах, особенно сделались врагами Божиими. Из этого преподобный выводит заключение, что гораздо возвышеннее добродетель – сохранение любви к человекам, когда они подвергаются согрешениям, нежели когда они проводят правед-

ную жизнь. Исполнение этой добродетели в настоящее время предлежит тебе по отношению к твоим детям. Мы живем в страшный век. Неверие охватило и еще более охватывает землю, соблазны умножились до бесчисленности и еще более умножаются. Как не поколебаться молодым людям! Призри на них с милосердием и прилежно молись о них Богу, поручая их Богу и отдавая в Его святую волю. Петру пиши почаще и уговаривай его. В терпении должно стяжевать и свою душу, и души ближних. [...] Мой усерднейший поклон Димитрию Тихоновичу. Милость Божия и благословение Божие да покроют тебя и чад твоих.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

8 ноября 1859 года.

Письмо 197

Совет заняться в уединении Иисусовой молитвой и рукоделием; о необходимости скорбей для спасения

Любезнейший Друг и Сестра! Елизавета Александровна! Приношу тебе искреннейшую благодарность за воспоминание обо мне и за поздравление с Праздником и Новым годом, с которыми равномерно и тебя поздравляю, желая тебе и семейству твоему всех истинных благ.

Слава Милосердому Господу, Который внушил земному начальству оставить за Димитрием Тихоновичем оклад. И впредь Милосердый Господь не оставит Вас. Он не оставляет человек, лишь бы мы не оставляли Его.

При таком уединении, какое ожидает тебя в Ивашове, полезно заняться молитвою при каком-либо самом машинальном рукоделии, которое не отвлекало бы к себе ума или отвлекало наименее. При таком рукоделии надо произносить неспешно молитву так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». Надо заключать ум в слова молитвы, по выражению и наставлению святого Иоанна Лествичника, то есть произносить молитву с крайним внима-

нием. При ком другом молитва произносится одним умом, а наедине шепотом, устами и языком так, чтоб слышать самому себя. Хорошо, когда человек будет подумывать о будущей жизни и к ней благовременно приготовится.

[...] Минеральные воды расшевелили мою застарелую болезнь, которой много вышло и много еще осталось. Слава Богу за все!

С осени 1846 года чувствую себя особенно худо. Живу какую-то полужизнию, каким-то движущимся мертвецом.

Нам (всем христианам) подобает, по учению апостола, входить в Царство Небесное многими скорбями, и именно теми, которые благоугодно будет Богу послать нам.

[...] Призывающий на тебя и на твое семейство благословение Божие Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

10 января 1860 года.

Письмо 198

Об оскудении откровенности в людях, предании детей Богу, отношении к «питерским» интригам

Любезнейший Друг и Сестра! Елизавета Александровна! В наш век от детей светского направления нельзя и ожидать откровенности. И в монахах она ныне уже величайшая редкость. Надо в молитве поручать детей Богу и за тем пребывать совестью в спокойствии, не предаваясь тревожному состоянию души. Бог всемогущ: по усердной и смиренной молитве родителей Он может даровать детям христианское направление. Ты много потрудились о воспитании детей твоих; но непреложное Слово Божие говорит: *Аще не Господь созиждет дом* (нерукотворенный, словесный дом Божий есть человек, в особенности же христианин), *всусе трудишися зиждующии*³⁸³. Прибегни к Богу, и Он, очистив скорбями труды твои о воспитании, может увенчать их благим успехом. Я замечал на многих людях, что увлечение брало над ними верх на некоторое время, но потом семена благочестия и благонравия, посеянные при воспитании, взяли свое.

[...] Что же касается до питерских и других интриг, то имею желание переносить их как очистительное врачество, посылаемое Промыслом Божиим, лишь бы Милосердый Гос-

подъ по кончине избавил вечных мук и даровал малейший
приют в обителях Его угодников.

[...] Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

27 мая 1960 года.

Письмо 199

О предсмертных болезнях, милостыне по почившем, пользе воспоминания виденной кончины

Любезнейший Друг и Сестра! Елизавета Александровна! [...] Приношу искреннейшую благодарность за подробное уведомление о кончине Семена Александровича. Старые люди говаривали: дай Бог пред смертью хорошенько помучаться. Великий во святых Нифонт, умирая горячкою, сказал Великому Афанасию, присутствовавшему при его кончине, что как золото очищается огнем, так умирающий болезнию. У умирающих отверзаются душевные очи, и потому они видят то, чего присутствующие при их смерти не могут видеть. Свет, о котором пишешь, был из рая. Видно, к Семёну есть милость Божия. Поговори детям, чтоб подали по отце милостыню нищим пощедрее. Милостыня очень помогает усопшим, а детей за это благословит Бог, и совесть их будет спокойнее. Хорошо сделала, что устранила от умирающего смущение. А затем успокойся и предоставь все Богу. Каждый *Своему Господеву стоит или падает*³⁸⁴, — сказал апостол.

Полагаю, что не без Промысла Божия пришлось тебе присутствовать при смерти, сопровождаемой таким мучением. Смерть эта будет воспоминяться тебе, а воспоминание бу-

дет служить приготовлением к своей смерти. За то, что ты послужила брату, милосердный Господь воздаст тебе воздаянием духовным, каким Сам ведает. Постарайся успокоиться, положившись на волю Божию.

[...] В монастыре, по милости Божией, все благополучно, очень уединенно. Слава Богу!

Призывая благословение Божие на тебя и на чад твоих, с чувствами искреннейшей преданности и уважения остаюсь навсегда Тебе преданнейшим братом

Епископ Игнатий.

21 декабря 1863 года.

Письмо 200

Скорби «вразумляющие» и «сокрушительные»

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна! Брат Петр Александрович привез мне известие, что ты посещена была тяжелою болезнью: по этой причине пишу к тебе эти утешительные строки. Святые отцы советуют благодарить Бога за те скорби, которые посылаются нам, и исповедовать в молитве нашей, что мы достойны наказания за грехи наши. Таким образом, принимаемая скорбь непременно послужит нам в очищение грехов наших и в залог вечного блаженства. По свойствам недугующего падением естества нашего мы заботимся наиболее об устройении нашего временного положения, а Бог устраивает наше вечное положение, о котором мы забыли бы, если б земное положение не было потрясемо скорбями, если б скорби, посылаемые по временам Промыслом Божиим, не напоминали нам, что все временное и земное преходит и что главные заботы должны быть о вечном. Писание говорит: «Господь, егоже любит – наказует»³⁸⁵. Скорби вразумляющие посылаются от Бога тем, которых Он хочет помиловать, а отверженным посылаются скорби решительные и сокрушительные, как то скоропостижная смерть, лишение

рассудка и тому подобное. Велик Бог наш! Страшное дело – падение человека! Великое дело – искупление человека Богочеловеком! Необходимо изучить основательно все это и по правильному понятию о Боге и о себе направить земное странствование, чтоб не погибнуть навеки.

Благословение Божие да почиет над тобою и над чадами твоими.

Тебе преданнейший брат и друг

Епископ Игнатий. 28 июня 1864 года.

Письмо 201

Исполнение заповедей – непременный долг человека, о трудностях того времени

[...] Святые отцы советуют: когда предположенное и предпринятое доброе дело не удастся совершить с должною точностию, то пополняется недостаток исполнения смирением. В таком случае надо смириться пред Богом: попросить у Него прощения в увлечении и в недостаточном исполнении доброго дела. Хотя и заповедано нам исполнение заповедей, но оно заповедано как непременный долг наш, как единственное условие пребывания в общении с Богом, а не как заслуга пред Богом или одолжение Богу с нашей стороны: спасаемся все, без всякого исключения, единственно милостию Божиего. Христос пришел спасти сознающих грешников, а не праведников. Эти мысли могут успокоить и утешить тебя по поводу приобщения Святым Христовым Тайнам при рассеянности.

Ныне время воздыханий. Почти все, пишущие ко мне, пишут из среды скорбей. Кто веселится? Неизвестно. Бог, посылая тебе временную скорбь, очевидно благоволит, чтоб ты приблизилась к Нему и отчетливее приготовилась к вечности. Очень мало вхожу я в дела мира; но сколько слышу, зем-

левладельцам предстоят новые хлопоты при введении нового порядка. Всего лучше положиться на Бога и просить Его, чтоб не оставил Своею милостию. Кажется, я говорил тебе, что ныне тяжело вообще, в религиозном же отношении в особенности. Не видеть бы ничего! Не слышать бы ничего! Религиозные недуги человечества всегда отражаются на внешнем быте его. Свидетель этого – вся история.

[...]

6 марта 1865 года.

К брату Петру Александровичу

Письмо 202

Об удалении от мира

Что сказать Тебе в ответ на Твои мысли об удалении от мира? Господь, благословивший и установивший такое удаление, вместе с тем заповедал сперва сосчитать имение свое, — достаточно ли оно для созидания этой высокой жизни, — количество сил своих для борьбы с силами противными. Советую Тебе сводить этот счет молитвою, отдаваясь на волю Божию. Я сколько ни молил Бога, чтобы даровал мне уединенную жизнь, но и до сих пор остаюсь в Сергиевой пустыни, подвергаясь развлечением различного рода. Не достаточно, чтоб хотели, надо, чтоб воле Божией сообразно было наше хотение. Мы хотим теперь, а Бог уготовляет иногда это же самое чрез многие годы. В настоящее время ты необходим для Алеши, на которого, в случае твоего удаления, с полным правом накинется его дед и сделает его несчастным по душе и по телу.

Описанные тобою видения не должны привлекать твоего внимания: путь Л. А. особенный, а от таких особенностей святые отцы велят отстраняться тем, которым предназначено идти общим христианским путем. Мой совет — занимайся душеполезным чтением, им руководствуйся в действиях, врачуй покаянием согрешение и предавайся воле Божией, предлагая Богу тайную мысль свою и намерение.

20 июня 1852 года.

Письмо 203

О выборе духовника

[...]

В духовнике, по мнению моему, великое достоинство — простота, неуклонное последование учению Церкви, чуждое всяких своих умствований. Есть строгие, есть умные; но строгие и умные по-своему никуда не годятся для душевного назидания. И строгий, и умный, и милостивый, и снисходительный, и простосердечный, но верный сын Церкви, могут быть одинаково полезны. Да дарует Тебе Бог духовника по желанию Твоему.

Письмо 204

О монашестве, об Оптиной пустыни, об основании своего монастыря, о нежелании собственного возвышения

Чем больше прохожу путь жизни и приближаюсь к концу его, тем более радуюсь, что вступил в монашество, тем более воспаляюсь сердечною ревностью достигнуть той цели, для которой Дух Святой установил в Церкви монашество. Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений мира, соединить его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нем отселе Царствие Божие. Милость из милостей Царя царей – когда Он призовет человека к монашеской жизни, когда в ней дарует ему молитвенный плач и когда причастием Святого Духа освободит его от насилия страстей и введет в предвкушение вечного блаженства. Людей, достигших сего, случалось видеть.

Но что приобрели прочие люди, гонявшиеся за суетою в течение всей своей земной жизни? Ничего, а если и приобрели что временное, то оно отнято у них неумолимою и неизбежною смертию, которая милостива к тому человеку, которого сердце не вполне прилепилось к земле призванием Божиим: *Днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец*

Вот мой ответ на твое намерение окончить дни твои в монастыре для покаяния и для прочного примирения с Богом.

Относительно же сына твоего, нелицеприятный Бог принял и его желание, только в настоящее время этого исполнить невозможно, потому что в наше время монастыри находятся в ужаснейшем положении, и многие хорошие люди, вступив в них без должного приготовления, расстроились и погибли. Пусть Алеша приучает себя к монастырскому послушанию послушанием родителю, пусть готовится себе занятие в монастыре, соответственные своему происхождению, правилам и силам, тщательным изучением наук, русской литературы, языков, хорошо бы латинского и греческого, между прочим, не надо пренебрегать и каллиграфией. Ученость дает возможность сохранить в монастыре уединение при келейных занятиях и может сделать инока полезным обществу в нравственном отношении.

Для уединенного жительства и для удобства к покаянию у меня есть в виду Оптиная пустынь Калужской губернии, близ города Козельска, в пяти верстах. Удобства этого места суть: при пустыни находится скит, куда запрещен вход женскому полу, окруженный мачтовыми соснами, следовательно, защищенный от ветра вполне; в этом скиту живет довольно дворян под руководством старца, также из дворян, весьма хорошей жизни; занимаются переводом с греческого святых отцов и изданием их. Вот нравственная сторона: есть уеди-

нение и есть духовное общество, свое, благородное, а этого нет ни в одном монастыре русском. Святой Пимен Великий сказал, что всего важнее хорошее общество. И так, что особенно важно в мирском быту для благовоспитанного человека, то остается особенно важным и в монашестве. Это важное для нас, будет чрезвычайно важно для тех юношей, которые будут сопутствовать нам: умирая, мы будем утешаться мыслию, что оставляем их на хороших руках. В материальном отношении Оптина пустынь также хороша; невыгодная сторона состоит в том, что живой рыбы мало и дорога, также и дрова дороги.

На мысль об учреждении своего нового монастыря скажу, что заведение своего монастыря повлечет нас к материальным попечениям, кои будут препятствовать попечению о наших душах. Сильная зависимость нашего духовного состояния от нашего наружного состояния и познание человека, заимствованное из опытных наставлений святых отцов, приводит к тому заключению, что гораздо легче преуспеть, живя странниками и пришельцами в чужой стороне, нежели если бы мы основали монастырей на своей родине, где нас все знают и многие уважают. Вот мое суждение о нашем общем жительстве, может быть, в единонадесятый час нашей земной жизни.

Что касается собственно до меня, то я обязан многим людям за многое, и, между прочим, за дружеское расположение, мною ничем не заслуженное, я обязан Николаю Никола-

евичу (Муравьеву). Но Богу я обязан безмерно, потому что Он посетил меня милостию свыше, которой я должен соответствовать моим поведением. Это соответствие может заключаться, по моему мнению, только в том, если я проведу остаток дней моих в глубоком и строгом уединении. Это непонятно для других, для которых сокрыта моя совесть и которые могут судить о мне только по наружности, но для меня вполне ясно. Всякая добродетель с развлечением – не моя. Искание или желание какого-либо высшего сана для меня – грех и безумие. Если увидишься с Н. Н., то объясни ему это. [...] Я не желаю, чтобы он компрометировал себя ради меня, не желаю, чтоб из-за меня высшие духовные лица взволновались; наконец, и для себя нахожу более выгодным удаление, нежели возвышение, и возвышение бесплодное, на короткое время остатка земной жизни. [...]

14 февраля 1856 года.

Письмо 205

О собственном желании удалиться в Оптину пустынь и о других предметах

Любезнейший Друг и Брат Петр Александрович!.. Скажу Тебе, что я очень рад, что Ты смог уклониться от управления имением Николая Николаевича. Пожертвование, которое человек приносит собою достойному человеку, особливо когда с таким жертвованием соединена польза Отечеству, прекрасно, но жертвование собою Богу, Которому мы и без того принадлежим, несравненно превосходнее. Сверх того, последнее жертвование собственно для нас необходимо; необходимо нам прежде смерти примириться и соединиться с Богом, посредством покаяния, чтоб не услышать на Суде Его: «Не вем вас: отыдите от Мене, называвшие Меня Господом своим и нарушавшие Мои заповедания»³⁸⁷. Живя в Сергиевой пустыни, которая все-таки монастырь, я не выдерживаю напора волн и вихрей житейских, часто колеблюсь и падаю. Что ж сказать о жизни в полной зависимости от мира и посреди его?

В таком убеждении я захотел соглядать собственными очами Оптину пустынь, которая в настоящее время есть, бесспорно, лучший монастырь в России в нравственном отношении, особливо Скит ее, находящийся в 100 саженях от

самой пустыни, огражденный со всех сторон вековыми соснами, на песчаном грунте, недоступный для женского пола, может удовлетворить благочестивым желанием отшельника в наш век. В нем живет много дворян, занимающихся духовною литературою, но тамошнее сокровище — духовник или старец их, в руках которого нравственное руководство скитской братии и большей части братии монастырских, то есть всех благонамеренных и преуспевающих в добродетели. Он из дворян. 68-ти лет, со мною в самых дружеских отношениях. Соображая потребности души моей и моего тела, я избрал скит местом для окончания дней моих в безмолвии и, чтоб дать этому начинанию некоторую прочность, покупаю корпус деревянных келлий. При этом деле я упомянул здешним главным инокам, беседовавшим со мною, и о тебе. Келлии требуют поправки, даже перестройки: для жительства они будут годны лишь к лету 1858 года. Таковы мои собственные действия, в которых явствуется мое произволение и суждение; но это произволение, это суждение, эти действия вручаю воле Божией, моля Ее руководить мною и располагать по ее премудрым и всеблагим целям.

Весьма хорошо сделать, отдав Алешу в семейство Муравьевых, и потому, что образовать его в Тифлисе гораздо удобнее, и потому, что тебе, вероятно, придется проводить много времени в разъездах. Кроме того, молодой человек, воспитываясь на чужих руках, лучше обтирается; семейство же Муравьевых строгой нравственности. [...]

11 июня 1856 года.

Письмо 206

О необходимости покаяния и других предметах

Любезнейший Друг и Брат, Петр Александрович! Приношу Тебе искреннейшую благодарность за поздравление с Праздником праздников в письме твоём...

Святые отцы уподобляют жизнь христианина плаванию корабля в море, а удаление в уединение – вступлению корабля в пристань. Доколе Ты в море, говорит святой Варсонофий, жди ветров и бурь; редко бывает там тишина или вполне попутный ветер. Следовательно, нельзя и не должно требовать от сердца постоянного пребывания в святых ощущениях; и то хорошо, что эти ощущения даются хоть на некоторое время, оставляя потом сведение в душе о своем существовании.

В делах твоих положишься на волю Божию. Нам обоим уже недолго странствовать на земле. Моли Бога, чтоб даровал остаток земной жизни провести в покаянии; это великий дар Божий, дар вечный, как имеющий решительное влияние на нашу судьбу в вечности. Святой Тихон Воронежский перед кончиною своею особенно благодарил Бога за то, что ему дан был этот дар. Точно, при кончине именно скажется вся драгоценность этого дара. Так мы рассуждаем и так должны мо-

литься. Но, говорит св. Исаак Сирский, если Ты помолишься Богу о чем-либо и Он медлит дарованием просимого, то ты не скорби; ты не премудрее Бога. Это случается по разным причинам, непостижимым для ограниченного человека. А потому вполне справедливо при самых благих желаниях и начинаниях предавать себя воле Божией.

[...] Алексей Петрович растет. Справедливо твое замечание, что к нему особенная милость Божия, приведшая его в монастырь в самое трудное время жизни в нравственном отношении. Особливо здешний монастырь драгоценен по уединению своему от предметов соблазна; к тому же юноша вступил в близкое и частое сношение с духовником своим, отцом Феофаном, который и утешает его, и побранивает: то и другое благотворно. Невозможно требовать с Алексея, чтоб он понимал современность, но моя обязанность, в особенности твоя, – предохранить его от пропасти, в которую он легко может вринуться по слепоте своей. Милосердый Господь, начавший устроить путь его, да устроит и до конца.

Михаил Чихачев, пишут мне, начинает терять здоровье, разваливается. На все свое время. Все мы – гости на земле. Благословение и милость Божия да починут над тобою.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

26 апреля 1862 года.

Письмо 207

О необходимости покаяния и других предметах

Любезнейший Друг и Брат, Петр Александрович! [...] Благо, что ты сделал относительно себя все то, что зависело от тебя, остальное возлагаешь на Господа Бога. Приходящее тебе страхование приходит с левой стороны. Докажется это тем, что оно отойдет от помыслов веры, когда возложишься на Бога, в воле Которого и жизнь наша, и смерть. Умереть каждому из нас непременно надо. Благовременное приготовление к смерти есть драгоценный дар Божий, и потому невидимые враги наши усиливаются похитить его у нас. Милосердый Господь да упразднит их, послав нам правильный взгляд на временную и вечную жизнь, чтоб мы, для снискания блаженства во второй, должным образом употребили первую, которая сама по себе, как быстропреходящая, не имела бы никакого значения, если б не решала нашей вечной участи. Святителя Тихона, когда он оставил епархию и поместился в монастырь, представляя ему, что он может быть полезен среди мира, лукавые помыслы в течение года выманивали из монастыря.

Когда святой понял, что это кознь вражеская, покушающаяся под благовидным предлогом похитить у него данное

Богом время на покаяние, тогда он успокоился и обратил все внимание на то, чтоб воспользоваться даром Божиим. [...]

Непременно дождись отставки. Вера должна быть соединена с благоразумием, которое признается величайшей христианской добродетелью. Не требуй от себя праведности и не смущайся возникающими греховными помыслами и ощущениями, в противном случае вся деятельность твоя примет фальшивое направление. Надо противиться греху и не увлекаться им. Действуй благоразумно и осмотрительно. Сам видишь, что вообще дела принимают запутанный характер. *Блюдите убо, како опасно ходите*³⁸⁸, – говорит Священное Писание. Милосердый Господь да вразумит и благословит тебя.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

9 мая 1862 года.

Письмо 208

Завещание епископа Игнатия

Ваше Превосходительство, любезнейший братец Петр Александрович!

Видя себя пришедшим в крайнее изнеможение и болезненность, знаменующие приближение общего всем человекам переселение из гостиницы-земли в вечность, покорнейше прошу Вас принять на себя, в случае моей кончины, распоряжение всем моим, впрочем весьма небольшим, имуществом согласно прилагаемой при сем копии с предложения моего Костромской духовной консистории и согласно словесно сделанному мною Вам завещанию. Получив от Вас значительное денежное пособие во время нахождения моего на Кавказской кафедре, я прошу Вас принять те вещи, какие найдете нужными и полезными для себя и для сына Вашего, Алексея Петровича, в Вашу и его собственность; другие отдать настоятелю и раздать братьям, преимущественно же тем из них, которые послужили мне лично. Главные предметы имущества моего состоят из: 1) библиотеки, 2) белья, шуб и разного платья, из которого цветные и бархатные рясы предназначены мною для ризницы Бабаевского монастыря, 3) экипажей: дормеза, кареты и зимнего возка. Сочинения мои, остающиеся в рукописях, передаю сполна в Вашу собственность и распоряжение.

Вам известен мой образ мыслей, почему понятно для Вас и то желание мое, чтоб оставшееся после меня имущество, как приобретенное при убогом служении моем Церкви, а не от родственников, поступило в пользу Церкви, ее служителей и нищей братии. Я убежден, что Вы исполните отчетливее и лучше мое желание, нежели как исполнил бы его я сам, и потому останавливаюсь от всякого мелочного распоряжения, могущего неожиданно затруднить Вас в Вашем действовании.

Милосердый Господь, по единой милости Своей, да отверзет мне врата милосердия Своего, да примет в них сиротствующую и нищую душу мою из среды многомятежного мира сего, да упокоит ее во Царствии Своем. В свою черду, которая непременно наступает для каждого земного странника, воззваны будете и Вы предстать Богу. От всей души желаю, чтоб это воззвание было услышано Вами с радостью, как призывание к радости вечной, не наветуемой и не пресекаемой уже никакою скорбью.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга и брат
Епископ Игнатий.

9 июня 1862 года.

Письмо 209

Об отца Макарии Оптинском и проч

Начало письма моего будет ответ на конец твоего, от 8-го ноября. Невозможно среди молвы удерживать свое настроение в одинаковом положении, как это возможно в уединении. Впрочем, и в уединении случаются уклонения, производимые страстями падшего естества, которые не могут не проявлять своего присутствия в человеке. На эти изменения должно смотреть благоразумно, как бы на перемены погоды, по сравнению, сделанному преподобным Макарием Великим, и не оставаться долго в увлечении, скорее выходить из него.

Потрудись передать П. В., что я хотя и не знаком с нею лично, но по духу весьма знаком и очень радуюсь ее знакомству с Оптинскими старцами. Судьбы Божия непостижимы, но по человеческому суждению нельзя довольно не пожалеть о кончине отца Макария Оптинского. Этот человек был неоцененное сокровище для христиан, живущих среди мира. Он был приготовлен и предназначен для того служения, которое проходил. Простота и свобода в обращении, любовь и смирение врожденные, образование себя чтением отеческих книг, повиновением искусным старцам дали ему возможность рано сделаться духовником и наставником, а долговременный опыт усовершеншил его в этом служении. Совет

его А. В. был бы существенно полезным.

Мой путь был совсем другой: я был часто и подолгу болен, подолгу не выходил из своей келлии, терпел много неприятностей. Все это отделяло меня от общества человеческого и сосредоточивало в себе. Такое душевное положение лишило меня знания человеков. Чем далее иду путем жизни, тем более удаляется от меня это знание, потому что иду очень одиноко. Тебе известно, что и монах тогда только может взойти в сношение со мною, когда очень, очень приглядится ко мне.

Странное дело! Когда мое самовоззрение увидят написанным, тогда оно нравится. Почему? Потому что привлекает также к самовоззрению. Полагаю, что отец Антоний Бочков может быть гораздо удовлетворительнее меня: он гораздо знакомее меня с человеками. Если же А. В. угодно будет что написать мне через П. В., то я сочту обязанностью своею отвечать тем же путем, что Богу угодно будет даровать в ответ.

Репный сок очень сильно гонит мокроты золотушные и ревматические. Советы с врачами отлагаю до весны. Хотел бы не лечиться вовсе – отвлекает от духовного делания.

22 ноября 1862 года.

Письмо 210

О внешнем и внутреннем спокойствии, нападках на сочинения епископа Игнатия и характеристика того времени

Все мы под Промыслом Божиим. Устройство внешних дел в настоящее время – приготовить спокойствие к тому времени, когда спокойствие внешнее будет нужно по причине приобретенного внутреннего спокойствия. Теперь тебе нужно изучить в себе падение человека. «Отдай долг страстям», – сказал святой Исаак Сирский. Я во внешних делах мало знаю толку, и ум мой, будучи с юности направлен к самовоззрению, мало способен к удовлетворительному образу внешней, временной, земной обстановки человека.

Слышу, что писания мои, заимствованные из изучения отцов, встретили нарекания и некоторые гонения: это благой признак. Бог праведен и возмеряет в меру, в которой человек возмерил своим ближним. За насыщение душ духовною пищею твоя душа будет насыщена ею. Это не мое слово, это слово Евангелия. Лишь бы дело делано было не для человекоугодия и не для тщеславия, а во славу Божию и в пользу христианства. Много многие соблазнились, – пусть уврачу-

ются, по милости Божией, назидательным словом во спасение свое и мое.

Тебе с сыном остается благодарить Бога и хранить дарованное вам Богом стремление ко спасению, — яко вся земная мимо идут, а приобретенное во времени вечное спасение сопутствует человеку в область загробную и вводит его в небо.

Так назрело в монастырях внутреннее расстройство, что ему необходимо разразиться самыми ужасными приключениями. Общее нравственное расстройство и утрата веры предсказаны в Священном Писании; нам надо внимать себе.

Какие времена! Не к кому обратиться с доверенностью. Милость Божия привела нас в уединеннейший уголок, и притом, когда я уже потерял всю надежду видеть на земле живой сосуд Святого Духа, открыла такой сосуд и ввела в ближайшее общение с ним.

27 ноября 1863 года.

Письмо 211

Об отсечении собственной воли и проч

Господь не оставляет тех, которые предают себя в служение Ему; попуская им разлиться скорби для их обучения и воспитания. Он держит их в деснице Своей, храня яко зеницу ока. По временам приходят брани: да кому же они не приходят? Они необходимы для духовного преуспеяния.

Плотские чувства, истекающие из плотского родства, препятствуют усвоению чувств духовных и самой деятельности по закону духовному, требующему распятия для плотского мудрования. Духовного преуспеяния тебе надо искать в отсечении своей воли. Это дело умерщвляет страсти и изводит, как из ада, из плотского мудрования. В отсекающем свою волю действие молитвы является само собою при упражнении во внимательной молитве с заключением ума в слова молитвы. Если предварительно не очистится человек отсечением воли, то истинного молитвенного действия в нем никогда не откроется. Когда же откроется молитвенное действие, тогда сделается ясным, что оно — не что иное, как полное отвержение своей воли ради воли Божией.

22 декабря 1863 года.

Письмо 212

Об отсечении собственной воли

Говорил я тебе о необходимости отсекай волю твою. Это относится именно к молитвенному подвигу. Ты должен отречься сам в себе от всякого сознания достоинства к преуспеянию и в нищете духа (что и есть отсечение воли), во внимании словам и страхе Божиим предстоять мысленно Богу, вопиять о помиловании и всего ожидать от милости Божией. Он сотворит с нами по воле Своей и по милости Своей; тогда ясно будет, что благо, дарованное Богом, совсем иное, нежели что предполагал получить человек. Для неотрекшихся от своей воли опасна прелесть. Говорю существенно нужное для тебя. Кому поддержать Церковь? Для этого нужны люди благодатные, а плотское мудрование способно только повреждать и разрушать. Хотя оно в гордости и слепоте своей мечтает и провозглашает о созидании.

4 января 1864 года.

Письмо 213

О молитве

При молитве нужно отрицаться от себя, то есть не признавать себя достойными какого-либо преуспевания, а решительно положиться на Бога. Даже не должно думать о преуспевании, а заботиться о том, чтоб молитва была совершаема со вниманием. Впоследствии увидишь, что все твои стремления к преуспеванию были не что иное, как увлечение по причине вещественного разгорячения, без чего невозможно обойтись всякому, вновь начинающему молитвенный подвиг, в котором сосредоточиваются и для которого предпринимаются, как служебные ему, все другие подвиги. С разгорячением всегда соединено самомнение. От самоотвержения, которое выше объяснено, является истинное смирение духа, нищета духа, а такое смирение привлекает к человеку милость Божию.

Когда человек сподобится ощутить что-либо духовное, то есть ощущение от Бога, тогда он поймет, что все собственные ощущения ничтожны, сопряжены с самообольщением. К земле Обетованной надобно пройти чрез пустыню. Идя по этой пустыне, надо знать, что, она — пустыня, а не земля Обетованная,

чтоб не принять какого-либо оазиса пустынного с роскошною и богатою природою за землю Обетованную и по

этой причине не лишиться земли Обетованной. Оазисы суть те утешения и особенно ясные самовоззрения, которые даются по временам новонаначальному в подвиге молитвы. На них не должно обращать особенного внимания. Первый духовный дар есть благодатное внимание при молитве, какового при одном собственном усилии невозможно иметь.

11 января 1864 года.

Письмо 214

Совет

не заниматься мелочным рассматриванием своих грехов

Когда метут комнату, то не занимаются рассматриванием сору, а все в кучу да и вон. Так поступай и ты. Исповедуй свои грехи духовнику, да и только, а в рассматривание их не входи. Святые отцы очень запрещают это тем, которые не могут правильно рассматривать себя: такое рассматривание сбивает с толку, приводит в расслабление и расстройство. От грехов остерегайся, в сделанных по немощи и увлечению раскаивайся, не позволяя себе при раскаянии приходить в недоумение и уныние, а безгрешности от себя не жди.

10 марта 1864 года.

Письмо 215

О молитвенном подвиге и о других предметах

Печально современное религиозное и нравственное направление народа. В течение трехлетнего пребывания нашего в Бабаевском монастыре это несчастное настроение подвинулось гигантскими шагами вперед и приняло обширнейшие размеры. Все совершающееся да совершается под взорами Бога.

[...]

Молитвенный подвиг, Батюшка мой, есть подвиг. Надо потрудиться. Кто терпеливо молится своею оскверненною молитвою, сказал святой Иоанн Лествичник, и не покидает ее, наскучив ее скверною, тому Бог в свое время дает истинную молитву. Внимай себе, то есть словам молитвы, а не внимай помыслам, приходящим во время ея. Не вдавайся в разбирательство себя. Это разбирательство замени чтением статей о молитве в «Опытах». Тебе должно очень устраняться от того дробного анализа, к которому ты привык и на основании которого враг смущает тебя помыслами.

На вопрос твой о страннице Глинки («Разговор Ф.Н. Глинки с странницей», помещенный в «Домашней беседе» за 1865 год) скажу тебе, что я читал эту статью, но ничего

особенного не нашел, весьма вероятно по той причине, что я воспитан учением святых иноков и от всякого пути особенного устраниюсь. Путем особенным, по особенному избранию и призванию Божию может идти угодник Божий, что случается очень редко. Наиболее путем особенным идут или находящиеся в самообольщении, или направившиеся к самообольщению. Нам должно держаться вдали и в осторожности от всех, идущих путем особенным, загадочным.

Отец Иустин принял отказ о возведении в сан архимандрита с таким благодушием, как подобает монаху. Промысл Божий ведет его не по цветам, а по пути прискорбному, посреди поношения человеческого, чем отмечается человек, любимый Богом. Отказ этот душеполезен и для него, и для меня. Принимаем его как от руки Божией.

Очень грустно положение митрополита в Синоде. Грустно оно не для личности, но для митрополита и как перевес, взятый священниками над архиереями. Дело Православной веры можно признавать приближающимся к решительной развязке. Падение монастырей, значительно совершившееся, неминуемо. Одна особенная милость Божия может остановить нравственную, всегубящую эпидемию, остановить на некоторое время, потому что надо же исполняться предреченному Писанием.

29 марта 1865 года.

Письмо 216

По поводу клеветнической статьи «Одесского вестника», в которой П. А. Б. был обвинен несправедливо в недобросовестных действиях

Искушение, постигшее тебя, есть ничто иное, как искушение, которое, по милости Божией, мимо идет. Этим искушением свидетельствуется избранный тобою путь. В делании терпения имеются свои меры и степени.

Совершенные сохраняют совершенное молчание при обвинениях, соответствующее степени их самоотвержения, и терпят все последствия такого молчания, как, например, святой Андрей и Симеон, Христа ради юродивые. Тебе это делание не только не идет, как превышающее меры твои, но и крайне душевредно, потому что тебе не выдержать его. На отзыв сделай печатный отзыв без разгорячения, дай отзыву силу фактами, дело же поведи законно и с твердостью, призвав помощь Божию. С сердечными чувствами злобы и мщения поборись. Именно при таких случаях и притупляется памятозлобие борьбою с ним; ничем не затрагиваемое, оно остается жить в сердце непримеченным. Очищение твоего имени необходимо для тебя и для твоего сына, по вашему

положению благочестивых мирян. И апостол Павел просил суда и апелляции у кесаря. Успокойся, Батюшка мой, Господь не оставит Тебя. Благословение Божие да почиет над Тобою.

25 октября 1864 года.

Письмо 217

**К другу схимонаху Михаилу
(Чихачеву). О своем пребывании
в Семигородской пустыни,
невозможности в данный момент
приехать к нему, бедности обители,
совет быть предметом назидания
для ближних, а не соблазна**

Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе
Боже наш, помилуй нас.

Дражайший о Христе Михаиле Васильевич!

Письмо твое, посланное с братом Николая Ивановича Веденева, я получил, будучи в Вологде на пути из Покровского в Корбанку – село Дмитрия Ивановича Самарина. Долго не отвечал на оное, ибо не хотел писать из мира, а из монастыря. В двадцатых числах августа выехал из Корбанки и живу теперь в Семигородной пустыни в настоятельских келлиях. Слава Богу, довольно здоров, но только часто прихожу в крайнее расслабление. Тотчас, то есть сию минуту, ехать тебе ко мне нельзя, но когда увижу, что приблизился час, то чего тебе прислать? Денег на дорогу и сколько, или лошадей?

Посоветуйся и напиши.

У нас дома женятся и посягают. Петр идет в отпуск на шесть месяцев. Много бы тебе мог написать, но не хочу прежде времени тебя слишком обрадовать и, может быть, попустому.

Интересовавшимся о здешней пустыне вот что скажи: свежей рыбы и ухи в трапезе никогда не бывает, чаю и сахару совсем не выдают и никому; а по воскресным дням настоятель зовет братию к себе, монахам дает по четыре, а послушникам по две чашки чаю. Одежда очень скудная, и вообще грунт земли весьма каменист.

Ты, как благоразумный и предусмотрительный, выведи для себя некоторый полезный результат из твоего пребывания в Новоезерском (ибо это не просто) и составь в себе некоторый боголюбезный план доброго жития, дабы ты мог быть предметом назидания для ближних, а не предметом соблазна, тем более что здесь гораздо пристальнее на тебя будут смотреть, нежели до сих пор смотрели где-либо. Понятны ли тебе слова мои? Думаю, что понятны. Прости и моли милосердного Бога о многогрешном Димитрии. [...]

Благодетеля моего отца Сергия не забудь. Также отца Нифонта, Игнатия, Фельдвебеля, Ник. Ивановича и проч.

Письмо 218

О милостыне для души

...Имущество приманчиво: редкий человек может устоять против производимого им соблазна. Покажи старичку в «Слове к пастырю» святого Иоанна Лествичника то место, где сей святой говорит, что милостыня, оказываемая для душ, столько выше милостыни, оказываемой для тел, сколько душа выше тела. Такую милостыню, или намерение совершить такую милостыню, могущую старичку открыть путь по мытарствам и доставить блаженную кончину и вечность, всячески будут стараться похитить наши невидимые враги, то самому старичку влагая правдоподобные помыслы, оттягивающие от исполнения на деле задуманного, то действуя через людей. Надо это заметить и остеречься, противопоставляя помыслам бесовским и людским речам, оттягивающим от исполнения, вышеупомянутое изречение писания, которое именно и сказано в предосторожность против лукавых помыслов, приносимых диаволом, получающих отсрочивать задуманное добро с тем, чтобы и совершенно похитить его у человека.

27 января 1859 года

О необходимости для спасения скорбей

... Читал посланное (письмо) к О. И. и порадовался, что при болезни твоей приходит тебе мысль о смерти и что ты понимаешь опасность твоей болезни. Воспоминание о смерти не приближает к смерти, а только приготавливает к ней, располагая к покаянию. Твоя рана и боль от нее – это Отческое наказание от Бога, Который *егоже любит, наказует*. Я провел всю жизнь в болезнях и скорбях, как тебе известно, но ныне, не будь скорбей, – нечем спастись. Подвигов нет, истинного монашества нет, руководителей нет – одни скорби заменяют собою все. Подвиг сопряжен с тщеславием: тщеславие трудно заметить в себе, тем более очиститься от него, скорбь же чужда тщеславия и потому доставляет человеку богоугодный невольный подвиг, который посылается Промыслителем нашим сообразно произволению...

В мои годы и при моей болезненности надо искать покаяния, а уже не до земных сиятельств. Все придет своим чередом во мрак могилы забвения: только служение Богу и покаяние пред Ним будут иметь вечную цену. Кажется, на земле затевается большая война, но борьба со страстями и похотями совсем оставлена. Очень заметно общее ослабление

в вере. Утешайся! Господь тебя да утешит и покроет Своею милостию.

Епископ Игнатий. 14 июля 1859 года.

Письмо 220

О должном отношении к телесным болезням

Судьбы Божии помогают тем, которые имеют искреннее, хотя и немощное намерение спастись. Тебе известно, как рано посланы были мне болезни, постепенно отнимавшие возможность подвига и уничтожавшие способность к занятиям. Вижу, что болезненность моя есть дар Божий: она обуздывала меня и, лишая временного благоденствия, привлекала ко мне вечную милость Божию.

Теперь пришло время похворать и тебе. Радуюсь, что ты переносишь болезнь должным образом, повторяя слова разбойника, который был распят одесную Господа и за сознание свое получил вход в рай. Болезнь твоя есть Богом данная епитимия. Милосердый Господь да дарует тебе переносить епитимию с благодарением Богу... И от болезней, и от лечения я так слаб, что надо бы в какой-либо монастырь на покой, то есть с управлением монастырем. Пришли мне такую книгу, где бы русские монастыри были описаны, да собери какие можно сведения о монастырях Задонском и Калязинском. Последний был бы удобнее как менее посещаемый знатю. Впрочем, это помышления человеческие, а Бог знает, что делает со Своими созданиями.

Потрудись передать мой поклон П. П.-чу и скажи ему, что пора перестать сердиться на меня и простить меня. Передай мой поклон всей братии.

17 февраля 1960 года.

Письмо 221

О необходимости предать себя воле Божией

Спаси Господи за письмо твое от 31 января. Святой Иоанн Златоуст и другие святые отцы, начиная говорить о чем-либо, всегда старались начинать со следующих слов: «Буди воля Божия над всеми нами! Слава Богу за все совершающееся, хотя бы совершающееся было и тяжким и горьким». Бог и в благодеяниях Своих многомилостив, и в наказаниях Своих многомилостив. Дело каждого христианина понять и признать эту истину.

Нередко случается, что по смотрению Божию отнимается что-либо вещественное и временное, а взамен его дается нравственное и духовное, вечное. А люди, привязанные к веществу и временной жизни, скорбят, не понимая, что они возводятся к бесценным, высшим благам. Предание себя воле Божией приносит сердцу успокоение и утешение при всех скорбях. Это я говорю по своим частым опытам, но уверен, что и опыты каждого человека подтвердят то же, если он настроит себя по духу святых отцов. Слухи о моем перемещении здесь продолжаются, но ты не говори о них для празднословия и со всяким.

Услышав о кончине Митрополита Григория, я понял, что

должен получить другое назначение, потому что с переменою высшей власти обыкновенно бывает значительное изменение в административных планах.

Епископ Игнатий.

16 февраля 1861 года.

Письмо 222

О собственном стремлении в уединение

...Я, видя, что дни мои, яко сень, уклоняются, а силы крайне слабеют, сверх того, имея давнишнее желание окончить дни свои в уединении, подал прошение в Священный Синод об увольнении меня от управления епархией и о предоставлении мне в управление общежительного Бабаевского монастыря Костромской епархии. Сделав это, я ощутил в душе моей особенное чувство спокойствия и даже тихой радости, как по исполнении своего долга. Не с моим наведением жить в видных местах и занимать видные должности. А теперь – и не с моими силами и здоровьем. Если же поколебаться от двоедушия и благое намерение удаления для покаяния отлагать день за день, к чему лестью влечет враг спасения нашего, под различными предложениями благовидными, то можно в таком двоедушии и нерешительности провести всю земную жизнь и быть застигнутым смертию в неготовности. Бабайки – место уединенное, мало посещаемое, особливо зимою вовсе не посещаемое, сухое и здоровое, при реке Волге. Если Бог дарует мне этот приют, то он может сделаться приютом для многих истинно желающих спасения вдали от шумного мира.

Попроси от меня отца Архимандрита И., чтоб он поговорил обо мне митрополиту, а если нельзя прямо, то через преосвященного викария. Основание в том, что многие ученые монахи имеют обо мне самое превратное понятие, судя по себе. Преподобный Исаия Отшельник сказал: «Как полотно сохраняет признак той краски, в которую оно было окрашено в первый раз, сколько бы его после ни перекрашивали, так и монах сохраняет в себе на всю жизнь отпечаток того направления, которое он получил первоначально, вступая в монастырь». Совершенная истина! Вижу это на себе и на других. Академические иноки, вступая в монашество с целью служения Церкви в ученом и административном отношениях, сохраняют это направление, и новоявленный угодник Божий святитель Тихон, оставив епископскую кафедру, сперва скучал в монастырском уединении, будучи лишен административной деятельности. То же самое замечено и на других. Я, напротив того, проведя начало моего иночества в уединеннейших монастырях и напитавшись понятиями самой строгой аскетики, сохранял это направление в Сергиевой пустыни, так что в моей гостиной я был репрезентательным архимандритом, а в кабинете скитянином. Здесь продолжается то же самое, только в большей степени: так сроднился с келлией, что с трудом могу принудить себя выйти в сад, чтоб доставить себе необходимое для здоровья уединение. Такого направления моего многие и не подозревают, а потому сочиняют для меня направление, вполне чуждое мне,

что мне и писал покойный митрополит Григорий. Удовлетворив моему прошению, доставят двойную плату: 1) меня не только успокоят, — облагодетельствуют, предоставив мне жительство, удовлетворяющее моему направлению; 2) успокоят тех, которые видят во мне разные замыслы, опасные или неприятные для них. И второй пункт для меня очень важен. Преподобный Пимен Великий сказал: «Не живи там и так, где жительство твое приносит смущение ближним, иначе и ты лишаешься духовного плода единственно по той причине, что жительство твое приводит ближних в смущение».

Кроме просьбы в Синоде я писал и просительные письма к митрополитам Московскому и Петербургскому и обер-прокурору. Прощение послано 24 июля, следовательно, переговором надо поторопиться.

Епископ Игнатий.

31 июля 1861 года.

Письмо 223

О своей жизни в Бабаевской обители

Не могу нарадоваться настоящему моему положению. После долгих страданий среди бурного житейского моря Бог привел в тихое пристанище. Все устроилось как нельзя лучше. Еще прежде моего прибытия здешний настоятель исходатайствовал себе другое настоятельское место, а потому естественно, что Иустин заступил его место к общему удовольствию братства, коего налицо более восьмидесяти человек. Монастырь – особенно удобный для монашеской жизни во всех отношениях! Воздух и вода прездоровые.

30 октября 1861 года.

Письмо 224

Выражение полного удовлетворения жизнью в Бабаевском монастыре и о своем здоровье

Я очень доволен тем, что дали, полагал, что вовсе ничего не дадут. Когда данное достаточно, то не сообразно с монашескою совестью хлопотать о большем. Если что здесь поудержали, то встретим многоумноженным в будущем веке. Время наступило такое, в которое наиболее надо думать о вечности: годы ушли, здоровье и силы оставили. Не видать, как подкрадется и смерть. Местом я очень доволен: самое уединенное! Никто не беспокоит. Выздоровления ожидать мне нельзя, потому что очень истощился и болезнями, и лечением. Разве последует какое особенное чудо по Промыслу Божию. Не должно льстить себе предположением долгой земной жизни, вернее, частым воспоминанием о смерти стараться сделать ее менее страшною в час ее прихода.

Минеральные воды сильно погнали из меня простуду и золотуху: это продолжается и теперь, держит всегда в трудном положении, а по временам приводит и в весьма трудное. За все слава Богу!

Епископ Игнатий.

P.S. При проезде через Москву посмотрел на преуспевших земным преуспеянием. Ничего завидного нет, напротив того, многое показалось достойным сожаления.

10 декабря 1861 года.

Письмо 225

Желание видеть своих друзей душевыми очами и благодарение Бога за жизнь в Бабаевской обители

Спаси Господи за письмо твое и за благодушие, с которым претерпеваешь находящее. Все мимо идет, и хорошее, и худое, а ни человеки, ни бесы не могут сделать того, чего Бог не попустит. Если встретишь затруднение в получении отпуска, то лучше и не начинать, тем более что в поездке никакой крайности нет. В особенности же отец архимандрит должен быть осторожным и для себя, и для обители. Я отнюдь не желаю видеть вас чувственными очами, а желаю видеть душевыми очами в благочестивом преуспейании, в жительстве во страхе Божиим. Сего для меня предовольно. Сегодня в 4-й раз в течение зимы вышел из келлии в церковь.

Слава Богу за все! В 1856 году, кажется, я именно для того и возобновил знакомство с оптинскими, чтоб еще более разойтись с ними. Промысл Божий избавил и от Ювеналия, который не понес бы моих немощей. Теперь я в своем кругу! Среди братий, несущих мои немощи. Весьма сошелся с отцом Феофаном, бывшим Никифоровским, который здесь помаленьку старчается. И прежнее братство бабаевское простое, с пустынным направлением мне, старику,

на руку. Монастырь преуединенный, особливо зимою. Слава Богу, давшему покой после продолжительного обуревания. Здоровьишко очень слабо. И за то слава Богу!

Епископ Игнатий.

10 марта 1862 года.

Письмо 226

О земной и о будущей жизни

Милосердый Господь да дарует тебе терпение, которое является в душе тогда, когда мы отдаем себя воле Божией и благодарим Бога за скорбь, посланную во очищение грехов наших. Прекрасно сказал святой мученик Тивуртий о земной жизни (Четьи-Минеи 22 ноября): «Мнится быти, и несть». Точно! Она будто и пред глазами и в руках, а все ускользает. О будущей жизни Тивуртий сказал: «Мнится не быти, и есть». Точно, когда здесь живем, то представляется, что и всегда здесь останемся жить; будущая жизнь представляется несуществующею. Но нет! Не видать, как наступит, и наступит непременно. Блаженны те, которых Бог приготовляет к вечности болезнями и другими скорбями, которые из среды скорбей своих исповедаются Богу. «Достойное по делам моим приемлю! Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!»³⁸⁹

У меня болят руки и ноги, особенно болит правая нога, очень болит голова, но главная боль в левом боку, по всей нижней части груди и ребер даже до левого плеча, паче же около сердца. В этом месте по временам чувствую боль, как бы от язвы копием, отчего прихожу в крайнее изнеможение и чувствую себя как бы умирающим. Спаси Господи за изве-

щение о кончине Шереметьева. Господь посетил его тяжкою болезнию. Полезно слышать о смерти знакомых, такими известиями своя смерть напоминает.

Как внезапно, без особенной видимой причины самые свежие кровь и плоть зачинают в себе и из себя зародыш смерти! Этот зародыш начинает развиваться и вдруг разовьется в неизлечимую болезнь, которая укладывает человека в гроб.

Епископ Игнатий.

22 апреля 1862 года.

Письмо 226

Об особом характере собственных сочинений и о причинах этого

[...]

Относительно моих сочинений тебе известно, что я писал их для себя и для коротких, немногих знакомых моих, из настроения, полученного и усвоенного монастырскою жизнью. Не удивительно, что это настроение в некоторых оттенках представляется отделяющимся от настроения благочестивых иноков, даже святых, но заимствовавших свое настроение в духовных училищах. Для примера укажу на превосходные во всех отношениях сочинения святого Тихона Воронежского. Мои сочинения, несмотря на многие их недостатки в духовном и ученом отношениях, иного характера. Я полагаю необходимым сохранить этот характер и не перекраивать их на академический образец, в противном случае оставить ненапечатанными, тем более что они не с этою целью были писаны и самим мною признаются недостойными того.

Здесь, в уединении, оглядываясь на прошедшую жизнь и усиливаясь раскаянием ослабить силу моих согрешений, приношу раскаяние и в составленных сочинениях, признавая их

грешными пред Богом и слова их недостойными предмета. При всем том и для многих монахов, славных своею аскетическою жизнью, например для Оптинских, мое настроение остается очень неясным, ибо их настроение образовалось от деятельной жизни телесной, столько видной для мира и прославляемой им, а мое от вынужденного болезнями и другими обстоятельствами затвора и сопряженного с ним душевного делания и подвига, невидного и непонятного для мира. Это-то настроение и проявляется повсюду в моих сочинениях, как они ни недостаточны, и делает их своеобразными. Они по характеру подходят к писаниям древних аскетов.

Настала осень, закупоривают на зиму окна, и я закупориваюсь в моих комнатах по необходимости, не только по произволу. Что делать? Надо идти тем путем, который указан Промыслом Божиим.

Испрашивающий твоих святых молитв недостойный

Епископ Игнатий.

6 сентября 1862 года.

Письмо 227

О своем уединении и о строгости жизни в Бабаевском монастыре

Спаси тебя Господь за письмо твое от 5 января. Справедливо говоришь, что Бог даровал мне в свое, известное Богу время то, чего я давно и постоянно ждал, но к чему не был готов. «Безмолвие, – говорит святой Иоанн Лествичник, – неопытных погубляет». Прошу твоих молитв, чтоб дарована была мне премудрость употребить должным образом время, дарованное на покаяние и приготовление себя к вечности.

О себе рассуждай с осмотрительностью. Здешнее место не Сергиева пустыня.

Так называемыми талантами, при которых позволяют себе гордость, самоволие и другие послабления, здесь не дорожат, а дорожат сохранением монашеского направления. Нарушителю монастырских правил и благочиния, кто бы он ни был, выдается непременно билет для приискания себе другого места. А потому желающий здесь жить должен предварительно приуготовиться к покаянию, которое определяется святым Иоанном Лествичником так: «Покаяние состоит в постоянном утеснении чрева и сокрушении духа». С иным уготовлением лучше сюда не вступать. Место здешнее – уединенное, способствующее вниманию себе и покаянию;

в города и села братии не позволяется отлучаться, в гостиницу без спросу не ходят, женского пола в келлии к себе не принимают.

Очень буду рад посещению отца архимандрита, но заблаговременно могу сказать, что к советам я потерял способность, если и имел ее. Потрудись передать мой усердный поклон и благословение братии и болящему Иоанну Дементьевичу, коему желаю скончать земное течение свое в покаянии и надежде на единственную надежду нашу – Господа Иисуса Христа, Бога и Искупителя нашего. [...]

Епископ Игнатий.

И паки прошу твоих святых молитв.

17 января 1863 года.

Примечания

¹ В письмах в основном сохранено правописание, свойственное эпистолярному наследию времени.

² Пс. 118, 175.

³ Пс. 16, 4.

⁴ Пс. 37, 19.

⁵ *Прп. Исаак Сирин. Слово 58.*

⁶ См.: 1 Фес. 5, 3.

⁷ Ин. 14, 27.

⁸ См.: Мф. 6, 4.

⁹ См.: «Добротолюбие»: В 5 тт. Т. 5.

¹⁰ 1 Кор. 6, 7.

¹¹ Ин. 6, 68–69.

¹² *Прп. Исаак Сирин. Слова 26, 27, 28.*

¹³ *Прпп. Каллист и Игнатий. Гл. 14.*

¹⁴ Мф. 18, 7.

¹⁵ Лк. 6, 25.

¹⁶ 1 Кор. 5, 9–11.

¹⁷ *Прп. Исаак Сирин.*

¹⁸ Деян. 9, 16.

¹⁹ Мк. 10, 39.

²⁰ Ин. 18, И.

²¹ Иак. 1, 12.

²² Евр. 2, 18.

²³ Иак. 1, 17.

²⁴ Мф. 4, 16.

²⁵ *Игнатий (Брянчанинов), еп. Письма. Письмо № 3.*
С. 8–9.

²⁶ 1 Кор. 2, 2.

²⁷ Пс. 50, 5.

²⁸ См.: Еккл. 10, 4.

²⁹ Пс. 77, 9, 67.

³⁰ См.: Мф. 18, 16.

³¹ Мф. 21, 29, 30.

³² Мф. 7, 2.

³³ Ис. 54, 1.

³⁴ См.: Быт. 8, 21.

³⁵ Пс. 44, 11, 12.

³⁶ Еф. 6, 12.

³⁷ Пс. 117, 14.

³⁸ 2 Кор. 12, 9.

³⁹ Лк. 8, 15.

⁴⁰ См.: Мф. 6, 24.

⁴¹ Пс. 37, 19.

⁴² Пс. 77, 12.

⁴³ Пс. 118, 18.

⁴⁴ Лк. 6, 36.

⁴⁵ Пс. 118, 96.

⁴⁶ Мф. 16, 22.

⁴⁷ Мф. 16, 23.

⁴⁸ Мф. 16, 24–25.

⁴⁹ Гал.2,20.

⁵⁰ Мф. 25, 40.

⁵¹ См.: Иак. 1, 12.

⁵² См.: Деян. 14, 22.

⁵³ Мф. 10, 38.

⁵⁴ Ин. 4, 21, 23.

⁵⁵ Ин. 5, 7.

⁵⁶ Мф. 28, 20.

⁵⁷ См.: Мф. 25, 12.

⁵⁸ Пс. 33, 19.

⁵⁹ Пс. 33, 16.

⁶⁰ См.: Сир. 7, 39.

- ⁶¹ Мф. 10,22.
- ⁶² См.: Евр. 10, 38.
- ⁶³ Пс. 84, И.
- ⁶⁴ Еккл. 1, 18.
- ⁶⁵ Чис. 13, 34.
- ⁶⁶ Чис. 13, 32.
- ⁶⁷ Чис. 13, 33.
- ⁶⁸ Пс. 17, 38–39, 43.
- ⁶⁹ Пс. 77, 9.
- ⁷⁰ 1 Кор. 1, 25.
- ⁷¹ См.: Мф. 26; Мк. 14; Лк. 22; 23; Ин. 17.
- ⁷² См.: Откр. 2, 17.
- ⁷³ Ин. 19, И.
- ⁷⁴ Деян. 2, 23.
- ⁷⁵ Деян. 3,17–18.
- ⁷⁶ Ин.5,7.
- ⁷⁷ Пс. 31, 8.
- ⁷⁸ Ин. 15, 5.
- ⁷⁹ Прп. Исаак Сирин. Слово 10.
- ⁸⁰ Прп. Исаак Сирин. Слово 11.
- ⁸¹ См.: 2 Кор. И, 13–15.

⁸² См.: Пс. 5, 7.

⁸³ Ин. 15, 5.

⁸⁴ «Добротолюбие». Гл. 74.

⁸⁵ Блаженны воскресим 1-го гласа на 6: «Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши, во Царствии Твоем»...

⁸⁶ 1 Ии. 1, 8.

⁸⁷ Гал.6,2.

⁸⁸ См.: Ии. 12,48.

⁸⁹ Евр. 2, 18.

⁹⁰ При. Иоанн Лествичник. Степень 4.

⁹¹ 2 Кор. 4, 5.

⁹² Ис. 8, 6.

⁹³ Ин. 8, 11.

⁹⁴ Гал. 6, 2.

⁹⁵ Иак. 4, 7.

⁹⁶ Мк. 2, 27.

⁹⁷ 1 Ин. 3, 3.

⁹⁸ Пс. 118, 96.

⁹⁹ См.: Мф. 16, 25.

¹⁰⁰ Лк. 17,21.

¹⁰¹ 2 Кор. 4, 5.

- ¹⁰² См.: Мф. 23, 8–9.
- ¹⁰³ 1 Пет. 4, 11.
- ¹⁰⁴ 1 Кор. 1, 13; 3,5, 6, 7.
- ¹⁰⁵ Ин. 3, 29, 30.
- ¹⁰⁶ 1 Кор. 4, 8.
- ¹⁰⁷ Лк. 1,53.
- ¹⁰⁸ Притч. 13, 7.
- ¹⁰⁹ Мф. 25, 29.
- ¹¹⁰ Мф. 4, 17.
- ¹¹¹ Пс. 18, 13–14.
- ¹¹² Мф. 11,29.
- ¹¹³ Пс. 75, 2.
- ¹¹⁴ Ин. 8,31,32.
- ¹¹⁵ Ин. 17, 17.
- ¹¹⁶ Ин. 15, 3.
- ¹¹⁷ Пс. 118, 86.
- ¹¹⁸ Ин. 14,21.
- ¹¹⁹ Ин. 15, 9, 10.
- ¹²⁰ Ин. 6, 63.
- ¹²¹ Пс. 118, 131.
- ¹²² Ин. 15, 5, 6.

- ¹²³ См.: Деян. 20, 24.
- ¹²⁴ Исх. 20,12.
- ¹²⁵ Быт. 1, 26.
- ¹²⁶ Исх. 32, 7,8.
- ¹²⁷ Втор. 4, 1.
- ¹²⁸ Мф. 10, 38; 12, 30.
- ¹²⁹ См.: Быт. 48, 22.
- ¹³⁰ Мф. 10, 30.
- ¹³¹ Лк. 21,19.
- ¹³² Мф. 24,13.
- ¹³³ См.: Евр. 10, 38.
- ¹³⁴ 1 Пет. 4, 19.
- ¹³⁵ Мф. 26, 45.
- ¹³⁶ См.: Лк. 23,41–42.
- ¹³⁷ Исх. 32, 29.
- ¹³⁸ 2 Цар. 11, 25.
- ¹³⁹ Иер. 48, 10.
- ¹⁴⁰ Пс. 140, 4.
- ¹⁴¹ Пс. 17, 30–31.
- ¹⁴² Мф. 12, 18–21.
- ¹⁴³ 1 Кор. 2, 15.

¹⁴⁴ 2 Кор. 5, 20.

¹⁴⁵ 2 Тим. 2, 5.

¹⁴⁶ См.: 2 Тим. 2,4.

¹⁴⁷ 2 Тим. 2, 3.

¹⁴⁸ Ис. 58, 2, 3.

¹⁴⁹ При. Исаак Сирин. Слово 58.

¹⁵⁰ Притч. 8,17. См.: «Добротолюбие». Ч. 1. Гл. 81.

¹⁵¹ Скитский патерик.

¹⁵² Мф. 13, 44.

¹⁵³ 1 Кор. 3, 18.

¹⁵⁴ Лк. 6, 7.

¹⁵⁵ Рим. 11, 16.

¹⁵⁶ Мф. 23, 26.

¹⁵⁷ Кол. 4, 2.

¹⁵⁸ Евр. 4, 12.

¹⁵⁹ Пс. 39, 1–4.

¹⁶⁰ Пс. 139, 1–4.

¹⁶¹ Пс. 7, 4–6.

¹⁶² 2 Дар. 11, 25.

¹⁶³ См.: 2 Пет. 3, 16.

¹⁶⁴ См.: Дели. 1, 7.

- ¹⁶⁵ 2 Цар. 10, 12.
- ¹⁶⁶ Втор. 7, 2–6.
- ¹⁶⁷ 2 Цар. 12, 30, 31.
- ¹⁶⁸ Нав. 5, 13.
- ¹⁶⁹ 2 Цар. 11, 25.
- ¹⁷⁰ Мк. 10, 49, 52.
- ¹⁷¹ 2 Кор. 4, 5.
- ¹⁷² Ин. 1, 29.
- ¹⁷³ 1 Кор. 15, 47.
- ¹⁷⁴ 1 Кор. 15, 49.
- ¹⁷⁵ Мф. 23, 8–10.
- ¹⁷⁶ Прп. Иоанн Лествичник. Степень 4. ¹⁷⁷ 1 Кор. 7, 23.
- ¹⁷⁸ Прп. Кассиан Римлянин.
- ¹⁷⁹ Лк. 22, 36.
- ¹⁸⁰ Пс. 23, 1.
- ¹⁸¹ Пс. 102, 22.
- ¹⁸² 2 Кор. 5, 9.
- ¹⁸³ Пс. 11, 2.
- ¹⁸⁴ Лк. 22, 42.
- ¹⁸⁵ Деян. 6, 2, 4.
- ¹⁸⁶ См.: Мф. 9, 29.

- ¹⁸⁷ См.: Втор. 2, 31.
- ¹⁸⁸ Пак. 4, 15.
- ¹⁸⁹ См.: Мф. 5, 37.
- ¹⁹⁰ Ин. 3, 4.
- ¹⁹¹ Лк. 5, 39.
- ¹⁹² Пс. 102, 1.
- ¹⁹³ Пс. 33, 9.
- ¹⁹⁴ 3 Цар. 19, 8.
- ¹⁹⁵ 3 Цар. 19, 12.
- ¹⁹⁶ Пс. 77, 24.
- ¹⁹⁷ Откр. 2, 17.
- ¹⁹⁸ Деян. 14, 22.
- ¹⁹⁹ См.: Пс. 65, 12.
- ²⁰⁰ См.: Пс. 93, 19.
- ²⁰¹ Пс. 72, 27.
- ²⁰² 1 Тим. 6, 20.
- ²⁰³ Пс. 2, 11.
- ²⁰⁴ См.: Пс. 136.
- ²⁰⁵ Мф. 22, 39.
- ²⁰⁶ См.: Лк. 23,41–42.
- ²⁰⁷ Мф. 5, 30.

²⁰⁸ Еф. 5, 15–16.

²⁰⁹ См.: Лк. 14, 28.

²¹⁰ См.: Евр. 2, И.

²¹¹ Пс. 118, 19.

²¹² Лк. 21, 19.

²¹³ Лк. 8, 15.

²¹⁴ См.: Лк. 21, 19.

²¹⁵ Мф. 24, 13.

²¹⁶ Лк. 21, 19.

²¹⁷ 2 Кор. 12, 9.

²¹⁸ Мф. 5, 20.

²¹⁹ Пс. 118, 54.

²²⁰ Пс. 76, 4.

²²¹ Мф. 26, 41.

²²² Лк. 21, 19.

²²³ Мф. 10, 22.

²²⁴ Быт. 3, 19.

²²⁵ Пс. 102, 5.

²²⁶ Ин. 6, 44.

²²⁷ Евр. 3, 12.

²²⁸ Быт. 3, 5.

- ²²⁹ Мф. 6, 34.
- ²³⁰ См.: Притч. 3,12; Евр. 12, 6.
- ²³¹ Мф. 5, 3, 6.
- ²³² Лк. 6, 25.
- ²³³ Евр. 5, 14.
- ²³⁴ См.: Мф. 18, 3.
- ²³⁵ Мф. 7, 2.
- ²³⁶ Мф. 26, 39.
- ²³⁷ Лк. 22,44.
- ²³⁸ См.: Пс. 67, 36.
- ²³⁹ Лк. 17, 5.
- ²⁴⁰ Притч. 12, 18.
- ²⁴¹ Притч. 9,10.
- ²⁴² Притч. 19, 17.
- ²⁴³ Притч. 25, 4–5.
- ²⁴⁴ Дан. 4, 24.
- ²⁴⁵ Деян. 14, 22.
- ²⁴⁶ Мф. 11,30.
- ²⁴⁷ Мф. 18, 20.
- ²⁴⁸ Ис. 53, 5.
- ²⁴⁹ Прп. Исаак Сирин. Слово 90.

²⁵⁰ Прп. Нил Сорский. Слово 1.

²⁵¹ «Лествица». Слово 4.

²⁵² Мф. 12, 37.

²⁵³ Быт. 37, 35.

²⁵⁴ Ин. 6, 28, 29.

²⁵³ Рим. 3, 28.

²⁵⁶ Рим. 3, 22–24.

²⁵⁷ Иак. 2, 20.

²⁵⁸ Мф. 25, 46.

²⁵⁹ Лк. 16, 23.

²⁶⁰ Мф. 12, 37.

²⁶¹ См.: 2 Кор. 10, 5.

²⁶² См.: Сир. 51, 34.

²⁶³ Лк. 11, 34–35.

²⁶⁴ Ин. 16, 13.

²⁶⁵ Мф. 5, 9.

²⁶⁶ Мф. 25, 36.

²⁶⁷ Мф. 16, 25.

²⁶⁸ Пс. 50, 19.

²⁶⁹ Пс. 140, 4.

²⁷⁰ См.: Мф. 11, 29.

- ²⁷¹ Флп. 4, 7.
- ²⁷² См.: Пс. 118, 96.
- ²⁷³ Пс. 50, 18–19.
- ²⁷⁴ Мф. 7, 16.
- ²⁷⁵ См.: Ин. 15, 19.
- ²⁷⁶ См.: 1 Кор. 3, 19.
- ²⁷⁷ 1 Кор. 2, 13–14.
- ²⁷⁸ Иуд. 1, 13.
- ²⁷⁹ 1 Кор. 3, 18.
- ²⁸⁰ Лк. 5, 38.
- ²⁸¹ См.: Мф. 9, 16; Мк. 2, 21; Лк. 5, 36.
- ²⁸² Ин. 8, 32.
- ²⁸³ Мф. 6, 22.
- ²⁸⁴ Деян. 2, 40.
- ²⁸⁵ Пс. 18, 10.
- ²⁸⁶ Мф. 25, 12.
- ²⁸⁷ См.: Пс. 50, 19.
- ²⁸⁸ Мф. 11, 29.
- ²⁸⁹ Деян. 14, 22.
- ²⁹⁰ Лк. 11, 35.
- ²⁹¹ Притч. 2, И.

²⁹² См.: Пс. 118, 160.

²⁹³ Пс. 106, 10.

²⁹⁴ Рим. 10,10.

²⁹⁵ Мф. 24, 11–12.

²⁹⁶ Лк. 18, 8.

²⁹⁷ Ин. 12, 49–50.

²⁹⁸ «Добротолюбие». Ч. 2. Каллиста и Игнатия о безмолвии и молитве. Гл. 15.

²⁹⁹ Рим. 10, 10.

³⁰⁰ Мф. 15, 14.

³⁰¹ Лк. 12, 32.

³⁰² Мф. 7,13–14.

³⁰³ 2 Пет. 1, 20–21.

³⁰⁴ 1 Кор. 2, 14, И.

³⁰⁵ При. Иоанн Лествичник. Слово 27, о безмолвии.

³⁰⁶ 1 Кор. 12, 28.

³⁰⁷ См.: 1 Кор. 7, 23.

³⁰⁸ Ин. 3, 29–30.

³⁰⁹ Лк. 18, 14.

³¹⁰ См.: Ин. 14,21.

³¹¹ Мф. 10, 34–36.

³¹² См.: Мф. 25.

³¹³ Кол. 3,14.

³¹⁴ Мф. 5,44.

³¹⁵ Мф. 10, 16–17,22.

³¹⁶ Пс. 138, 17.

³¹⁷ 1 Кор. 13, 4, 5.

³¹⁸ См.: Кол. 3,14; 1 Кор. 13, 4, 5.

³¹⁹ См.: Тит. 1, 15.

³²⁰ Пс. 118, 25.

³²¹ Лк. 12, 32.

³²² См.: 2 Кор. 4, 10.

³²³ См.: Ин. 12, 25.

³²⁴ См.: Ин. 8, 44.

³²⁵ Ис. 64, 6.

³²⁶ Пс. 29, 7, 8.

³²⁷ Прп. Исаак Сирин. Слово 78.

³²⁸ Он же. Слово 71.

³²⁹ Он же. Слово 85.

³³⁰ Мф. 18, 3.

³³¹ 1 Кор. 1, 10.

³³² Притч. 10, 9.

³³³ Прем. 1, 4.

- ³³⁴ Ин. 13, 27.
- ³³⁵ Ин. 19, И.
- ³³⁶ Пс. 138, 6.
- ³³⁷ Ин. 6, 63.
- ³³⁸ См.: Ин. 14, 23, 24.
- ³³⁹ См.: Ин. 15, 10.
- ³⁴⁰ См.: Ин. 14, 21.
- ³⁴¹ См.: Ин. 14, 22–23.
- ³⁴² Гал. 2, 20.
- ³⁴³ См.: 2 Кор. 13, 5.
- ³⁴⁴ См.: Пс. 118, 15.
- ³⁴⁵ Пс. 118, 19.
- ³⁴⁶ См.: 1 Кор. 2, 2.
- ³⁴⁷ «Святые отцы пустынь Востока».
- ³⁴⁸ См.: Мф. 7, 14–15.
- ³⁴⁹ См.: Флп. 3, 12–15.
- ³⁵⁰ Ин. 15, 5.
- ³⁵¹ Ин. 8, 11.
- ³⁵² См.: Пс. 118, 105.
- ³⁵³ См.: 1 Фес. 5, 17.
- ³⁵⁴ Гал. 3, 28.

- ³⁵⁵ Деян. 14,22.
- ³⁵⁶ См.: Гал. 6, 7.
- ³⁵⁷ Ин. 8, 32.
- ³⁵⁸ Ин. 17, 17.
- ³⁵⁹ Ин. 15, 3.
- ³⁶⁰ Мф. 12, 34.
- ³⁶¹ См.: Лк. 12,48.
- ³⁶² Еф. 5,15.
- ³⁶³ См.: Мф. 5, 19.
- ³⁶⁴ См.: Ин. 6, 44.
- ³⁶⁵ См.: 1 Кор. 3, 21.
- ³⁶⁶ См.: Мф. 10, 38–39.
- ³⁶⁷ См.: Мк. 8, 38.
- ³⁶⁸ Лк. 6, 25.
- ³⁶⁹ Мф. 26, 75.
- ³⁷⁰ Пс. 76, 3–4.
- ³⁷¹ Лк. 12, 7.
- ³⁷² Ин. 16, 33.
- ³⁷³ См.: Лк. 23,41–42.
- ³⁷⁴ Мф. 10, 38.
- ³⁷⁵ Евр. 11, 38, 37.

- 376 Откр. 3, 19.
- 377 Иов. 1, 21.
- 378 См.: 1 Кор. 10, 13.
- 379 См.: Лк. 21, 19.
- 380 Лк. 8, 15.
- 381 См.: 2 Пет. 2, 1.
- 382 См.: Мф. 7, 6.
- 383 Пс. 126, 1.
- 384 Рим. 14,4.
- 385 См.: Евр. 12, 6.
- 386 Пс. 94, 7.
- 387 См.: Мф. 7, 23.
- 388 Еф. 5, 15.
- 389 Из текста церковных песнопений.